

П. КОРНЕВ

ЧЕТАТИВ
ТОМ 2

Annotation

Восемнадцать лет — превосходный возраст для саморазвития. При грамотном подходе можно добиться многого, главное отыскать правильную мотивацию, а отыскав — не дать ей себя прикончить. Пусть ты уже худо-бедно оперируешь сверхэнергией, постигаешь основы права и криминалистики, неплохо дерёшься и уверенно обращаешься с табельным оружием, но всё же пока бесконечно далёк и от истинного могущества, и от настоящего профессионализма. И если в институте можно уповать на пересдачу, то на тёмных ночных улочках первый провал станет и последним. То, что не убивает оператора сразу, не убивает его вовсе? Ну да, ну да...

- [Павел Корнев](#)
 - [Часть первая. Провокация](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2/1](#)
 - [Глава 2/2](#)
 - [Глава 3/1](#)
 - [Глава 3/2](#)
 - [Глава 4/1](#)
 - [Глава 4/2](#)
 - [Глава 5/1](#)
 - [Глава 5/2](#)
 - [Глава 6/1](#)
 - [Глава 6/2](#)
 - [Часть вторая. Дестабилизация](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2/1](#)
 - [Глава 2/2](#)
 - [Глава 3](#)

- [Глава 4/1](#)
 - [Глава 4/2](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6/1](#)
 - [Глава 6/2](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Послесловие](#)
-

Павел Корнев
Негатив. Том II

Часть первая. Провокация

Глава 1

Дождаться первого февраля я не стал и, последовав совету Георгия Ивановича, позвонил на курсы контрольно-ревизионного дивизиона заранее. В итоге пришлось распрощаться с идеей поваляться с книжкой на койке и ехать в учебный центр ОНКОР, который располагался на северо-восточной окраине Новинска. Со стороны города его территория примыкала к промзоне, с противоположной тянулся обнесённый колючей проволокой полигон. Там порывивали танковые двигатели, трещали пулемётные очереди и время от времени громыхали взрывы.

На плацу отрабатывали строевой шаг пехотинцы, а на стенде сразу за проходным пунктом обнаружилась карта с отметками основных учебных корпусов. Курсы контрольно-ревизионного дивизиона проходили в неприметном двухэтажном здании на каких-то совсем уж глухих задворках, пришлось изрядно поплутать, прежде чем вывернул к его крыльцу.

Дежуривший на проходной сержант проверил документы и сверился со списком посетителей, после велел подниматься в двенадцатый кабинет. На двери того красовалась табличка «Ноготок Д.Г., заведующий».

Подтянутый господин в штатском, представившийся Денисом Гавриловичем, в пять минут оформил все необходимые документы и выдал стопку потрёпанных брошюр.

— Ничего секретного тут нет, но всё же исключи доступ к учебным материалам посторонних, — предупредил он, постучав пальцев по отметке «ДСП» на обложке верхней из книжиц. — Подготовку по рукопашному и ножевому бою будешь проходить на базе комендатуры, стрелковую — у нас.

Самостоятельным изучением пособий не пренебрегай, график обучения плотный, на одни только занятия уповать не стоит.

— Понял, — кивнул я. — А насчёт подготовки в комендатуре к кому обратиться?

— Спроси куратора, он подскажет, — заявил Денис Гаврилович, очевидно имея в виду капитана Городца. — Сюда подходи второго числа к половине третьего, и чтоб без опозданий!

На этом наше общение подошло к концу, и я получил возможность воплотить в жизнь своё намерение поваляться с книжкой на кровати. Только не следил за детективной интригой или ходом пиратских сражений, а пытался вникнуть в области знания, предельно далёкие от меня до сегодняшнего дня.

Принципы организации наружного наблюдения, способы выявления слежки и варианты ухода от неё, ведение допросов и основы вербовки, организация законспирированных ячеек, тайников и явочных квартир, использование шифровальных блокнотов и прочих средств тайной связи, порядок ведения обысков, официальных и негласных, мотивация сексотов и прочая, прочая, прочая. Вишенкой на торте стал разговорник айлийского, оксонского, срединского, нихонского и диалекта северных провинций Джунго. Содержавшийся в них словарный запас не мог похвастаться разнообразием, но способностью к языкам я сроду не отличался и вовсе не был уверен, что сумею понять хоть что-нибудь из ответов на свои вопросы о полученном задании, местных пособиях и расположении военной части.

Ещё и прятать от Василя всё это добро приходилось, иначе моё увлечение столь странной литературой повлекло бы за собой совершенно ненужные расспросы и подозрения.

В среду впервые отправился на занятие в институт. Накупил тетрадей и заранее заточил сразу три карандаша, а уже перед выходом сообразил, что их попросту не в чем нести. Пришлось брать вещевой мешок, что вид мне придало откровенно нелепый.

Но деваться было некуда — подвёл карманные часы по сигналам точного времени и выдвинулся к психиатрической клинике, где условился встретиться со Львом. А там оказался изрядно фраппирован тем обстоятельством, что мой бывший одноклассник отправился на занятия не своим ходом и даже не на извозчике, а на персональном автомобиле. И не какой-нибудь малолитражке, вовсе нет! Рядом со мной притормозил длинный седан! Место водителя было отделено от пассажирских сидений шторкой, а самих сидений оказалось два: одно напротив другого.

Лев с упёртой в пол тросточкой восседал на заднем, глаза его закрывали круглые непроницаемо-чёрные очки слепца. Я так удивился, что даже не сразу заметил расположившуюся напротив моего товарища барышню — строгую, спортивную и вполне симпатичную, но не более того. На вид ей было года двадцать два.

— Падай, Петя! — Лев хлопком по сиденью пригласил присоединиться меня к нему и представил спутницу: — Это Милена.

Я уселся рядом с товарищем, захлопнул дверцу и уточнил:

— А Милена у нас...

— Ну... — Лев выпятил губы. — Сиделка-секретарь, наверное. Опекун. Нянька. Чёрт, я думал, ты первым делом об очках спросишь!

Я только фыркнул.

— Да мне бы с мыслями собраться! И да — очки тебе зачем?

Автомобиль тронулся с места, покатыл очень плавно и мягко, тогда Лев слегка расслабился, откинулся на

спинку и сказал:

— Для начала решили свести к минимуму все отвлекающие факторы. Если стану ориентироваться исключительно на сверхъестественное чутьё, будет меньше шансов, что упущу его из-под контроля.

— Ну ты вообще! — только и протянул я. — Какие предметы хоть выбрал?

Мы сверили наше сегодняшнее расписание и обнаружили, что совпадает только первая пара общей теории сверхэнергии. Да, собственно, никаких других занятий Лев на этой неделе посещать больше и не собирался.

— Посмотрим, как пойдёт, — вздохнул он и нервно стиснул тросточку.

Оставалось лишь посочувствовать товарищу. И сам потерялся, когда первый раз в институт зашёл, а у меня лишь урезанный эрзац ясновиденья, не полноценный дар. Как бы у Льва мозги не закипели от перенапряжения. Сверхэнергетических помех там — мама не горюй!

Ещё было интересно, как далеко распространяется влияние покровителей моего бывшего одноклассника. Всерьёз ожидал, что автомобиль проедет на территорию студгородка через служебные ворота, но нет — водитель обогнул сквер с фонтаном у центрального входа и подрулил к мраморному крыльцу, помпезному и украшенному барельефами и статуями.

Спешившие на занятия студенты принялись замедлять шаг, а уж когда первой выбравшаяся наружу Милена придержала дверцу для Льва, стали оборачиваться даже те, кто проигнорировал появление автомобиля. Я покинул салон, поглядел по сторонам и проклял всё на свете за опрометчивое решение надеть плащ и прихватить вещмешок. Деревенщина — деревенщиной, право слово!

Лев растерянности никак не выказал, позволил Милене взять себя под руку и двинулся к ступеням, постукивая тросточкой по брусчатке. Я двинулся следом, чувствуя себя откровенно не в своей тарелке.

— Увидимся на паре, — шепнул товарищу и, предъявив на входе карточку вольного слушателя, свернул в служебный коридор.

Рядом невеста откуда возник средних лет господин в неброском костюме-тройке и с красной повязкой на рукаве.

— Молодой человек, постойте!

Я развернулся, раскрыл удостоверение ОНКОР и сказал:

— Сегодня с трёх до семи у вас дежурю. Можно вещи закинуть, чтоб с собой не таскать? Там ничего ценного нет.

Вахтёр наморщил лоб.

— Линь... Линь... Линь... — забормотал он, потом прищёлкнул пальцами. — Да, точно! Тебя на служебный вход поставили, туда иди.

— Туда — это куда?

— Прямо по коридору. Никуда не сворачивай и не промахнёшься.

Я поблагодарил вахтёра, направился в указанном направлении и действительно — не промахнулся, хоть под конец и начал подозревать, что забрёл куда-то не туда, очень уж протяжённым оказался коридор.

Привёл он меня в вестибюль с лифтами, и тут было далеко не столь многолюдно, как на центральном входе, да и публика показалась старше основной массы студентов; надо понимать, через эту проходную в институт попадали исключительно преподаватели, аспиранты и лаборанты. Дежурило там два сонных вахтёра, и зачастую они даже не просили предъявлять удостоверения — с кем-то раскланивались, с кем-то здоровались. Оба были операторами.

Тут же на лавочке обнаружился Михей, он подошёл поздороваться, заодно представил меня, и вахтёры не прогнали взащей, только предупредили, что работать буду с их сменщиками, а после старший в паре проводил до караульного помещения и отпер дверь.

— Поживей давай, самый час пик начинается! — сказал он, запуская меня внутрь.

Убрать плащ и кепку на вешалку, вытянуть из мешка тетради и карандаши, а после сунуть его под диван много времени не заняло. Дальше я заскочил в уборную и погляделся в зеркало, привёл в порядок причёску, шумно вздохнул, пытаюсь унять совершенно иррациональную дрожь.

Ну вот чего волнуюсь, а? Имею право тут находиться, не в частном клубе — на улицу не выставят. И студенты от учащихся энергетического техникума ничем кроме витка инициации не отличаются. Тут, если разобраться, интеллектуалов не сильно больше, и я их почти всех уже знаю, пиетета никакого не испытываю, а некоторым так и вовсе с превеликим удовольствием нос бы сломал.

Ну так чего ж меня морозит всего?!

Кое-как подавил нервную дрожь, отправился на поиски нужной аудитории. Пока плутал по коридорам, не забывал поглядывать по сторонам, и в итоге решил, что отличаюсь от студентов разве что отсутствием значка с символикой института, номером разряда или витка и румба инициации. Впрочем, таковые были далеко не у всех, попадались молодые люди и без них, о барышнях и не говорю. Так что — я как все. Голова, две руки, две ноги, туловище. Костюм получше, чем у многих, туфли так и вовсе отличные. Разве что папки какой-нибудь остро не хватает; иду, как дурак, с тетрадями в руках.

Ещё подметил, что многие студенты клевали носами на подоконниках и скамейках, будто подъём к первой

паре стал нешуточным испытанием для их не очень-то и спортивных организмов. А мне нормально — по общей побудке в шесть утра как огурчик встал.

Иногда в коридорах встречались что-то оживлённо обсуждавшие компании, через них не проталкивался, предпочитая обходить. Всё время ждал встречи с кем-нибудь из знакомых, но так никого и не встретил. Оно и немудрено: такая прорва народу учится!

Двери нужной аудитории стояли открытыми нараспашку, они вели на верхний ярус, а по проходу между рядами парт вниз уходила лестница; у дальней стены располагались кафедра лектора и доска. Занято оказалось не больше четверти мест, но гул в помещении стоял такой, будто то было забито под завязку. Впрочем, болтали далеко не все. Несколько человек затеяли игру в карты, а кто-то кемарил, подложив под голову руки.

Лично я предпочёл бы расположиться поближе к выходу, тем более что заметил там Мишу Поповича, но Лев — или же его спутница? — выбрал первый ряд, пришлось спускаться и садиться рядом.

— Когда с Палинским знакомиться пойдёшь? — спросил я товарища, понизив голос.

— После лекции. На завтра уже практические занятия назначены.

Этим наше общение и ограничилось, поскольку появился лектор, и все мигом заткнулись и встали за партами, игральные карты исчезли в мгновение ока, и даже засони подскочили как по сигналу будильника.

Преподаватель — представительный и солидный, с явственно наметившимся животиком и аккуратной бородкой, — поприветствовал всех и разрешил садиться, потом начал читать вступительную лекцию. Та особого впечатления не произвела, но вот после короткой перемены речь зашла о действительно интересных вещах. Интересных и сложных.

Конспектировал я, не переставая, даже не затачивал карандаши, просто менял их по мере стирания грифеля на новые. В отличие от меня, Лев лишь слушал, записи за него делала Милена.

Позавидовал даже ему под конец. Сроду писать столько не приходилось, да и чем дальше, тем сильнее в голове нарастало давление. Всё из-за того, что по своему обыкновению набрал потенциал во время резонанса. Решил, будто в достаточной степени освоил технику заземления, и поначалу, пока бегал по институту, действительно никаких неприятных ощущений не испытывал, но вот на лекции буквально физически ощущать стал, как сверхэнергия в противофазе стремится просочиться наружу, притягиваемая потенциалами других операторов. Ни на миг самоконтроль ослабить не мог.

Когда прозвенел звонок и сошедшего с кафедры лектора окружили три барышни и пара молодых людей, я с облегчением перевёл дух, а потом шепнул сидевшему прямо-прямо, будто шпагу проглотил, приятелю:

— Ты часом не уснул?

Тот улыбнулся уголком рта.

— У меня сейчас голова лопнет, — сознался Лев, поднялся и покачнулся, едва устоял на ногах, всерьёз опёрся на тросточку, предназначенную совсем для другого.

Следующая пара должна была начаться только через пятнадцать минут, и я предложил:

— Давай провожу.

— Да вот ещё!

— Всё равно заняться нечем.

Милена взяла Льва под руку и направила его к лестнице, но у меня возникло впечатление, что в этом не было ровным счётом никакой нужды. Понятия не имею как, только мой товарищ чем дальше, тем лучше

ориентировался в пространстве, несмотря даже на непрозрачные стёкла очков. Но вот в запылённом студентами коридоре он всё же потерялся, там целиком и полностью положился на Милену. Мы подошли к лифту, и какой-то торопыга с удивительной непосредственностью вознамерился влезть перед нами без очереди, ещё и походу оттер Льва плечом.

Среагировал я совершенно машинально. Вклинился между товарищем и навалившимся на него нахалом, поставил свой полуботинок вплотную с лакированной туфлей студента и легонько двинул оппонента плечом. За счёт выигрышного положения в чрезмерных усилиях не возникло нужды, и отнюдь не самого хлипкого сложения парень с неприятно-бугристым лицом не удержал равновесия и оказался прижат к стене.

— Прощу прощения, — улыбнулся я и на миг задержался, дав возможность пройти в кабину Льву, а после шагнул следом сам.

Лифтёр закрыл дверцы перед носом обескураженного крепыша, и тогда Милена негромко сказала мне:

— В этом не было нужды.

Я лишь пожал плечами, не став доказывать собственную правоту. Было бы перед кем распинаться! Опять же — не время и не место.

На кафедре феномена резонанса я надолго не задержался, лишь показался на глаза профессору Палинскому и сразу откланялся, поспешив на следующее занятие. Второй парой стояли основы криминалистики. Читали её в аудитории существенно меньших размеров, а среди студентов совсем не оказалось представительниц слабого пола. Худой будто щепка преподаватель беспрестанно курил папиросы и покашливал, его усы от табачного дыма сделались рыжевато-сизыми, а сам он совершенно точно не был оператором. Но слушали его внимательно, никто не

отвлекался на разговоры с соседями и не скучал. Такое впечатление, кроме меня первокурсников тут и не было вовсе.

За окном потемнело, принялись стучать по отливам капли дождя, и с непривычки начало клонить в сон, чуть челюсть не вывернул, пытаюсь справиться с зевотой. Впору было порадоваться, что на заднюю парту сел. Наверное, задремал бы даже, но приходилось прилагать постоянные усилия, дабы удержать под контролем внутренний потенциал.

И ведь не слить его тут никак! Придётся алхимической печью пережигать, иначе точно голова лопнет...

Вторую длинную перемену решил потратить на поиски столовой. Найти — нашёл, но хоть в просторном помещении и работало сразу несколько раздач, очереди к ним выстроились изрядные, да и свободных столиков уже не осталось. Подозреваю, спокойно перекусить тут реально было только во время лекций, но у меня окон в расписании сегодня не было. Ещё в целях рекогносцировки прошёл по этажам и наткнулся на буфет, где было далеко не столь многолюдно, но талоны не принимали, а цены не порадовали категорически. Поймал ртом струйку фонтанчика с питьевой водой да и двинулся обратно к лестнице.

По пути обратил внимание на компанию крепких молодых людей с одинаковыми стрижками, отчасти напоминавшими мой собственный «бокс». Говорили они на рубленном тяжеловесном языке — в гимназии изучал оксонский, узнал его сразу.

Я несколько даже растерялся. Почему-то полагал, будто после провозглашения независимости их квоту от Лиги Наций закроют, а учащихся вышлют, но вот они — пьют кофе, лопают булочки и кажутся вполне довольными жизнью. Странно.

В запасе оставалось минут пять, и я заскочил перед парой в туалет, а когда уже споласкивал руки, вновь хлопнула дверь. Оглянулся и обнаружил, что ко мне присоединился худощавый паренёк в просторных брюках и пиджаке нараспашку.

— Новенький, да? — спросил он с неприятной такой ухмылочкой.

Внутри всё заныло в предчувствии неминуемой драки; удивился даже этому полузабытому ощущению. Не иначе атмосфера учебного заведения свою роль сыграла, снова гимназистом себя ощутил.

— Чего молчишь? — продолжил наседать на меня паренёк. — Новенький же?

— Допустим, — коротко ответил я, ожидая развитие событий.

— У нас тут свои порядки! Если что-нибудь выкинешь — мигом в бараний рог скрутим! Усёк?

И тут я его узнал. Сначала вспомнилась отрывистая жестикуляция, а потом и наглая физиономия. Точно! Именно этот задохлик с двумя приятелями пытался взять меня в оборот тем летом в городском парке. Тогда вмешался Карл, а сейчас...

Я улыбнулся и шагнул вперёд.

— Малыш, у тебя от рождения с памятью плохо или часто по голове били?

— Чё?

Коротышка нахохлился, но я был выше и — кто бы мог подумать! — тяжелее, поэтому заставил его попятиться к входной двери.

— Да ты знаешь, с кем связался, а?

— Знаю, — подтвердил я, наступил пареньку на ногу и легонько пихнул плечом.

Отступить тот не смог, опрокинулся на дверь, распахнул её и вывалился из уборной. Я шагнул следом и протянул руку, но коротышка предпочёл подняться с пола самостоятельно.

— Тебе конец! — выкрикнул он излишне громко; начали оборачиваться студенты.

— Ты аккуратней давай. Падение на задницу сотрясение мозга вызвать может, — заявил я с улыбкой, столь же безмятежной, сколь и фальшивой. — А ещё копчик сломать можешь, тогда вообще беда.

— Поговорим ещё! — многообещающе прозвучало в ответ, и паренёк отошёл к компании студентов, наблюдавших за нами со стороны.

Среди них обнаружился и тот, которого Карл поименовал Северяниным. Но удивило другое: там же стоял и торопыга с бугристым лицом, и вот это обстоятельство на простое совпадение уже несколько не походило.

Послышался смех, и от группы спортивного вида студентов донеслась ехидная реплика:

— Ну что, Север, съел?

Я воспользовался моментом и двинулся к лестнице. Ситуация показалась какой-то очень уж наигранной. В институте куча народа учится, а цепляться в первый же день начали именно ко мне. И ладно бы на общем фоне как-то выделялся — так нет же! Но вот кто выделялся — так это Лев. Его появление в чёрных очках и с тросточкой точно событием дня стало. Быть может, дело именно в этом?

Предположение показалось небезынтересным, решил при первом же удобном случае поделиться им с Альбертом Павловичем. Ну а сейчас пора было бежать на лекцию.

Третьей и последней на сегодня парой у меня были основы психологии, заскочил в аудиторию уже непосредственно перед самым звонком, и три последних ряда оказались заняты, пришлось садиться чуть ниже.

— Представляешь, он два года в лучшей психиатрической клинике Ведуны стажировался! —

поведала соседке барышня с соседней парты, но подробностей не последовало, поскольку через вторую дверь зашёл лектор.

Это был молодой человек лет двадцати семи — тридцати, стройный и подтянутый, в отлично пошитом костюме. Он положил небольшой кожаный портфель на стол, встал за кафедру и, разрешив присутствующим садиться, представился:

— Меня зовут Эрнест Карлович Рейс, я — магистр психологии...

Хорошо поставленный голос, негромкий, очень ровный и мягкий, легко перекрыл шепотки, и студенты враз смолкли, шепотки как отрезало. Первый академический час лекция шла под аккомпанемент едва слышного шуршания грифелей карандашей и скрипа стальных перьев, а вот на второй половине занятия магистр стал работать с аудиторией, вовлекать в обсуждение студентов с первых рядов, приводить примеры из древней и классической литературы, и я даже не заметил, как пролетели эти сорок пять минут.

— Такой красавчик! — шепнула подружке моя соседка и предложила: — Давай подойдём!

Барышни начали спускаться по проходу, и пообщаться с лектором на перемене захотели отнюдь не только они одни. Среди окруживших кафедру девушек затесалось и несколько молодых людей, ну а я быстренько собрался и поспешил в столовую, пока туда не успели набежать оголодавшие студенты. Мои талоны на питание вопросов не вызвали, рассчитался ими за обед, ещё и с Мишей Поповичем скооперировался. Я взял картофельное пюре, он тушёную капусту, вот и сообразили сложный гарнир.

— Не цепляли тебя? — уточнил, когда приступили к трапезе.

Миша аж вилку до рта не донёс.

— Нет. А кто?

— Да есть тут деятели. Если что — обращайся.

Дальше я отправился в библиотеку, где и просидел до половины третьего, после чего отправился в больницу. Перед кабинетом Лизаветы Наумовны как обычно толпились пациенты, но я с важным видом прошествовал мимо очереди, а в ответ на недоумённые возгласы объявил:

— Доставка документов!

На левой руке у меня для пущей важности была повязана красная повязка, и никто возмущаться не стал. Я постучал в дверь, после приоткрыл её и обнаружил, что Лизавета не ведёт приём, а заполняет какие-то бумаги.

— Лизавета Наумовна, здравствуйте! Я табели принёс, как договаривались.

Та отложила ручку, взглянула на меня и разрешила:

— Проходи, Пётр.

Увы, за вторым столом тётенька в белом халате беседовала с конопатой студенткой, и разговора с глазу на глаз не получилось. Я опустился на стул для посетителей и протянул два листа. Пояснил:

— Основной табель и пересдача.

— Пересдача? — Лизавета взяла листы и принялась сравнивать, потом подняла на меня удивлённый взгляд. — Это как так?

— Пришлось энергией в противофазе оперировать, а то не брали из-за низких показателей.

— Макар Демидович будет впечатлён, — заметила Лизавета и улыбнулась. — Я тоже впечатлена. Всё очень даже неплохо.

— Мощность только подкачала. Сорок четыре киловатта — это несерьёзно.

— У кого-то нет и этого.

— Ну да, ну да...

— Выше нос! — приободрила меня Лизавета и спросила: — Как самочувствие? Ничего не беспокоит?

Я посмотрел в её серые глаза, и по спине немедленно побежали мурашки.

— Всё хорошо, замечательно даже, — уверил собеседницу после мимолётной заминки и осмелился добавить: — Но от дополнительного осмотра бы не отказался. Не хочется самолечением заниматься.

Лизавета всё поняла верно и улыбнулась.

— Молодому и здоровому организму вроде твоего самолечение во вред не пойдёт. Всё, беги. Документы Макару Демидовичу я передам.

Я никак не выказал разочарования, поднялся со стула и двинулся к входной двери, но сразу обернулся и уточнил:

— Лизавета Наумовна, а вы на разряд сдали?

— Сдала.

— Поздравляю! — сказал я и отправился восвояси.

Точнее — побежал на служебный вход. Подходило время дежурства и опаздывать в первый же день совершенно не хотелось. Успел вовремя, и это было просто здорово, поскольку заместитель коменданта уже дожидался меня на месте.

— Тут всё просто, — заявил он. — Стоишь и ни во что не вмешиваешься. Возникнет нужда, тебя позовут. Понял?

— Так точно!

— Работать будешь с Валентином и Николаем, всё тебе покажут и расскажут.

Парочка вахтёров синхронно кивнула. Они были похожи как братья — оба среднего роста и крепкие, каждому лет под сорок; операторы.

Мелькнула мысль, что пройти инициацию эта парочка должна была примерно в одно время с нынешним ректором, и меня продрало холодком заполошного страха — а ну как тоже застряну в комендатуре на два десятка лет? Буду гонять хулиганов и крутить руки нарушителям общественного

порядка день за днём, вечер за вечером. И хорошо если на пик витка выйду. А там — потолок.

Меня даже замутило, решил отвлечься, вот и спросил:

— Где план эвакуации на случай пожара, аптечка и оружие?

Заместитель коменданта указал на дверь дежурки и распорядился:

— Покажи ему, Николай.

Я проследовал за вахтёром, а тот первым делом подошёл к столу.

— Кто выливает последнюю воду, тот наполняет чайник. Обедаем и ужинаем в столовой, захочешь заморить червяка — покупай сам. Еду храним здесь.

Он распахнул шкафчик под забранным решёткой окном, там над верхней полкой обнаружилось сквозное отверстие в стене.

— План эвакуации на стене, шкаф с медикаментами — вот. Оружейный шкаф за дверью. Ключи от него у меня. — Николай вытянул за прицепленную к брючной петле связку ключей, продемонстрировал её и спрятал обратно в карман. — Ещё вопросы?

Я пожал плечами, потом уточнил:

— Мне и в самом деле ничего делать не нужно?

— Учишься? — спросил вахтёр, кивком указав на стопку тетрадей.

— Учусь.

— Ну и занимайся. Нужно будет кого-нибудь подменить — позовём. Только за инструктаж распишись сначала.

Я уселся за стол и принялся разбираться с журналами проведения инструктажа, затем погрузился в лёгкий транс, разровнял плотность потенциала, равномерно разогнав слишком уж колюче ворочавшуюся в груди сверхсилу. Посидел так немного, свыкаясь с новыми ощущениями, и взялся перечитывать

конспект общей теории сверхэнергии и вникать в слишком уж заумные формулировки, которыми изобиловала лекция.

Задул западный ветер, от окна потянуло сквозняком, стекло покрылось коркой наледи, ну а я чем дальше, тем сильнее испытывал смутное ощущение неправильности. Не на пустом же месте решение об усилении охраны института возникло! Если в мою смену ЧП случится, пока конспекты изучаю, мало точно не покажется.

Так стоит ли под выговор подставляться?

Ещё не хватало, чтобы с учёбы турнули!

С обречённым вздохом я убрал тетради в вещевой мешок, но выходить из караульного помещения повременил и для начала изучил схему эвакуации и карту студгородка, территория которого оказалась куда обширней, нежели полагал после беготни с обходным листом. Потом я вышел в коридор и предупредил Николая:

— Осмотрюсь пока.

Близость множества операторов колола со всех сторон энергетическими помехами, и приходилось удерживать ясновиденье под жёстким неослабевающим контролем, вот и погрузился в лёгкий транс, вновь принялся работать с потенциалом. Впрочем, даже будь я настороже, это бы ровным счётом ничего не изменило. Просто вышла из бокового коридора компания студентов — ну чего тут такого?

Вот только это оказались не студенты, а слушатели «Общества изучения сверхэнергии». Монархисты, чтоб их черти драли!

Три молодых человека и две барышни двинулись было к лифту, но заметили меня и задержались.

— Какие люди! — скривился рыхловатый и полноватый Роман, со смешком пихнув приятеля

локтем. — Представляешь, Анатоль, этот невежа не безнадёжен! Его в вахтёры взяли!

— Кузен, перестань! — попросила Юлия Сергеевна со своим тягучим акцентом. — Давай не будем устраивать сцен!

Тот голосу разума не внял и продолжил изгаляться.

— Анатоль, скажи: ну неужели я не прав?

Боксёр удара по уху не забыл и зло глянул на меня исподлобья.

— Прав, конечно. Надо было всё же написать жалобу, как собирались. Мёл бы сейчас улицы, для чего и был рождён!

Молодые люди рассмеялись, а я не нашёл с остроумным ответом, стоял и молчал, как дурак. Да и что тут скажешь? Не при исполнении же перебранку и тем паче драку затевать!

Ну да — оправдание собственной нерешительности я придумал что надо, только вот разбить надменные реваншистские рожи из-за этого хотелось только сильнее!

Юлия Сергеевна рассудительно заметила:

— Роман, Анатоль, вы ведёте себя неприлично. И он ко всему прочему студент. Настя, скажи! Мы же видели его на теории сверхэнергии!

Смазливая блондиночка наморщила лоб, потом протянула:

— Точно! Он же ещё сидел с тем слепым чудиком!

Роман скривился, выдал:

— Подумать только, кого в аудитории пускают! — Распахнул дверцу лифта, первым шагнул в неё и выдал напоследок: — Цирк уродов, да и только!

Остальные последовали за ним, тогда подошёл Николай и спросил:

— Чего они к тебе прицепились?

— Да зарядил в прошлом месяце одному в ухо, — поморщился я.

— Контра! — проворчал Валентин.
Я вздохнул. Контра и есть.

В семь вечера отправился на тренировку в институтскую боксёрскую секцию. На этом в последнюю нашу встречу настоял Георгий Иванович, не соизволив никак объяснить своё решение, лишь проворчал что-то неразборчивое о необходимости скорейшей социализации.

У меня были большие сомнения, что из этой затеи выйдет хоть какой-нибудь прок, но и жаловаться на впустую потраченное время не приходилось: вспотел уже на упражнениях со скакалкой, а дальше мне ставили правильное перемещение во время боя, уклонения и прочие финты, в коих я оказался откровенно не силён.

Уже после душевой подошёл Карл.

— Пьер, а ты вообще поступление собираешься отмечать? — поинтересовался он с таким видом, что иначе как риторическим вопрос было не расценить.

Мысль пропустить пару стаканчиков отторжения у меня не вызвала, обречённо вздохнул я совсем по другой причине.

— Хотя не в «СверхДжоуле»?

— Не, мы теперь туда ни ногой! — уверил меня Карл. — Это ж натуральное логово пацифистов! Научный факт! К нам в клуб пойдём.

— А давайте лучше в «Под пальмой» посидим? — предложил Коля. — На улице каток настоящий. Три раза уже навернулся за сегодня.

— Это где? — уточнил я.

— Кафешка напротив сквера.

Я кивнул.

— Тогда вы идите, а я через полчаса прибегу.

Так и решили.

Выгаданные полчаса я использовал с умом — поужинал в студенческой столовой. Не знаю, какие расценки в «Под пальмой», а тут и кормят прилично, и талонами расплатиться можно. Потом ещё забежал за плащом в дежурку, а только выскочил на крыльцо, и едва не скатился по его обледенелым ступеням, лишь в самый последний момент за перила схватиться успел. Осторожно спустился, шагнул на брусчатку, и понял, что в своих шикарных полуботинках недалеко ушёл от коровы на льду.

Обидно, досадно, но — ладно. Дойду.

Зато от уличной прохлады чуть меньше голова болеть стала.

Плохо разве? Да ничуть!

Когда миновал сквер с фонтаном, у ближайшего фонаря остановился извозчик, из повозки выбрался молодой человек, и я узнал Виктора — приятеля Лии. Да с ней он к институту и прикатил: протянул руку, помог спуститься на мостовую, но не остался и после поцелуя в щёчку заскочил обратно и отправился куда-то дальше.

Я помахал рукой.

— Лия!

— Петя, привет! — обрадовалась мне бывшая одноклассница. — Я Льва на кафедре видела, а с тобой разминулась!

— Да я туда на пять минут только забегал. Ты чего дрожишь?

— 3-замёрзла, — призналась девчонка. — Мы на коньках с Витей катались.

— Мало вам гололёда! — фыркнул я. — Пойдём, горячим чаем напою, а то разболеешься! Где тут у вас «Под пальмой»?

— Да вот же! — указала Лия через дорогу, и точно — на соседнем доме фонари подсвечивали вывеску с пальмой.

Вот туда мы и двинулись. В кафе оказалось шумно илюдно, а в центре зала росла самая настоящая пальма в пару человеческих ростов высотой. Вот уж чего не ожидал, того не ожидал!

Проходить за стол Лия отказалась наотрез, и я помахал рукой Карлу, а сам отвёл девушку к бару, убрал её пальто на вешалку, туда же повесил и свой плащ, вещмешок кинул на пол. Помимо чая заказал две порции бренди, и Лия замотала головой.

— Нет-нет! Мне не надо!

Я только рассмеялся.

— Смотри и учись!

Когда буфетчик выставил стаканы и рюмки, я отпил чаю и долил в него бренди. Лия засомневалась, но всё же последовала моему примеру, только едва-едва плеснула, исключительно для вкуса и аромата. Но и так после первого же глотка её щёки порозовели, от улыбки на них залегли милые ямочки.

— Ты меня просто спас, Петя! Теперь бы только алкоголю не пристраститься!

— Брось!

Я влил в себя остатки её порции, шумно выдохнул и запил чаем, решив обойтись сегодня без пива. Вот бренди — это дело. Рюмку замахнул и мигом голова болеть перестала.

Красота, да и только!

— А ты какие предметы выбрал? — спросил Лия, обхватив тоненькими пальчиками горячее стекло гранёного стакана.

Я достал список и оказалось, что наше расписание в некоторые дни пересекается, договорились садиться вместе. Затем Лия допила чай и начала собираться.

— Ненавижу холод, — пожаловалась она.

— Попробуй освоить технику алхимической печи, — посоветовал я. — Прогревает не хуже бренди.

— Хорошо, спрошу методичку в библиотеке, — сказала Лия, а когда помог надеть ей пальто, чмокнула меня в щёку и ушла.

Я у стойки задерживаться не стал, расплатился и пересел за стол к Николаю, Яну, Карлу и прочим знакомым, смутно знакомым и совсем незнакомым студентам; точнее даже не за стол, а за два стола, придвинутых друг к другу. Подошедший официант принял заказ, и вскоре вернулся с кружками пива, ну а мне вновь принёс чай и рюмку бренди.

— И как тебе в институте? — любопытствовал Ян.

— Здорово! — признался я. — Лучше, чем на курсах.

— Брось, Пьер! — махнул рукой Карл. — Видели мы, как ты лихо сослуживца из круга выбил! Нас такому не учат.

— Так и нас энергетические конструкции составлять не обучают.

— Серьёзное конструирование только с третьего курса начинается, — с печальным вздохом заявил Коля, и все кругом согласно закивали.

Мы чокнулись и выпили, тогда я спросил Карла:

— Так понял, Нинка себе кого-то уже нашла?

— Угу, — нехотя подтвердил тот. — Разобиделась она на тебя крепко, дружище.

— Бывает, — беспечно улыбнулся я, заметил у бара бугристую физиономию крепыша, который пытался без очереди пролезть в лифт, огляделся и обнаружил за столом в дальнем углу Северянина сотоварищи.

Карл проследил за моим взглядом и сказал:

— Ты с ним осторожней. Злопамятный гадёныш. Эталонный урод просто.

Ян кивнул.

— Напакостить запросто может.

— А из-за чего сыр-бор? — любопытствовал Коля. — Говорят, ты Панкрата уронил?

— Панкрат — это который у буфета сейчас стоит?

— Нет, это Бугор. Панкрат маленький и вертлявый такой. Кличка у него Заноза.

— Его уронил, ага.

Я рассказал о стычке в уборной, и мы заказали ещё пива. Меня, как и следовало ожидать, расспросили о Льве, а потом Карл приложился к запотевшей кружке и вдруг поперхнулся.

— Эти-то что здесь забыли? — проворчал он, вытирая губы носовым платком.

Как оказалось, в кафе пожаловала компания монархистов. Было их человек десять, в том числе и мои знакомые. Я начал закипать.

Ну вот что такое?! Нигде от контры покоя нет!

— Часто сюда заходят? — спросил я, хрустнув костяшками пальцев.

— Вообще не заходят, — пробурчал Карл. — Первый раз припёрлись.

— Предлагаю их выставить! — решительно заявил Николай. — Кто за?

— Все за, — вздохнул незнакомый студент, сидевший напротив. — А вот платить за поломанную мебель и выбитые стёкла желающих никогда не бывает.

Как видно, это был намёк на какой-то конкретный случай, и запал у компании моментально угас. Да я и сам уже успокоился, лишь спросил:

— А чего их в институт пускают? У них же своё общество.

— Платят за обучение вот и пускают, — со вздохом пояснил Костя — худенький парнишка, который в зале колотил груши так, что аж пыль летела. — Всё продаётся и покупается. Миром правит золотой телец.

Разговор сам собой перешёл на пороки капиталистического строя, и я лишь изредка вставлял какие-то реплики, а сам приглядывался к монархистам и обкатывал в голове остроумные реплики, которыми мог бы срезать рыхлого Романа. Понимаю — после

драки кулаками не машут, только подозреваю, они меня теперь каждое дежурство доставать станут. Так что приглядывался, подмечал нюансы поведения, заодно и слова Карла о неоднородности этого так называемого дворянского общества припомнил. Всё так, даже в этой компании вроде бы хороших знакомых кто-то был на вторых ролях, не сказать — на побегушках.

Попутно я пил чай с бренди и в какой-то момент поймал себя на мысли, что блондиночка Настя вполне ничего себе, а Юлия Сергеевна и вовсе могла бы считаться красоткой, кабы не делавшая её лицо слишком уж вытянутым нижняя челюсть. И ещё показалось досадным то обстоятельство, что не удаётся толком разглядеть их сидевших ко мне спиной подружек.

Звоночек это был на редкость тревожный, и я засобирался, а заодно со мной решили сворачиваться и остальные. Пока допили пиво, пока скинулись и оплатили счёт, стали расходиться и монархисты. Бренди привело меня в благодушное расположение духа, драться и скандалить расхотелось, поэтому я намеренно задержался в уборной. Умылся, причесался, поглядел на своё отражение и остался увиденным целиком и полностью доволен.

Ну а чего нет? Красавчик же!

Окликнули меня, когда снимал с вешалки плащ.

— И как простой мотоциклист сумел поступить в институт?

Голос с характерным тягучим акцентом и милой манерой слегка проглатывать окончания слов оказался прекрасно знаком, поэтому я несколько не удивился, когда обернулся и обнаружил облокотившуюся на барную стойку Юлию Сергеевну. А вот что удивило — так это отсутствие её друзей и подружек.

— Не имей сто рублей... — проворчал я, намеренно не став завершать поговорки.

— Связи — большое дело, — на полном серьёзе произнесла барышня и вдруг протянула руку. — Юля.

— Пётр, — представился я, машинально пожав кончики девичьих пальцев. Сразу пожалел об этом и буркнул: — До свидания, Юлия Сергеевна.

Не тут-то было.

— Будь так любезен...

Я снял с вешалки каракулевую шубку и помог девушке её надеть. Сам не заметил даже, как Юлия ухватила под руку — вышли на крыльцо, будто парочка. И отшить настырную барышню тоже не успел: она поскользнулась, испуганно ойкнула и повисла на мне, едва не завалив вместе с собой.

— Ужасный гололёд! — пожаловалась Юля. — Проводишь? Боюсь, мои туфли не рассчитаны на такую погоду.

Нужно было посоветовать поймать извозчика. Проклятье! Я ведь так и намеревался поступить, поскольку ситуация была ясна как божий день. Ну а затем подумал: какого чёрта?! Кто предупреждён, тот вооружён! В другой раз монархисты вполне могут застать врасплох, а сегодня такой номер у них точно не пройдёт.

И я сказал:

— Веди!

— Тут недалеко, — уверила меня Юлия и ободряюще улыбнулась.

Думал, заведёт в первую попавшуюся подворотню, но мы минут пять удалялись от института по оживлённой улице с многочисленными кафе и закусочными. Время было не самое позднее, то и дело навстречу попадались прохожие, курили у питейных заведений компании молодёжи.

Брусчатку покрывала настоящая корка наледи, скользили мы просто беспрестанно, и очень скоро мне всё просто осточертело, захотелось послать и Юлю, и её

слишком уж осторожных дружочков куда подальше и двинуться напрямик к трамвайной остановке, да тут пришло время сворачивать на перекрёстке. Фонари остались за спиной и резко стемнело, но совсем уж глухой улочка не была, таковой она стала лишь после поворота вглубь квартала. Впрочем, перебежавшую дорогу чёрную кошку мы разглядели даже впотьмах.

— Этого ещё не хватало! — расстроилась Юлия, остановилась сама и удержала на месте меня. — Давай обойдём!

— Ну нельзя же быть такой суеверной! — фыркнул я.

— Нет, пойдём!

Я не сдвинулся с места и привёл известный факт:

— В Айле считается, что чёрный кот приносит удачу.

— Но мы-то не в Айле! — резонно возразила Юлия, встрепенулась и повисла на мне чуть ли не всем весом. — Кто-то идёт!

Я приготовился стряхнуть её и спустил с поводка дар ясновиденья, но — ничего. Уловил сверхъестественным чутьём едва уловимое искажение энергетического фона, создаваемое спутницей, да ещё в соседних домах жило никак не меньше дюжины операторов, а вот нагоняли нас обычные люди. Теперь я и сам слышал их быстрые шаги.

Неужто монархисты подкупили каких-то забулдыг?

Повисшая на плече девушка лишила подвижности, и я потребовал:

— Отпусти!

Та, к моему величайшему удивлению, упрямиться не стала, ещё и вещевой мешок ей в руки сунул, а секунду спустя из-за угла вывернула спешившая за нами парочка. Толком разглядеть их впотьмах не получилось: брюки, пиджаки, кепки — вот, собственно, и всё.

Они определённо не ожидали настигнуть нас так быстро, и один растерялся, а вот второй как ни в чём не

бывало вытянул заложенную за ухо папиросу.

— Огоньку бы! — сказал он, поднося руку ко рту.

Я такого захода не ожидал, поэтому и не успел среагировать, когда резкий выдох отправил мне в лицо содержимое бумажной гильзы. В глаза словно жидкого огня плеснули, и перепадом давления облачко едкой трухи я отнёс от себя совершенно инстинктивно; просто сработали рефлексy.

Наградой стал всхлип и надсадный кашель хватанувшего этой дряни противника, а дальше пронзительно завизжала Юля, и я пнул вслепую, попал во что-то мягкое и сразу отскочил назад, вскидывая в защитной стойке руки. Свистнул воздух, и я сотворил плоскость давления, отгородился ей и тут же получил по прикрывавшему голову предплечьем палкой. На мою удачу удар оказался ослаблен достаточно, чтобы не перебить кость, а следующий удалось принять, задействовав технику закрытой руки. Дубинка треснула и переломилась надвое, мне — хоть бы хны.

Невероятным усилием воли я заставил себя распахнуть горевшие огнём глаза и через заливавшие их слёзы разглядел два смутных силуэта — вроде бы мужской и женский. Тут Юля шибанула хулигану по спине моим мешком, и он отвлёкся, подставился под прямой в голову. Я врезал правой, метя в белое пятно лица, и под кулаком что-то хрустнуло. Противник упал к своему корчившемуся в приступе кашля приятелю, а только добавил ему ногой, и Юля взвизгнула:

— Бежим! — И потянула меня прочь.

Из-за нестерпимого жжения в глазах и слёз ничего толком не видел, поэтому упрямыться не стал. В противном случае девица вполне могла удрать одна, а без поводыря мне было сейчас никак не обойтись.

Да и что ещё оставалось? Задержаться для оформления этих гавриков? Так они очухаются и наваляют по первое число ещё до приезда патруля.

Долбануть сверхсилой, чтоб уж наверняка? И как потом без свидетелей доказать, что они первые начали? Да и алкоголем от меня разит, ну его к лешему!

И мы побежали. Поворачивали, поскользывались, раз даже упали. А через пару минут Юля подтащила меня к колонке и навалилась на рычаг. Я подставил ладони под тугую струю ледяной воды и принялся промывать глаза, отфыркиваться и отплёвываться. Понемногу полегчало.

— И что это было? — спросила барышня.

— Красный перец с табаком, похоже, намешали, — не слишком уверенно предположил я и спросил: — Ты как?

— Ногу подвернула, — пожаловалась Юля. — Не сильно, но наступать больно.

Пришлось помогать, благо оставалось пройти через арку во двор и подняться по лестнице чёрного хода на второй этаж. Там барышня начала рыться в сумочке, выискивая ключи, а я с непонятной отстранённостью стал прикидывать, не обернётся ли попытка напроситься на чай пощёчиной и нужно ли мне это вообще. Не пощёчина, конечно же. И даже не чай.

Но проявлять инициативу и не пришлось, всё разрешилось само собой.

— Заходи! — позвала меня за собой Юлия, справившись с замком. — Надо посмотреть, что у тебя с глазами.

Глаза у меня опухли и продолжали слезиться, но бдительности я не потерял, и моментально заподозрил, что схлестнутся мог с самыми обычными хулиганами, а интрига монархистов куда как изощрённей. Зайду — и кто знает, чем это в итоге обернётся?

Паранойя? Вот уж не сказал бы. Трудно подвох в столь неправдоподобной и даже попросту абсурдной ситуации не заподозрить. Кто Юлия Сергеевна и кто я?

Да нам при случайной встрече на разные стороны улицы расходиться стоит, а тут — такое...

Стоило бы попрощаться и уйти, а я с беспечной улыбкой шагнул через порог.

Один раз живём? Ну-ну...

Глава 2/1

В квартире оказалось темно и тихо. Первым делом Юля щёлкнула выключателем, и когда под потолком загорелась не слишком яркая лампочка, стало видно, что чёрный ход привёл нас на крохотную кухню. Стол, пара табуретов, буфет, раковина и плита. Не слишком роскошно, вот только отдельная квартира — это большое дело уже само по себе.

— Разувайся! — распорядилась Юля, скинула туфельки и, слегка припадая на правую ногу, скрылась в коридоре.

Я миг постоял, прислушиваясь к скрипу половиц, потом оставил на коврик под дверью полуботинки, снял плащ и кинул его на табурет, сам уселся на соседний. Барышня вернулась на кухню уже в платье, первым делом она задёрнула шторы, после набрала в миску холодной воды, взяла чистую тряпицу и подступила ко мне вплотную.

— Голову запрокинь! — попросила Юлия.

Послушался, и перед лицом замаячила обтянутая платьем девичья грудь, донёсся лёгкий аромат цветочных духов.

— Всё лучше, чем я думала! — произнесла барышня, начав промывать мне глаза, тогда я обнял её левой рукой за талию и притянул к себе, а правую запустил под платье. Ладонь скользнула по гладкому шёлку чулка к тёплой коже бедра, и Юля резко отстранилась.

Запросто мог удержать её, но не стал. Ожидал схлопотать по морде, а дворяночка лишь возмущённо выдохнула:

— Ну ты и нахал! — Она поставила миску на стол, шагнула в коридор и уже в дверях обернулась. — Долго сидеть собираешься?

Вариантов было два: встать и уйти либо последовать за ней, предпочёл испытать удачу. Юля тому обстоятельству, что я зашёл за ней в комнату, ничуть не удивилась повернулась спиной и попросила:

— Расстегни.

«Ну вот сейчас меня и возьмут под белы ручки», — мелькнул и тут же погас последний проблеск разума, а потом в висках застучала кровь, и возиться с пуговками я не стал, толкнул Юлию Сергеевну на кровать, задрал подол платья и навалился сверху. Барышня со смехом и наигранным возмущением задёргалась, но извернуться ей так и не удалось, и всё получилось, как получилось, — сумбурно и скомканно под стать всему сегодняшнему дню.

Потом мы лежали и пытались унять сбившееся дыхание; я так уж точно. Наконец Юля потребовала:

— Слезь с меня!

Я перевалился на кровать, а барышня без всякой посторонней помощи расстегнула платье, стянула его через голову и пожаловалась:

— Ну вот — теперь в чистку отдавать!

Она осталась лишь в бюстгалтере и чулках, и открывшийся вид увлёк меня до такой степени, что далеко не сразу осознал крайнюю опрометчивость своей несдержанности.

— Кхм... — прочистил я горло. — А как у тебя с этими вашими женскими практиками? Незапланированная беременности не грозит?

— Поздно спохватился! — фыркнула Юля, перехватила мой заинтересованный взгляд и самую малость покраснела, прикрылась снятым платьем. — Не случится, не бойся. Или надеялся с дворянской фамилией породниться?

— Ещё чего не хватало! — оскорблённо выдал я в ответ, снял штаны, расправил их и аккуратно повесил на спинку стула, сверху устроил пиджак.

— Эй! — всполошилась барышня. — Ты чего разнагишаешься?!

Меньше всего мне хотелось выходить на холод и тащиться через полгорода в казарму, поэтому лишь пожал плечами.

— Неужели на ночь не приютишь?

Юлия Сергеевна уселась на кровать, подтянула к себе одеяло, прикрыв наготу, и заявила:

— Я тут вообще-то не одна живу! — Но сразу сменила гнев на милость и принялась под отрывистый треск пружины заводить будильник. — Чёрт с тобой, оставайся. Настюша в любом случае только под утро заявится.

— А что так?

— Рома сегодня во все тяжкие ударился, их квартира в полном распоряжении Анатоля, — пояснила Юля, отвернулась и завела руки за спину, намереваясь расстегнуть бюстгалтер. — Свет выключи. И на кухне тоже!

Я щёлкнул одним выключателем, затем другим, в полнейшей темноте вернулся в комнату и забрался под одеяло к отвернувшейся от меня девушке.

— Спи! — буркнула Юля, стоило только дать волю рукам.

— Ага, — покладисто согласился я и прижался к ней поплотнее.

Уснули мы нескоро. Так получилось.

Подскочил из-за оглушительного трезвона будильника. Спросонья не сразу понял где, почему и с кем, а когда сознание прояснилось, испытал в высшей степени смешанные чувства. Вечер определённо удался, но вот думал я вчера определённо не тем местом, коим это следует делать разумному молодому человеку, и было совершенно непонятно, какими моя опрометчивость чревата последствиями. Если эта

странная барышня вознамерится перевести ни к чему не обязывающую интрижку во что-то больше с отношениями и обязательствами...

Брр! От одной только мысли об этом передёрнуло.

Юля хлопнула ладошкой по будильнику, и железное чудовище наконец-то заткнулось, тогда я уточнил:

— Сколько времени?

— Пя-я-а-ать... — с зевком ответила девушка и потянулась под одеялом. — Собирайся, скоро пожалует гулёна Настюша. Если она тебя тут застанет, разразится гра-а-андиозный скандал.

С одной стороны, я испытал облегчение, что не придётся ничего выдумывать и сбегать, похватав одежду в охапку, с другой — ощутил совершенно иррациональную обиду из-за уязвлённого самолюбия. Именно поэтому перевернулся на бок и спросил:

— Ну и к чему это всё было? Только не заливай, будто вдруг вспылала ко мне внезапной страстью. Я нравлюсь тебе ничуть не больше, чем ты мне!

Юля уставилась на меня своими пронзительно-синими, васильковыми даже, глазами и с улыбкой поинтересовалась:

— Я совсем-совсем тебе не нравлюсь?

Ответил я не сразу. Пусть её вытянутое лицо и не соответствовало моим идеалам красоты, но фигура была на загляденье, ноги стройными, а упругой грудь — идеальной формы — да и мне ли привередничать?! — но вопрос-то был совсем о другом, и я сказал:

— У тебя очаровательный акцент. Если закрыть глаза...

— Подлец!

Юля попыталась спихнуть меня с кровати, но ничуть в этом не преуспела, и после недолгой возни я оказался на ней, на ней следующие десять минут и пробыл. Потом отвалился в сторону и с шумом перевёл дух.

— Уф!

— В жизни такого наглеца не встречала! — с притворной обидой в голосе посетовала барышня.

— Брось! Как минимум один такой до меня тебе уже попадался.

— Фи! — скривилась Юля. — Будь любезен воздержаться от скабрёзностей. И выметайся уже!

Я уселся на кровати и невольно поморщился из-за давящей головной боли. Ещё сильно саднило исцарапанную спину и болело левое предплечье; его отмечал длинный иссиня-чёрный синяк. А вот глаза уже не жгло, что откровенно порадовало.

— Душ есть у вас?

— Только ванна.

— Дикие люди, — проворчал я, встал и двинулся к тёмному проёму двери.

— Дверь напротив! — подсказала Юля и потребовала: — Прикройся!

Я только рукой махнул, пытаюсь сориентироваться в погружённой в темноту квартире. Слева кухня, справа гостиная и прихожая. Чуть дальше закрытая дверь второй комнаты, напротив небольшая ванная. Там я первым делом напился из-под крана, потом умылся и кое-как сполоснулся холодной водой.

Когда вернулся, Юля уже надела халат и включила ночник.

— Давай живее! — потребовала она и вновь зевнула. — Спа-а-ать хочу!

Медлить я не стал, натянул трусы, надел носки и брюки, потом сорочку. Морщась от жжения в спине, закинул подтяжки сначала на левое плечо, затем на правое и принялся застёгиваться и заправляться.

— Одного понять не могу: чего ты вчера мешком махать начала? Ты же оператор!

— Толку в драке от оператора первого витка! — фыркнула в ответ Юля.

— Даже так? И какой румб?

— Румб хороший — семнадцатый. Это виток подкачал.

— Бывает.

— Но учти, Пётр, поквитаться мне силёнок хватит, если языком трепать начнёшь! — пригрозила вдруг барышня.

Я не без труда подавил пренебрежительную усмешку и даже провёл большим пальцем по губам, словно запирал их на молнию, а вот придумать достойный ответ уже не успел, поскольку из коридора донёсся отчётливый металлический скрежет. Сердце так и ёкнуло.

— Быстрее! — прошипела Юля. — Вымётывайся!

Вслед за скрежетом звякнул дверной звонок, и я опрометью выскочил из комнаты, метнулся на кухню, схватил вещмешок, кепку и плащ, а уже когда вталкивал ступни в полуботинки, услышал преувеличенно сонный голос Юли:

— Да иду я! Иду!

На лестницу чёрного хода выскользнул, готовый к чему угодно, но площадка пустовала. Притворил за собой дверь, спустился во двор и уже там оделся, потом напился у колонки, а у первого попавшегося фонаря проверил содержимое карманов и часы. Всё оказалось на месте, ничего нового не прибавилось.

И кто бы мне сказал, что всё это значит?

О-хо-хо...

В клинику к Петру я отправился пешком — пока шёл, избавился от потенциала в противофазе и набрал под четыре сотни килоджоулей уже обычной сверхэнергии. Решил не повторять вчерашней ошибки, ибо негативу с ясновиденьем, пусть даже и зачаточным, находиться среди обычных операторов не слишком-то приятно, а у меня и без того голова с похмелья побаливала.

Примерно на полпути меня нагнал трамвай, на нём и доехал. Будить товарища в такую рань не стал, уселся на кушетку в приёмном покое и принялся медитировать, пытаюсь подстегнуть регенерационные процессы, но в итоге почти сразу уснул. Так и дрых, пока не растолкала Милена.

Барышня глянула с нескрываемым осуждением, но от комментариев воздержалась и предложила присоединиться к Льву за завтраком, и вот уже он довольно бестактно заметил:

— Какой-то ты растрёпанный сегодня, Петя. Плохо спал?

— Спал хорошо, — вздохнул я, — просто мало.

Лев глянул с интересом в ожидании продолжения, но меня слишком увлекли гренки и кофе, а с набитым ртом говорить не хотелось. К тому же, если выбросить постельные достижения, о которых распространяться точно не стоило, рассказывать было в общем-то и не о чем.

— Как с Палинским вчера пообщался? — спросил я, предпочтя перевести разговор на другую тему.

— Более-менее, — уклончиво ответил Лев и ушёл собираться.

Наши сегодняшние расписания не пересекались, распрощались на вахте.

— Если что — обращайся, — предупредил я, на том мы и разошлись.

Лев отправился в лабораторный корпус, а я проигнорировал гардероб и двинулся к служебному входу. Там на вахте наткнулся на отчаянно зевавшего Митю Жёлудя и оставил плащ с вещевым мешком, на занятия с собой взял только карандаши и пару тетрадей.

Первой парой у меня стояло «Введение в право», и на всём протяжении лекции я отчаянно боролся с

сонливостью, периодически клевал носом и прилагал невообразимые усилия, лишь бы только удержать глаза открытыми. Всё бы ничего, вот только от лектора это не укрылось и что самое паршивое — он меня прекрасно знал.

Занятие вёл Илларион Валерианович Спас, старший советник надзорного дивизиона и ко всему прочему — магистр юриспруденции.

По окончании лекции я перехватил выразительный взгляд Илларион Валерианович и расценил его совершенно верно, задержался у дверей аудитории.

— Лекция показалась столь скучной, что было сложно удержаться от зевоты? — спросил старший советник, проходя мимо.

— Никак нет! — заявил я и поспешил за ним. — Просто не выспался. Такого больше не повторится!

— Уж потрудитесь, — заявил Илларион Валерианович. — Иначе ваше присутствие на моих занятиях станет нежелательным. Это ясно?

— Так точно!

— Очень хорошо.

Старший советник ушёл, а я с облегчением перевёл дух и отправился в буфет, но там царило столпотворение, напился воды у фонтанчика, да и только. Ещё перекинулся парой слов с Карлом и заметил Мишу Поповича — тот увлечённо беседовал с преподавателем, читавшим нам общую теории сверхэнергии, мешать им не стал. Отправился в лабораторный корпус.

На этот раз пришлось подниматься на третий этаж — именно там располагались кабинеты местного руководства. У заведующего первой лабораторией и его заместителя оказалась одна приёмная на двоих, вот в ней и расположился, сдав документы эффектной девице лет двадцати в нарядном платье с весьма

смелым по институтским меркам вырезом декольте и очень уж броским макияжем.

Секретарша без промедления занесла бумаги в кабинет заместителя, и тут же обо мне позабыла. Сначала разбирала корреспонденцию, затем сделала два телефонных звонка, а после увлеклась беседой с заглянувшей в приёмную лаборанткой. Эта барышня поначалу не произвела на меня особого впечатления, но когда перегнулась через стол, дабы пошептаться с секретаршей, и задравшийся белый халатик приоткрыл подвязки чулок, я враз перестал сожалеть о впустую растрачиваемом тут времени.

— Да нет же! — произнесла секретарша, картинно закатив подведённые глазки. — Приказа ещё не было, но вопрос о назначении уже решён. Мне Иришка по секрету шепнула, что его на подпись самому принесли.

— Он и вправду пять лет в Айле прожил?

— Три.

— Симпатичный? — уточнила лаборантка и тут же прыснула от смеха, прикрыв рот ладошкой. — То-то ты принарядилась!

Задребезжал телефонный аппарат, секретарша сняла трубку и указала мне на дверь.

— Проходи.

В кабинете за погребённым под бумагами рабочим столом восседал грузный господин с глубокой залысиной и покрытым испариной лицом. Вид он имел нездоровый — то и вправду был болен, то ли неважно себя чувствовал из-за жары. Не иначе были на полную открыты вентили батарей центрального отопления, и я порадовался, что оставил плащ в приёмной, ну а затем меня огорошили неожиданным вопросом:

— Ну и чего вы, собственно, от нас хотите, молодой человек?

Я несколько даже потерялся, но тут же взял себя в руки и заявил:

— Выйти на пик витка.

— С тридцать второго румба? — скептически хмыкнул заместитель заведующего. — Устремление достойное уважения. — Он посмотрел на мои документы, вздохнул объявил: — Для начала придётся пройти полное медицинское обследование, что само по себе небыстро и недёшево...

— Извините, но заключение уже есть.

— Да неужели? — Хозяин кабинета промокнул лицо носовым платком и принялся заново перебирать мои бумаги. — И в самом деле! — заявил он некоторое время спустя с нескрываемым удивлением. — О, да вам и схему воздействия вплоть до отдельных фаз расписали! Что ж — это всё предельно упрощает. Предварительный анализ — наше слабое место, на месяц вперёд очередь расписана, а вот на терапию можете хоть завтра приходить.

Заместитель заведующего достал из ящика стола счёты и принялся быстро перекидывать туда-сюда костяшки.

— Текущая длительность резонанса тридцать две секунды, пик витка — сорок шесть. Потенциал роста — четырнадцать. Применим схему четыре-четыре-четыре-два, чтобы за месяц вывести на пик румба. Заявленной сопротивляемости в семьдесят один процент хватит с лихвой, риск побочных эффектов минимален, нагрузка на энергетические каналы с учётом их стабилизации умеренная.

Я мало что понял из всего этого бормотания, да оно и не предназначалось для моих ушей. Далее последовал чёткий и понятный вердикт.

— Итого четырнадцать процедур с щадящим медикаментозным воздействием по двадцать пять рублей каждая — это триста пятьдесят рублей, включая все налоги и сборы.

Наверное, у меня что-то изменилось в лице, а, быть может, все студенты реагировали примерно одинаково, поскольку хозяин кабинета добавил:

— Фактически на текущем этапе у вас нет нужды подстёгивать процесс развития способностей терапевтически. Большинство операторов при должном усердии способно достичь пика румба самостоятельно. В вашем случае на это уйдёт не более пяти-шести месяцев.

Я хекнул, прочищая горло, и уточнил:

— А эти процедуры платные только для вольных слушателей или вообще для всех?

— Абсолютно для всех. Но студентам достаточно подписать отложенное обязательство, а вот в вашем случае это невозможно.

«Долговая кабала», — мелькнуло в голове, но озвучивать эту мысль вслух не стал. Я бы с радостью согласился на любые обязательства, лишь бы только прыгнуть выше головы и пробиться через заложенный при инициации барьер, только вот для меня этот путь был закрыт.

Проклятье! Как бы сейчасгодились деньги, растраченные в декабре на сущую ерунду!

Во рту стало кисло, заняло сердце.

— Пик румба — это лишь начало, — сказал я, собравшись с мыслями. — Моя цель — пик витка. Сколько на это придётся потратить времени и... денег?

Заместитель заведующего первой лабораторией смерил меня оценивающим взглядом и вновь обратился к счётам, принялся под стук костяшек комментировать свои вычисления.

— Пик девятого витка — восемьдесят три секунды. Разница с пиком румба тридцать семь. Основной прирост отдачи в конце, с такой сопротивляемостью оптимальная схема тринадцать-тринадцать-одиннадцать, но разгон придётся давать с самого

начала. Это даёт дополнительный сеанс в неделю. Стоимость увеличится до четырёхста пятидесяти рублей.

Я приободрился было, услышав не столь уж и кошмарную сумму, вот только подсчёты касались выхода на пик румба, а не витка.

— Второй этап будет состоять из двенадцати недель по четыре сеанса по пятьдесят рублей каждый. Итого две тысячи четырёхста рублей.

Меня будто доской по лицу приложили. Хлоп! И в нокауте. Все надежды разом вышибло.

— Пятьдесят рублей сеанс? — пролепетал я срывающимся голосом.

— Ну а что вы хотели, молодой человек? Воздействие на организм второй категории — это не шутки! Тут и расход препаратов соответствующий, и передовые техники будут задействованы. На вас станет тратить своё время множество высококлассных специалистов, не говоря уже о необходимости поддерживающих организм процедур. Хотя... — Хозяин кабинета полистал медицинские заключения, похмыкал и сказал: — Судя по рекомендованной схеме, расход препаратов будет ниже обычного, и в столь интенсивном компенсирующем воздействии тоже не возникнет нужды. По крайней мере, первые три месяца — точно. Вот что, молодой человек... Обождите в приёмной. Вас пригласят.

Я уже распахнул дверь, когда заместитель заведующего поднял трубку и попросил:

— Милочка, соедини меня со Звонарём. Да, безотлагательно.

На ватных ногах я вышел в прихожую и уселся на стул. Хотелось быть в голос, но переборол слабость, заставил себя выкинуть из головы все переживания, погрузился в транс. Тогда полегчало, и обратно в кабинет я вернулся уже без мыслей о мыле и верёвке.

— Значит, так! Я поговорил с доцентом Звонарём, у которого вы наблюдаетесь, — сразу взял быка за рога заместитель заведующего, — мы решили увеличить количество сеансов на втором этапе до пятидесяти, что позволит снизить затраты до сорока рублей на процедуру, а Макар Демидович пришлёт ходатайство о покрытии части расходов за счёт внутренних резервов лаборатории. Рассматривать его будет новый заведующий, но это обычная практика, согласование много времени обычно не занимает.

Я сглотнул и спросил:

— Сколько?

— Полная стоимость курса в этом случае составит тысячу восемьсот тридцать семь рублей пятьдесят копеек.

Надежду подстрелили на взлёте, будто выпорхнувшую из камышей утку.

— Нереально, — только и покачал я головой.

— Молодой человек... Пётр, — с сочувствием в голосе обратился ко мне хозяин кабинета, — вы же к нам не сами по себе пришли. За вас в том числе и работодатель ходатайствовал. Попросите руководство оформить гарантийное письмо на эту сумму. В конце концов, они прямо заинтересованы в росте ваших способностей.

— Спасибо. Попробую.

Не могу сказать, будто ощутил себя как после пропущенного прямого в голову, но в чём-то ощущения были схожи. Я бездумно вышел в приёмную, оделся и отправился в главный корпус. Там, не чувствуя вкуса, пообедал и в себя пришёл лишь в буфете после двух стаканов газированной воды с сиропом. На этом я останавливаться не стал, купил плитку шоколада и в один присест её смолотил, тогда только худо-бедно заработала голова.

Чем впадать в панику, стоило поговорить с капитаном Городцом.

Да! Так и следовало поступить.

Я кивнул, соглашаясь с собственными мыслями, вытянул из жилетного кармана часы, откинул крышку и решил, что до следующей пары вполне успею посидеть в библиотеке. Туда и отправился, желая прояснить кое-какие моменты по вчерашней лекции общей теории сверхэнергии.

Последними на сегодня у меня были сдвоенные занятия по философии, вёл их импозантный — не сказать утончённый, — господин средних лет и лекцию он перемежал пространными отступлениями, поэтому в столовую я отправился не только в подавленном настроении, но ещё и с идущей кругом головой. А вот повстречавшийся там Миша Попович светился будто надраенный медный пятак.

— Переговорил с Сергеем Богдановичем, — заявил он, когда мы унесли подносы с тарелками к одному из столов, — договорился о посещении лекций по комбинаторике!

Сергеем Богдановичем звали лектора, читавшего нам общую теорию сверхэнергии, и я машинально кивнул.

— Здорово! — Отломил вилкой кусочек котлеты и уточнил: — Будешь энергетические конструкции делать?

Миша помрачнел.

— Буду когда-нибудь, — буркнул он. — Комбинаторика изучает принципы сочетания разных типов энергии. Ну как мы с помощью давления и электричества плазму получаем.

— А, понял! Круто.

— Ты тоже можешь попробовать договориться.

Я покачал головой.

— Не, расписание под завязку забито. И никакие предметы не выкинуть — мне учебный план комиссар согласовал.

— Беда, — посочувствовал Миша и спросил: — А что за паренёк слепой, с которым ты общаешься?

— Одноклассник бывший.

Попович покрутил ладонью.

— Он всегда такой был?

— Нет, последствия инициации, — сообщил я и занялся едой.

После обеда в читальный зал я уже не пошёл, спустился на вахту и проформы ряди позвонил Альберту Павловичу, чтобы совершенно неожиданно для себя услышать:

— Завтра после третьей пары сходи в столовую горбольницы. Там дождись Валентину Паль, перекинься на виду у всех с ней парой слов. Только учти: встреча должна выглядеть случайной. Потом загляни ко мне на инструктаж.

Поговорить с Валеёй?!

Я так удивился, что даже ничего выяснять по телефону не стал, коротко выдал:

— Сделаю. — И повесил трубку.

И кто бы мне объяснил, что всё это значит? Нет, я знал, что Альберт Павлович вывел медсестру из-под удара, выставив жертвой шантажа, но мне-то зачем с ней встречаться? Нелепица какая-то!

Прихватив плащ и вещмешок, я вышел на улицу и с невероятным облегчением набрал полную грудь морозного воздуха. Пусть сегодня ясновиденье и не забивало в темечко незримые гвозди, а внутренний потенциал не требовал беспрестанного контроля, но лёгкое похмелье и бессонная ночь сказались на самочувствии не лучшим образом, да ещё выпавший с утра снежок уже успели притоптать, поэтому

отправился в учебный центр ОНКОР пешком. По пути обдумывал поручение куратора, но информации категорически не хватало, плюнул и заглянул в лавку с письменными принадлежностями, купил записную книжку, чья обложка служила одновременно ещё и футляром для короткого карандаша; будет куда телефонные номера и адреса заносить.

Пришёл в учебный центр на четверть часа раньше, да только в кабинете Ноготка уже заполняли бумаги четверо курсантов. Все в штатском, все старше: трое заметно, один самое большее на год.

— Заходи! — поманил меня Денис Гаврилович и вручил стопочку документов, где среди памяток и распоряжков обнаружилось и традиционное обязательство о неразглашении.

Инструктор прочистил горло и объявил уже всем:

— Помимо всего прочего, вам категорически запрещено распространяться о прохождении обучения и сокурсниках. Всё, что узнаете и увидите в учебном центре, не предназначено для посторонних ушей. Отношение к контрольно-ревизионному дивизиону в других подразделениях неоднозначное, излишняя болтливость неминуемо осложнит вам следующие полгода службы.

На этом вступительная речь и закончилась, нашу пятёрку отправили в учебную комнату. На первом уроке Денис Гаврилович читал принципы организации наружного наблюдения и способы выявления оно́го, а в качестве домашнего занятия поручил при передвижениях по городу выбирать какой-либо предмет одежды и запоминать, сколько прохожих попадётся в таковом на пути. Потом он же давал технику ведения допросов, и вот там уже без практики не обошлось: нас разбили на пары и поручили обговорить, откуда мы знаем друг друга на случай случайной встречи по службе или в свободное время, но

при этом свести обмен личными сведениями к минимуму. И так по кругу со всеми.

Вадим, Евгений, Кирилл, Елисей — имена сокурсников я запомнил, а вот их легенды пришлось на всякий случай законспектировать. Ну а дальше к нам присоединился господин в потёртом твидовом пиджаке с заплатками на локтях, столь же потрёпанных брюках и стоптанных туфлях. Да он и сам был какой-то побитый жизнью и невзрачный с непримечательным лицом и тусклыми глазами.

Мои сокурсники с удивлением воззрились на незнакомца, а вот я мигом вскочил из-за парты и принял нечто близкое к стойке смирно. Нет, видел этого господина впервые, уважение вызвал удерживаемый тем потенциал — на уровне первого или второго разряда, но при этом предельно стабильный, вызывающий минимальные энергетические возмущения. Приближения оператора я попросту не ощутил.

— Да уж... — промолвил тот, оглядев понявших вслед за мной курсантов. — Материал... — Он выставил на парту потрёпанный кожаный портфель и разрешил: — Садитесь. — И сразу без какой-либо паузы начал вещать: — Главными отличительными признаками энергетических конструкций являются автономность, сложная структура, подразумевающая задействование различных типов энергии, и внешняя управляемость. Но главное — это автономность. По сути, два абсолютно идентичных воздействия могут различаться кардинально именно в силу наличия или отсутствия автономности.

Лектор развёл руки в стороны и повернул их ладонями вверх, над ними тотчас заискрили две шаровых молнии размерами с крупное яблоко.

— Одинаковые, не так ли?

Никто не ответил, тогда оператор опустил руки и левый сгусток энергии метнулся в сторону и моментально погас, в то время как правый продолжил тихонько жужжать и слепить глаза холодным электрическим блеском.

— Под автономностью следует понимать не столько независимость от внешней подпитки, сколько от умственных усилий оператора. Да, человеческий мозг способен одновременно решать сразу несколько задач, но всему есть предел. При работе с энергетическими конструкциями основную сложность вызывает структурирование воздействия, а дальше всё упирается исключительно в мощность. Большую часть времени студенты тратят на освоение принципов придания конструкциям автономности с последующим управлением на интуитивном уровне и подпиткой в фоновом режиме. Мы пойдём по иному пути. — Лектор вздохнул и погасил шаровую молнию. — Меня зовут Герман Харитонович, моя задача — обучить вас упрощённым принципам создания энергетических конструкций. Кинетический щит, который вы не сможете изменять и подпитывать сверхсилой после создания, всё же лучше пули, которую схлопочете, пока будете осваивать полный академический курс. Итак, приступим!

Следующие сорок минут я конспектировал принципы управления и сочетания различных типов сверхэнергетического воздействия, заподозрил даже, что дают нам ту самую комбинаторику, о которой говорил Попович. Но только лишь теорией дело не ограничилось, после лекции мы спустились в подвал и под присмотром Германа Харитоновича приступили к попыткам создать кинетический щит в виде овала шириной полметра и высотой метр.

— Размеры — это важно! — заявил лектор. — Дело не только в расходе энергии, хотя это первое, что

приходит на ум. Дело в затрачиваемом времени. Помимо того, что преграда для снижения убойной силы пули нужна прямо сейчас, а не когда вы достаточно сосредоточитесь, дабы определиться с областью воздействия, следует разом вложить в экран всю отведённую на это сверхсилу. Не справитесь — придётся создавать дополнительные слои с соответствующим ростом потерь энергии в единицу времени. Работа со структурами, которую можно подпитывать, для вас недоступна даже на теоретическом уровне, не говоря уже о неизбежных сложностях с поддержанием энергетических связей. И поскольку вы вкладываетесь полным объёмом сверхсилы, следует заранее определиться с оптимальными габаритами экрана для прикрытия жизненно-важных органов и чётко этих габаритов придерживаться. В таком случае позиционирование воздействия во многом приобретёт подсознательный механический характер. И на текущем этапе не пытайтесь создать полноценный щит, вкладывайте не больше пяти джоулей на квадратный сантиметр.

Двадцать пять килоджоулей — это пустяк, но на одном кратком выдохе размазать их по плоскости с габаритами полметра на метр оказалось не так уж и просто. Пусть меня и учили оперировать подобным образом с давлением, тут приходилось проделывать несравненно более кропотливую работу. От нас требовалось не только трансформировать сверхсилу в кинетическую энергию, но и придать ей вектор противоположный теоретическому вектору пули для максимального гашения её скорости.

Взмок, но так ничего и не вышло. Впрочем, не у меня одного.

— Упражняйтесь! — заявил Герман Харитонович, прежде чем нас покинуть. — К субботе жду от вас более внятных результатов.

Упражняться мы бросили сразу, как только за ним закрылась дверь. Попадали на лавки, принялись отдуваться.

— Внятных! — проворчал Вадим. — Студенты годами учатся, а нам за день освоить нужно!

Он махнул рукой и замолчал, тогда кто-то предложил устроить перекур, но ничего не вышло: за нами явился Денис Гаврилович. Как оказалось, пришло время идти в тир. Впрочем, как раз идти никуда не возникло нужды, просто перебрались в соседнее помещение.

— Не стоит недооценивать огнестрельное оружие, только лишь потому что умеете бить молниями. Огнестрельное оружие — это шанс выиграть на первых секундах столкновения. Огнестрельное оружие — это ваше преимущество в несколько мегаджоулей, которые противник бросит на создание кинетического крана. Огнестрельное оружие — это инициатива. Вы сможете одновременно стрелять и оперировать сверхэнергией или заставить уйти противника в оборону. Но для этого нужны навыки.

Следующие полчаса мы выхватывали незаряженные пистолеты, вскидывали их и убирали обратно. Затем наставник по стрелковой подготовке продемонстрировал стрельбу от бедра.

— В этом случае возникают сложности с прицеливанием и пули обычно уходят выше, но, если выбор в том, успеете вы сделать выстрел или нет, такие вот ковбойские штучки становятся вполне оправданными, — заявил он, и отправил нас снаряжать магазины.

Стрелковая галерея была на двадцать пять метров, там висело сразу пять мишеней, поэтому стреляли все одновременно. Если б не танковый шлем, точно бы оглох, но и так в ушах звенело.

Сначала вели огонь прицельно, после отрабатывали стрельбу от бедра и новые приёмы, заключающийся в двух выстрелах за минимальный промежуток времени. Иногда наставник давал советы, поправлял стойки или хват, но результаты у меня были, прямо скажем, средние. Вернее — посредственные.

Ненавижу что-либо на время делать! Просто ненавижу!

Ладно хоть костюм на майку и трико догадался сменить, а то бы весь пороховой гарью провонял.

— Кирилл, Елисей, за мной, — распорядился по окончании занятия Денис Гаврилович. — Остальным надеть ватники.

Инструктор увёл сокурсников, а мы остались в распоряжении наставника по стрелковой подготовке.

— Будем развивать технику закрытой руки, — заявил тот и продемонстрировал револьвер образца девяносто пятого года. — Пули заменены каучуковыми элементами, навеска пороха снижена, самое большее останутся синяки. — Он прицелился в стену, утопил спусковой крючок и после не столь уж громкого выстрела по комнате заскакал чёрный шарик. — От вас требуется успеть сконцентрировать сверхэнергию в месте попадания. В этом случае ранения избежать не получится, но будет снижена глубина раневого канала, что позволит предотвратить поражение внутренних органов. Надевайте защитные маски!

Вадим неуверенно взвесил в руке маску, куда более солидную, нежели те, что используют фехтовальщики, и спросил:

— Вы серьёзно?

Наставник выстрелил ему в живот, и курсант с вскриком повалился на колени.

— Надевайте маски!

На этот раз глупых вопросов не последовало.

Не знаю, каким образом обучали технике закрытой руки остальных, а вот лично мне по сравнению с лупцеванием палкой или деревянным мечом выстрелы резиновыми пулями таким уж серьёзным испытанием не показались. Всё же ватники серьёзно смягчали удары, и на пол я после попаданий не валился.

Четверть часа наставник стрелял во всех по очереди и не менял точку прицеливания, давая подготовиться, затем начал выбирать жертву случайным образом, палить быстро и не слишком прицельно, но толстый слой ваты спасал и тут. Как он сказал, сейчас просто нарабатывалась рефлекторная связка «выстрел — отклик».

Дальше всех погнали на занятие рукопашным боем, а вот я отправился в душ. И это было просто здорово — сил не осталось вовсе, еле до трамвайной остановки добрёл. Ну и на вечерней тренировке в зале, разумеется, не блеснул.

— Линь! — даже возмутился Анатолий Аркадьевич. — Ты чего такой варёный? Только не говори, что в боксёрской секции из тебя вчера отбивную сделали!

— Не сделали, — ответил я. — Просто устал.

— Утомился, когда с тигрицей боролся, — пошутил Максим Бондарь, приметивший в раздевалке мою исцарапанную спину.

— А тебе завидно! — недобро глянул на него Матвей и предложил мне: — Поработаем в паре?

Я замотал головой.

— Не сегодня.

Ушёл к себе, подивился отсутствию Василя в столь поздний час, разделся и уснул ещё прежде, чем упал на кровать. Как укрывался одеялом — уже не помню.

Глава 2/2

На пятницу в моём расписании значилась общая теория управления сверхэнергией, экономическая теория и риторика. Первую пару сидел дурак дураком в первом ряду, но тут уж ничего не попишешь — составил компанию Льву. Добросовестно конспектировал и следующую лекцию, немного расслабился только на теоретической части риторики. Увы, во второй части занятия слушателей разделили на группы и развели по разным аудиториям для проведения практикумов. Лектора сменила барышня лет двадцати двух, и я обрадовался было, да только отсидеться на задней парте не вышло и пришлось вслед за остальными представляться и рассказывать о себе. Не могу сказать, будто испытывал боязнь публичных выступлений — если уж на то пошло, обычно куда сложнее было завести разговор с незнакомым человеком с глазу на глаз, — просто не хотелось откровенничать, отбрехался кое-как, исключительно для галочки.

Ну а потом чуть ли не вприпрыжку рванул в столовую при госпитале, благо карта студенческого городка выветриться из памяти ещё не успела, и среди учебных корпусов я не заплутал — короткая дорога оказалась действительно короткой, даже озябнуть без плаща не успел. Оттирать стенки в ожидании Вали не стал, вместо этого пристроился в хвост очереди на раздачу, взял первое, второе, булочку и два стакана компота, расплатился, недобрым словом помянув Альберта Павловича из-за непредвиденных и совершенно необязательных трат, и с подносом в руках отправился на поиски свободного стола.

Тут-то меня и окликнули. Нет, не Валя. Лизавета Наумовна.

— Петя! Присаживайся!

Я заколебался. В столовую меня привели дела, но и отказывать Лизавете нисколько не хотелось, да и свободных столов не наблюдалось, так и так пришлось бы к кому-нибудь подсаживаться. Ну и какого чёрта?

— Здравствуйте Лизавета... Наумовна, — добавил я к имени ещё и отчество по той простой причине, что одновременно со мной к столу подошёл светловолосый господин лет тридцати — привлекательной наружности, спортивный и подтянутый. В отличие от большинства посетителей, был он не в белом халате, а в костюме, пошитом точно на заказ и определённо не в Новинске. Попадалось на глаза что-то такое в модных журналах Лии.

— Присаживайся, Петя, — с нажимом повторила Лизавета и представила нас друг другу. — Филипп — это Пётр, мой пациент и вольный слушатель. Пётр — это Филипп, мой коллега.

Серые глаза насмешливо сверкнули, и сразу вспомнилось её прежнее высказывание об отношениях с пациентами и коллегами, но я умудрился сохранить невозмутимое выражение лица, спокойно ответил на рукопожатие нового знакомого. Ладонь Филиппа оказалась жёсткой, а ещё от него донёлся лёгкий аромат одеколона, коим я в повседневной жизни пренебрегал. Быть может, зря?

— Ты здесь какими судьбами, Пётр? — полюбопытствовала Лизавета, которая уже пообедала и пила чай.

— По делам заскочил и решил перекусить, — ответил я и поспешил заняться борщом, дабы не возникло нужды поддерживать светскую беседу.

А вот Филипп был отнюдь не прочь почесать языком и болтал просто без умолку, адресуя свою речь, конечно же, не мне. Впрочем, когда уже под конец тарелки супа слух резанула фраза о левостороннем движении, я

вскинулся так резко, что это незамеченным не осталось, и Лизавета пояснила:

— Филипп четыре года проработал в Айле.

— А! — протянул я, сообразив, с кем именно угораздило оказаться за одним столом.

Мне бы откланяться, но только-только приступил к плову. Положился на волю случая и прогадал, Лизавета не преминула заметить:

— Сегодня Филиппа утвердили в должности заведующего первой лабораторией. Пётр, ты уже туда ходил? Сколько тебе насчитали за вывод на пик витка, если не секрет?

Я нехотя озвучил сумму, и Лизавета озадаченно приподняла брови.

— Ничего не путаешь? Меньше ста пятидесяти рублей за румб девятого витка — это очень мало.

— Мало? Мне эту сумму пару лет отрабатывать придётся!

— Мало, Пётр. Стандартный тариф — двести рублей.

Лизавета смотрела требовательно и строго, темнить не было никакого смысла, и я пояснил:

— По ходатайству за счёт лаборатории часть затрат должны закрыть.

Тут уж переменялся в лице Филипп.

— Я проводил аудит, у нас нет свободных фондов...

Окончание фразы повисло в воздухе столь явной недосказанностью, что я без всякого труда продолжил её сам: «для всяких вольных слушателей». И ещё он наверняка подумал, что меня и представлять ему не стоило. Мол, много чести.

Лизавете отчего-то это заявление показалось забавным, и она покачала головой.

— Увы, Филипп, придётся изыскать внутренние резервы.

Тот нахмурился.

— Ты ставишь меня в неудобное положение!

Зря он это сказал: тон Лизаветы вмиг стал колюче-холодным и царапнул нервы неприятными интонациями.

— Я не имею обыкновения ставить тебя в неудобное положение!

Интонационные акценты оказались расставлены столь отчётливо, что Филипп даже самую малость покраснел.

— Я звал тебя с собой! Проклятье! Да я бы никуда и не поехал, попроси ты остаться!

— В самом деле? — изогнула бровь Лизавета. — Но как видишь, я не поставила тебя в неудобное положение!

Мне захотелось бросить недоеденный плов и сбежать, да только всё самое плохое уже случилось, и я уткнулся в тарелку.

— И в этот раз дело тоже не во мне, — продолжила Лизавета уже нормальным тоном. — Пётр, правильно понимаю, что за тебя ходатайствовал Макар Демидович?

Я кивнул, и вернувший себе присутствие духа Филипп пренебрежительно фыркнул.

— Звонарь мне не начальник!

— Безумству храбрых...

Филипп уставился на собеседницу с откровенным недоумением.

— Ты серьёзно? Звонарь станет портить мне жизнь из-за такой ерунды? Он, конечно, мелочный, но не настолько же!

— О, дело не в том, что Петру посвящены два абзаца в диссертации Макара Демидовича, проблема, дорогой мой, в том, что он и без того уже настроен по отношению к тебе предвзято. Ты вернулся, и кого откомандировали тебе на смену?

— Кого-то из молодых. Андрея... как его там... Донца. А что?

— Последние три года этот молодой человек состоял ассистентом при Звонаре и выполнял для него всю грязную работу. Как думаешь, Макар Демидович сильно обрадовался потере помощника?

Известие о том, что Андрей Игоревич получил назначение в Айлу, стало полнейшей неожиданностью, мелькнула даже мысль о том, что это как-то связано с его вербовкой, в коей я принимал самое непосредственное участие. А ещё заподозрил, что заместитель заведующего позвонил доценту Звонарю на мой счёт вовсе неспроста. Вот же интриган какой!

Филипп помрачнел, и Лизавета соизволила его утешить.

— Не дуйся! А хочешь, я напишу ходатайство? Будешь оправдываться, что не смог устоять перед женскими чарами.

— Трус или подкаблучник — отличный выбор! — заявил в ответ Филипп, отпил чаю и поморщился. — Гадость какая. Возьму кофе.

— Бери сразу кофейник, — попросила Лизавета. — Попью у меня.

В этот момент от раздачи с подносом в руках отошла Валентина, и я привстал со стула, помахал ей рукой.

— Валя!

Филипп оглянулся, многозначительно хмыкнул и отправился к буфету. Лизавета тоже задерживаться за столом не стала, но, прежде чем отойти, негромко произнесла:

— Умненькая девочка. Не подпускай её слишком близко.

Она сухо кивнула в ответ на приветствие Валентины и ушла, а медсестра села напротив меня и принялась выставлять с подноса тарелки. Я, честно говоря, толком даже не знал, как себя с ней вести. С одной стороны, эта коварная красotka накормила меня химией, вполне

отдавая себе отчёт, что есть определённый риск летального исхода, с другой — действовала не по своей инициативе. Опять же — фигура такая, что просто глаз не отвести, да и лицо симпатичное. И — Альберт Павлович. Тут не до эмоций.

— А ещё говорят, коней на переправе не меняют, — многозначительно заметила Валентина.

— Загнанных лошадей пристреливают, — ответил я, процитировав название романа, о котором только слышал, но не удосужился прочитать, и у блондинки дрогнуло веко; как видно, приняла это высказывание на собственный счёт.

Впрочем, она тут же совладала с эмоциями, и миленькое лицо вновь стало именно что миленьким.

— И что дальше? — спросил я.

— Говори о чём-нибудь, пока я обедаю, — заявила в ответ Валя. — И ничего не планируй на вечер субботы. Остальное тебе объяснит сам знаешь кто.

В этом «сам знаешь кто» не прозвучало ни малейшего намёка на тёплые чувства к человеку, который дважды спас красотке жизнь: первый раз откачав после убойной дозы наркотиков, второй — прикрыв от трибунала. Наоборот, произнесено это было с откровенной обидой, даже губки поджала.

— Пойдём в «Гранд-отель»? — высказал я предположение, основываясь на разговоре Ивана и Альберта Павловича.

— Сделал домашнее задание? Молодец.

В общем, разговор не задался. Валентина определённо пребывала в дурном расположении духа, а я развлекать её не нанимался. Посидели друг напротив друга и вместе покинули столовую. Точнее, не вместе, а одновременно, дальше каждый пошёл по своим делам. Не знаю, куда поспешила Валя, мой путь лежал на кафедру кадровых ресурсов.

Альберт Павлович был в кабинете один, он оторвался от печатной машинки и спросил:

— Встретились?

— Так точно, — отрапортовал я и кинул взгляд на настенные часы. Времени до заступления на дежурство оставалось не так уж и много, но и не в обрез.

— Присаживайся, есть разговор.

Я нехотя опустился на стул, положил кепку на колени и посмотрел на куратора, всем своим видом изображая внимание. Тот передвинул на мою сторону телефонный аппарат.

— Звони в «Гранд-отель» и бронируй стол на две персоны на девять вечера субботы. И не мямли, поуверенней давай. Снобизма в голос добавь, ты же не голодранец какой-нибудь, а студент и оператор! Элита и белая кость!

Номер в телефонной книге искать не пришлось, Альберт Павлович продиктовал его по памяти, и очень скоро я вернул трубку на рычажки.

— Приемлемо, — прокомментировал консультант мой разговор с администратором ресторана и потребовал: — Записную книжку купил? Доставай!

Помечать пришлось адрес и время. Нет, не адрес ресторана и не время брони, от меня требовалось за полчаса до этого подойти к общежитию медиков, встретить там Валентину и доставить её на извозчике в «Гранд-отель».

— Просто составишь компанию, — заявил Альберт Павлович. — Изображай щенячью влюблённость и смущение из-за дороговизны, с этим ты точно справишься. И не лезь на рожон. Если Валентина попросит подыграть — подыграй, скажет, что ты ей наскучил — требуй счёт и уходи. На этом всё. Ещё раз повторяю: самому тебе проявлять инициативу не нужно и даже вредно, ты просто часть её легенды. И самое главное: если что-то пойдёт не так, если возникнут

вопросы у полиции или коллег, ты просто пригласил девушку в ресторан. Познакомились на Кордоне, встретились в больнице, условились о свидании. Место ты выбрал, решив пустить пыль в глаза. Деньги — выиграл.

— Понял, — кивнул я, хоть на деле терялся в догадках.

— И самое главное — никому ни полслова. Усёк?

Я кивнул, тогда Альберт Павлович вручил мне тридцать пять рублей, велел расписаться в ведомости и предупредил:

— Деньги подотчётные, потрудись принести счёт.

— Сделаю.

— Теперь второй момент. Ты сегодня дежуришь в патруле или на вахте?

— В патруле. С трёх до семи.

— Очень хорошо! — обрадовался Альберт Павлович, встал из-за стола и раскрыл один из шкафов, оказавшийся доверху забитым картонными папками с завязками. Боковины их отмечали имена и фамилии, но какую именно достал консультант, разобрать не вышло.

Точно не мою — на откреплённой от обложки фотокарточке оказался запечатлён хулиганистого вида паренёк со слегка искривлённым носом, тяжёлой челюстью и не менее тяжёлым взглядом, что ощущалось даже по снимку.

— Сегодня в шесть вечера в сквере Стачек состоится выяснение отношений между двумя компаниями операторов. Твоя задача — задержать вот этого юношу бандитской наружности и навешать на него столько статей, сколько только получится.

Я даже рот от изумления разинул.

— Но как?

Альберт Павлович развёл руками.

— А вот и посмотрим!

Стало ясно, что нет смысла ни протестовать, ни апеллировать к здравому смыслу, я всмотрелся в фотокарточку и вернул её куратору.

— Раз уж речь зашла о хулиганах, — проговорил я после этого, — такой Северянин вам известен?

Альберт Павлович кивнул.

— Константин Северянин предположительно восемнадцатого года рождения. С семилетнего возраста воспитывался в специализированном детском доме. До поступления в институт был известен как Костя Север, после поступления неоднократно задерживался за драки с однокурсниками. Стоял вопрос об отчислении и даже отнесении в разряд неблагонадёжных, но всё ограничилось обязательным посещением психолога. После асоциальное поведение сменилось стремлением к лидерству, что администрацию РИИФС полностью устраивает. За ним присматривают по старой памяти, но серьёзных претензий нет.

— Плохо присматривают, — скривился я.

— Ты, знаешь ли, тоже не подарок!

— А не проверяли его или его дружков на причастность к залётам студенток?

Альберт Павлович поморщился.

— Проверяли, конечно. Видишь ли, первой жертвой стала его подружка. Та ещё оторва и влияла на него не лучшим образом, но ни ссор, ни скандалов между ними не было. Дело к свадьбе шло. А самое главное, на момент... инцидента он был на Кордоне. Такие дела.

— Может, она случайно залетела и решила ему алиби обеспечить?

— Меньше детективов читай, — посоветовал куратор. — И не позволяй личным антипатиям подменять собой улики. Нароешь что-нибудь серьёзное — милости просим, а фабриковать дела и без тебя мастеров хватает.

Я поднялся и спросил:

— А с подружкой его в итоге что случилось? Разбежались?

— После аборта был нервный срыв. Предлагали на теоретический факультет перевести и подождать — вдруг способности успеют восстановиться, так нет — отчислилась. Сейчас курсы стенографисток посещает какие-то заштатные. Жизнь под откос, в общем. Но в одном ты прав — неформальные группировки в институте разные. Есть нормальные клубы, есть всякие уроды. Мы за ними присматриваем, но людей не хватает. Да и пока не случится чего-нибудь совсем уж вопиющего, никто жаловаться не спешит. Будет свободное время, полистай досье, вдруг какая идея в голову придёт.

Я кивнул и поспешил распрощаться с куратором. Дошёл до вахты, забрал плащ и вещмешок, да и отправился на поиски сквера Стачек, который, насколько помнил, располагался в пяти минутах ходьбы от железнодорожного вокзала.

Покою не давал вопрос, каким именно образом смогу оказаться там в самый разгар дежурства. Конечно, мотоциклом управляю именно я, но направление движения указывает старшина, а ему самому спускают маршрут патрулирования сверху!

Вот ведь задал Альберт Павлович задачку!

И ведь ничего примечательного в сквере Стачек и в помине не оказалось: сквер как сквер! Почти идеально-круглую прореху меж зданий с облетевшими на зиму лиственными кустами обнесли небольшой оградкой и окольцовали дорогой, на первых этажах окрестных зданий располагались бакалейные лавки, магазины готового платья, кафе и закусочные.

Вот вдоль их витрин я и прогулялся, пытаюсь придумать себе неотложное дело, которое потребует моего присутствия тут ровно в шесть. Зашёл в один

магазинчик, потоптался перед прилавком другого, а потом углядел лавку с широчайшим ассортиментом сумок — преимущественно дамских. Но один из углов торгового зала отвели под саквояжи, и там я углядел кожаный портфель с двумя неброскими застёжками — плоский и небольшой, при этом достаточно вместительный, чтобы запихать в него помимо тетрадей ещё и трико, майку и кеды.

Времени оставалось в обрез, поэтому толком его в руках не покрутил, сразу справился о цене. Запрошенная сумма в пятьдесят пять рублей нисколько не порадовала, засомневался даже, стоит ли тратиться. Но на всякий случай уточнил:

— А вы до которого часа открыты?

— До шести, — подсказал приказчик.

Я счёл это знаком судьбы, полез в карман, выгреб три трёшки и железный рубль.

— Вот задаток, — припечатал ладонью деньги к прилавку. — К шести вернусь и внесу остаток. Идёт?

Приказчика такой вариант вполне устроил, он убрал банкноты и монету в весело звякнувший кассовый аппарат и спрятал портфель под прилавок, а после выписал квитанцию на уплаченные мной десять рублей. Я сложил её надвое и спрятал в карман, затем натянул перчатки и поспешил в распоряжение. В кассе получил месячное денежное довольствие в размере ста тридцати рублей и полсотни материальной помощи, коей компенсировали разницу между реальным и официальным окладом, подсчитал имеющуюся наличность и тяжело вздохнул: на оплату сеансов терапии моих трёхсот семидесяти рублей не хватало даже близко. С такой суммой на руках даже о рассрочке просить смысла не было, вот и пришлось идти сдаваться на милость капитана Городца.

Тот выслушал меня, затем расспросил о поручениях Альберта Павловича. Усмехнулся в усы.

— Ну с этим твоим хулиганом всё ясно — мы тоже по мере возможности отлавливаем операторов, которые с частниками договоры подписали. Дело житейское.

— Если так, почему не провести задержание официально?

— Для этого придётся просить об одолжении кого-нибудь в комендатуре. — Городец ухмыльнулся. — Например, меня. А наш дорогой Альберт Павлович терпеть не может оказываться в должниках. И к слову, потрудись заранее придумать причину, которая приведёт тебя в сквер. Скорее всего, придётся давать показания в суде, если начнёшь путаться, адвокат обвиняемого тебя с потрохами сожрёт.

— Уже, — ответил я. — В смысле причину нашёл. Не подкопаешься.

— Ну и замечательно. Теперь что касается Валентины Паль... С ней держи ухо востро. Именно она по просьбе Олега Друзы десантников настропалила, чтобы те кроме как о доставке объекта в Эпицентр ни о чём другом и думать не могли. Никаких противоестественных желаний в головы им не вкладывала, просто о других вариантах позабыть заставила. Мастерски туннельный синдром организовала. Да ты и сам видел, к чему это привело.

Я кивнул. Я — видел. И потому спросил:

— А чем она после возвращения с Кордона в Новинске занимается?

— Её на медосмотры соискателей поставили, поэтому в голову не возьму, какую игру Альберт Павлович затеял. Вас он точно неспроста свёл, только не забывай: ты не абсолют, эта умничка может при необходимости и к тебе ключик подобрать. Не зевай и на спиртное не налегай. Не развлекаться за казённый счёт идёшь, там эту свою тридцатку до последней копейки отработаешь. — Капитан Городец покачал

головой, а потом глянул с хитрым прищуром и поинтересовался: — Ну, так что со ставками?

Я выложил на стол листок и пояснил:

— По курсантам полные установочные данные, по студентам только имена и суммы.

— Ладно, не безнадёжен, — хмыкнул капитан, дошёл до сейфа и отпер его. — А я всё гадал, чего ты за гарантийным письмом не идёшь? Неужто, думаю, на ставках неплохой капиталец сколотил?

Меня аж испарина пробила, когда принял лист с подписями коменданта и начальника финчасти и сразу двумя печатями. В левом нижнем углу стояла виза комиссара Хлоба и синел штампик «согласовано». Сумма — две тысячи.

Такое облегчение накатило — словами не передать!

— Имей ввиду — это не благотворительность. После окончания курсов начнут удерживать треть оклада, — предупредил капитан.

— А если мне меньше нужно?

— Меньше — не больше, на сколько счёт выставят, столько и будешь возмещать.

Я поднялся на ноги.

— И за часы тоже спасибо, Георгий Иванович!

— Пользуйся! — улыбнулся Городец, но его скуластая физиономия тут же приобрела жёсткое выражение. — И не забывай о нашем уговоре касательно поручений Альберта Павловича.

— Не забуду!

С драгоценным письмом я убежал в комнату, запрятал его и деньги под расстеленную на дне чемодана газету, после переоделся в форму, а только накинул плащ, и в комнату заглянул Василь.

— Готов? — уточнил мой сосед.

— Ага. Секунду.

Мы отправились в оружейную комнату, и по пути я поинтересовался, где вечерами пропадает Василь, а тот

лишь плечами неопределённо пожал.

— Задают на курсах всякое. Надо разбираться. — После глянул на меня и усмехнулся. — Сам-то где позавчера ночевал?

Я беспечно пожал плечами.

— В гостях задержался.

Василь хохотнул и потопал к контрольно-пропускному пункту, а я побежал в автохозяйство и прикатил на плац уже на мотоцикле. Вскоре и старшина Ревень подошёл.

Я изобразил смущение — да тут и лицедействовать особо не пришлось! — и обратился к инструктору с просьбой завернуть ближе к шести в сквер Стачек.

— Мне там только портфель забрать, должны привезти к закрытию, — чуть приукрасил я ситуацию. — Просто хожу с вещмешком на занятия, как чучело.

— Чучело и есть, — заявил в ответ старшина и махнул рукой. — Чёрт с тобой, завернём. Только время сам контролируй. Думал вам сегодня юго-запад показать, но чего уж теперь. Поехали!

Мы и поехали. Вынесли штук пять предупреждений без оформления протоколов, чем ввергли Василя в глубочайшее уныние. Ещё нагнали жути на уличных музыкантов, точнее — на подвизавшегося в их ватаге йогом студента РИИФС. Под заунывные песнопения товарищей он парил со скрещенными ногами в десяти сантиметрах над землёй, чем и привлекал к представлению внимание прохожих. Этого тоже забирать не стали, просто переписали установочные данные из студенческого билета.

Время от времени я доставал часы, и от ожидания морозило как-то даже сильнее обычного. В итоге Ревень не выдержал, обложил меня матом и велел ехать уже в этот «драный сквер» и не мотать ему нервы.

«Тоже замёрз», — решил я, поскольку на месте старшина сразу наострил лыжи в кофейню, ещё и

Василя с собой прихватил.

— А ты — бегом! Одна нога здесь, другая там! — рыкнул на меня инструктор.

Было только без четверти шесть, но пришлось вытаскивать ключ из замка зажигания и тащиться в магазин. Приказчик сразу выставил на прилавок портфель, я в свою очередь вернул квитанцию, а потом стянул перчатки и долго-долго отогревал дыханием пальцы. Но бесконечно тянуть время было нельзя, расплатился и подступил к витрине. Изнутри через ряды сумок ничего толком разглядеть не получилось — темень изнутри показалась просто непроглядной, тогда вышел на улицу.

Там огляделся. Старшина и Василь ещё пили кофе, а под фонарями среди деревьев удалось приметить несколько групп молодых людей, на них я внимание сослуживцев и обратил, когда те соизволили вернуться к мотоциклу.

— Думаешь, что-то будет? — засомневался Ревень. — Ну, давайте шуганём!

Я на миг растерялся, на помощь пришёл шмыгнувший носом Василь.

— Так они через час на соседней улице соберутся, ещё и случайных прохожих зацепят. Зачинщиков винтить надо и остальных фигурантов устанавливать, чтобы разъяснительную работу провести.

— Слова не мальчика, но мужа! — усмехнулся старшина. — Линь, сколько там операторов навскидку?

Я погрузился в лёгкий транс и заставил себя раскрыться энергетическим помехам. С потенциалом в противофазе это получалось несравненно проще, но и тут очень скоро произнёс:

— Да все они там операторы. Семеро с нашей стороны, и шестеро где-то дальше в сквере.

— Серьёзно, — признал Ревень и указал на мотоцикл. — Заводи и поехали!

От вопросов я воздержался, и мы под тархтение движка укатили на соседнюю улочку, а там сделали круг и подъехали к скверу с другой стороны, остановились в подворотне за два дома. Василь к этому времени связался с диспетчером и попросил прислать подкрепление, а я предложил:

— Может, схожу на разведку? Нарукавную повязку снять — и нормально.

Старшина был в шинели, а Василь нашёл на куртку шевроны с двумя лычками младшего сержанта, знаков различия не было лишь на моём плаще.

— Попробуй! — нехотя разрешил старшина. — Только на рожон не лезь. Твоя задача — выявить заводил.

«Выявить и задержать», но от этого уточнения я воздержался, снял шлем и расстегнул ремень с кобурой, дубинкой и подсумком для наручников.

— Пистолет возьми, — проворчал Ревень и сунул мне свисток. — Держи, у нас ещё один есть.

Спрятав ТТ в карман плаща, я поднял воротник и потопал к скверу. Там горели фонари, но с расстояния высмотреть человека, которого лишь раз видел на фотокарточке, не представлялось возможным, а когда начнётся драка или тем паче прикатит патруль и все рванут в разные стороны, сделать это и вовсе окажется невозможно. Ничего не оставалось, кроме как рискнуть.

Миновав один фонарь и не дойдя до следующего, я пересёк дорогу и перемахнул через низенькую оградку сквера, но только вышел на аллею и сразу понял, что просчитался. Меня заметили.

Наверное, что-то из прочитанных пособий по наружному наблюдению всё же отложилось в голове, вот и я не стал строить из себя случайного прохожего, а направился напрямик к компании во все глаза пялившихся на меня парней.

— Закурить не будет? — спросил, не дойдя пары метров, и вроде как с извинением улыбнулся. — Такое дело — деньги только в понедельник обещают, а всё под чистую спустил...

Кто-то хмыкнул, кто-то понимающе усмехнулся. Один достал распечатанную коробку папирос и показушным жестом выбил одну мне, другой запалил огонёк на конце пальца. Я дрожащей рукой принял папиросу, прикурил, затянулся и пыхнул дымом.

— Благодарю! — развернулся и затопал прочь.

Всё что мне было нужно, уже узнал. И знакомую физиономию срисовал, и рисунок создаваемым им энергетических помех на заметку взял. Было в его характере нечто странное, но не сообразил, что именно, просто порадовался возможности легко отличить от остальных.

А что руки дрожали — так никакой актёрской игры. Продрог.

Далеко уходить я не стал, лишь обогнул сквер, так чтобы оказаться на противоположной стороне от сослуживцев, и завернул за угол дома. Кинул папиросу под ноги, растёр её подошвой и принялся отплёвываться. Ну и гадость!

И сразу — понеслось! Ясновиденье позволило не пропустить момент сближения двух компаний. Парни не стали тратить время на разогрев взаимными оскорблениями и сходу кинулись в драку, донеслись короткие выкрики и отзвуки ударов, следом отчаянно заголосила женщина. Энергетический фон остался стабильным, сверхспособности никто не задействовал, а стоило только раздаться пронзительной трели полицейского свистка, и все бросились наутёк.

Как и рассчитывал, парни гурьбой ломанулись напрямик ко мне и, мысленно сопровождая стремительно приближающуюся цель, я уже приготовился к рывку, когда с соседней улочки

выскочил патрульный вездеход. Драчуны прыснули в разные стороны, стремясь затеряться в проходных дворах, я ругнулся и ринулся наперерез подопечному, который лихо сиганул через оградку и устремился через дорогу к проезду меж двух домов. Сблизился с ним и рывкнул, стремясь сполна воспользоваться эффектом неожиданности:

— Ни с места! Патруль! — Но ещё за миг до этого беглец неведомым чутьём уловил опасность, и в развороте врезал энергетическим выбросом.

Идиот! Я не стал тратить время на уклонение, на бегу нейтрализовал выплеск и тут же словно копытом в лоб получил. Ноги вылетели из-под меня, и я рухнул навзничь, на миг потерялся, потом перевалился на бок и сплюнул кровью. Голова раскалывалась от боли, ничего толком не соображал, в ушах звенело.

Из темноты выскочил Василь, и хулиган провёл два стремительных удара. Со стороны могло показаться, будто он впустую молотит кулаками воздух, а на деле бил сгустками уплотнённой сверхсилы. Василь перехватил их встречным выбросом энергии, но тоже заблокировать удары не смог, согнулся в три погибели и повалился на брусчатку.

Каким-то совершенно запредельным усилием воли я заставил себя подняться с земли и ринулся подкрытие театральной тумбы. Захлестнувшая разум злоба заставила потянуться за пистолетом, но сразу опомнился — нельзя! И разрядом тоже не приласкать, а ну как окочурится?!

Выступив из-за своего укрытия, я попытался опоясать драчуна жгутом давления, спеленать его и прижать руки к туловищу, но моё воздействие расплзлось, будто гнилая бечева. Парень вновь пробил боксёрской двойкой и снова не просто так, а с выбросом сверхсилы.

Импульс! Уклонение!

Отработанным на тренировке манёвром я ушёл от энергетических выплесков, сблизился и врезал крепышу в печень, но не попал и сам едва не схлопотал удар в разрез. Едва успел качнуться в сторону, и кулак разминулся с челюстью, шаркнул по скуле и зацепил ухо.

Василь поднялся с брусчатки, и тут же на него едва не налетел ещё один беглец, мне пришлось закрываться и уходить от града хорошо поставленных ударов. Крепыш психанул и вновь шваркнул парными выплесками сверхсилы, но тут уж я не сплеховал и легко уклонился от первого выброса, а второй блокировал, задействовав технику закрытой руки. По предплечью словно обитой гвоздями палкой долбанули, едва от боли не заорал, но шанса провести захват и бросок не упустил.

В самый последний миг парень вывернулся и откатился в сторону, где его и приложил дубинкой Василь. Щёлкнул электрический разряд, я вмиг очутился рядом и подбил ноги драчуна подсечкой. Сам рухнул сверху и со всего маху вогнал локоть в правую почку, попутно усилием воли разметав скопление сверхсилы.

Подопечный начал вырываться и перебороть его, дабы вывернуть на болевой захват руку, оказалось совсем непросто. Мне и способности задержанного удалось заблокировать с превеликим трудом, каким-то совсем уж неправильным оказался его энергетический канал — гибким, скользким и холодным.

Помог Василь: он хватанул парня дубинкой по голове, и тот поплыл. Я зафиксировал его и хрипло выдохнул:

- Держу!
- Уверен?
- Да!

Василь кинул мне наручники и припустил вдогонку за хромавшим прочь после столкновения с ним беглецом.

— Стоять!

Я же защёлкнул браслеты на мощных запястьях драчуна и ощупал левой рукой лицо. Из носа текла кровь, но основной удар пришёлся в лоб, там уже набухла здоровенная шишка.

Тут вернулся Василь, уложил своего задержанного рядом, и я не удержался, спросил:

— Слушай, а что с этим парнем не так? Он какой-то неправильный!

— Так негатив это! — уверенно ответил сослуживец. — Ты не понял, что ли, ещё?

— Не-а, — машинально ответил я. — Не понял.

А сам подумал: «какого чёрта?!»

Негативов не посылают в распределительный центр! Никто не позволил бы негативу заключить контракт с частником! Во что такое меня впутал Альберт Павлович?!

Глава 3/1

С оформлением задержанных провозились до полуночи, точнее — с оформлением задержанного. Драка по предварительной договорённости между учащимися среднего специального энергетического училища и слушателями курсов, проходивших обучение там же, на серьёзное правонарушение не тянула, всех опросили и отпустили, вынеся предупреждение. Другое дело — мой подопечный. Если на сопротивление при задержании ещё могли посмотреть сквозь пальцы, то сопротивление с использованием сверхспособностей с рук сойти уже не могло. Да он ещё и зачинщиком выяснения отношений оказался — тут мне даже сочинять ничего не пришлось, кто-то из дружочков заложил.

Прямо на месте задержанному скормили препарат, блокирующий способности к оперированию сверхсилой, а дальше нас отправили на обследование в медсанчасть. Нас — это его и меня. Хулиган отделался парой ссадин, даже без ожога от шокера обошлось, мне диагностировали ушиб и подозрение на сотрясение мозга, но из лекарств выдали только мешочек колотого льда. Так дальше показания и давал, прижимая его ко лбу.

В оперативной части опросили и велели подождать, пока подготовят все бумаги, дабы завтра мог со спокойной совестью отправиться на учёбу, вот из протокола и узнал, что паниковал совершенно напрасно и капитан Городец со своим предположением касательно мотивов Альберта Павловича оказался совершенно прав. Задержанный и в самом деле заключил контракт с одним из частных предприятий, и это обстоятельство попросту не укладывалось в голове.

Ладно у меня случай уникальный, но этому боксёру как могли негатив не диагностировать? Ничего не понимаю.

Ночью ветер переменялся на восточный, заметно потеплело, и начали таять наметённый за последние дни снежок и наледь. Первой парой вновь шла общая теория сверхэнергии, сидел на ней со Львом, и тот показался каким-то даже ещё более напряжённым нежели обычно.

— Ты как — нормально? — спросил я после окончания лекции.

Лев дёрнул уголком рта и повернул голову в сторону приставленной к нему барышни, потом беспечно улыбнулся.

— Да, вполне! Проводишь меня на кафедру?

— Конечно!

Мы двинулись на выход из аудитории, и я обратил внимание, сколь ловко мой товарищ лавирует меж спешивших к выходу студентов. Он предугадывал их маневры ещё даже до того, как те замечали тросточку и чёрные очки. Расчищать дорогу пришлось уже только в самом столпотворении у дверей.

— Завтра с утра буду занят, — сообщил мне Лев, зайдя в лифт. — У тебя какие планы на вторую половину дня?

— Да особо никаких. Загляну.

Лев улыбнулся, а когда мы вышли на шестом этаже, вопреки обыкновению отклонился от привычного курса и свернул к уборной. При этом он будто невзначай стукнул меня тросточкой по щиколотке, и я понял намёк, двинулся следом. Ну а Милена, понятно дело, осталась дожидаться нас снаружи.

Стоило только остаться наедине, Лев сунул мне десятку и попросил:

— Возьмёшь бутылку водки и папирос?

— Возьму, — пообещал я, и мы разошлись по кабинкам.

Второй парой шла психология, и слушать пространные рассуждения на бесконечно далёкие от меня темы нисколько не хотелось, но по здравому размышлению решил занятия без крайней нужды не прогуливать. И — надо ж такому случиться! — в коридоре наткнулся на Нину. Ну как наткнулся: успел замедлить шаг и остаться незамеченным. Будь она одна, наверное, подошёл бы, но нет же — с новым приятелем под ручку вышагивала, а при таком раскладе ничем хорошим разговор закончиться не мог.

И даже когда кавалер поцеловал Нину в щёчку, и та поспешила прочь, за девушкой я не побежал. И в аудиторию вслед за незнакомым пока что мне молодым человеком тоже прошёл вовсе не из стремления учинить выяснение отношений; просто мы оба посещали курс психологии. Слушателей сегодня заметно прибавилось, но на задних рядах хватало свободных мест, там я и разместился. Эрнест Карлович уже был на месте и отвечал на вопросы, а лекция пока что не началась, в аудиторию продолжали подходить студенты.

Ухажёр Нины разместился в первом ряду, место для него придержал товарищ. В остальном же там сидели одни только барышни, далеко не все из которых попадали в категорию «синих чулок», хотя таковые определённо преобладали. Впрочем, нет — ещё один молодой человек уселся сбоку, как-то наособицу от всех, но его толком не разглядел, подметил лишь покатые плечи, длинные волосы и сутулость.

Дальше моё внимание переключилось на шумную компанию со вкусом одетых барышень, среди которых обнаружилась и Юлия Сергеевна. Вид её вызвал смешанные чувства: с одной стороны, нравилась она

мне ничуть не больше прежнего, с другой — никак не мог свыкнуться, что вот эту барышню, всю такую приличную и правильную, я ночь напролёт и в хвост, и в гриву... Хм, да...

— Привет, Петя! — вырвала меня из задумчивости остановившаяся рядом Лия. — Тоже решила на этот курс записаться. Ты так интересно в прошлый раз рассказывал!

На самом деле в кафе я разве что упомянул о теории бессознательного, но это никакого значения сейчас не имело, поднялся и пропустил Лию, потом уселся обратно. Из коридора донёсся металлический трезвон, и окружившие кафедру студентки разошлись по партам, а Эрнест Карлович усилием воли заставил взлететь кусок мела и принялся вычерчивать им на доске какую-то сложную схему.

— Петя! — толкнула меня в бок Лия. — А сможешь меня технике алхимической печи научить?

— Ты же пособие в библиотеке взять собиралась?

— Его только с четвёртого курса выдают.

— Так Виктора попроси, — предложил я простейшее решение проблемы.

— Не выйдет, — вздохнула Лия. — Такие пособия в общий читальный зал выносить нельзя, а у Вити диплом на носу, ему выжимку для меня некогда делать.

Я задумался. Савелий Никитич говорил, будто этой технике начинают учить, лишь когда наработана серьёзная база, и возникли сомнения, нужна ли она Лии на первом курсе. Но с другой стороны — мне-то алхимическая печь не повредила, ведь так?

— Ладно, — произнёс я со вздохом. — Либо завтра в первой половине дня где-нибудь в кафе поговорим, либо подходи в среду после занятий на служебный вход, я там до семи дежурить буду.

Говорил я совсем не громко, просто не учёл, что преподаватель уже начал лекцию, и лёгкий гул в

аудитории как отрезало. Ну и нарвался.

— Молодой человек! — произнёс Эрнест Карлович. — Да-да вы! На последнем ряду! Встаньте, пожалуйста, и представьтесь!

В мягком и ровном голосе не прозвучало угрозы, но сам не заметил, как очутился на ногах.

— Пётр Линь, — сказал я и нехотя добавил: — Вольный слушатель.

— Слушатель! — воздел лектор к потолку указательный палец. — Это ведь от слова «слушать», не так ли? Вы явились сюда слушать, но вместо этого мешаете слушать другим. Самим своим приходом сюда каждый из присутствующих акцептовал общественный договор, который ограничил права, но дал и ряд привилегий, ведь всякий свободен ровно в той мере, в которой не ограничивает свободу других. Вы помешали остальным получать знания, а потому впредь я не желаю видеть вас на своих занятиях. Покиньте аудиторию немедленно!

Лия покраснела до коней волос и даже попыталась встать, но я жестом остановил её, открыл свой новенький портфель, без лишней спешки убрал в него тетрадь и карандаши и двинулся к входной двери.

В гробу и белых тапочках эту психологию видел!

Опять же — всё, что ни делается, всё к лучшему: будет время отнести в лабораторию гарантийное письмо. Этим и решил заняться, только для начала сходил в буфет, купил пирожное и стакан чая. Тут ведь какое дело — разговор с заведующим ничего хорошего не сулил, а психолог вывел из себя просто до крайности. Болтун! Решил на моём примере другим урок преподать, так нечего к этому какой-то там общественный договор приплетать!

И ведь может себе позволить, сволочь, — курс явно популярностью пользуется, студентов хоть отбавляй.

Я допил чай, нехотя поднялся из-за стола и отправился в лабораторный корпус. От предстоящего разговора не ждал ничего хорошего, но не особо по этому поводу переживал. Просто не видел смысла себя накручивать. Даже если обяжут платить на общих основаниях — плевать! В любом случае недостающую сумму к маю точно накоплю. Будет непросто, и от много придётся отказаться, но — накоплю.

Дурные предчувствия начали оправдываться с первых же минут. Только вошёл в приёмную и представился, как красотка-секретарша пригласила проходить в кабинет заведующего, на двери которого красовалась новая табличка, из которой явствовало, что главу лаборатории зовут Филипп Гаврилович Вдовец.

Тот, куда менее приветливый, нежели вчера в столовой, принял у меня бумаги и указал на стул. Затем углубился в чтение и лоб его прочертила глубокая морщина. Следующие четверть часа тишину нарушал лишь шелест листов, а затем Филипп Гаврилович тяжело вздохнул, смерил меня пристальным взглядом и спросил:

— Знаешь термин «патовая ситуация»?

Благодаря Льву и нескольким походам в шахматный клуб я его знал, а ещё знал, что поладить с Филиппом Гавриловичем точно не получится, вот и счёл нужным заметить:

— В патовом положении невозможно сделать ход, здесь больше подходит поговорка «куда ни кинь, всюду клин».

Заведующий покачал головой.

— Если экстраполировать шахматные условности на реальную жизнь, в патовой ситуации игрок любым своим действием подставляет под удар короля, что запрещено правилами. А у нас имеется свобода воли, долг, ответственность и прочие занимательные вещи,

зачастую мало совместимые с инстинктом самосохранения.

Я ничего на это высказывание не ответил, и тогда Филипп Гаврилович замялся, будто бы даже собрался спросить о моих отношениях с Лизаветой, но ничего выяснять в итоге не стал, расписался, шлёпнул печать и объявил:

— Если сам отнесёшь гарантийное письмо в бухгалтерию, чтобы они оприходовали его и согласовали смету, первую процедуру сможешь пройти уже сегодня.

Свободного времени у меня было в избытке, и заведующий велел разузнать у секретарши, куда следует идти, а после указал на дверь. Кудрявая красotka ограничилась инструктажем более чем просто лаконичным, но, как ни странно, в коридорах служебного крыла я не заплутал и вскоре уже стучал в дверь начальника сектора учёта нематериальных фондов, некоего Горицвета М. П.

— Войдите! — слышалось изнутри, и я переступил через порог.

Хозяин кабинета оказался господином средних лет, весьма изящного сложения, но при этом определённо тренированным и жилистым — ровно воздушный гимнаст. Волевое лицо с прямым носом отличалось резким овалом скул, что отчасти скрадывалось усами и бакенбардами, а зачёсанные назад светлые волосы открывали высокий лоб. Я с ним уже определённо где-то встречался, вот и замешкался, пытаюсь припомнить — где именно.

Это секундное замешательство не осталось незамеченным.

— Что-то не так, молодой человек? — спросил Горицвет с лёгкой хрипотцой завязатого курильщика.

— Извините, — смутился я. — Просто видел как-то вас в «СверхДжоуле». Михаил Прокопьевич, если не

ошибаюсь?

— Именно так. Что у вас?

Я протянул гарантийное письмо и составленную в лаборатории смету. Горицвет глянул сначала один документ, затем другой и вздохнул.

— Ох уж мне эта молодёжь! Торопитесь жить, уповаете на медикаменты и технологии и не понимаете, что эта спешка не даёт создать полноценный базис для гармоничного развития. Шагая через две ступени, легко порвать штаны! — Михаил Прокопьевич поднялся и отпер несгораемый ящик, выложил на стол вытащенную из него папку и принялся подшивать гарантийное письмо, продолжая вещать: — Поразительное дело, но самые отъявленные скептики — это как раз операторы. Получив доступ к сверхэнергии, они сочли это чем-то новым, очередной ступенью развития, если угодно. Но ничто не ново под луной. У всего в нашем мире имеется основа. Традиционные практики творят чудеса! Медитации и мантры куда действенней таблеток и агрегатов, которые по сути своей мало чем отличаются от костылей. Истинная сила скрывается внутри нас. И один из путей достичь просветления — это йога. Подумайте об этом. Подумайте, пока ещё не слишком поздно. Поверьте, созерцания зачастую превосходит по эффективности любые действия. Мои друзья и ученики демонстрируют поразительные результаты. Просто поразительные и совершенно необъяснимые с точки зрения теории сверхэнергии. Впрочем, о чём тут говорить, если этой теории без году неделя, а пути духовного развития совершенствуются на протяжении тысячелетий!

Горицвет вручил мне отпечатанную на печатной машинке листовку, после принялся листать бухгалтерский журналы. Я воспользовался моментом и с интересом огляделся. В углу не столь уж и просторного кабинета висели разнокалиберные бронзовые

колокольчики весьма экзотического вида, а стены пестрели фотографиями и газетными вырезками. На некоторых снимках удалось разглядеть бухгалтера в компании чужеземца, экзотической одеждой и внешним видом неуловимо напоминавшего пахартских йогов. В большинстве заголовков упоминался некий «Махат Атман».

— Впритык, но по смете укладываются, — пробормотал Горицвет и начал шлёпать на смету печати и штампы. — Каждый из нас сам выбирает свой путь, — заявил он, поставив подпись. — Вам ещё не поздно передумать. Приходите, буду рад помочь.

Бухгалтер вернул согласованную смету, я с благодарностью принял её, попрощался и покинул кабинет, а в коридоре подумал-подумал и комкать листовку не стал, аккуратно сложил её вдвое и сунул в портфель. После поспешил обратно в лабораторию, намереваясь пройти первую из процедур и успеть на следующую пару, благо до начала той оставалось ещё чуть больше часа.

Нужная мне лаборатория располагалась уже не на нулевом этаже, а в подвале и, подозреваю, не на самом верхнем его уровне. По крайней мере, спускался лифт как-то очень уж долго. В холле без окон помимо молодого лаборанта с тонкими чертами лица меня встретили два охранника и не увальни-вахтёры, пусть и наделённые сверхспособностями, а подтянутые ребята с пистолетами-пулемётами и в полной боевой выкладке. Один занимал позицию сбоку от выхода из лифта, другой расположился за перегородкой — как бы ещё не бронированной.

— Это ко мне! — объявил предупреждённый заведующим лаборант, но не тут-то было. Пришлось предъявлять карточку вольного слушателя,

подлинность которой проверили звонком в службу охраны.

После этого меня повели в святая святых, и лаборант проворчал:

— Перестраховщики!

Впрочем, насчёт «святая святых» я погорячился. Сначала был холл, потом обычная на вид раздевалка с рядами одинаковых шкафчиков. Пришлось избавляться от одежды и взвешиваться на стоявших тут же весах. Назвавшийся Леопольдом лаборант записал показания в блокнот, указал мне на стопку простынок и позвал за собой. Рядышком лежали тапочки, надел их, пошёл по следу.

Пришли мы в буфет, такое впечатление, по крайней мере, поначалу сложилось. Там за круглыми столиками пили чай с полдюжины замотанных в простынки пациентов обоих полов, некоторые были покрасневшими, словно после бани, другие казались слегка озябшими, так же как и я.

Заправляла хозяйством дородная тётка в белом фартуке поверх белого же халата с закатанными рукавами, открывавшими мясистые предплечья. Именно она принялась отмеривать на аптекарских весах какие-то травы и сушёные ягоды, когда лаборант объявил:

— Сборы три и четыре в равных пропорциях.

Уже пару минут спустя я получил фарфоровый чайник и металлическую кружку, расположился за свободным столиком и принялся ждать, пока заварятся травы. Лаборант указал на странного вида часы, на циферблате которых помимо часовой и минутной стрелок с тихими щелчками сменяли друг друга таблички с секундами.

— Через две минуты выпей кружку, потом иди в третью парную, — предупредил Леопольд. — Там посидишь до сигнала, попутно прими ещё столько же

настоя. Чтобы не путаться, наливай в кружку сразу до риски. Остатки выпьешь после возвращения.

Я ожидал совсем другого, каких-нибудь замысловатых агрегатов, и немного даже растерялся.

— А потом?

— Суп с котом, — отшутился лаборант. — Увидишь.

Я решил не настаивать на объяснениях, выждал озвученное время, наполнил кружку травяным чаем и сделал осторожный глоток. Вкус показался знакомым и при этом ничего подобного прежде пробовать точно не доводилось. Тянуть не стал, влил в себя содержимое кружки, вновь наполнил её и отправился к двери с табличкой «1-3». Насколько успел разобраться, для барышень предназначались четвёртая, пятая и шестая парные.

За дверью обнаружился небольшой предбанник с душем и круглый бассейн с холодной водой. Сидевший за столом с песочными часами банщик оторвался от газеты, глянул на меня и спросил:

— Первый раз? — А после утвердительного кивка предупредил: — Там часы песочные, не забудь время засечь. Если жару плохо переносишь, садишь пониже. На выходе ныряй в бассейн.

Откуда-то из соседнего помещения донёсся пронзительный девичий визг, и дядечка поднял вверх указательный палец.

— О, занырнула! Только ты не визжи, очень прошу.

Я только плечами пожал и зашёл в парную, в которой оказалось не так уж и жарко, но при этом одуряюще пахло травами и сосновой смолой. Перевернул одни из песочных часов, забрался на верхнюю полку, а уже пару минут спустя спустился чуть ниже и отхлебнул травяного чая. Возникло ощущение, будто неведомым образом перенёсся в окрестности Эпицентра, очень уж знакомо прогревало изнутри. Пропотел — вмиг. Ещё поймал себя на ожидании, что

вот-вот на зубах знакомо заскрипит пыль, даже глотнул, стремясь избавиться от наваждения.

За последними песчинками, падавшими из верхней колбы, я с живейшим интересом наблюдал уже с самой нижней полки. Под конец начало откровенно припекать, а прыгнул в бассейн — и будто в прорубь ухнул, до того холодной оказалась вода. Когда выбрался и замотался в простынку, из соседней парилки вальяжной походкой вышел студент на пару лет постарше, встал под душ.

Я заподозрил розыгрыш и обратился к банщику.

— А в бассейн сигать — это обязательно?

Тот оторвался от газетки, смерил меня раздражённым взглядом и заявил:

— Из третьей процедурной — обязательно.

Задерживаться в предбаннике я не стал, вернулся в зону отдыха, в несколько глотков допил чай и огляделся в поисках лаборанта. Тот помахал мне рукой от дальней двери.

— Травы собраны на территории Эпицентра, дерево на полки привезли оттуда же, — пояснил Леопольд. — Ты сейчас не просто в бане посидел и чайку попил, но и восприимчивость к сверхэнергии повысил. Теперь проще будет с упражнением справиться.

Мы пошли по коридору, и в лицо повеяло сухим тёплым воздухом, задувал он решительно со всех сторон, даже снизу, и пришлось придержать рукой простынку, дабы та не взлетела к поясу. Сопровождавшая веснушчатую студентку лаборантка — тётенька уже в возрасте не удержалась от ехидной реплики:

— Да не жмись ты! Хозяйство проветривать надо!

Её подопечная отчаянно покраснела и засемила, зажав собственную простынку меж коленей. Я тоже растерялся, даже не нашёлся с ответом.

За следующей дверью в небольшой комнате обнаружился пульт с несколькими переключателями и

рычагами, присматривавший за ним молодой человек играл сам с собой в шахматы, точнее — разбирал этюды из журнала. Он мельком глянул на меня и сказал:

— Мальчики налево, девочки направо.

— Стас, ты где тут девочек увидел? — возмутился Леопольд. — Совсем уже со своими шахматами сбрендил!

— Ну, если тебе не интересно, где девочки, иди к мальчикам, — прозвучало в ответ, и мой сопровождающий даже задохнулся от возмущения.

— Урод, — пробурчал он, поворачивая налево, где после небольшого перехода обнаружилась очередная развилка с тремя дверьми. — Я сейчас тебя везде проведу, в следующий раз будешь сам ходить. Не заблудишься.

— Не заблужусь, — подтвердил я без особой, впрочем, уверенности.

Дверь второй процедурной оказалась массивной, изнутри её покрывал материал, похожий на слюду, а саму процедурную словно вырубили в толще огромной глыбы соли. Круглое помещение с куполообразным потолком и симметричной ему выемкой пола не имело никаких видимых источников освещения, но темно в нём не было: казалось, свет проникал прямо через стены. В центре высился помост, от двери к нему был перекинут мосток.

— Заходишь, садишься, пытаешься расслабиться и ощутить присутствие сверхэнергии. По сигналу входишь в резонанс. Сегодня просто попытаемся полностью раскрыть уже наработанный потенциал, поэтому энергию удерживай в себе.

— И что с ней потом делать?

— Потом выплеснешь. И чем быстрее, тем лучше.

— А тут ничего...

Я неопределённо повертел в воздухе рукой, и Леопольд понимающе улыбнулся.

— Тут ничего, даже когда операторы шестого витка процедуры проходят, — уверил он меня и сделал приглашающий жест рукой.

Оставалось лишь пройти на помост, тогда лаборант вытянул мосток и закрыл дверь. Навалилась неестественная тишина, и я сообразил, что не уточнил насчёт сигнала, но тревожиться на этот счёт не стал, постелил простынку на доски и уселся сверху. Потянулся к сверхсиле и пусть не сразу, но всё же уловил её чуть ослабленное и при этом какое-то очень уж чёткое, не сказать — сфокусированное, присутствие.

Подивился необычным ощущениям, а миг спустя донеслось металлическое дребезжание звонка.

Сигнал? Он самый!

Я резко вдохнул и чуть замешкался, поскольку в процедурной не оказалось никаких источников освещения и пришлось перебарывать привычку вгонять себя в резонанс через эффект стробоскопа. И вновь подивился непривычной чёткости ощущений, которое не пропало даже с ростом пропускной способности входящего канала. Единение со сверхсилой оказалось столь полным, что невольно задался вопросом, каким образом умудрялся оперировать ей до того, а попутно взвинчивал потенциал и разгонял энергию по организму, смягчая её давление, а после и вовсе закрутил волчком, дабы не позволить выплеснуться вовне.

Свечение соляных стен стало чуть ярче, начали проявляться какие-то тени, прожилки и цветные пятна, а потом я взлетел на пик мощности, попытался зацепиться за этот краткий миг, но могущество просочилось сквозь пальцы, сгинуло. И осталась лишь тяжкая ноша набранного потенциала.

Я шумно выдохнул и выплеснул из себя всю удерживаемую энергию разом. Свечение стен потускнело, а в следующий миг от них отразилась волна

морозного воздуха, и в процедурной ощутимо похолодало, даже кожа мурашками покрылась, а сбившееся дыхание начало вырываться с паром. К счастью, долго сидеть на помосте не пришлось: распахнулась дверь и мне перекинули мосток.

— Тридцать три секунды! Нормально! — оповестил меня Леопольд. — Ты тогда иди, а мне ещё замеры сделать надо.

Иди? Я просто опешил. И за это с меня содрали двадцать пять рублей? За травяной чай, десять минут в парилке и сидение в соляной комнате? Серьёзно?

— Это всё? — уточнил я на всякий случай.

— На сегодня — да, — подтвердил лаборант. — Запишись у администратора на следующую неделю.

— А что это вообще было? — обвёл я рукой соляные стены процедурной.

— Соль с болота на двенадцатом витке Эпицентра, — просветил меня Леопольд. — Она стабилизирует поток энергии за счёт отсечения части диапазона, оперировать сверхсилой становится немного проще. Ты тут сейчас просто навыки нарабатывал. Как на велосипеде ездить — один раз получилось, дальше уже само собой выходить начинает. И организм привыкает. Всё, иди! Работать надо!

Испытывать терпение лаборанта я не стал и отправился в раздевалку, а на выходе заглянул в кабинет администратора и забронировал время посещения процедур, коих на следующей неделе было запланировано четыре.

На курсах тезисно рассказали о работе с осведомителями и продолжили раскрывать отдельные моменты организации наружного наблюдения и ведения допросов, а под конец устроили проверку наших вымышленных историй о якобы случайном знакомстве друг с другом. Герман Харитонович давал

технику создания ионного облака, которой я и без того владел, но выслушал лекцию с большим интересом. И всё бы ничего, но по итогам проверки кинетических экранов он устроил всей группе настоящий разнос и даже попросил заведующего учебным центром не выдавать при отработке техники закрытой руки ватников.

— Пусть поймут каково это — пулю схлопотать! — заявил он напоследок и ушёл, в сердцах хлопнув дверью.

На наше счастье Денис Гаврилович этот совет проигнорировал, и лишать нас защиты при обстреле каучуковыми пулями не стал. Ну а до того мы и сами палили по мишеням, прицельно и на время, и вот тут уже мне персонально настоятельно посоветовали больше упражняться с выхватыванием из кобуры табельного пистолета. Пообещал принять к сведению.

На вечерней тренировке сначала вдумчиво работал с гантелями и штангой, затем отрабатывал удары и уклонения, ну а потом отпросился, поскольку никак иначе отвезти Валентину в ресторан не успевал. А так и стрелки на брюках отгладил, и полуботинки начистил.

За медсестрой прикатил сразу на извозчике, плюнув на переплату, и не прогадал, удостоился от девушки благосклонной улыбки. Это бы хороший знак, по той простой причине, что, несмотря на предупреждение Георгия Ивановича, я всерьёз рассчитывал перевести наше общение в плоскость личных отношений.

Ну а почему нет? Симпатичная, ладная, свободная. Плохо разве?

Если без чувств, исключительно для здоровья?

Пусть даже в общежитии условия для встреч отсутствуют, мы по пути вполне себе приличную на вид гостиницу проехали — не разорюсь, если придётся ночь там провести. Не просто же так деньги вдобавок к

выданной Альбертом Павловичем тридцатке с собой прихватил.

Но — это всё потом. Сначала — в «Гранд-отель».

Наряженный в ливрею с золочёным позументом вахтёр посмотрел на меня свысока и точно собирался посоветовать поискать заведение попроще, но перевёл взгляд на Валентину и услужливо распахнул перед нами дверь. Хотя, наверное, всё же не перед нами, а перед ней. Сам я себя мальчишкой на чужом празднике жизни ощутил.

Впрочем, все эти мысли мигом вылетели из головы уже в гардеробе. Помог Валентине снять кардиган и обомлел при виде глубокого выреза вечернего платья, оставлявшего спину открытой вплоть до самой поясницы. А вот декольте было весьма скромным, и смотрелась моя спутница в своём облегающем наряде просто великолепно. Я на её фоне откровенно терялся. Оно и к лучшему.

Валентина небрежно поправила перед зеркалом копну светлых волос, и тогда метрдотель поручил официанту провести нас к забронированному столу. Просторный зал с хрустальными люстрами, надраенным паркетом, лепниной на стенах и колоннах, застеклённым потолком и высоченными окнами оказался почти полон, в дальнем его конце играл оркестр. Пока шли, я буквально кожей ощущал на себе оценивающие взгляды, но виду не подал, да и глазели сто к одному преимущественно на Валентину.

А вот когда официант разжёг свечи и роздал нам меню, враз интерес здешней публики волновать перестал. Я прежде даже не подозревал, сколь ничтожной суммой окажутся выданные на оперативные расходы тридцать рублей — особенно с учётом того обстоятельства, что Валя ни в чём себе отказывать не собиралась. Конечно, теплилась надежда, что Альберт

Павлович покроет превышение сметы, но именно — лишь теплилась, и я ограничился бифштексом.

— Что будете пить?

Я уже успел мельком глянуть цены на коньяк, поэтому покачал головой.

— Ничего не нужно, спасибо.

Но ничего не нужно было мне, для Вали в ведёрке со льдом принесли бутылку лютиерианского шампанского. Хлоп! И тридцать пять рублей на ветер!

Это было так невыносимо нелепо, что меня разом даже отпустило как-то. В лице ни один мускул не дрогнул, разве что от улыбки уголки губ заболели. Ещё подумал, что, если есть в жизни справедливость, эта ночь компенсирует мне все издержки, и успокоился окончательно.

Ну а что тут теперь поделаешь? Не сбегать же, не заплатив по счёту? Остаётся лишь расслабиться и получать удовольствие. От бифштекса, музыки, Валентины.

Перед помостом с ансамблем уже кружились в танце парочки, и я встал, протянул руку спутнице. Та немного поколебалась, но всё же моё приглашение приняла. Ладонь легла на стройную талию, донёсся лёгкий аромат духов и закружилась голова, и тут же всплыло воспоминание, как мы танцевали на Кордоне и чем это всё в итоге обернулось, возбуждение отхлынуло, разом прояснилась голова.

Потом предупредительный официант с лёгким хлопком откупорил бутылку шампанского, наполнил искрящейся жидкостью два хрустальных бокала на длинных ножках. Мы с Валею чокнулись и выпили, точнее — выпила она, а я ограничился небольшим глотком. Никаких изысков вкуса не разобрал и хмыкнул, не понимая, какой смысл платить такие деньжищи за какую-то газированную кислятину.

— О чём задумалась? — спросила Валя, прожевав канопе с красной икрой.

— Думаю, какими мы видимся со стороны, — ответил я, надкусил канопе и отложил на тарелку.

И вот икра — ну что в ней такого нашли? Ерунда какая-то невкусная!

Валентина будто невзначай осмотрелась, взгляд её сделался внимательным и острым. Хотелось бы знать — есть ли в зале тот или те, ради кого устроен этот спектакль, но моё дело было маленькое, интересоваться на это счёт не стал. Так или иначе скоро всё прояснится само собой.

— Не волнуйся, — улыбнулась девушка и погладила меня по ладони, — ты идеален в роли юнца, который набрался смелости, разбил копилку и пригласил объект вожделения в самое роскошное заведение города в надежде распрощаться с девственностью.

— Я не играю. Я — это он и есть.

Валентина улыбнулась и кивнула, позволяя подошедшему официанту наполнить бокал шампанским. Я накрыл свой ладонью, давай понять, что освежать напиток нет нужды. Налегать на спиртное сегодня не собирался — особенно на эту дорогущую гадость, пусть уже за неё и заплатил. Чем больше достанется Валентине, тем лучше.

Немного погодя мы вновь потанцевали, а затем Валю пригласил на танго какой-то с иголки одетый хлыщ. Мне даже приступ ревности изображать не пришлось, аж передёрнуло всего от возмущения. Но у Вали после очередного бокала шампанского заблестели глаза, она и не подумала отказать.

Когда тип с тоненькими усиками привёл её обратно, я с мрачным видом кромсал ножом бифштекс.

— Не дуйся, — попросила Валентина.

— И в мыслях не было, — ответил я, и отправил в рот кусочек отменного мяса. Гарнир тоже оказался

хорош, не испортило аппетит даже подозрение, что пируем мы сейчас преимущественно за мой собственный счёт.

Дальше принесли заказанного Валею осетра, и пока она ела, я огляделся и решил, что смотрюсь в ресторане не так уж откровенно инородно. Вопреки первоначальным опасениям, за многими столами ужинали компании молодых людей и мой костюм, если издалека, уступал их нарядам не слишком сильно. Разумеется, хватало и более возрастной публики, да и чопорная атмосфера места накладывала определённый отпечаток, но если на наш столик и поглядывали, то виной тому была Валентина и её сногсшибательный наряд.

А вообще — интересно. Первый раз в ресторане гуляю!

Кто бы подумать мог...

Попутно я пытался решить, чего ради вообще затеян этот спектакль, но никаких идей на этот счёт не появилось. Подозреваю, кто-то должен увести у меня спутницу — и не просто кто-то, а кто-то вполне определённый! — но пока поклёвок не было, если не считать таковой приглашение на танец.

А ещё я задумался, откуда у людей эдакие деньжищи, что они могут позволить себе ужин в заведении со столь заоблачными ценами. Мы ведь не в столице, где не протолкнуться от фабрикантов, банкиров и рантье из числа буржуа и недобитых аристократов, их жён, отпрысков и любовниц. Странно это всё. Непонятно.

Бутылка шампанского подошла к концу, и Валя заказала десерт, я мысленно махнул рукой — гулять, так гулять! — попросил принести кофе, мороженое и рюмку коньяка. От входа в зал слышался шум, посмотрел туда и увидел профессора Палинского в компании нескольких солидного вида господ и

эффектных дам, но именно дам, а не барышень из числа студенток РИИФС, это точно.

Мелькнула мысль «вот оно!», но Валя даже бровью не повела, и уже минут через десять с её молчаливого согласия я попросил счёт. Заранее готовился к худшему, и лишь по этой причине удержался от досадливой гримасы, взглянув на строчку с итогом.

Семьдесят семь рублей сорок две копейки!

Я выложил полученную от куратора тридцатку, присовокупил к ней пять собственных десятирублёвых банкноты, и Валентина немедленно поднялась из-за стола; сдачи она определённо дожидаться не собиралась. Настроения сие обстоятельство мне отнюдь не улучшило, и я едва не позабыл прихватить с собой счёт. Ладно хоть ещё опомнился, вернулся и сунул его в карман.

— Забронируй столик на следующую субботу на это же время, — шепнула Валя, прежде чем упорхнуть в дамскую комнату.

Я так и поступил, а когда мы вышли на крыльцо и вахтёр взмахом руки подозвал одного из дежуривших перед рестораном извозчиков, сунул рубль ещё и ему. Ему — это вахтёру. С извозчиком расплатился отдельно уже на месте.

Но, как оказалось, отпустил я экипаж совершенно напрасно.

— Увидимся! — небрежно бросила Валя, вытянув из сумочки связку ключей, и это короткое слово будто серпом по известному месту резануло.

Я-то совсем на другое завершение вечера рассчитывал!

— И даже на чай не пригласишь? — предпринял я попытку напросить в гости, но та успехом не увенчалась.

Валя улыбнулась и как-то разом перестала казаться слегка подвыпившей, сделалась серьёзной.

— Петя, не принимай на свой счёт. Ты замечательный мальчик, мне просто это всё неинтересно.

Но не принять на свой счёт не вышло, меня аж передёрнуло, вот и не сдержался, ввернул услышанное от Лизаветы Наумовны словечко:

— Да неужели? Ты не похожа на фригидную!

Ну а тут зацепило Валю.

— Я не фригидная! — отчеканила она. — Мне просто неинтересны мужчины!

Дальше перед моим носом захлопнули дверь, и я запрокинул голову, беззвучно ругнулся.

Замечательно погуляли! Сорок рублей — в трубу! И ещё ведь губу раскатал...

Э-эх!

Но деваться было некуда, натянул посильнее кепку, поднял воротник пиджака и, на ходу надевая перчатки, поспешил к трамвайному кольцу. Если не потороплюсь, придётся в казарму через полгорода пешком топать. Отличное завершение дня тогда получится, что и говорить! Просто замечательное!

Утром встал злой как чёрт. До того поганое настроение было — словами не передать. И потраченных на извозчика денег жалко, и обидно из-за полученного отлупа. Пошёл даже на турниках и брусьях поупражнялся перед завтраком, тогда только отпустило немного, вот и обратил внимание на странную задумчивость Василя.

— Ты чего? — спросил я, отпив чая.

— Сегодня Варя с Кордона возвращается, — сообщил он с каким-то очень уж тяжёлым вздохом.

— Ну и? — удивился я — Ты не рад, что ли?

— Рад! — уверил меня сослуживец. — Только, как мы дальше ездить будем, а? Вчетвером на мотоцикле не

покатаешься, а для самостоятельных выездов нас ещё не аттестовали. Такая вот ерунда.

— Так Варю ещё в штурмовой взвод на стажировку отправят. Забыл, что ли?

Василь пожал плечами.

— Ну, если только так.

В кино он меня не позвал, да я бы в любом случае отказался, поскольку первую половину воскресенья намеревался провести в читальном зале институтской библиотеки. Сотворить кинетический экран никак не получалось, вот и решил одними только практическими упражнениями не ограничиваться и попытаться разобраться с теорией.

На выходе из столовой встретил Маринку в форме и с револьвером в кобуре.

— Привет! Дежуришь сегодня?

— Привет, Петя! А ты нет? Везунчик!

Маринка была высокой, стройной и симпатичной, а поскольку мы с ней вроде бы неплохо поладили, решил закинуть удочку и предложил:

— Может, сходим куда-нибудь вечером?

Барышня с сомнением покачала головой.

— Мне бы после дежурства до койки доползти.

— А в твой выходной?

— Ой, да когда он ещё будет! Зареклась что-то заранее планировать. Пока, Петя! Бежать пора!

— Пока-пока, — сказал я ей уже вслед и мысленно выругался.

Но не в адрес Марины, исключительно в свой собственный!

Герой-любовник, блин! Второй щелчок по носу подряд! А с учётом Нинки счёт и вовсе категорически не в мою пользу! Похоже, не только у Льва есть повод выпить.

И даже тот факт, что среди выстроенной у пропускного пункта дежурной смены заметил

ефрейтора Маленского, настроения улучшить не смог. Толку злорадствовать? Ну, не задалась карьера у Барчука, мне-то что с того? Опять же Василь уверен, что его на курсы младшего начальствующего состава по квоте следующего выпуска пропихнут. Там мест больше должно быть.

В общем — плевать.

На трамвайной остановке повстречался Миша Попович. Мы с ним о встрече не улаживались, так получилось само собой — завтрак-то у всех в одно время. Как оказалось, Нигилист тоже намеревался посетить институтскую библиотеку, и я всю совместную поездку на трамвае расспрашивал его о кинетических экранах, но он ничего толком об этом не знал.

В библиотеке поначалу дело тоже не задалось, поскольку учебные пособия о техниках составления энергетических конструкций первокурсникам не выдавали, но тут на помощь пришёл Миша, посоветовав посмотреть книги о комбинаторике. Вот я и принялся рыться в картотеке, мысленно пеняя себе, что не удосужился попросить у Германа Харитоновича соответствующее пособие — среди выданных книжиц ничего на тему оперирования сверхэнергией не оказалось.

В итоге я остановил свой выбор на двух учебниках по комбинаторике, их после недолгого ожидания на руки и получил. Ну а дальше принялся грызть гранит науки. Именно — грызть, поскольку что одно пособие, что другое предназначались для студентов, уже прослушавших полный курс общей теории сверхэнергии.

Дёрнул бы Мишу, но тот почти сразу удалился в дискуссионную комнату, где подобралась компания таких же энтузиастов, пришлось разбираться самому. Так с несколькими перерывами на походы в буфет до обеда и просидел. После двенадцати начали подходить

студенты и очень скоро в читальном зале не осталось свободных мест, тогда решил закругляться и отправился в столовую. Миша — тоже, причём из библиотеки он ушёл в компании двух студенток.

— У Прохора выходной, — пояснил он мне. — Сходим куда-нибудь.

Я бы даже расстроился, наверное, ладно хоть ещё барышни были скорее умными, нежели красивыми. Только это и примирило с несправедливостью бытия. Задумался, как бы самому устроить личную жизнь, и никаких вариантов, кроме как подкатить к Юлии Сергеевне на ум не пришло. Беда.

Глава 3/2

В клуб я отправился с тайной надеждой познакомиться с какой-нибудь симпатичной девчонкой с военной кафедры, но публика там собралась преимущественно мужская, а немногочисленные барышни пришли в сопровождении кавалеров. Например, как Инга, вновь составившая компанию героическому аспиранту.

Махнул рукой, заказал чай и ром, подсел за стол к Яну, Коле и Карлу, соорудил грог и вытащил полученную от странного бухгалтера листовку.

— А что о занятиях йогой скажете? Они реально развитию способностей помогают?

— Брехня! — коротко высказался Коля.

— Не скажи! — возразил ему Ян. — Обретение внутреннего равновесия...

— Чушь собачья!

Прятели сцепились в жарком споре, а Карл похлопал меня по руке, привлекая внимание, и негромко произнёс:

— Тебе там не понравится, Пьер.

— Чего это?

— Йога у пацифистов большой популярностью пользуется.

— А! — протянул я и спрятал листовку в карман. — Тогда да.

Дальше верховодившие в клубе аспиранты затеяли обсуждение международной обстановке и разругались в пух и прах, не сойдясь во мнении, кто представляет наибольшую угрозу для республики: Третий Рейх, нихонские оккупационные войска или наш традиционный противник — Срединское воеводство.

Тут я и поднял руку.

— Кстати, а как так получилось, что операторы из Оксона продолжают обучение в институте?

— Да у нас и срединцев хватает! — заметил кто-то из собравшихся. — А что делать? Не высылать же их! У нас обязательства!

Вениамин Мельник откашлялся и заявил:

— Дело не в обязательствах. Дело в солидарности операторов, как передовых представителей своих народов! Далеко не все оксонцы разделяют идеологию национал-социализма, как не все срединцы грезят бреднями о воеводстве от моря до моря! Мы — операторы! Мы должны быть выше замшелых условностей и работать на перспективу!

— Bravo! — выкрикнул Тарас Пникота и захлопал в ладоши. — Отлично сказано, Венечка! Просто здорово! Надо понимать, когда этих передовых людей призовут в армию, они все как один откажутся выполнять преступные приказы!

— Не все, — признал Мельник, — но будут и такие. И наша первоочередная задача — вести разъяснительную работу среди иностранных студентов!

— Вербовать, ты хочешь сказать? — выкрикнул Касатон Стройнович. — Чтобы они после возвращения на родину стали частью пятой колонны?

— Называй, как хочешь! — отмахнулся Вениамин. — Могу сказать лишь одно: их выдворение не только окончательно подорвёт международные позиции республики, но и лишит нас союзников! Сейчас руководство института проводит консультации с чиновниками Лиги Наций и ответственными лицами из правительства, но до окончания учебного года никого не вышлют совершенно точно. И это правильно!

Вот в таком духе дискуссия дальше и продолжилась, а уже ближе к пяти я купил в буфете поллитровку трёхзвёздочного коньяка и отправился на встречу со Львом. Чем был хорош мой плащ — так это

глубокими карманами, пронёс выпивку в клинику без всякого труда. В комнате выставил бутылку на стол, выложил рядом приобретённые по дороге папиросы.

— Ты меня просто спас! — обрадовался Лев, принёс с кухоньки два гранёных стакана, и я плеснул нам коньяка.

Выпили, и мой товарищ закурил, втягивая в себя дым короткими нервными затяжками. Потом вновь сходил на кухню, вернулся с колбасной и сырной нарезкой и блюдом с мандаринами.

Я начал чистить один и спросил:

— Ну и что у тебя стряслось?

— Наливай! — махнул рукой Лев, а после новой порции алкоголя вздохнул и заявил: — Да просто расстался с иллюзиями, знаешь ли.

— Это как?

— А вот так! Пришёл к осознанию того простого факта, что я ничтожество. Полный ноль. Зеро!

Я плеснул немного коньяка сначала в его стакан, потом в свой и лишь после этого заявил:

— Ничтожествам не создают таких условий, знаешь ли.

Лев вскочил на ноги и заметался по комнате, будто зверь в клетке.

— Ну ладно! — отмахнулся он. — Насчёт ничтожества — это я погорячился. Но я и не оператор. Я — инструмент. Ценный и полезный, но всего лишь инструмент. Понимаешь?

— Нет.

Мой товарищ плюхнулся в кресло и пояснил:

— Вчера ходил на практику, смотрел на работу аналитиков. Знаешь, как натаскивают новичков? Они контролируют энергетическое поле на территории института. Преимущественно отслеживают задействование сверхспособностей на границах

территории, но и внутри наблюдают. Рассказать, как они работают?

— Расскажи.

— Мягкие кресла, удобные лежанки. Чай, кофе, пирожки. И так всю жизнь! Понимаешь? Всю жизнь!

— Красота! — заявил я в ответ совершенно искренне.

— Да брось!

Я взял стакан, и мы выпили.

— Ну а чего тебе хотелось бы? Работать на свежем воздухе? В холод, жару, дождь? Так, что ли?

Лев нервно передёрнул плечами.

— Не в этом дело!

— А в чём тогда?

— Моя мощность — два с половиной киловатта! — отчеканил Лев. — И это навсегда!

— Потенциал-то у тебя куда выше, так? И потом — в корпусе за выдающиеся способности самое большее можно лейтенантом стать. А дальше — придётся вкалывать наравне с остальными.

— Да не о карьере речь! — отмахнулся мой товарищ. — Просто... Просто я совсем на другое рассчитывал! Я не хочу, понимаешь? Не хочу! — Он взял коробку папирос, но тут же кинул её обратно и махнул рукой. — Да что там говорить!

Я взвесил в руке бутылку, но коньяка оставалось в ней не так уж и много, решил повременить.

— А с Палинским у тебя как?

— Мул. Ему нужен мул. На эту роль я гожусь просто идеально. Может, вытяну ему пару секунд резонанса.

Я прикинул, какой именно эффект даст добавление на шестом витке этих самых двух секунд и хмыкнул. Подумал, не рассказать ли приятелю о своих проблемах, чтобы успокоился и не бесился с жиру, но не успел. Дверь распахнулась, и в комнату вошла Милена.

— Стучаться надо, — проворчал Лев, на неё даже не взглянув.

Барышня это замечание проигнорировала, передвинула к себе стакан подопечного, вылила в него остатки коньяка, так что получилось почти доверху, и спокойно, мелкими глоточками выпила весь алкогольный напиток. Даже не поперхнулась.

— Пётр, думаю, тебе пора, — заявила Милена после этого, и я поспешил подняться на ноги.

— Да завтра, Петя! — тусклым голосом произнёс Лев.

— Увидимся, — заявил я в ответ и пошёл одеваться. Вот и посидели.

В казарме ещё немного потрепался с Василем и Варей, отметил возвращение девушки с Кордона и наутро встал с намёком на головную боль. Помогли зарядка, контрастный душ и завтрак — на занятия отправился с прекрасным самочувствием, но не сказать, будто в хорошем расположении духа. И дело было вовсе не в разговоре со Львом, накопилось всякого...

Ещё немного побаивался, что кураторы приятеля после вчерашней попойки сочтут наше дальнейшее общение неуместным, но — нет, выкативший за ворота клиники автомобиль привычно притормозил, и я забрался на заднее сиденье. Кивнул Милене, пожал руку Льву. Тот показался слегка смущённым, при этом от недавней хандры не осталось и следа.

— Извини за вчерашнее, — попросил он. — Накатило просто.

— Да ерунда! Зачем ещё нужны друзья? — усмехнулся я и заявил: — Устал в четырёх стенах сидеть, вот и скис.

— И что ты предлагаешь? — поинтересовалась с лёгкой улыбкой Милена.

У меня было два варианта, но после недолгих раздумий занятие йогой я забраковал — пусть Лев и увлекался ориентальной эзотерикой, он и без того проводил во всяческих медитациях слишком много времени. Поэтому сказал:

— Бокс.

Милена задумчиво хмыкнула.

— В институтской секции?

— Именно, — подтвердил я. — Заодно и с людьми познакомлю. Ну как?

Льва моё предложение удивило, но долго он не колебался и кивнул.

— Идёт!

Первую пару мы отсидели вместе, а уже на кафедре феномена резонанса, меня отыскала Лия.

— Петя, извини, что с психологией так получилось, — смущённо заявила барышня. — Мне так совестно, что тебя выгнали...

— Ерунда! — отмахнулся я. — Но теперь с тебя конспекты.

— Договорились! — обрадовалась Лия и, привстав на цыпочки, чмокнула меня в щёку.

Стоявшему тут же Виктору это несколько не понравилось, и я решил не становиться причиной ссоры, поспешил на следующую пару, отсидел её и покрутился по этажам в поисках Юлии Сергеевны. Нашёл на исходе перемены, но лишь понаблюдав за барышней издалека, и помешали завести разговор отнюдь не стеснительность или страх услышать отказ. Пошлёт и пошлёт, переживать не стану, просто она в компании монархистов обнаружилась, а на людях с предложениями подобными моему к приличным девицам обращаться точно не стоило. Да и к не совсем приличным — тоже.

Отсидел последнюю пару и отправился на кафедру кадровых ресурсов, а по пути забежал в учебный отдел

и попытался поменять курс психологии на посещение занятий комбинаторики, и если с первым не возникло никаких сложностей, то со вторым мне помочь не смогли.

— Послушать магистра Рейса желающих хоть отбавляй, но сразу могу сказать, что на такой обмен никто не согласится. Курс комбинаторики посещают студенты крайне целеустремлённые и не склонные к метаниям. Да и согласовать расписание не получится. Для вас могу предложить курс основ судебной психиатрии. Устроит?

Мне было всё равно, ответил согласием и отправился на встречу с Альбертом Павловичем.

— И как тебе «Гранд-отель»? — первым делом поинтересовался тот.

— Дорого! — заявил я и выложил на стол позавчерашний счёт.

Куратор глянул на итоговую сумму и хмыкнул.

— Предлагаешь заплатить за твои излишества из собственного кармана? — с улыбкой поинтересовался он.

— Я ничего не предлагаю, Альберт Павлович. Я хочу сказать, что в следующую субботу придётся обойтись без меня, просто не потяну поход в ресторан по финансам.

— Не прибедайся! — укорил меня куратор, вздохнул и вытянул из кармана бумажник, кинул на стол две четвертных банкноты. — Чего смотришь? Готовь сдачу и пиши расписку!

— Сдачи не будет, — пробурчал я, забирая деньги. — Сдача на чаевые ушла. И это я ещё две поездки на извозчике и рубль вахтёру сюда не плюсю!

— Вот ты молодец! На ходу подмётки режешь!

Я присел за стол, взял лист бумаги и ручку, спросил:

— И зачем это всё было? А то: «тридцать рублей! тридцать рублей!»...

— Петя, ты же курс психологии посещаешь — подумай сам. Ничего на ум не приходит? — Альберт Павлович покачал головой. — Ты в ресторан, Петя, не пировать на казённые деньги ходил, а работать. И лицедей из тебя аховый, официанты вмиг раскусили бы, пытайся ты мировую скорбь изображать. А так эмоции у тебя натуральней некуда были. Как говорится: «и хочется, и колется». И денег жалко, и барышню в койку завалить нужно. Скажи ещё, что я не прав!

Я ответил тяжким вздохом и взялся за составление расписки.

— А в следующий раз как же?

— Будем надеяться, мнение на твой счёт уже сложилось. Действуй по прежнему шаблону.

Я отдал расписку и спросил:

— И в чём смысл?

Альберт Павлович только покачал головой.

— Меньше знаешь, крепче спишь, мой друг. Говорю же — лицом торговать ты пока ещё не обучен, запрешь нам всё дело, если до дела, конечно, всё же дойдёт.

— Вот как? — разозлился я. — А насчёт того, что негатива брать придётся, мне тоже знать не следовало? К чему секретность на пустом месте разводить было, скажите на милость? Он мне чуть голову не снёс!

— Тебе любой оператор голову мог снести!

— Ну с обычными я как-то привык бодаться. А с негативом сталкиваться не доводилось!

— Ну извини, — развёл руками куратор. — Подумать не мог, что это важно. Знал бы — предупредил.

Я решил этому заявлению поверить и задал давно волновавший вопрос:

— А как вообще негативу разрешили контракт с частниками заключить?

Альберт Павлович вздохнул.

— Да не был он сразу после инициации негативом.

— Проглядели, что ли?

— Говорю же — не был! Какое-то уникальное отклонение случилось, уже в ходе обучения начал с энергией в противофазе работать. Только не как ты — в резонансе, а постоянно. Такие дела.

— Ого!

— Вот тебе и ого. Сейчас хоть нормальные обследования провести сможем.

Я счёл за благо не интересоваться дальнейшей судьбой этого уникама, поднялся и уточнил:

— Тогда пойду?

— Иди, — отпустил меня Альберт Павлович. — В субботу после учёбы загляни. Деньги выдам, возможно какие-то вводные поменяются.

Я попрощался и поспешил в лабораторный корпус. А там всё как вчера — лифт, проверка документов, раздевалка. Разве что сегодня меня на процедуры никто не сопровождал, лаборант просто написал на бумажном квитке какую-то цифровую белиберду.

Но белибердой этот код был только для непосвящённых, а мне и сбор трав кипятком залили, и в парную на этот раз за номером два направили.

— Кружку ставь на стол, простынку на крючок вешай, — распорядился банщик и перевернул песочные часы, одни из многих, выстроенных перед ним. — Ты седьмой. Скажи третьему, что у него время вышло.

Я вошёл в парную и на миг растерялся, поскольку всё помещение оказалось заполнено густым паром.

— Третий на выход, — сказал я и принялся дышать медленно и неглубоко. И так же неспешно продвигаться вперёд.

И дело было даже не в том, что в густой завесе пара ничего было толком не видно, просто при любом маломальски резком движении кожу ощутимо обжигало, а вот стоило замереть на одном месте неподвижно, и становилось даже немного прохладно. Весь мокрым сделался с головы до ног в один момент.

Мимо кто-то прошёл на выход, а я обнаружил нишу в стене и устроился в ней на гладкой и тёплой мраморной плите. Мраморным здесь было всё кругом, и подумалось, что этот камень тоже привезли из окрестностей Эпицентра.

Минут десять я так и просидел, а потом от двери послышалось:

— Седьмой, время вышло!

Тогда покинул парилку, сполоснулся под душем, выпил принесённый с собой травяной настой.

— В первую процедурную проходи! — подсказал банщик. — Давай! Не тормози процесс!

В процедурной из всей мебели оказался один-единственный массажный стол и столь же одинокий стул. Восседавший на нём, словно на троне, крепкий мужичок в белом халате с закатанными рукавами оторвался от изучения моей медкарты и коротко бросил:

— На живот ложись. — Потом подошёл и принялся разминать мышцы плечевого пояса, а немного погодя спустился к пояснице, чтобы вернуться обратно и начать мять меня всерьёз. Физическое воздействие он сопровождал лёгкими выплесками сверхсилы, как если бы хотел ко всему прочему воздействовать ещё и на энергетические каналы. Не могу сказать, будто ощущения были такими уж болезненными, но и приятными их назвать не поворачивался язык.

Процедура затянулась на четверть часа, дальше я допил остатки травяного чая, успевшего настояться куда сильнее вчерашнего, и отправился не в соляную пещеру, а в соседний блок процедурных. Заведовавшая тем лаборантка отвела меня в помещение то ли с большой ванной, то ли даже с маленьким бассейном, доверху заполненным прекрасно знакомой грязью.

— Погружаетесь с головой, входите в резонанс и не держите энергию в себе, выплёскиваете всю по мере

поступления, — сообщила мне она. — Потом в душ и свободны.

Я неуверенно поёжился.

— Весь резонанс?

— Весь, — с усталой улыбкой подтвердила барышня. — Это важно. Длительность транса будет отслеживаться по динамике температуры состава. И нечего кривиться — иным операторам там с дыхательными трубками сидеть приходится!

Я бы тоже с превеликим удовольствием просидел там с трубкой, если б это хоть что-то могло изменить, но сетовать на свою неудачную инициацию не стал, дождался, когда лаборантка вернётся на свой пост, повесил простынку на крючок и осторожно, опасаясь поскользнуться, сошёл по ступенькам в бассейн. Постоял миг, набрал в лёгкие побольше воздуха и, переборов неуместную брезгливость, присел.

Грязь облепила и сдавила, на миг показалось, будто не сумею дотянуться до сверхсилы, но стоило только вогнать себя в резонанс, и после едва уловимой заминки та потекла в меня студёным ручейком. Поначалу приток энергии рос с едва ощутимой пробуксовкой, но чем дальше, тем больше отыгрывал отставание. Сверхсила была какой-то расфокусированной, она никак не желала структурироваться, избавлялся от неё с несказанным облегчением, словно отплёвывал забившую рот грязь.

И ещё стало холодно, ознобом продрало опасение, что не сумею вынырнуть — просто уткнувшись макушкой в корку льда, но — нет, стоило только оборваться резонансу и без всякого труда выпрямился, спешно покинул бассейн со ставшей очень уж холодной и вязкой грязью. Вслепую я выбрался из процедурной, наощупь отыскал вентили душа и потом долго оттирал кожу и вымывал волосы. Заодно и согрелся.

На выходе сунулся было к лаборантке, но та лишь махнула рукой:

— Там объяснят.

И в самом деле — Леопольд велел подождать пять минут, после вышел и протянул листок.

— Держи рецепт. Покупать ничего не надо, получи травяной сбор в буфете, заваривай и пей по вечерам. Жди четверть часа, затем входи в резонанс. Вообще входи в резонанс как минимум утром и вечером, а в идеале — три раза. Понял?

Я кивнул.

— И ещё реабилитолог рекомендовал тебе в бассейн походить. Десять минут в парилке греешься, двадцать — плаваешь, ещё пятнадцать — тебя мнут. Это не каждый день, только когда процедур нет.

Предложение меня совсем не воодушевило.

— Дорого, поди, — засомневался я.

— Сеанс три рублей, — заявил Леопольд. — Рублей сорок в месяц выйдет. Много разве?

— Но и немало, — вздохнул я и махнул рукой. — Ладно, похожу. Изыщу ресурсы.

— Вот-вот. Изыщи.

Дальше я получил в буфете несколько бумажных пакетиков с травяными сборами и листовку-инструкцию с указанием должных дозировок и поспешил в расположение. Приближалось время дежурства.

На ближайшей к комендатуре остановке увидел ожидавших трамвай Марину и черноволосую Карину, компанию барышням составляли Антон и Михей. Мои сослуживцы вошли в переднюю дверь, я покинул вагон, спрыгнув с задней площадки. Скрывать не стану — испытал досаду. Но чего уж теперь...

Наскоро пообедал, собрался, получил оружие, потопал за мотоциклом. На построении дежурной смены постарался встать подальше от Феди Маленского, ибо

пересекаться с ним не желал даже случайно. И так настроение хуже некуда, ещё его физиономию наблюдать. Не хочу.

— На юго-запад сегодня не поедem, — заявил старшина Ревень. — Покажу вам промзону, оттуда крюк сделаем до вокзала и остаток смены по центру покатаемcя.

— Обычно же все свою территорию объезжают? — не удержался от вопроса Василь.

— Обычно и не два стажёра в патруле, — огрызнулся старшина и скомандовал: — Поехали!

Ну и — поехали. Наглотались дыма, валившего из заводских труб, и оказались едва ли не по уши забрызганы грязной водой из стылых луж, ещё и замёрзли. Немного отогрелись в буфете на первом этаже вокзала, но именно что — немного. Наскоро выпили по стакану горячего сладкого кофе с молоком и отправились дальше. На бульваре Февраля не задержались, сразу свернули с него, проехали по сонным тёмным кварталам, вроде тех, где мы выискивали наркоторговцев.

Здесь тоже несколько раз останавливались и проверяли документы, а потом Василь встрепенулся и указал на фасад одного из домов.

— Гляньте!

Я сбросил скорость, а потом и вовсе выехал с дороги на тротуар, но вот так сразу сообразить, что именно насторожило сослуживца не смог.

— Свет мигает! — подсказал он.

И точно — сразу в нескольких окнах соседнего здания явственно помаргивали электрические лампы.

— Кто-то со сверхэнергией балуется, — решил старшину и спросил: — Линь, сможешь источник определить?

— Подойди надо.

— Ну так за чем дело стало?

Я перегнал мотоцикл к воротам, преграждавшим въезд во двор, и бросил его там, выдернув ключ из замка зажигания. Прихватил с собой ППС и вслед за сослуживцами поднялся на крыльцо. На стук отпер то ли дворник, то ли консьерж, поставленный присматривать за жильцами владельцем.

— А что это, уважаемый, у вас свет мигает?

— А чёрт его знает! — прямо ответил мужичок. — Как дело к ночи, так и начинается катавасия, а потом — само проходит. Электрика вызвали, так он руками разводит. Нету неполадок, мол. А я ему: «а если короткое замыкание случится, кому отвечать?»

Старшина отодвинул говорливого мужичка в сторону и приказал мне:

— Веди!

Я ещё с улицы уловил явственные колыхания энергетического фона, какие-то очень уж упорядоченные, укладываемые во вполне распознаваемый ритм. Источник помех точно был не на первом этаже, и я поднялся по лестнице, прошёлся по коридору, остановился напротив одной из дверей.

— Точно! — кивнул Василь. — Оттуда накатывает!

Ревень повернулся к консьержу, который благоразумно остался дожидаться нас у лестницы и спросил:

— Кто тут живёт?

— Так жиличка... Квартиросъёмщица, в смысле.

— Одна?

— Кавалеров, бывает, приводит. Но так у нас и не запрещено. Не общежитие, чай.

— Понятно, — проворчал старшина. — Фамилия есть у ней?

— Есть, как не быть!

— Так назови! — потребовал Ревень, а когда консьерж выполнил распоряжение, попросил Василя: —

Свяжись с дежурным, пусть проверят по имени и адресу.

Василь набрал в грудь побольше воздуха и зажмурился, а секунд через десять распахнул глаза и объявил:

— Сейчас ответят.

— Ждём! — объявил Ревень.

Ждать пришлось минут пять, а потом Василь дёрнулся, будто по затылку незримым молоточком тюкнули, и отпраповал:

— Всё чисто.

Тогда старшина обратился ко мне:

— Линь, сколько их там?

Я напрягся, но к однозначному результату прийти не смог.

— Непонятно. То ли двое, то ли один. То так, то так. Ерунда какая-то...

Ревень покачал головой, словно дивясь моей бестолковости, затем несколько раз долбанул кулаком по двери и помехи вмиг сгинули, моргавшая в дальнем конце коридора загорелась ровно-ровно.

— Откройте, полиция! — гаркнул тогда Ревень, отчего-то не пожелав афишировать нашу принадлежность к комендатуре ОНКОР.

Я взвёл пистолет-пулемёт и отодвинулся в сторону.

— Двое их там, — сказал после этого. — Точно двое!

Василь доставать оружия не стал и принялся тянуть в себя сверхсилу, а вот старшина не сделал ни того, ни другого и ещё раз приложился кулаком по едва не хрустнувшей под его напором филёнке.

Миг ничего не происходило, затем двери приоткрылась на длину цепочки и в образовавшемся зазоре замаячила физиономия растрёпанной женщины средних лет в халате, накинутом, такое впечатление, на голое тело.

— Чего вам ещё надо?! — начала она тоном завзятой склочницы, но мигом заткнулась, стоило только старшине поднять руку с раскрытым удостоверением.

— Старшина Ревень, комендатура ОНКОР! — представился он и грозно нахмурился. — Нарушаем, гражданка?

— Ой, да что вы! Да оно само как-то получилось...

— Документы! — рыкнул Ревень, не став требовать впустить нас в квартиру для досмотра.

Дамочка немного помялась, потом отступила из двери и некоторое время спустя высунула наружу руку с паспортом оператора сверхэнергии и карточкой-пропуском. Старшина изучил их и вернул, сказал:

— И бумаги кавалера.

Женщина раскрыла было рот, но ни скандалить, ни даже просто захлопнуть дверь не решилась, вновь скрылась из виду и после недолгого вроде бы даже спора, предъявила точно такой же набор документов.

Ревень изучил их и переписал установочные данные в блокнот, после передал паспорт Василию и скомандовал:

— Пробей!

Того аж перекосило — и так весь красный и потный стоял, словно не мысленно с дежурным связывался, а туда-обратно бегал, но деваться ему было некуда: установил ментальную связь, чтобы минут через пять принять ответ.

— Чист!

Старшина вернул документы и предупредил:

— Завязывайте со своими практиками, гражданка. В следующий раз оформим протокол и схлопочете оба по два месяца исправительных работ.

Дверь захлопнулась, мы спустились на первый этаж, и консьерж полюбопытствовал:

— А что было-то?

— Технический момент, — отмахнулся от него Ревень. — Если ещё свет мигать начнёт, звони в комендатуру.

Мы вышли на улицу, и Василь с наслаждением хватанул ртом морозного воздуха, потом задал вопрос, интересовавший и меня самого:

— А почему «откройте, полиция»?

— Операторы полицейских и в грош не ставят. Нам могли и не открыть, затаились бы внутри как мыши. И что тогда? Речи о пресечении противоправной деятельности не идёт, пришлось бы санкцию на взлом запрашивать и подкрепление вызвать. Полночи бы точно прокуковали. А так — докладной отделаюсь.

— А чем они занимались-то? — спросил я.

Старшина закатил глаза.

— А сам как думаешь, Линь? Совокуплялись они по-новомодному — с задействованием сверхсил. Вот тебе и «то двое, то один»! Всё бы ничего, если б с энергией меру знали.

Василь хрюкнул, я решил было, что он так странно смеётся, но нет, сослуживец покачнулся и навалился на сиденье мотоцикла.

— Срочный вызов! — хрипло выдохнул он мгновение спустя. — Перестрелка на углу Фабричной и Тысяча девятьсот пятого года!

— Ого! — озадачился старшина. — Там на углу объединённая касса взаимопомощи! Линь, погнались!

И — погнались!

На место домчались минут за пять, но прибыли к угловому дому с колоннами и атлантами на фасаде далеко не самыми первыми. К этому времени на соседнем перекрёстке уже вовсю размахивал красным флажком регулировщик, он заворачивал редкий транспорт с Фабричной в боковой проезд, но мы

проехали беспрепятственно. Остановили нас уже посреди квартала, где дорогу перекрыл броневик.

— С задов заезжайте! — крикнул незнакомый сержант, указав на арку дома напротив. — Только во двор не суйтесь, просто выезд перекройте!

Немного дальше, напротив облицованного мрамором крыльца валялись покорёженные обломки мотоцикла с коляской, и вот так сразу определить, что именно с ним приключилось, я не смог. Но приложили сверхсилой — это точно. Среди колонн на забрызганных кровью ступеньках распластался человек в штатском, а вот из попавшего под удар патруля никого видно не было, но это ещё ни о чём не говорило: прочь уже катила карета скорой помощи.

Дела!

— Поехали! — негромко скомандовал Ревень, и я медлить не стал, вывернул руль, направил мотоцикл в арку; там его и оставил.

Двор пересекли рысцой, укрылись за оградой на задворках кассы взаимопомощи, где занял позицию белый как мел околоточный с револьвером в руке.

— Что тут? — обратился к нему старшина.

— Сунулись было, так я их пугнул, — ответил полицейский и судорожно сглотнул. — А у самого душа в пятки ушла. Думаю: вот жахнут молнией и поминай как звали!

— Операторы там?

— Они.

Я немного привстал и глянул на здание через прутья ограды; все окна оказались темны, энергетических помех уловить не удалось.

— И что делать будем? — с азартом спросил Василь.

— Ждать! — коротко ответил Ревень. — И ты, Линь, давай, сиди ровно. Чтоб никакой инициативы без приказа!

Василь раздражённо засопел, а вот меня такой настрой старшины всецело устроил. Великим специалистом по штурму зданий не был, но после тренировок с десантниками вполне отдавал себе отчёт, что с кондачка такие дела не делаются. Это пусть бойцы штурмового взвода повышенное довольствие отрабатывает.

Те прибыли минут через десять. Пулемётчик и его второй номер расположились рядом с нами, а снайпер ловко вскрыл дверь чёрного хода соседнего дома и увёл с собой Варю, та только и успела, что рукой помахать. Надо понимать, на чердаке либо на верхнем этаже позицию займут.

— Свободны! — отпустил нас пулемётчик и обратился к околоточному: — Пройдись по жильцам, предупреди, чтоб от окон подальше держались. Мало ли — прилетит.

Полицейский с готовность поспешил прочь, а вот Василь насупился, и старшина украдкой показал ему кулак. Подействовало. Мой товарищ только и вздохнул, усаживаясь на мотоцикл, в пререкания с инструктором вступать не стал.

На улице бойцов корпуса заметно прибавилось, старший лейтенант Ельня раздавал своим людям последние наставления, не обошёл своим вниманием он и нас.

— Ждите! — приказал взводный штурмовиков. — Привлечём, если придётся преследование организовать.

Василь воспрянул духом, а потом заметил среди офицеров Леонида Зимника, и отпросился на две минуты у старшины, побежал к нашему бывшему инструктору. Ревень только коротко матернулся ему вслед.

— Вот же неймётся, человеку...

Впрочем, принесённые Василем новости он выслушал с живейшим интересом. Как оказалось, через

полчаса после закрытия сработала тревожная сигнализация, и диспетчер направил на проверку отвечавший за округу патруль. Вот они и нарвались.

— Сержанта в больницу увезли, его серьёзно поломало, но жить будет. Водитель и стрелок лёгким испугом отделались, — просветил нас Василь. — Петя, представляешь — у них за стрелка Маленский был.

— Бог с ним, — отмахнулся старшина. — На крыльце кто? Кого-то из налётчиков положили?

— Не, это ночной сторож. Налётчики им прикрылись, когда наши подъехали. Непонятно толком, что именно случилось, но вроде они ему в спину пальнули.

— Вот ведь лиходеи какие! — цокнул языком Ревень. — Кровь пустить не побоялись!

В этот момент Зимник выглянул из арки и гаркнул:

— Линь! Бегом сюда!

У меня холодок по спине пробежался, но медлить не стал, подбежал. Командир штурмового взвода сходу потребовал:

— Давай, расскажи нам, где налётчики засели.

— Да нет там никого! — махнул рукой тот самый сержанта, что послал нас караулить задворки. — Я дважды проверял — нет внутри операторов! Ушли они.

Леонид Зимник покачал головой.

— От активного поиска могли и закрыться.

Сержанта фыркнул и в пререкания с офицером вступать не стал, глянул на меня с раздражением.

— Давай, гений! Удиви нас!

Я вспомнил, как непросто было соотнести картинку в голове с планировкой квартиры в прошлый раз и заколебался, но быстро нашёл выход, решив руководствоваться примером Лизаветы Наумовны.

— Есть план здания? — спросил, стягивая с головы танковый шлем.

Командир штурмового взвода расстегнул планшет, начал разворачивать тонкие листы. Кто-то принялся

светить электрическим фонарём.

— Мне одного этажа хватит, — предупредил я, попросил карандаш и перебрался к выходу из арки, откуда открывался вид на здание кассы взаимопомощи. Там покрутил лист так и эдак, пытаюсь сопоставить план и реальность, после открылся ясновиденью и мысленно толкнулся вперёд, но не уловил ни малейшего отклика внутри конторы; все искажения энергетического фона охватили её своеобразным периметром. Это — наши.

— Ну что там? — поторопил меня Зимник.

— Сейчас! — мотнул я головой. — Отойдите пока, господин лейтенант, мне бы в резонанс войти.

Лейтенант отступил, но вот так сразу вогнать себя в состояние транса не вышло. Если обычно шквал энергии подхватывал, стоило только того захотеть, то здесь пришлось тянуться к сверхсиле изо всех сил. Ну да — на девятом витке перерыв должен оставлять около шести-семи часов, толком ещё не восстановился наверное...

Додумать мысль не успел: словно передача переключилась, и пришлось лихорадочными усилиями распределять энергию по организму, уплотнять, сдавливать, не позволять вырваться вовне. Ощутимо потянуло назад и едва не опрокинуло на спину, но переборол притяжение операторов, сгрудившихся в другом конце арки, и подался вперёд, попытался ощутить отклик в мрачной коробке четырёхэтажного здания конторы взаимопомощи.

В голове немедленно возникла картинка с тёмным прямоугольником, окантованным россыпью светящихся точек. Да что ж это такое?! В доме — никого!

Меня вынесло на пик потенциала, и удерживать в себе такую прорву сверхсилы не стал даже пытаться, запустил алхимическую печь, принялся пережигать энергию и приводить в порядок потенциал. Попутно мотнул головой и сказал:

— Никого!

— Как я и говорил! — самодовольно заявил сержант. Взводный штурмовиков проигнорировал это высказывание и дважды махнул рукой.

— Пошли! Пошли!

К центральному крыльцу и боковому входу вдвинулись группы захвата, а я вернул лист с планом здания и к мотоциклу отходить не стал. Нет, ну в самом деле — а зачем? Ясно ведь и понятно, что налётчиков в здании нет. Ушли.

Когда донеслись приглушённые расстоянием и стенами хлопки выстрелов, а следом ухнул взрыв и дрогнула под ногами земля, у меня самым натуральным образом челюсть отвисла. От взводного штурмовиков удивление не укрылось, и он благодушно улыбнулся.

— Ну а ты как хотел? Не одни операторы банки грабят, знаешь ли.

Тут-то я и сообразил, что моё урезанное ясновиденье попросту не могло выявить присутствие в здании обычных людей, и если грабители со сверхспособностями точно успели сделать ноги, то их подельники такой предусмотрительностью похвастаться не смогли. Вот и влипли.

Долетел отголосок глухого удара, и старший лейтенант Ельня прижал к виску два пальца.

— Пропустить! — приказал он, мотнул головой и бросил Зимнику: — Готовься! — А потом крикнул, повысив голос: — Не стрелять!

Взводный штурмовиков перегородил проезд, которая вела на задворки кассы взаимопомощи, Леонид Варламович встал рядом, и тут уж я медлить не стал, рванул к загодя отогнанному на улицу мотоциклу. Но только выскочил на тротуар, и послышался надсадный рык автомобильного движка, в подворотне мелькнул отблеск фар, и в арку влетел бронированный автомобиль перевозчиков денег с мятыми решёткой

радиатора и капотом, как если бы налётчикам пришлось тараном выносить ворота.

Дальше — скрежетнуло и хлопнуло!

Скрежетнул сминаемый передок машины, сверкнуло и хлопнуло в кабине. Разлетелось стеклянное крошево, водитель навалился грудью на баранку, да так и замер, а вот пассажир вывалился в распахнувшуюся дверцу и даже сумел вскинуть пистолет, но его руку тут же стиснули и задрали к небу незримые тиски. Бойцы штурмового взвода кинулись вперёд, обезоружили и завалили на землю одного, выволокли из-за руля и сковали наручниками другого. Вся операция не заняла, пожалуй, и десяти секунд.

— Лихо, — признал я, отойдя к мотоциклу, и старшина Ревень кивнул.

— Учитесь! — заявил он.

Василь только фыркнул.

— Взять мало! Вот расколоть и оперативные данные отработать — это да!

«Уж твой ненаглядный Леонид Варламович в прошлый раз расколол, так расколол!» — мысленно поморщился я, но вслух ничего такого произносить не стал. Натянул краги и заранее завёл мотоцикл. Чую — сейчас пошлют те самые оперативные данные отрабатывать.

Глава 4/1

В расположение вернулись уже за полночь усталыми и голодными. По тревоге подняли весь личный состав комендатуры и полицейского управления, на перекрёстках выставили пикеты, шли облавы и тотальные проверки документов. Но — впустую. По крайней мере, когда нам дали отмашку закругляться, никакого результата поиски скрывшихся операторов не принесли.

Утром еле встал. Нет, бывало и хуже, но давненько уже с такой неохотой не выползал из-под одеяла, даром что по уговору с Василем утреннюю зарядку мы сегодня решили пропустить. Правда, пришлось сбегать на полигон и быстренько вогнать себя в резонанс, только это ерунда, дело минутное.

В институте прилежно конспектировал лекции, но мысли были заняты совсем другим. И нет, не вчерашним происшествием — моё дело маленькое, это пусть у оперов голова болит. Думал, как бы подкатить к Юлии Сергеевне. Не могу сказать, будто так уж подпирали естественные потребности организма, в первую очередь хотелось восстановить пошатнувшуюся самооценку. Ну и просто хотелось, не без этого.

Более-менее расписание Юли я представлял, отыскал её на первой же перемене без всякого труда. Отыскать — отыскал, а вот переговорить тет-а-тет не получилось. Барышня везде и всюду ходила с друзьями и подружками, а идею будто бы случайно попасться ей на глаза, я отверг как неконструктивную. Куда интересней показалось попрактиковаться в слежке и сборе информации — вот этому занятию все перемены и посвятил.

Не могу сказать, будто особо преуспел, но, к примеру, узнал, что мрачного молодого человека в поношенном костюме звали Кешей, и все в компании им откровенно помыкали. А вот Анатолий и в самом деле оказался вице-чемпионом «Общества изучения сверхэнергии» по боксу, и барышни через одну строили ему глазки, чем безумно раздражали Настю. Ну а кузен Роман ухаживал за кузиной Юлией, только без особого успеха. Меня это порадовало.

Процедур на сегодня назначено не было, после занятий поколебался немного, но всё же библиотеке предпочёл бассейн. Трёшки жалко, конечно, да только надо себя на пик формы выводить. Четыре месяца в запасе остаются, а в июне такая кутерьма закрутится, что просто не до того будет.

По дороге на курсы купил утренний выпуск «Новинского времени», вся первая полоса которого была посвящена вчерашнему налёту на кассу взаимопомощи и убийству ночного сторожа. Впрочем, там не напечатали ничего такого, чего бы я уже не знал. Газетчикам даже не удалось разузнать, сколько именно было похищено денег и удалось преступникам ли вскрыть денежное хранилище вовсе. Больше на эмоции давили. Сенсация же!

Теоретические занятия сегодня перемежались практическими демонстрациями, но камерными — аудиторию мы не покидали, работали друг с другом. А вот Герман Харитонович лекций читать не стал.

— Пока кинетический экран не отработаете, к новым темам переходить смысла не вижу, — проворчал он и строго спросил: — Практиковались?

Все закивали, даже я.

— Готовьтесь! — распорядился лектор, вытянул из жилетного кармашка часы и выжидающе посмотрел на циферблат.

Я решил не торопиться и отошёл в угол аудитории. Там потянулся к сверхсиле, стал трансформировать её в кинетическую энергию, а ту в свою очередь перебрасывать в плоскость перед собой. Принцип был мне понятен, с давлением проделывал такое на раз-два, тут же ничего путного не выходило. Попросту не получалось согласовать векторы силы.

— Линь! — скомандовал Герман Харитонович. — Ты последний остался!

Ну да — остальные уже отстрелялись, и довольным после общения с лектором не выглядел ни один. Заранее морально готовясь к нагоняю, я двинулся по проходу, край кинетического экрана зацепил парту, и ту кинуло вперёд, а меня отбросило назад. Всё случилось столь стремительно, что даже сверхспособности задействовать не успел — от удара спиной и затылком о стену даже звёзды из глаз посыпались.

— Убьёшься ведь, бестолочь, — вроде бы даже ласково посетовал лектор и стукнул пальцем по краю столешнице, пресекая смешки. — Ну-ка, цыц! Он хоть что-то изобразить смог!

Дальше начался разбор ошибок, Герман Харитонович по очереди работал с каждым из слушателей и со мной наравне со всеми. Что-то вроде бы даже начало получаться, но полноценный экран сотворить не удалось, только взмок зазря.

Потом стреляли в тире и отрабатывали перемещения по коридорам и комнатам, учились правильно входить и прикрывать друг друга. А напоследок вновь отправили отрабатывать технику закрытой руки. На этот раз Кирилла и Елисея отсылать не стали, ватники и маски выдали всем. Точнее сказать — всем кроме меня, мне вручили стёганую куртку.

— Это Герман Харитонович попросил? — пошутил я, пряча за ухмылкой неуверенность.

— Он предложил вообще ничего не давать, — отшутился наставник по стрелковой подготовке. — Не жмись, Линь! Техника у тебя получше других, надо развиваться. Как говорится: тяжело в учении, легко в бою!

Выстрелил он без всякого предупреждения, и словно киянкой в грудь долбануло. Как устоял на ногах — не знаю. И снова: выстрел! выстрел! выстрел!

Когда опустел барабан магазина, мне дали отдохнуть, заодно собрали всех и начали втолковывать, как нужно двигаться, дабы максимально затруднить противнику прицеливание — раскачивая корпус и передвигаясь не строго по прямой, но рывками из стороны в сторону.

— Кинетический щит пока ещё выставите, а таким вот макаром сумеете пару секунд выгадать, — заявил инструктор. — Это сейчас вам кажется, что смешно эдакие коленца выкидывать, а под обстрел попадёте, вспомните мою науку добрым словом. Неопытному человеку сможете прицел на раз-два сбить, да и опытные в сшибке на встречных курсах особой меткостью не блещут.

Дальше с небольшим перерывом по мне расстреляли ещё два барабана, и, надо сказать, за исключением первого неожиданного выстрела, прикрыться не удалось ещё разве что от пары-тройки попаданий.

— Учись двигаться, курсант, — наставительно заявил наставник под конец занятия. — Пригодится!

«Хочется верить — нет», — подумал я, через силу улыбнулся и поплёлся вслед за сокурсниками в душевую. Там обнаружил два здоровенных кровоподтёка на рёбрах и ничуть не меньший синяк на бедре, а в остальном — порядок. Прочие удары ощущал, конечно, но более-менее предугадывал, куда именно

угодит каучуковый шарик, и успевал концентрировать там сверхсилу.

— Дела! — присвистнул Елисей. — Меня и в ватнике чуть с ног не сбивало!

— Дело привычки, — махнул я рукой. — Когда палкой лупасят, тоже приятного мало.

— Это где такие тренировки? — любопытствовал вытиравшийся полотенцем Кирилл.

— А кто говорил о тренировках? — с усмешкой заявил я, не став вдаваться в детали.

— Ну ты прям железный! — рассмеялся кто-то из сокурсников.

Но — увы, железным я пробыл примерно до вечерней тренировки, а там как начал разминаться, так мигом все ушибы прочувствовал, даже те, которые поначалу не болели. Немного помедитировал, ускорил регенерацию и рассасывание гематом, но и так едва отзанимался. Да ещё ближе к концу пожаловал Михаил Дмитриевич, вызвал с полдюжины бойцов, в том числе и меня, и начал ставить нам технику ножевого боя. Филонить прапорщик никому не давал, и в раздевалку я буквально уполз. Ещё и под душем спокойно постоять не дали — Матвей и Макс при виде синяков пристали с расспросами, пришлось отшучиваться.

Завалился я после этого спать? Как же, как же! Заварил травяной сбор, влил в себя весь чайничек и, оставив комнату в распоряжении Василя и Вари, потопал на полигон. Нужно было второй раз войти в резонанс, чтоб его так...

В среду продолжил следить за Юлей, уже без былого энтузиазма, но и не для галочки, скорее просто понравилась эта игра. И в первую очередь возможностью опробовать на практике то, что давали на курсах, пусть условия в институте были и не самые подходящие.

Ещё впервые посетил занятия по судебной психиатрии. Вёл их Владимир Прокофьевич Лагинский — седовласый старичок с бородкой-клинышком, а слушателей было раз в пять меньше, нежели на курсе Рейса, и потому незамеченным моё появление не осталось.

— Подойдите, молодой человек! — потребовал лектор перед началом занятия, пришлось выбираться с заднего ряда, топать к кафедре и объясняться.

Старичок оглядел меня через нацепленное на переносицу пенсне и благосклонно кивнул.

— Что ж, это послужит вам уроком. Как говорится: за одного битого двух небитых дают. Садитесь.

Я вернулся на своё место, про себя отметив, что общаться во время занятия тут в любом случае не с кем: на основы судебной психиатрии записались исключительно старшекурсники, знакомых лиц не заметил вовсе. Лекция оказалась весьма интересной и познавательной, не особенно расстроило даже обширное домашнее задание и напутствие лектора уже персонально мне найти и переписать конспекты пропущенных занятий, будто ему было хоть какое-то дело до успеваемости вольного слушателя.

Напоминать о своём статусе реликту ушедшей эпохи я не стал, взял под козырёк и поспешил в столовую, оттуда — на процедуры. Поначалу всё шло по стандартной схеме, но вот уже после парилки, Леопольд придержал меня и пустился в путанные объяснения:

— Сейчас входишь в резонанс и копишь энергию двадцать три секунды, потом выплёскиваешь в два раза больше сверхсилы, чем приходит. Понял?

Пришлось покачать головой.

— Не особо.

— Ну, смотри. Резонанс условно даёт тебе сто процентов. Ты набираешь половину, а затем начинаешь

присовокуплять к входящему потоку такое же количество энергии из набранного потенциала, чтобы скидывать в два раза больше прихода. В результате взвинтишь процесс и уже в самом финале втянешь в себя за счёт ускоренного оттока чуть больше энергии. Так понятней?

Всё это в какой-то мере напоминало принцип создаваемого мной энергетического волчка, и я кивнул.

— Попробую.

Упражняться сегодня отправили в соляную пещеру, и на этот раз там не закладывало уши от звенящей тишины, поскольку в процедурной явственно отстукивал секундный ритм метроном. И это было просто здорово, иначе бы точно со счёта сбился.

Энергия хлынула чистейшим предельно структурированным потоком, было одно удовольствие равномерно распределять её по организму, набирая потенциал. Но вот когда пришлось, стремительно наращивая темп, сбрасывать сверхсилу вовне, исходящий поток превратился в острейшую бритву. Попробуй — удержи!

Как я со своего насеста не сверзился — ума не приложу. Мотало — будь здоров, по перекинутому мостку перебирался на четвереньках, до того голова кружилась.

— Есть секундный прирост! — обрадовал меня Леопольд. — Так держать!

Лаборант за пультом оторвался на от шахматной доски и фыркнул:

— Подумаешь — секунда! Большое дело!

— Большое! — возразил Леопольд и обратился ко мне: — Ты его не слушай. Тебе эта секунда двести сорок четыре килоджоуля накинула! — Он резко развернулся и нацелил на коллегу указательный палец. — Заткнись!

Я бы и сам послал шахматиста-любителя куда подальше, но едва стоял на ногах и связываться с

желчным типом не стал, поплёлся в раздевалку. Оттуда, отложив игры в слеску, перебрался в читальный зал библиотеки, где и проторчал до начала смены. А когда пришёл на вахту, то, к своему немалому удивлению, застал там Лию.

Скрыть удивления не удалось, и девушка напонила:

— Ты мне с алхимической печью помочь обещал, забыл?

Я хлопнул себя ладонью по лбу.

— Точно! Подожди, сейчас вернусь.

Заскочив в дежурку, я кинул на портфель на диван и сходил показаться вахтёрам.

— Не нужен вам пока? Могу минут пятнадцать в караулке посидеть?

Валентин с Николаем переглянулись и едва ли не синхронно покачали головами.

— Всё понимаем, — вздохнул Николай, — подруга у тебя чудо как хороша, а фигур с такими пропорциями ещё поискать, но не дело на рабочем месте разврат устраивать.

Я аж покраснел немного, сам не понял — из-за смущения или возмущения.

— Да нет же! Просто обещал ей с техникой алхимической печи помочь.

— Верим, — кивнул Валентин. — Нет, серьёзно — верим. Но ты погляди на неё, сам ведь не заметишь, как от растопки к прожарке перейдёшь. А на рабочем месте — не дело.

— Да ну вас! Если не нужен, посижу в коридоре пятнадцать минут?

— В коридоре — посиди, — разрешил Николай.

— Можете даже за ручки подержаться, — с ухмылкой добавил Валентин.

— Сказал бы я вам, да слишком хорошо воспитан! — раздражённо бросил я, развернулся и зашагал к Лие.

В узкой юбке до колен и облегающей кофточке она и в самом деле смотрелась просто здорово, а уж лицо со вздёрнутым аккуратным носиком и ямочками на щеках и вовсе было более чем просто симпатичным, немудрено, что великовозрастные шутники заподозрили меня в амурных поползновениях на её счёт.

— Ишь, какой интеллигент выискался! — усмехнулся вслед Николай.

— Проще надо быть! — поддержал напарника Валентин.

Я завёл руку за спину и показал им фигу.

Лия поспешила навстречу и встревоженно спросила:

— Всё в порядке, Петя?

— Да, — подтвердил я. — Идём, у меня минут пятнадцать-двадцать есть.

Мы разместились на лавочке в служебном коридоре, и для начала я поведал о собственном способе розжига алхимической печи, а потом пересказал правильную технику, которую до конца так и не освоил. Вроде, звучало всё предельно просто: взять сверхсилу и до предела её уплотнить, тем самым сделав возможным процесс трансмутации, но просто это было лишь на словах. Требовался высочайший уровень контроля энергии, я им похвастаться не мог. Как оказалось — Лия тоже.

— У меня, бывает, вещи самопроизвольно загораются, — пожаловалась она. — На кафедре говорят, чтоб сама ничего не делала, просто Витю тянула.

— Это как? — удивился я.

— В резонансе, — пояснила девушка и одёрнула край юбки. — Одна из синергетических техник позволяет ведущему оператору слегка увеличить продолжительность транса партнёра. Не навсегда, но если долго упражняться, то эффект перманентным

становится. Правда, это только с золотыми румбами работает.

— А! — сообразил я. — Лев что-то такое говорил!

— Он с Александром Петровичем занимается, а я с Витей. На кафедре много с четвёртого витка среди вторых номеров.

Выражение «второй номер» меня покорило, и я заметил:

— Надо и собственные способности развивать.

— Вот я и решила с алхимической печи начать. У меня с тепловой энергией только всё хорошо, остальное еле вытягиваю. Я же пирокинетик, слышал?

— Да, говорил кто-то.

— Спасибо, Петя! — Лия поднялась с лавочки и протянула руку. — Я начну практиковаться, а если что — к тебе за советом обращусь. Хорошо?

— Конечно! Буду рад помочь.

Девчонка убежала, а я вздохнул и вышел в вестибюль.

— Ты смотри, — ткнул Николай локтем в бок напарника. — Этот интеллигент и в самом деле с ней только поговорил.

— Безднадёжный случай! — вынес вердикт Валентин и спросил: — Что, заняться нечем?

Я кивнул.

— На обход сходи тогда, — попросил Николай. — Сможешь?

— Легко. А куда?

— Глянь поэтажные планы эвакуации, служебные коридоры синей линией отмечены. Если кого там встретишь, гони в шею. А то, понимаешь, повадились курить, паразиты!

— Сделаю.

Я ушёл в дежурку и принялся изучать схемы, начерченные на свёрнутых в рулоны листах. Насколько сумел понять, служебные переходы предназначались

для эвакуации в случае пожара и прочих чрезвычайных происшествий, а ещё сообразил, что со своим обещанием однозначно погорячился, поскольку в нашу зону ответственности попадало не только всё левое крыло, но и башня в тринадцать этажей высотой.

Ёлки, мне тут бродить до конца дня, и это если не заблужусь в переходах, коридорах и лестницах!

Но заняться в любом случае было нечем, нацепил на рукав красную повязку, взял у Николая мастер-ключ и уточнил:

— А с нарушителями что делать? Задерживать?

— Да брось! — махнул рукой Валентин. — Если только за порчей имущества какого поганца застанешь, а так попугай и отпусти.

— Главное не переусердствуй. Чтоб без драк и увечий! Понял? И заодно дежурных по этажу проверь, пусть не расслабляются и бдят!

— Сделаю, — кивнул я, с превеликим удовольствием воздержавшись от уставного «так точно».

Лишнюю работу ногам решил не давать, вызвал лифт и поднялся на нём на верхний тринадцатый этаж. Пешком, наверное, попал бы туда даже быстрее — очень уж много остановок случилось по пути.

В башне я надолго не задержался, сразу спустился на четыре этажа, а там перешёл в левое крыло и начал плутать в поисках входа в служебный коридор; пришлось даже у дежурного на этот счёт справляться. Старшекурсник с красной нарукавной повязкой закатил глаза, но упрямыться не стал и отвёл к неприметному закутку, мимо которого я уже проходил никак не меньше двух раз. Мастер-ключ подошёл к замку, дальше — погружённый в густой полумрак коридор: горевшие в вполне накала лампы аварийного освещения много света не давали, да и развешаны были на приличном удалении друг от друга. Но нужный поворот я пропустил вовсе не из-за темноты, просто задумался и

опомнился, лишь когда за очередной дверью обнаружилась центральная лестница, чьи пролёты опоясывали обрешеченную лифтовую шахту.

Тогда вернулся в нашу зону ответственности, чтобы немного погодя отыскать выход в коридор общего пользования и спуск на восьмой этаж. Так дальше и двинулся. Иногда в служебных помещениях попадались забитые окурками банки, иногда слышался быстрый топоток удаляющихся шагов. Раз заметил тёмные фигуры и рывкнул: «Облава!», те со всех ног припустили прочь.

Отыскались и выходы на боковую лестницу, располагавшиеся лишь на чётных этажах. Все эти переходы использовались студентами в качестве курилок, и вот тут уж никто убегать не пытался, курильщиков приходилось выгонять чуть ли не пинками. Ещё и возмущались, засранцы!

Я даже заподозрил, что вахтёры меня попросту разыграли, но и плевать — во всём должен быть порядок. А то надымили, понимаешь...

На третьем этаже прямого перехода не было, пришлось идти в обход, вот там-то и наткнулся на троицу студентов. Парочка приятелей Кости Северянина — крепкий малый с бугристым лицом и задиристый коротышка, — зажали в угол тощего волосатика и что-то угрожающе ему втолковывали. На звук распахнувшейся двери они даже не соизволили оглянуться.

— Нарушаем? — поинтересовался я, попытавшись скопировать интонации старшины Ревеня.

Получилось не слишком похоже, да только хулиганов проняло и так. Они резко обернулись, а их жертва прошмыгнула к двери, но я выставил перед собой руку.

— Погоди.

Этого типа я узнал: именно он сидел на первом ряду на лекции по психологии, с которой меня выставили за болтовню. Я узнал его, а хулиганы — меня; коротышка Панкрат даже растопырил пальцы.

— Тебе чего надо вообще? Вали отсюда, пока цел!

— Ты ничего не перепутал, малыш? — усмехнулся я в ответ и постучал себя по нарукавной повязке. — Глаза разуй!

— А-а-а! — протянул второй. — Шпик! — И вдруг предложил: — А слабо один на один на кулачках?

Мне уже довелось помять его в первый день учёбы, но напомнить об этом не успел: патлатый предпринял очередную попытку прорваться к двери. Так же молча он попробовал протиснуться между мной и стеной, пришлось даже упереться ему в грудь ладонь.

— Да стой ты! — потребовал я. — Смотри, если заявишь на этих уродов, у них большие проблемы будут.

— Только вякни, Гоша! — быстро произнёс Панкрат.

— Георгий! — обратился я к студенту. — Если они у тебя деньги забирали — это грабёж. А если угрозами вымогали — это и под разбой подвести можно. Заявишь — сядут, как миленькие. Из института так уж точно вылетят.

Крепыш усмехнулся.

— Красиво лепишь, легавый!

Гоша ссутулился и на миг показалось, будто удалось до него достучаться, но нет — парень неожиданно резко подался вперёд, проскочил мимо меня и юркнул в дверь, только его и видели.

Панкрат расхохотался, его приятель с ухмылкой предложил:

— Ну что — на кулачках? Без сверхсил, а?

Я повернулся к коротышке и спросил:

— Он это серьёзно?

Взгляд крепыша скакнул с меня на приятеля, и тогда я пнул ему по щиколотке. Полуботинок угодил носком по кости, и парень со вскриком дёрнулся, открылся и пропустил крюк в челюсть. Хлоп! — и уже сидит на полу, башкой мотает. Чистый нокаут!

Глаза Панкрата округлились, и он заблажил:

— Совсем, что ли? Да я, да мы... Да мы на тебя заявим!

Угроза вовсе не была пустым сотрясанием воздуха, но в таких делах никак нельзя выказывать растерянности и тем более страха — это я знал наверняка и потому беспечно пожал плечами.

— Сейчас по итогам обхода заявлю, что помешал двум неизвестным избить третьего. Начнёте бочку катить, я вас опознаю. А надо будет и Гошу расколю. И сдаётся мне, после этого поедете вы оба, да и не только вы, лес валить. Хочешь? А ты, боксёр?

Не хотели ни тот, ни другой, и я велел им убираться из служебного помещения, завершил обход и не забыл упомянуть вахтёрам о стычке, но до конца дежурства меня так никто и не побеспокоил.

В семь часов Милена препоручила мне Льва и отправилась ужинать, а мы пошли в спортивный зал, где появление человека в чёрных очках и с тросточкой вызвало немалую ажитацию. А уж когда мой товарищ заменил очки повязкой и принялся в качестве разминки колотить по боксёрским грушам, поглядеть на это диво дивное собрались решительно все. Тренеру даже пришлось наводить порядок. После он взялся самолично оценить технику новичка, а остальных погнал разогреваться.

Подошёл рыжий Антон, поздоровался и покачал головой.

— Во дела!

— Тоже боксом занимаешься? — спросил я.

— Ага, — кивнул тот. — Только лютиерианским.

— Это который сават?

— Он самый, — подтвердил Антон и ушёл.

Я обратил внимание, что, кроме меня, с ним никто не поздоровался и не преминул справиться на этот счёт у приятелей.

— Чего вы его игнорируете?

— Нормальный человек в шестёрки не пойдёт, — заявил в ответ Ян.

— Научный факт! — подтвердил Карл.

— В шестёрки? — удивился я. — К кому?

Все рассмеялись, и Коля пояснил:

— Шестёрки — это снобы, которые в клуб «6/17» входят. Золотой румб, элита операторов. В институте разные клубы есть, но этот самый пафосный.

Я покачал головой и принялся натягивать боксёрские перчатки. Пока упражнялся, краем глаза следил за Львом и вскоре обратил внимание, что тот всё чаще поглядывает в тот конец зала, где шла тренировка по лютиерианскому боксу.

Зная пристрастие товарища к ориентальным боевым искусствам, где, как и в савате, разрешались удары ногами, я подошёл и предложил:

— Отвести тебя туда?

Лев кивнул. Заведовавший секцией савата аспирант поначалу просто опешил, но поглядел-поглядел на уверенные движения моего товарища и махнул рукой:

— Оставайся! Поглядим, с чем тебя едят!

Я вернулся к боксёрам, и в этот раз тренировка не сосредоточилась на одной только правильной работе ногами, мне начали слегка поправлять ударную технику, а под конец Карл и вовсе загонял в спарринге. К слову, Лев тоже поколачиванием мешков с опилками не ограничился, и провёл несколько учебных поединков, в которых всем на удивление держался ничуть не хуже соперников.

После тренировки немного посидели со студентами в раздевалке. Я дожидался припозднившегося Льва, остальные просто переводили дух.

— Скучно! — заявил вдруг Коля. — Может, монархистов взгреем?

— Забудь! — одёрнул его Ян. — Нас ещё в прошлый раз на карандаш взяли!

— Теперь предупреждением не отделаешься, — подтвердил Карл, вытиравший полотенцем бритую под ноль голову. — Научный факт!

— Да ну вас! — махнул рукой Николай. — Правильные — сил нет.

— Монархистов в городе надо бить, — заявил Карл. — В институте сразу вахтёры набегут, а в городе есть шанс ноги сделать, прежде чем патруль прикатит. — Он хитро глянул на меня и уточнил: — Так, Петя?

— Научный факт! — заявил я с ухмылкой.

Минут пять спустя подошёл Лев, и я познакомил его со студентами, заодно принял предложение проехать часть пути с ним на машине. Опустевшими коридорами мы двинулись к служебному выходу, и Лев чуть ли не подпрыгивал от возбуждения.

— То, что надо, Петя! Это именно то, что надо! — тараторил он без умолку. — Как же мне этого не хватало! Думать не надо — просто реагируешь и всё. Да я будто заново родился!

— Рад за тебя.

— Меня ведь тут к мозгоправу даже обязали ходить, — признался Лев.

— Да ты что? Чего это?

— Депрессия, упадок сил, беспричинная раздражительность — полный набор. Вот и отправили к местному светилу. Он в институте курс психологии ведёт и студентов по направлению от ректората и «Общества изучения сверхэнергии» принимает. Как раз

на случаях повышенной эмпатической чувствительности специализируется. Мужик грамотный, всё понимает, всё правильно говорит и советы толковые даёт, а выходишь от него и в петлю готов голову сунуть. Только хуже становится. А тут — отпустило. Понимаешь, Петя? Вообще отпустило.

— Вот и здорово! — искренне порадовался я за товарища. — Я в зал только по средам хожу, а ты смотри — можешь и чаще.

— Подумаю, ага!

В четверг на процедурах нарастил ещё одну секунду резонанса. В этот раз вновь с головой погружался в грязь, и энергия текла несфокусированной, она будто жидкая глина просачивалась через стиснутые в кулак пальцы, удерживать её внутри получалось лишь каким-то совершенно запредельным напряжением воли. Но зато потом выплеснулась сверхсила из меня мягко-мягко, и я чрезвычайно легко наращивал темп, да там ничего и делать-то не требовалось — энергия сама собой закрутилась воронкой, как закручивается спускаемая из раковины вода. Только много быстрее и мощнее — показалось даже забурлила заполонявшая бассейн грязь, — и этот поток потащил меня дальше, за пределы текущих возможностей. Прямым к пику румба!

Вылез под душ полностью обессилившим, но счастливым до невозможности, выслушав же вердикт лаборанта, воодушевился и того больше.

— А если накопить побольше энергии вначале и выдавать не двойной выход, а тройной? — спросил я, и Леопольд задумчиво покачал головой.

— Экспериментировать начнём, когда остановится прогресс. Пока работай в этом темпе.

Работай! Это стало ключевым словом сегодняшнего дня. Работать пришлось ещё и на курсах, где после лекций вновь занялись созданием кинетических щитов. Раз за разом набирал энергию, структурировал её и создавал экран, попутно задавая и шлифуя дополнительные параметры. И кое-чего добился — по крайней мере, соприкосновение щита с предметами больше не отшвыривало меня назад.

Проклятье! Да, если разобраться, сегодня впервые получился полноценный экран!

Ну, я так думал, что полноценный. Учинённая Германом Харитоновичем проверка показала всю глубину этого заблуждения.

Неладное заподозрил, уже когда лектор вызвал первого из моих сокурсников и швырнул в него пригоршню пистолетных пуль. Представлявшаяся со стороны идеальной энергетическая конструкция лишь немного замедлила их скорость, на пол упала только одна или две, а остальные угодили в цель.

— Следующий! — скомандовал Герман Харитонович, и очередная проверка показала примерно аналогичный результат.

Когда дело дошло до меня, лектор озадаченно хмыкнул, снял пенсне и побренчал зажатými в кулаке пулями.

— Готов?

Я изо всех сил напрягся, и лицо покрылось испариной, по виску стекла капля пота. Герман Харитонович кивнул и метнул в меня пули. Те угодили в незримую преграду и, за исключением двух, разлетелись самым хаотичным образом! Три упали на пол, одна ударила в потолок, отскочила от него и шибанула меня по макушке, ещё несколько покатались по партам. А парочка беспрепятственно прошли через преграду и ударили в грудь.

— Убит, — подытожил лектор, немного помолчал и добавил: — Но, пожалуй, всё же не безнадежен. Работай над схемой!

И я работал. Потом стрелял — от бедра и, удерживая пистолет в левой руке, а затем и вовсе одновременно из пары ТТ. Ну а после инструктажа по тактике, стреляли уже по мне, и вот тут было чем гордиться, поскольку на сей раз обошлось без синяков.

Пятница выдалась на удивление спокойной, разве что пришлось наравне со студентами отдуваться на семинарах по логике и риторике, да едва не попался на глаза Юлии Сергеевне, когда слишком уж самонадеянно присел в буфете за соседний стол и закрылся развёрнутой газеткой. Но было интересно послушать пустой треп представителей чуждого социального класса в их, если так можно выразиться, естественной среде обитания. Меня откровенно позабавили все эти муки выбора между походом в клуб и дансинг-холл, обсуждения столичных портных и модных фасонов, перемирование косточек общим знакомым и единодушное осуждение излишней либеральности институтских порядков по отношению к выскочкам-простолюдинам. Таким только дай власть — ещё и крепостное право восстановят. Поубивал бы...

В субботу после занятий я забежал на кафедру кадровых ресурсов и получил у Алберта Павловича на посещение ресторана уже не жалкую тридцатку, а вполне существенную сумму в семьдесят пять рублей.

— Ты только там не шикуй! — предупредил куратор. — Работать идёшь. Понял?

— Так точно, — подтвердил я

— Валя сразу в ресторан подойдёт. Жди её там.

— Хорошо.

Я написал расписку и поспешил в первую лабораторию. Процедура принесла увеличение

длительности на очередную секунду, и в превосходном расположении духа я посетил парикмахерскую, обновил причёску и побрился, после поехал на курсы, где и выхватил сначала от Германа Харитоновича за кинетический экран, а потом и от инструктора по стрелковой подготовке.

— Плевать, что в жизни с двух рук стрелять не доведётся! — разорался он на меня. — Ты навык нарабатываешь! Тебе ж придётся одновременно пистолет использовать и энергетические конструкции задействовать! Как ты это делать собираешься, если даже просто в сторону мишени пальнуть не можешь из двух стволов?!

Как итог — меня задержали на час для дополнительных упражнений и в «Гранд-отель» я поехал прямо из учебного центра, портфель пришлось сдать в гардероб. Стол на этот раз для нас забронировали другой, официант проводил в высоченному аквариуму, за стеклянными стенками которого плавали живые осетра.

— Что-то закажете?

Я вытянул из жилетного кармана часы, откинул крышку и с сомнением поглядел на предупредительно раскрытое меню. Было без пяти минут девять, в итоге я попросил принести бифштекс с печёным картофелем, а на вопрос о напитках коротко ответил:

— После.

Официант ушёл, и тогда я с беспечным видом скучающего зеваки огляделся по сторонам. Всё было как в прошлый раз: респектабельная, не сказать — напыщенная, публика вела чинные беседы, оркестр играл попури из популярных мелодий и пока что никто не танцевал. Для этого было слишком рано. А вот появиться Валентине уже стоило, но не пришла она ни в пятнадцать минут десятого, ни в двадцать пять.

Я особо на этот счёт не переживал, расценив опоздание игрой на публику, и пребывал в такой уверенности ещё минут пять, пока подошедший официант не объявил, что господина Линя просят к телефону. Слово «господин» он произнёс как-то очень уж неуверенно, но мне уже было не до того. Поспешил в вестибюль, взял трубку, лежавшую рядом с телефонным аппаратом, поднёс её к уху.

— Алло?

— Привет, Петя! — слышался сквозь шорох помех голос Валентины. — Сегодня не смогу, меня по субботам на дежурство поставили. Забронируй столик на следующую пятницу на это же время. Пока-пока! Целую!

Наверное, совладать с выражением лица мне всё же не удалось, поскольку метрдотель участливо поинтересовался:

— Всё хорошо?

— Сегодня она не может, — неведь зачем сказал я вслух, записался на пятницу и поплёлся обратно в зал. Уши от смущения горели огнём, так и казалось, что все пялятся исключительно на меня, но очень скоро эти эмоции перекрыла злость.

Я был зол на себя за то, что поторопился с заказом, и теперь не мог просто отсюда уйти, но ещё больше был зол на Альберта Павловича. Это всё он! С Вали взятки гладки, что приказали, то и сделала, в дурацкое положение меня поставил именно куратор. Поэтому и велел сразу в ресторан идти!

Превосходный бифштекс немного примирил с объективной действительностью, и вот так сразу покидать ресторан я не пожелал, попросил на десерт ромовую бабу и чайничек пахартского чёрного чая.

В конце концов — ну а что такого случилось? Не меня первого девушка подвела, да и Альберт Павлович не из вредности характера эту игру затеял, и раз уж он

специально предупредил, чтобы я не шикавал, то десертом и ограничусь.

Ромовая баба оказалась отменной — никогда ничего подобного не пробовал, — и рома в ней было едва ли не столько же, сколько и теста. Чай тоже не подкачал, и я неспешно потягивал его, пока думал, как быть дальше. Возвращаться в казарму нисколько не хотелось, да и Василя предупредил, чтобы рано не ждал, вот и сидел, ломал голову, вспоминая, куда именно собиралась пойти компания Юлии Сергеевны: в клуб «Держава и скипетр» или всё же в дансинг-холл.

Так ничего и не вспомнил, но в клуб мне в любом случае дорога была заказана, поэтому отправился на танцульки. Веселье там било через край, оркестр играл, не умолкая, кружились в танце парочки, а к буфету выстроилась очередь человек в двадцать. Сначала я углядел на танцплощадке Анатоля и Настю, потом отыскал и столик, за которым пили вино Роман, Кеша и ещё несколько молодых людей и барышень, которых по именам не знал. В голове замелькали какие-то Александры, Николаи и Павлы, Эдиты и Марии, но без привязки к лицам.

Да это и не имело никакого значения. Главное, что Юлии среди них не оказалось, и я был уверен, что не видел её среди танцующих. Курили тут прямо за столами, а самолично отправиться в буфет моей знакомой и в голову бы не пришло, поэтому я поспешил на поиски дамской комнаты. Успел и оглядеться, и перехватить выпорхнувшую наружу Юлю.

— Юлия Сергеевна! — расплылся я в улыбке. — Какая неожиданная встреча!

— Да ты следишь за мной! — догадалась та.

Я ухватил барышню за руку и потянул по коридору к чёрном входу. Та миг поупиралась, но почти сразу сдалась и последовала за мной. Мы завернули за угол, и

я прижал её к стене, но лишнего себе не позволил, просто положил ладони на девичью талию.

— Какие планы на сегодняшнюю ночь?

Юля прищурилась.

— А есть что предложить?

Пахло от неё духами и самую малость вином, внутри у меня всё так и заклокотало, но не от каких-то там чувств и даже не от вожделения, скорее уж из-за чего-то сродни охотничьему азарту. Пульс резко ускорился, стало сбиваться дыхание и потому витийствовать я не стал и заявил столь лаконично, сколь и откровенно:

— Почему бы не провести эту ночь вместе?

Барышня фыркнула и хоть вырваться не попыталась, но глянула если и не презрительно, то откровенно свысока.

— Всерьёз полагаешь, будто стану раздвигать ноги по щелчку пальцев?

Я уже худо-бедно совладал с эмоциями и ухмыльнулся.

— Можешь не раздвигать. В первый раз и без этого неплохо получилось.

— Пошляк! — выдала Юля, сверкнув васильковыми глазами. — Послушай, Петенька, а с чего это ты вдруг воспылал ко мне такой страстью?

Ответ на этот вопрос мог определить, как я проведу эту ночь, но врать не стал.

— Ты мне как не нравилась, так и не нравишься. Но вот с тобой в прошлый раз было здорово.

— Со мной или на мне? Точнее — во мне?

Удивительное дело — я не смутился и не покраснел, лишь пожал плечами.

— Ну вот — ты и сама всё понимаешь. И была очень даже не против, чтобы я оказался и на тебе, и в тебе. Так почему бы и не повторить?

Юлия убрала мои руки со своей талии, высвободилась и спросила:

— И ради этого отказаться от танцев?

— Танцевать до упада ты можешь хоть каждый день, а я человек занятой. У меня все дни по минутам расписаны.

— Болтун! — фыркнула Юля, но не отшла, а поинтересовалась: — И куда ты меня поведёшь?

Куда поведу? Такая постановка вопроса изрядно озадачила.

— Увидишь, — туманно пообещал я и протянул руку девушке. — Идём!

— Да погоди ты! — отмахнулась та. — Не могу же я просто так уйти, люди не поймут! Дай полчаса, как раз успею закатить скандал, на всех разобидеться и удалиться с гордо поднятой головой.

Я на миг задумался, потом сказал:

— Тогда встретимся у «Гранд-отеля».

— Только не там! Там меня знают!

— Туда и не пойдём, просто встретимся на углу.

— А куда пойдём?

— Сюрприз будет.

— Ненавижу сюрпризы! — объявила Юля и упорхнула по коридору.

Ну а я воспользовался чёрным ходом и потопал обратно к «Гранд-отелю», думая, не свалял ли дурака и не выйдет ли впоследствии мне эта интрижка боком. Решил, что свалял и непременно выйдет, но ничего переигрывать не пожелал. Будет, как будет.

Глава 4/2

Юля заставила поволноваться. И без того был на взводе, так ещё эта вертихвостка опоздала на четверть часа. Даже усомниться успел, что вовсе приедет. Разнервничался из-за того, что позволил себя дураком выставить. Представил, как сейчас барышня пьёт вино и с друзьями над моей наивностью посмеивается, и враз кровь к щекам прилила. На улице холод собачий и ветер задует, а меня в жар бросило. Ну вот что стоило задержаться и за развитием событий понаблюдать?

Но — прикатила.

Я намеренно стоял в подворотне соседнего дома и покинул её, лишь когда извозчик проехал мимо и появилась возможность убедиться в отсутствии хвоста, поэтому Юлия заметила меня не сразу. После она взмахом руки отпустила экипаж и принялась с улыбкой наблюдать за моим приближением.

— Ну и куда ты меня поведёшь?

Я загадочно улыбнулся в ответ.

— Увидишь.

Выбор места встречи был обусловлен тем простым обстоятельством, что ещё в прошлую субботу по пути в «Гранд-отель» я заметил в соседнем квартале приличную на вид гостиницу, вот к ней взявшую меня под руку спутницу и повёл.

— Обалдел?! — возмутилась Юля, когда мы остановились у парадного входа с затейливой вывеской «Астра». — Ты бы ещё в номера меня потащил!

Такую реакцию я предвидел и потому за словом в карман не полез.

— Тебя когда-нибудь в гостиницу приглашали?

Барышня наморщила нос и привела новое возражение:

— Там же документы потребуют!

— Положись на меня!

Не могу сказать, будто целиком и полностью был уверен в успехе задуманного, но и получить от ворот поворот особо не опасался: просто знал от сослуживцев о заведённых в городских отелях порядках и казусах, которые подчас вскрывались при проведении внезапных проверок.

Ночного портье, как того и следовало ожидать, наше появление в восторг отнюдь не привело. Юля пониже опустила шляпку и держалась позади, а мой кожаный плащ был хоть и добротным, но отнюдь не самого модного фасона.

— Нужен номер с ванной, — объявил я, пройдя к стойке.

Тут уж мужчина средних лет с напояженными и прилизанными волосами с пробором посередине расщедрился на поощрительную улыбку.

— Могу предложить полулюкс. Пятнадцать рублей в сутки.

Расценки несколько не порадовали, но ещё больше озадачила Юля, шепнувшая на ухо:

— И шампанское!

«Дешевле в бордель сходить было», — с досадой подумал я и озвучил просьбу спутницы.

— Двадцать три пятьдесят, — сказал портье, заглянув в прейскурант. — Итого: тридцать восемь рублей пятьдесят копеек.

У меня просто сердце кровью обливалось, когда за деньгами полез, но вида не выказал, отсчитал четыре десятки.

— И документы, пожалуйста, — попросил клерк, выдав сдачу.

Я предъявил служебное удостоверение, и портье замялся.

— А ваша спутница? — всё же счёл нужным поинтересоваться он.

— Пётр и Юлия Линь, супруги. Так и запиши.

Шутка показалась мне на редкость удачной, тычку острым кулачком под рёбра только порадовался. Портье такое объяснение тоже вполне удовлетворило. Он заполнил квитанцию, выдал ключ от двадцать четвёртого номера и пообещал в самое ближайшее время прислать коридорного с шампанским.

— Лёд не забудьте! — напомнила Юлия, а когда мы двинулись к лестнице на второй этаж, напустилась на меня: — Супруги Линь! Очень смешно!

— Полагаешь, надо было записаться супругами Карпинскими? — продемонстрировал я осведомлённость относительно фамилии спутницы и ухмыльнулся. — Или Линь-Карпинскими?

— Дурак!

Номер оказался куда роскошней моей комнаты что в общежитии, что в казарме, и совершенно непонятно было, чего Юлия Сергеевна скривилась так, будто оказалась в трущобах. Она кинула шубку на кресло, но только я избавился от плаща и разулся, как мигом выставила руки.

— Нет-нет-нет! Только не как в прошлый раз! Мне ещё домой возвращаться!

Я только усмехнулся, но ничего предпринять не успел из-за стука в дверь. Пришлось идти забирать у коридорного ведёрко с шампанским, а когда вернулся в комнату, Юля уже забралась под одеяло.

— Шампанского! — потребовала она.

Но я возиться с пробкой не стал, разделся и присоединился к барышне, так что на какое-то — увы, не слишком продолжительное время, — той стало не до игристого вина. Впрочем, разочарованной Юлия не показалась, ну а мне и вовсе грех жаловаться было.

— Шампанское! — повторила девушка.

Бокалы обнаружили в буфете, взял только один, поскольку сам пить не собирался. Прежде откупоривать шампанское ещё не доводилось, но справился, пусть и не так ловко, как вышло это у официанта в «Гранд-отеле». Да и напиток был не лютиерианский, а с потерянного после развала империи Таврического полуострова.

«Двадцать три пятьдесят!» — мысленно посетовал я, но тут же выкинул пустые сожаления из головы.

— А ты не будешь? — удивилась Юля, перехватила взгляд и подтянула край одеяла, прикрыв грудь.

Я вручил ей заполненный искрящимся напитком бокал и покачал головой.

— Не хочу.

— Ну ты чего? — возмутилась Юля. — Ты ещё теперь отвернись к стене и засни!

Зевок у меня вышел натуральней некуда, и барышня запустила подушкой. Лишил ту кинетической энергии чисто инстинктивно, по физиономии не схлопотал.

— Уйду! — пригрозила не на шутку разобидевшаяся девица. — Я одна не пью, знаешь ли!

«Вот и не пей», — мысленно вздохнул я, поднял трубку стоявшего на прикроватной тумбочке вычурного телефонного аппарата и связался с портье, заказал двести грамм коньяка. После начал разбирать впопыхах раскиданную по номеру одежду, но Юля посоветовала:

— Посмотри в шкафу.

Я так и поступил, облачился в один из обнаруженных там халатов и принял у коридорного поднос с хрустальным графинчиком. Взял в буфете пузатую рюмку, наполнил её наполовину, пригубил и пришёл к выводу, что здешний коньяк пьётся легче и трёхзвёздочного из клуба, и безымянных бренди из столь же безымянных забегаловок.

Юлия протянула пустой бокал, а когда я налил в него шампанского, откинулась на подушку и

улыбнулась.

— Предложила бы тост, но даже не знаю, за что бы мы могли с тобой выпить.

Я легонько стукнул рюмкой о фужер и предложил:

— Пусть так остаётся и дальше!

Девушка фыркнула и приложилась к бокалу, попыталась удержать одеяло, которое я потянул на себя, и облилась шампанским. Ойкнула и потребовала прекратить, но мне уже стало не до алкоголя. А потом и ей тоже.

Бутылка шампанского опустела за полночь, остатки коньяка распили на брудершафт. Я убрал рюмку на тумбочку, выключил торшер и откинулся на подушку, а потом вдруг неожиданно даже для самого себя спросил:

— Ну и зачем тебе со мной встречаться?

Юля фыркнула.

— Встречаться? Не льсти себе! Мы не встречаемся!

— Тем более! — хмыкнул я. — Достаточно ведь просто пальчиком поманить, чтобы любого из своего круга заполучить, а ты невесть с чего меня подцепила.

— Подцепила! — протянула Юля со своим акцентом, ставшим ещё более заметным после бутылки шампанского. — Скажешь тоже!

— Подцепила-подцепила.

— А даже если так? — Девушка повернулась ко мне лицом и задала риторический вопрос: — Что если мне не нужны серьёзные отношения? Что если моё сердце разбито, и просто хочу забыться в крепких мужских объятиях?

— Слишком мелодраматично.

Юля снова откинулась на подушку и рассмеялась.

— Ну, значит, я нимфоманка!

Значение этого слова я знал из книг и потому лишь усмехнулся.

— Кузену своему расскажи. Вот он удивится, болезный.

— Не веришь, что я слаба на передок?

— Не-а. Не верю.

— Петя, ты такой милый! — с улыбкой произнесла Юля. — Наверняка полагаешь, будто я втрескалась в тебя такого замечательного и красивого по уши, вот и пала к твоим ногам.

Я поёжился.

— Успокой меня, скажи, что не так.

— Неужто отказался бы через брак со мной войти в высший свет?

Коньяк развязал язык, и вместо лаконичного отрицания я решил подразнить собеседницу, заявив:

— Я уже в высшем свете. Новая элита — это мы, операторы. Все эти дворянские фамилии — вчерашний день. Три столпа нынешнего мира: политическое влияние, капитал и сверхспособности. Ничего этого у вас больше нет. Ну, почти...

— Ну, почти... — повторила за мной Юля с горечью в голосе. — А ты злой.

— Вовсе нет.

— Злой-злой, не спорь. — Она вздохнула. — Я прошла инициацию на первом витке. В этом всё и дело. Способности мизерные, но вот чувствительность — чрезвычайная. Людей с такой эмпатией во всём мире не наберётся и тысячи. Это здорово, это открывает множество возможностей, но на личной жизни сказывается не лучшим образом. Знаешь почему?

Я начал догадываться, но всё попросил:

— Расскажи.

— Во время первой близости меня захлестнули чужие эмоции, и это было просто отвратительно. Расслабиться и получать удовольствие? Ох, если бы! Пришлось стиснуть зубы и терпеть. А тебя я не чувствую. Совсем. Поняла это ещё во время той поездки

на мотоцикле. — Юля скривилась, с горечью произнесла: — Как думаешь, каково мне слушать откровения Настеньки, как она улетает на седьмое небо в объятиях Анатоля, и знать, что сама никогда ничего подобного не испытаю? И тут подвернулся ты. Знак судьбы, да и только! Я решила узнать, чего именно оказалась лишена инициацией, и мне понравилось. Только и всего.

Честно говоря, я испытал разочарование. Казалось, тут скрывается какая-то тайна, а всё оказалось до обидного просто.

— Так просто, — произнёс я с невесёлой усмешкой, но девица меня будто не услышала.

— И я рада, что тебе нисколько не нравлюсь! — заявила Юля, уставившись в потолок. — Полезь ты в прошлый раз с телячьими нежностями, плюнула бы на всё и выставила за дверь! — Она улыбнулась и заплетающимся после выпитого языком продолжила: — Знаешь, в детстве только и разговоров было о том, как маменька бежала от революции и какие ужасные вещи случились с её знакомыми, которые бежать не успели. Многие не предназначались для ушей юной барышни, и не стоило мне подслушивать, но чего уж теперь сожалеть? Ты, положим, на революционного матроса совсем не похож, но это как с брошенными животными: одно дело взять домой котёночка, пусть даже грязного и блохастого, и совсем другое — злющего лишайного пса. Ты не нашего круга, но всё же домашний мальчик, а я слишком благоразумна, чтобы связаться с тем, кому действительно нравится причинять боль...

Вот под это становящееся мало-помалу бессвязным бормотание я и уснул. А проснулся уже в одиночестве. Глянул на часы, на тех — половина седьмого. Проверил деньги и документы, сходил в ванную и долго-долго принимал контрастный душ, морщась из-за саднящей спины. Впрочем, этой ночью острые ноготки Юли

поцарапали спину не так уж и сильно, в прошлый раз моей шкуре досталось несравненно сильнее. Плевать — заживёт!

Оделся, вышел из номера. За столом в своей нише подрёмывал коридорный, поинтересовался у него, как давно ушла моя вторая половинка.

— Час назад, — подсказал тот.

— Ранняя пташка, — с показной беспечностью усмехнулся я.

— Прикажете подавать завтрак или спуститесь в столовую? Накрывают к семи.

Я и не знал, что в стоимость проживания включён завтрак, поблагодарил коридорного и вручил ему пятьдесят копеек, чем нисколько не воодушевил. Ну и плевать! Пятьдесят копеек — это пятьдесят копеек. И без того изрядно вчера потратился. Ещё за коньяк платить.

Спустившись на первый этаж, я закрыл счёт и расположился в одном из кресел в вестибюле, взял с журнального столика утреннюю газету. Но читать новости не стал, просто отгородился ей от всего остального мира. Было невыносимо стыдно за потраченные деньги. Не жалко этих сорока пяти рублей, а именно стыдно, что выбросил их на ветер, хотя мог отправить домой. Соображение, что легко пришли — легко ушли, утешало мало.

Понемногу самоедство утомило, решил отвлечься на чтение и обнаружил, что передовица посвящена вчерашнему громкому ограблению отделения «Восточного трастового банка». Случилось то в соседнем Зимске, грабители связали ночного сторожа и вскрыли сейф, сумев обойти сигнализацию; по предварительным данным их добычей стала кругленькая сумма в четверть миллиона рублей. Упоминалось и наделавшее много шума нападение на кассу взаимопомощи в Новинске, выдвигалось

предположение, будто это дело рук одной и той же банды, в которую входит как минимум один оператор сверхэнергии.

За завтраком я осушил кофейник и досмотрел газету, после дошёл до главпочтамта, получил письмо до востребования. Повздохал, прочитав весточку из дома, отправил ответ и направил стопы в институтскую библиотеку, где и проторчал до самого обеда, а после визита в первую лабораторию решил плюнуть на всё и отправиться отсыпаться, но по дороге к трамвайной остановке повстречался с Карлом, и он затащил в клуб.

Темой собрания стали недавние налёты, и пока я попивал чай, шли дебаты и ломались копыя, выдвигались и отменялись разнообразные версии, дошло даже до совершенно нереалистичного, на мой взгляд, предложения о создании студенческих добровольных дружин. Под конец слово взял Вениамин Мельник.

— Участие операторов сверхэнергии в налётах бросает тень на всех нас! Наши противники не упустят случая раздуть из этих инцидентов настоящую сенсацию для закручивания гаек и ограничения свобод. Повлиять на ситуацию мы можем лишь одним способом: вычистить из числа студентов весь неблагонадёжный и склонный к противоправным действиям элемент!

Касатон Стройнович покачал головой.

— Легко сказать — вычистить! А полномочия?

— Полномочия есть у комендатуры.

— Предлагаешь доносы писать? — хмыкнул Касатон. — Так нас стукачами заклеят и бойкот объявят, на этом всё и кончится, не начавшись. Это всё полумеры! Надо поставить вопрос об организации студенческого самоуправления!

— И поставим! — согласился с этим предложением Мельник. — Но это дело небыстрое, а промедление недопустимо! Надо действовать!

И тут понялась со своего места Инга.

— Нет нужды действовать публично и официально! — предложила она временное решение проблемы. — Среди нас есть сотрудник комендатуры ОНКОР, который может взять донесение собранных нами сведений до компетентных органов на себя!

Отмалчиваться не стал, поднялся и заявил:

— Буду рад помочь, обращайтесь. Источник информации раскрывать не стану, сошлюсь на оперативные разработки.

На этом свою речь и завершил. Когда уже расходились, Карл даже поинтересовался:

— Ты чего сегодня такой квёлый?

— Не выпался, — сознался я, сунув портфель подмышку.

— На тренировку придёшь вечером?

— Не, может, со следующей недели на два занятия перейду. Бывай!

И мы разошлись.

В понедельник немало озадачила Милена.

— Пётр, прошу тебя повлиять на Льва! — заявила она, когда я устроился рядом с товарищем на заднем сиденье автомобиля. — Вчера вместо сеанса психотерапии он отправился в боксёрскую секцию!

Лев фыркнул и отвернулся к окну. Барышня поджала губы.

— Эрнест Карлович прекрасный специалист, но он не волшебник и может помочь лишь тем, кто согласен принять помощь! А твоё поведение — неконструктивно!

— Я — не псих! — отрезал Лев. — И не нуждаюсь в помощи!

Милена поджала губы.

— Эрнест Карлович не работает, как ты выразился, с психами, он специализируется на психологической

реабилитации операторов с повышенной эмоциональностью и эмпатической чувствительностью!

— Да мне один час в зале дал большего, чем все его сеансы! — вспыхнул Лев.

— Курс психологической реабилитации входит в программу твоего развития!

— Так замените его на сават!

Я заподозрил, что моё присутствие тоже просчитано кем-то и внесено в программу в качестве некоего стабилизирующего фактора. Что же до опеки, то за Львом присматривала отнюдь не одна только Милена. Пока обкатывал на практике задания по развитию наблюдательности и выявлению слежки, успел заметить несколько человек, которые поблизости от моего товарища оказывались на регулярной основе.

Юлия Сергеевна по поводу своей бездарности сокрушалась, а вон как оператора первого витка опекают! Странно это всё. Странно и непонятно.

И потому я в спор вмешиваться не стал, сидел и молчал. Сами разберутся, не маленькие. У меня своих проблем хоть отбавляй.

По окончании занятий отправился на процедуры и после очередного резонанса приходил в себя, будто не секунду транса прибавил, а битый час работал со штангой. Чуть не надорвался. Но усталость усталостью, а зайти на кафедру кадровых ресурсов всё же пришлось. Альберт Павлович недовольно поморщился, но счёт из ресторана в качестве подтверждения оперативных расходов принял.

— Просил же — не шиковать! — проворчал он, пересчитывая сданные мной деньги.

— И близко не шиковал, — возразил я. — Могли бы и заранее предупредить, тогда вообще не стал бы ничего заказывать.

— Каждый знает ровно столько, сколько ему знать положено, — наставительно заметил куратор, отпер сейф и выложил на стол стопку бумажных папок. — Это информация по некоторым неформальным объединениям студентов, которые вызывают у нас опасение. Их члены с тобой откровенничать не станут, а вот их недоброжелатели — запросто. Появится конкретика, докладывай незамедлительно. А то, если начистоту, воспитательная работа среди учащихся провалена. Первоначальный отсев нареканий не вызывает, а дальше ситуацию пускают на самотёк. Не в моих принципах критиковать коллег, но тут надо брать ситуацию под контроль.

— Вы о налётах?

— В том числе. Работай!

Словечко это за последнее время уже успело мне опостылеть, и тот факт, что проторчал у Альберта Павловича до половины третьего, настроения отнюдь не улучшил, скорее уж — наоборот. Пришлось на обратном пути в комендатуру на ходу перекусывать пирожками. Там — новый сюрприз: когда заскочил в комнату переодеться, Василь складывал вещи в лежавший на кровати чемодан.

— Ты чего это? — опешил я. — Съезжаешь? Отдельную квартиру выделили?

— Петя! — мой сосед ухватил меня за плечи и закружил по комнате, умудряясь при этом ещё и подпрыгивать. — Меня стажёром в опергруппу взяли! Едем в Зимск ограбление расследовать!

— Ну, зашибись! Рад за тебя, конечно, а мне теперь кого в напарники поставят?

Василь озадаченно пожал плечами, словно эта мысль прежде ему в голову не приходила вовсе.

— Не знаю, не спрашивал, — признался он и предположил. — Может, Бондаря? Машка тоже едет, а его не взяли.

Машу Медник зачислили стажёром в опергруппу? Мне даже захотелось узнать, что у неё за покровитель такой, если это назначение сумел организовать. Хотя, если разобраться, образумить и натаскать заносчивую красотку было ещё даже сложнее, нежели обеспечить подобным трамплином для карьерного роста. А натаскали её — будь здоров, чего не отнять, того не отнять.

— Варька расстроится, — заметил я, переодеваясь в форму.

Василь попытался изобразить сожаление, но это получилось у него не лучшим образом.

— Ага, — печально протянул он, но сразу махнул рукой. — Да это ненадолго! Она, вон, на Кордоне две недели проторчала — и ничего!

— Удачи! — сказал я напоследок сослуживцу и отправился в оружейную комнату, дальше — за мотоциклом.

В напарники мне и в самом деле назначили Максима Бондаря. Точнее — не в напарники, а в будущие командиры.

— Месяц ещё покатаюсь с вами, а как аттестуют, в самостоятельное плавание отправитесь, — сообщил старшина Ревень перед построением дежурной смены и закурил. — Скорей бы уж! Доплата за шефство всей этой нервотрёпки и близко не покрывает.

— А кто за стрелка будет? — поинтересовался я. — Варя?

— Карина, — подсказал Бондарь. — Чёрненькая такая, спортивная.

Я кивнул, сообразив, что речь идёт о подружке Марины.

Тут к контрольно-пропускному пункту прошествовал счастливый до невозможности Василь. Поставил чемодан под козырёк, отошёл к прохаживавшемуся туда-сюда лейтенанту Зимнику, стараниями которого,

наверняка, в опергруппу и попал. Подошло ещё несколько офицеров в штатском, затем появилась Маша, чемодан которой нёс хмурый Барчук.

Подкатила от автохозяйства полуторка и командированные начали забираться в кузов, а там и нам отмашку дали. Помахал на прощание соседу по комнате, вывернул за ворота. Наверное, и сам не отказался бы в Зимск выбраться, но если уж на то пошло — обучение важней.

Обучение! Во вторник всю душу на семинаре по риторике вынула барышня-преподаватель, а уже на курсах получил нагоняй за то, что так и не довёл до ума кинетический щит. Дальше нянчиться с нами Герман Харитонович не пожелал и начал читать следующую тему, посвящённую созданию воздушных линз. А ещё оказалась увеличена навеска пороха в патронах с каучуковыми зарядами. Предполагалось, что мы уже достаточно опытные, чтобы снижать скорость пуль до приемлемой, но лично я куда больше полагался пока что на технику закрытой руки.

В среду приходила Лия, у неё возникли вопросы по алхимической печи — помог чем смог, после чего вновь был отправлен вахтёрами на обход служебных коридоров. На этот раз обошлось без приключений.

На тренировке хорошенько поколотил по грушам, потом ещё и задержался для спарринга со Львом. Меня в отличие от большинства противников он прочесть вот так запросто не мог, поединок прошёл в общем-то на равных. Позже, уже в раздевалке товарищ похвастался:

— Всё, отбрехался от посещений психолога! Разошлись с ним полюбовно.

— Это как так?

— Да он подписал заключение, что я в терапии не нуждаюсь. Понимаешь, у него в приёмной постоянно

всякие странные личности толкуются — вроде как на консультацию забегают. Ну, я и решил им сеанс психоанализа устраивать от нечего делать. Говорю одному патлатому: «Ну чего ты ноешь? Обижают? Так запишись на бокс!». А он — в истерику. Мол, пацифист.

— С одним только промашка вышла? — уточнил я, отсмеявшись. — А что же остальные?

— Да говорю: странные они! Слушали, кивали, думали о чём-то своём. Но там такие симпатичные девчонки попадают, что просто глаз не отвести. Я начал к одной клинья подбивать, тут меня на выход и попросили.

Я вздохнул и поднялся с лавочки.

— Ладно, давай закругляться. Мне ещё поупражняться в создании кинетического щита надо. Чую, завтра опять влетит.

— Энергию не получается вложить? — уточнил Лев.

— Не, — покачал я головой. — Структурировать не могу. Векторы постоянно смещаются, вместо встречных не пойми какие получаются.

Лев встал и нахмурился, помахивая стянутой боксёрской перчаткой.

— А зачем тебе какие-то векторы?

— А как иначе пули останавливать?

Брошенная в лицо перчатка замерла сантиметрах в десяти от носа и под воздействием силы тяжести упала на пол — это я совершенно машинально лишил её кинетической энергии.

— Понял? — усмехнулся Лев. — Не пытайся погасить скорость встречным импульсом, просто нейтрализуй энергию. Не понимаю, как это у тебя получается, но ведь получается же?

Я только хмыкнул. Тут и в самом деле было о чём подумать.

Четверг ничем особенным не запомнился. Обучение понемногу становилось рутинной, как, впрочем, и патрулирование улиц. Объявленный после налёта на кассу взаимопомощи режим усиления отменили, и мы уже не катались по выделенным нам кварталам, а продолжили знакомство с городом. В пятницу первый раз ездил с Кариной — невысокой и чёрненькой, отличавшейся спортивным сложением и крепким задом, что покроей формы несколько не скрывал. Барышня поглядывала на меня как-то очень уж насмешливо, и это выводило из себя просто несказанно, но в остальном оказалась напарницей толковой: и прикрывала грамотно, и сама при проверке документов не тушевалась.

На вечерней тренировке я особо не упахивался, ещё и ушёл на полчаса раньше, лишив сослуживцев традиционного развлечения «вышибы из Пети дух сгустком сверхэнергии». У них, конечно, это теперь не особо и получалось, но азарта действу сие обстоятельство лишь добавляло.

Сегодня, как и в прошлый раз, Валентина должна была приехать сразу в ресторан, и хоть Альберт Павлович клятвенно заверил меня, что накладок не случится, внутри я проходить не стал, принялся выхаживать туда-сюда неподалёку от крыльца с мраморными львами, призванными вызывать ассоциации со столичными скульптурами. Рассудил я просто: ради пользы дела куратор запросто может вновь выставить меня на посмеище, так пусть лучше расфуфыренный вахтёр втихомолку посмеивается, чем в очередной раз на глазах обслуживающего персонала и почтенной публики опозорюсь. Ещё и потраченными деньгами опять попрекнут. Ну его к лешему!

Как в воду глядел: Валя не появилась ни в девять, ни в четверть десятого, и пятнадцать минут спустя ничего тоже не изменилось. На южном ветру — не

слишком холодном, но очень уж пронзительном, — я понемногу начал замерзать, но покинуть пост не было никакой возможности, а зайти в ресторан мешала гордость. Ну, или упрямство — это как посмотреть.

Мысленно я костерил Альберта Павловича как только мог, доставалось и вертихвостке Вале, пусть от той зависело ничуть не больше, чем от меня самого. Уж не знаю, до какой степени бы себя накрутил, если б в тридцать пять минут к ресторану не подкатил извозчик — был тот далеко не первым за время моего ожидания, только этот привёз долгожданную красотку.

К моему удивлению, сегодня Валентина оделась предельно скромно и выглядела уже не роковой красоткой, а барышней, безусловно привлекательной, но при этом ещё и однозначно стеснённой в средствах. Ума не приложу, как она добилась такого эффекта, всего лишь сменив платье — макияж и причёска остались прежними.

Пока Валя поправляла перед зеркалом волосы, я без зазрения совести разглядывал её фигуру и пришёл к выводу, что Юлия Сергеевна выглядит ничуть не хуже. Лицо — да, на любителя, а вот сложением дворяночка ничем медсестре не уступала, по крайней мере — так виделось со стороны.

— Не скучал тут один? — поинтересовалась Валентина, взяв меня под руку.

— Ничуть, — ответил я чистую правду.

— Вот и молодец.

Услужливый официант повёл нас к бронированному столику, и уже где-то на полпути Валя вдруг встрепенулась.

— Ой, а можно нам сесть рядом с аквариумом?

Официант на миг заколебался, но потом ответил дежурной улыбкой и указал рукой в нужном направлении.

— Прошу...

Мы двинулись в обход стола, за которым пиновала шумная компания молодых людей. Те, несмотря на не столь уж поздний час, пребывали в изрядном подпитии и оттого заметно выделялись на фоне прочей публики, респектабельной и солидной. В институте я насмотрелся на всякие костюмы — и приобретенные в магазинах готового платья, и пошитые на заказ, поэтому сразу оценил дорогую ткань и модный покрой нарядов развесёлых гуляк. Если прозрачные камушки в перстнях, заколках для галстука и запонках вполне могли оказаться простыми стекляшками, а сам жёлтый металл — дешёвым сплавом, то на пошив каждого из костюмов ушло никак не меньше моего годового довольствия совершенно точно.

Всем немного за двадцать, все — операторы. И холёные. Одно слово — мажоры.

Внутри заворчалось раздражение, но прошёл мимо молча. И всё бы ничего, да тут Валентина подёргала меня за рукав и как-то очень восторженно произнесла:

— Петя, это ведь осётры, да?

Тогда-то на нас и обратили внимание.

— Эй! — толкнул соседа один из богатеньких мальчиков. — Ты только глянь, это ж медсестричка с Кордона!

— Точно, она! — согласился тот. — Помню эту кралю!

— Надо её на танцы пригласить, — оживился третий.

— Сдурел? — прогундосил молодой человек, слегка полноватый и даже одутловатый. — Она же за день столько удов щупает, сколько не всякая шлюха за всю жизнь видит! Вы же говорили, это приличное заведение! Кто сюда эту профурсетку пустил?!

Говорил он в нос и с заметным акцентом, но расслышал я его предельно чётко, внутри всё так и закипело. К голове прилила дурная кровь, и тогда Валя

слегка стиснула пальцы на моём плече, не позволяя остановиться и обернуться. Оглянулась сама, улыбнулась и обратилась ко мне:

— Петя, а ты видел когда-нибудь мальков осетра? Они ма-а-аленькие. С мизинчик!

Последнюю фразу она не только произнесла, слегка повысив голос, но ещё и руку подняла с выставленным вверх соответствующим пальцем, и что случится дальше, я понял ещё прежде, чем раздался звон бьющихся тарелок и стук опрокинутого стула.

Энергетический фон так и колыхнулся!

— Сука! — раздался истошный визг, и я толчком отшвырнул Валю в сторону, а сам крутанул на месте и едва успел задействовать сверхспособности для защиты от огненного шквала, налетевшего миг спустя.

Линза ионизированного и уплотнённого воздуха приняла на себя удар, лопнула и рассеялась под яростным натиском теплового излучения, но привнесла хаос в изначально не самое стабильное воздействие, и то не сумело совладать с моим активным заземлением, обдало нестерпимым жаром, обошло с двух сторон, разом обнулило потенциал и откинуло на пару шагов назад, но и только!

На соседних столах, по счастью ещё не занятых, запылали скатерти и полопалась посуда. Аквариум и вовсе взорвался, и кругом расплескалась вмиг закипевшая вода, забились на полу не успевшие свариться в ней рыбины.

Сосед ухватил обезумевшего толстячка за руку, получил пухлым кулаком в зубы и отлетел. Я даже не успел воспользоваться этой краткой заминкой: только усилием воли вогнал себя в резонанс, и вот уже с дрожащих рук противника сорвался косматый плазменный шар.

Энергия лишь начала вливаться в меня, нейтрализовать смертоносный снаряд не хватило бы

силёнок, и я погасил шаровую молнию, как гасят мячи волейболисты: приложил вертикальным импульсом — сверху вниз! Попутно прыгнул за стол, толчком перевернул его, и — рвануло!

Расплескалось пламя, рвануло по портьерам к самому потолку. Кто-то покатился по полу, кто-то завизжал. Оркестр прекратил играть, посетители, толкаясь и сбивая друг друга с ног, бросились к выходу беспорядочной толпой.

А мне — не убежать. Просто не успею.

И я не рискнул спастись бегством, вскочил на ноги и выплеснул вовне всю накопленную на этот момент сверхсилу. Рассчитывал ошеломить противника или даже сбить его с ног, чтобы сблизиться и вырубить прямым в голову, а вместо этого оказался эффект притяжения энергии в противофазе с обычной. Пухлый мажор был пьян и зол, он не сумел совладать со способностями, и его встречное воздействие вырвалось из-под контроля, обернулось яростным гулом оранжевого огня, перекинулось на рукава пиджака, охватило ладони.

Оператор завизжал и окончательно обезумел, принялся махать руками, не в силах остановить беспорядочный выброс энергии. Языки пламени расплёскивались во все стороны длинными всполохами, и я бросился к нему, намереваясь сходу перебить входящий поток и отсечь противника от сверхсилы, но приятели разбушевавшегося мажора меня опередили, накинулись на него со всех сторон и повалили на пол. Совместными усилиями они заблокировали способности товарища и накрыли скатертью, а тот дёргался и бился в эпилептическом припадке, изо рта повалила пена.

— Уйди! Да уйди ты уже, ради бога! — заорал на меня один из молодых людей. — Доктора! Есть тут доктор? Помогите!

И я отступил. На последних секундах резонанса сверхэнергия вливалась особенно мощным потоком, и погасить портьеры и скатерти не составило никакого труда, дальше я разогнал дым и огляделся в поисках Вали. Кругом царил бедлам, но к посетителям ресторана — тем, которые не успели удрать, — понемногу начало возвращаться самообладание; две матроны, спустившиеся со второго этажа, и вовсе поспешили на помощь припадочному. Их спутники выстроились у ограждения галереи, но в ступор впали отнюдь не все.

— Негодяй! — гулким басом прогудел оттуда какой-то начальственного вида господин с пышными бакенбардами, переходившими в усы. — Ты что тут учинил, подлец?!

Обращался он определённо ко мне, и лишь хорошее воспитание и наказ родителей уважительно относиться к старшим не дали сорваться на мат.

— Я устроил?! — лишь бросил вместо этого в ответ. — Вам бы к окулисту обратиться, господин хороший!

— Мальчишка! Наглец! Да в моё время таких на конюшне пороли!

Тут меня выбило из резонанса, и лишь невероятным усилием воли я не позволил рассеяться набранному потенциалу, спешно разжёл алхимическую печь, поэтому и замешкался с ответом. А когда оскалился, на плече сомкнулись сильные пальцы, ещё и сдавили так, что от боли едва не потемнело в глазах. Незаметно приблизившаяся Валя слегка потянула, заставляя меня повернуться, и я увидел двух полицейских чинов при полном параде, спешивших к нам через зал, вот и совладал с эмоциями. Но от шпильки всё же не удержался.

— Повезло мне, что ваше время прошло.

Важный господин побагровел, указал на меня и рявкнул:

— Взять его!

Я стряхнул с себя руку Валентины и развернулся к полицейским. Один был лет двадцати пяти на вид, худой и жёсткий, определённо очень опасный и ко всему прочему — оператор. Другой, раздобревший, лощёный и холёный, выглядел лет на пятнадцать старше. И оба оказались настроены решительней некуда, молодой уже и револьвер из кобуры вытянул.

Медлить я не стал и вскинул левую руку с красной корочкой сотрудника комендатуры.

— ОНКОР! — объявил так, чтобы слышали все кругом, затем отработанным движением пальцев удостоверение раскрыл.

Молодой после мимолётного колебания сунул револьвер обратно в кобуру, а вот лощёный кинул взгляд на господина в штатском. Тот раздражённо прикрикнул:

— Чего встали? Вяжите подонка! В околотке разберётесь, что за фрукт!

Полицейский постарше шагнул вперёд, и я посоветовал:

— Даже не думай!

По пальцам правой руки прошлись щекоткой электрические разряды, и лощёный тип замер в нерешительности, а когда молодой потянул в себя сверхсилу, я нервно дёрнул головой.

— Не выгорит! — Понял, что не убедил и добавил: — А выгорит — пожалеете. Статья сорок девять пункт два и семьдесят седьмая пункт один. Вплоть до высшей меры наказания.

Я вовсе не был уверен, что не напутал с первой статьёй, но это и не имело никакого значения: подействовали уверенность в голосе и казённый тон. К тому же в зал начала возвращаться публика и метались

пытавшиеся навести порядок официанты, свидетелей было хоть отбавляй. Самоуправство выйдет боком.

— Придётся действовать по протоколу, ваше превосходительство! — извиняющимся тоном произнёс лощёный.

Тут-то я и сообразил, что испугало Валентину вовсе не появление полицейских само по себе, а их погоны. По крупной звезде у одного, по три у другого. По-нашему — старший лейтенант и майор. А приказы им отдаёт некий его превосходительство!

Ох, Альберт Павлович, в какую историю ты втравил меня на этот раз?

Не так давно я уже задавался этим вопросом и вот — опять!

Глава 5/1

Выставить меня крайним помешало прибытие комендантского патруля. А так — всё к тому и шло. Пусть собравшаяся в ресторане публика и не испытывала особого пиетета перед полицейским управлением, но лейтенант и майор даже не попытались повлиять на независимых свидетелей и попросту проигнорировали их возмущённые крики, начали собирать показания друзей эпилептика и окружения его превосходительства, также однозначно принявшего сторону дебошира. Стали шить мне дело, ну да.

Вот только нашла коса на камень. Усилиями патрульных большая часть посетителей дождалась приезда оперативной группы, а дальше пожаловали представители контрольно-ревизионного и надзорного дивизионов, и сколько ни драл обер-полицмейстер — а свела судьба именно с главой полицейского управления Новинска, — свою генеральскую глотку, на испуг моих коллег взять не сумел, расследование инцидента осталось за корпусом. Не сумел его превосходительство даже навязать оперативникам помощь своих подчинённых. Всё, что дал ему звонок кому-то из высоких чинов ОНКОР, — это обещание отправить дебошира не в кутузку, а под врачебный надзор.

Пока шли эти разбирательства, я сидел и успокаивал нервы крепким чёрным чаем, ну а потом начались опросы и допросы — сначала на месте, а затем и в штабе корпуса. Освободился только под утро. Но — освободился. Согласно предварительному вердикту, действовал я в рамках необходимой обороны и в строгом соответствии буквально со всеми нормативными документами.

Валентину увезли в общежитие, меня закинули в расположение комендатуры, но надолго там не задержался, сначала сбегал на полигон и усилием воли вогнал себя в резонанс, затем собрал в портфель тетради и отправился на занятия. До психиатрической клиники подбросили на патрульном вездеходе, а там я дождался Льва и покатил с ним в институт. Мой товарищ всю дорогу принюхивался и с интересом поглядывал на меня, но в присутствии Милены с расспросами не приставал. А я от объяснений воздержался, благо костюм гарью больше не пах, от него после ночных допросов несло исключительно табаком.

Какое-то время я даже постоял на крыльце служебного хода — пытался проветрить не только одежду, но и голову. Потом оправился на занятия и приложил все усилия, дабы не клевать на лекциях носом, что было весьма и весьма непросто, поскольку глаза закрывались сами собой.

На перемене подошли Карл, Ян и Коля — как оказалось, по институту уже вовсю гуляли слухи о вчерашней стычке в «Гранд-отеле», связывали с этим происшествием и меня. В подробности я вдаваться не стал, отделался общими словами, товарищи немного обиделись даже. Но — плевать. Сонливость как рукой сняло, и я стал поглядывать по сторонам куда внимательней прежнего, тогда-то и обратил внимание на недобрые взгляды слушателей «Общества изучения сверхэнергии», коих от студентов можно было легко отличить по значкам со старорежимными коронованными орлами.

Спокойствия мне это обстоятельство отнюдь не прибавило, окончания занятий едва дождался. В столовую не пошёл, сразу отправился на процедуры. В парной немного расслабился, но ненадолго: под конец резонанса скрутило так, что буквально в комок нервов

превратился. Даже не припомню, чтобы прежде нечто подобное ощущал. Первую подстройку и то легче перенёс.

— Ну а что ты хотел? — отмахнулся от меня Леопольд. — Тридцать восемь секунд продержался! Нагрузка растёт, организм так сразу к ней адаптироваться не может. Ты только режим не нарушай. С тебя три резонанса в сутки. Понял?

— Ага, — кивнул я, нисколько аргументами лаборанта не успокоенный.

— Всё под контролем! — заявил тот. — Следующий сеанс в понедельник.

Я кивнул и отправился на выход, но, прежде чем успел вызвать лифт, приоткрылась боковая дверь и с лестничной клетки выглянул Альберт Павлович. Он поманил меня к себе, первым спустился на пролёт ниже и отпер ещё одну дверь — без каких-либо табличек.

За той обнаружился тёмный коридор с глухими стенами, и я не утерпел, спросил:

— Куда мы идём?

— Уже пришли, — ответил Альберт Павлович, свернув в небольшую нишу вентиляционного колодца. — Тут нам никто не мешает. — Он достал папиросы и закурил, нервно выдул струю сизого дыма и потребовал: — Рассказывай!

— Можно подумать, вы протокол не читали! — фыркнул я в ответ и вознамерился потребовать объяснений, но не тут-то было.

Куратор нацелил на меня алый огонёк папиросы.

— Рассказывай, Петя! Дело серьёзное!

Был Альберт Павлович до предела взвинчен, глаза казались покрасневшими, на щеках и подбородке появился намёк на щетину, сорочка выглядела несвежей, и если прежде я полагал, будто всё прошло по заранее проработанному плану, то теперь впервые в этом усомнился.

Пока излагал ход вчерашних событий, куратор курил, не переставая, а стоило только замолчать, и он потребовал:

— Дальше! Что было дальше?

— Ну... — замялся я. — Допросили, составили протокол, отпустили.

— В подробностях, Петя! В подробностях! Кто был, что говорил. Ничего не упускай, очень тебя прошу!

Альберт Павлович принялся нервно вышагивать от стены к стене, а я озадаченно поскрёб затылок, размышляя с чего начать. Как водится — начал с начала.

В штаб ОНКОР нас привезли уже за полночь. Не знаю, кто опрашивал Валентину и опрашивал ли её кто-нибудь вообще, мне кишки мотали старший советник надзорного дивизиона Илларион Валерианович Спас и не соизволивший назваться представитель дивизиона контрольно-ревизионного. Судя по трём угольникам, пребывал он в чине капитана, а если уж совсем точно — был специальным агентом.

Впрочем, насчёт «мотать кишки» — это я погорячился, допрашивали меня пусть и дотошно, но вполне доброжелательно; Илларион Валерианович даже велел к следующему семинару подготовить правовую оценку действий задержанного.

Но это была лишь разминка, всё изменилось, когда пожаловала старший следователь — строгого вида дамочка лет тридцати, поименовали которую Ларисой Васильевной. И вот она-то принялась с места в карьер сыпать неудобными вопросами.

— Как вы оказались в ресторане?

Я несколько даже опешил от такого напора и неуверенно передёрнул плечами.

— Что значит — как? Девушку привёл.

Острое лицо следователя приобрело откровенно недовольное выражение, и прозвучало уточнение:

— Почему именно сегодня?

— По субботам и воскресеньям она дежурит, — пояснил я, решив этим и ограничиться, но не тут-то было, пришлось выкладывать всю историю наших походов в «Гранд-отель».

Лариса Васильевна что-то помечала в блокноте, потом перескочила на другую тему:

— Откуда вы знаете Валентину Паль?

— Познакомились, когда служил на Кордоне, — сообщил я и решил, что уместным будет проявить озабоченность. — А какое это имеет значение?

Старший дознаватель и не подумала ответить, вместо этого зашла с козырей:

— Разве вы способны позволить себе поход в «Гранд-отель»?

Илларион Валерианович благодушно рассмеялся.

— Ради красивой барышни можно и шикануть!

— Ваше кредо меня не интересует, господин Спас! — отрезала вредная дамочка. — Меня интересует, откуда у ефрейтора средства на три похода в самый дорогой ресторан города!

Я напрягся, но не слишком сильно, поскольку ответ был готов заранее, а смутился исключительно для виду.

— На два с половиной, — не преминул заметить для начала, потом помялся немного и сознался: — На аттестации поединки проводились — так я на себя поставил и выиграл сто рублей. Вот и решил шикануть. Лёгкие деньги же...

Дамочка уставилась на меня во все глаза, потом перевела взгляд на специального агента.

— Подпольный тотализатор в комендатуре? Контрольно-ревизионный дивизион совсем мышей не ловит?

Хозяин кабинета откинулся на спинку стула и беспечно улыбнулся.

— Дорогая Лариса Васильевна, я не оцениваю вашу работу и прошу вас о том же. Но если так интересно, этот «подпольный тотализатор» дал возможность оценить моральную устойчивость курсантов и в ряде случаев повлиял на распределение выпускников.

Это заявление заставило задуматься, не был ли Митя Жёлудь завербован капитаном Городцом или его коллегами, но обдумать эту мысль помешал следующий вопрос Ларисы Васильевны, тоже адресованный не мне.

Дамочка слегка покраснела и всё же сочла нужным уточнить:

— Вы подтверждаете факт выигрыша?

Специальный агент поднялся из-за стола и распахнул забитый папками шкаф, выудил одну из них, раскрыл, отыскал нужный документ и повёл пальцем по списку.

— Курсант Линь... Курсант Линь... Ставка пять рублей, ставил на себя, получил на руки пятьдесят рублей.

— И ещё пять рублей ставил через Матвея Пахоту, — подсказал я.

— Да, — подтвердил специальный агент после секундной заминки. — Есть такая отметка. Итого сто рублей. Большие деньги для курсанта.

— И коэффициент показательный, — отметил Илларион Валерианович, потом спросил: — Почему же на других ставок не делал?

— Не азартен, — ответил я, — а на себя не поставить не мог. Так получилось.

— Ну да, ну да...

— Ближе к делу, господин Спас! — потребовала Лариса Васильевна, которая, как показалось, испытывала в отношении старшего советника непонятное предубеждение. — Согласно показаниям

ряда свидетелей конфликт был спровоцирован неким высказыванием Валентины Паль. Что именно она сказала господину Стребинскому?

— Какому ещё Стребинскому? — не понял я и тут же сообразил. — А, припадочному! Ничего она ему не говорила. У меня что-то о мальках осетров спросила. А он её обозвал и сразу же выбросом тепловой энергии ударил.

Дальше старший дознаватель крутила меня так и эдак, но ничего инкриминировать не стала, лишь справилась под конец допроса о том, подтверждается ли показаниями метрдотеля и официантов моё заявление о предыдущих посещениях ресторана, получила утвердительный ответ и стала собираться.

— Коза драная! — заявил Илларион Валерианович, как только за ней закрылась дверь или даже чуть раньше. — Не иначе из-под шефа посреди ночи выдернули!

— Давай не будем об этом, — предложил специальный агент, вернул папку в шкаф, а откуда-то со второго ряда вытянул бутылку коньяка. — Ты, ефрейтор, подожди пока в коридоре. Нам тут всё хорошенько обмозговать надо — вдруг ещё какие вопросы возникнут.

Не возникли. Так я об этом Альберту Павловичу и сказал.

— Ну хоть так, — пробормотал тот. — Насколько понимаю, твоя история особых подозрений не вызвала. Как минимум её сочли достаточно убедительной, чтобы озвучить в суде. Тоже ничего хорошего, но, по крайней мере, не полная катастрофа.

— Катастрофа? — опешил я. — Да вы ведь это всё сами и срежиссировали! Только не говорите, будто нашей задачей было не этого припадочного

Стребинского под монастырь подвести! Мы сделали — так что не так?

— Всё не так, Петя! — объявил Альберт Павлович. — От и до! Не в моих принципах распространяться о внутренней кухне, но тут случай особый — тебе нужно знать, в какую историю мы вляпались и почему. Иначе не проникнешься серьёзностью момента, а там и до беды недалеко.

Я невольно сглотнул, а куратор последний раз затянулся и кинул только-только раскуренную папиросу на пол, где и без того уже хватало окурков.

— Феликс Стребинский — единственный сын князя Стребинского. Его папенька пользуется непререкаемым авторитетом в эмигрантских кругах Лютиерии и при всяком удобном случае вставляет нашим дипломатам палки в колёса. Во многом именно его стараниями внешнеполитическому ведомству не удалось наладить конструктивный диалог с прогрессивными политическими силами западной Латоны.

— И что его сын делает в Новинске? — спросил я, хоть и следовало проявить терпение.

Альберт Павлович недобро улыбнулся.

— Феликс прошёл инициацию в Айле, но проявил себя хуже некуда. Поэтому его пропихнули в программу репатриации соотечественников.

Я досадливо поморщился.

— И этот псих настроился на Эпицентр?

— Настроился, — подтвердил куратор. — Мы не смогли ничего сделать, поскольку за Феликса ходатайствовал великий князь Михаил. К тому же предполагалось, что папенька поумерит пыл, а когда этого не случилось, было решено прижать его наследника к ногтю, выставив того неуравновешенным и в силу этого абсолютно неблагонадёжным. Никто не собирался отправлять его в кутузку, нужно было лишь запретить доступ к Эпицентру для дальнейших

подстроек, лишить сверхспособностей. И самое главное — сделать всё так, чтобы не возникло ни малейшего подозрения на провокацию.

— Так и не возникло! — заявил я со всей уверенностью. — Всё чисто прошло! В чём проблема? Или... Это всё из-за обер-полицмейстера, так?

— К этому мы ещё вернёмся! — отмахнулся Альберт Павлович. — Общеизвестных слабостей у Стребинского-младшего две: неумение пить и комплекс относительно размеров мужского достоинства. Поставить на медосмотр Валентину не составило никакого труда, а там у Феликса едва припадок не случился, когда его детородный орган поименовали «малышом».

Я понимающе кивнул, припомнив, как меня самого до крайности раздосадовал вердикт медсестры «без особенностей».

— Было там ещё кое-какое ментальное воздействие, но с тех пор минуло уже два месяца, все те крючочки давно в подсознании укоренились, никакой эмпат-психолог в ходе психиатрической экспертизы ничего не найдёт, — просветил меня куратор. — Только я и подумать не мог, что Феликс слетит с катушек! Рассчитывал самое большее на прилюдное нарушение общественного порядка и оскорбление действием. Ты бы в стороне не остался, а где драка, там задержание и протокол. Но ситуация вышла из-под контроля...

— Уж вышла, так вышла! — поддакнул я. — А меня нельзя было в курс дела ввести?

— Из тебя лицедей, как из полена деревянный мальчик. Ещё строгать и строгать. Нужна была естественность, а никак не потуги на оную!

Заявление это несколько не обидело, только плечами и пожал.

— Нас вчера чуть не прикончили так-то.

— Издержки профессии, — спокойно заметил Альберт Павлович. — Главный прокол совсем в другом.

Досье на Феликса Стребинского собирали в ноябре — начале декабря, тогда его крёстного отца в расчёт попросту не приняли. Проклятье! Да никому и в голову не пришло так глубоко копнуть! И когда на излёте года случилось назначение нового обер-полицмейстера, эту связь тоже, разумеется, не отследили. Не в моих принципах перекладывать ответственность на других, но всему виной именно этот прокол!

— Крёстный отец и крёстный отец, — пожал я плечами. — Что это меняет?

— Всё, — коротко ответил куратор. — Это меняет решительно всё. Институту и корпусу до зарезу нужны хорошие отношения с полицейским управлением Новинска, а теперь не удивлюсь, если до перестрелок дело дойдёт. Мы в тупике. Сдать назад и просто закрыть дело против Стребинского нельзя — не ровен час, обер-полицмейстер возомнит о себе невесть что и начнёт действовать с позиции силы. А доведём задуманное до конца и наживём злейшего врага.

— А если договориться с ним по-хорошему? — предложил я.

— Как ты себе это представляешь? Обер-полицмейстер не из тех, на кого можно давить. Предложим ему посодействовать смягчению наказания крестнику в обмен на некие уступки, точно сочтёт, что ему выкручивают руки, и упрётся рогом. Нет, Петя! Минимизировать урон мы можем единственным способом: сохранив всё в тайне. Ясно?

Больше это походило на «прикрыть задницу», но я кивнул, поскольку попутно прикрывался и мой собственный зад.

— Никто не должен узнать о том, что конфликт был спровоцирован нами, — заявил Альберт Павлович. — Расписки и счета из ресторана я сжёг, недостачу покрою за счёт собственных средств. Вале языком

трепать резона нет, а Городец пообещал твои отчёты изъять и уничтожить.

Я немного даже покраснел при этих словах, ладно хоть пребывавший в задумчивости куратор этого не заметил.

— И очень прошу тебя, — продолжил он, — хорошенько подумай: не сболтнул ли кому лишнего.

— Точно не сболтнул, — заявил я со всей уверенностью, вытащил отложенные отдельно деньги, предназначавшиеся на оплату посиделок в «Гранд-отеле», и протянул банкноты собеседнику. — Но вам ведь кто-то шепнул, где Стребинский гулять будет. Так?

— Не так! — отрезал Альберт Павлович, без пересчёта сунув мятые купюры в карман. — Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы предсказать, где именно соберётся Феликс отмечать день рождения.

— А-а-а! — понятливо протянул я. — Ну, тогда всё чисто должно быть.

— Чисто! — поморщился Альберт Павлович. — Нам бы всё на тормозах спустить, да уже никак. Нувориши и чинуши, которых перепугали до полусмерти, рвут и мечут. Там ещё, как на грех, владелец «Новинского времени» ужинал, а за ним водится своих борзописцев на врагов науськивать. Тебя, к гадалке не ходи, расспросить попытаются, поэтому держи язык за зубами. Никому о происшествии ни полслова. Ответ у тебя на все вопросы должен быть один: «без комментариев». Понял?

— Так точно!

— Валю на Кордон отправим, у неё как раз срок командировки подходит. Тебя бы тоже туда услать от греха подальше, но это может подозрения вызвать. Поэтому держи ухо востро. Учти, самый простой способ развалить дело — это дискредитировать ключевых свидетелей. Возможны провокации.

По спине пробежали мурашки, но голос прозвучал уверенно.

— Ясно!

— С дежурств тебя до выяснения всех обстоятельств дела сняли, поработаешь пока на вахте.

— А курсы как же? — забеспокоился я.

Альберт Павлович глянул на часы и предупредил:

— В половине третьего подойди к воротам. Отсюда машина в учебный центр корпуса пойдёт, подвезут. И да — завтра едешь на Кордон.

Я недовольно поморщился.

— Зачем ещё?

— Чтобы по городу бесконтрольно не шастал! — отрезал куратор. — Думаешь, мы в бирюльки играем? Пора уже повзрослеть!

— Мог бы просто в библиотеке посидеть...

— Брось! Так и так время очередной подстройки подходит. Поставим тебя старшим группы у операторов девятого витка зимнего призыва — ещё и червонец командировочных обломится.

— Ну, если так...

— Так, Петя. Именно так и никак иначе. Всё, иди!

— А вы как же?

— Напрямик пройду, — махнул Альберт Павлович куда-то вглубь коридора.

На этом и распрощались.

До половины третьего успел и пообедать, и в библиотеке посидеть. Увы, голова была занята нелёгкими раздумьями, и вместо штудирования конспектов и учебников в читальном зале я занимался написанием пространного послания домой. Приукрасил успехи, а вот о проблемах не стал упоминать вовсе не из требований секретности, причиной тому было банальное благоразумие. Вот к чему мне родных расстраивать? Ни к чему это.

Когда пришёл на вахту за плащом, Николай подозвал и предупредил:

— Тут тобой интересовались.

— Кто ещё? — напрягся я.

Вахтёр неопределённо пожал плечами.

— Представился газетчиком. Вроде, о каком-то происшествии расспросить хотел.

— А! Из «Новинского времени», поди?

— Точно.

— Если ещё заглянет, скажи, что я уехал. Меня коллеги подбросить должны.

Николай пообещал так и сделать, а я поспешил к служебным воротам. Там уже стоял патрульный вездеход, рядом курил водитель.

— Привет! — обратился я к нему. — Мне сказали, в учебный центр можете подкинуть.

Дядька кивнул.

— Только через комендатуру, — предупредил он, затянувшись. — Устроит?

— Годится, — сказал я, поскольку ничего иного мне попросту не оставалось.

На территорию комендатуры вездеход заезжать не стал, высадил отработавшую своё в институте утреннюю смену у контрольно-пропускного пункта и покатил в учебный центр, поэтому обошлось без опоздания. Пусть и нёсся от стоянки служебного транспорта рысцой, не только успел заскочить в аудиторию до прихода заведующего, но и тетрадь с письменными принадлежностями из портфеля достать.

Ну, а дальше всё как обычно: наружное наблюдение, работа с агентурой, принципы вербовки. Под конец устроили несколько блиц-допросов, где попеременно менялись ролями, переходя из разряда следователей в ранг подозреваемых и обратно.

Последний урок традиционно вёл Герман Харитонович.

— Все вы, надеюсь, теперь имеете представление о том, как именно работает кинетический щит, и знаете, что чем больше площадь соприкосновения метательного снаряда с экраном, тем меньшая требуется плотность энергии для его нейтрализации. — Инструктор вынул из кармана винтовочную пулю и продемонстрировал её нам. — Если получится развернуть пулю боком, обездвигить её сможет преграда, которая в противном случае окажется легко прошита. Это ясно?

Сокурсники покивали, я — тоже.

— Проблема заключается в том, — продолжил Герман Харитонович, — что добавление любого дополнительного воздействия существенно усложняет энергетическую конструкцию, а одновременный контроль двух независимых процессов требует нешуточной концентрации, что затруднительно в условиях, приближенных к боевым. Первое вам точно не по силу. Второе... Впрочем, не будем забегать вперёд. Для начала просто попробуем отработать воздействие, которое заставит метательный снаряд вращаться в плоскости, нужной вам.

Следующие полчаса нам растолковывали принципы построения слоя кинетической энергии с заданными параметрами, и я очень скоро понял, по какой именно причине создание подобного рода преград не пользуется особой популярностью у операторов. Чем контролировать два независимых процесса, куда проще до предела накачать энергией кинетический щит. Но проще — это если располагаешь достаточным количеством энергии. Я — не располагал.

Опасался вновь оказаться в числе отстающих, поскольку придать некий единый вектор перевода сверхэнергии в движение было выше моих сил, но, к своему немалому удивлению, стал первым, кому удалось развернуть боком брошенный инструктором

дротик. Просто было неважно, как именно начнёт тот вращаться, а осуществить непредсказуемое воздействие не составило особого труда. Приободрился немного даже.

В тире тоже без лекции не обошлось.

— То, что не убивает оператора сразу, не убивает его вовсе! — выдал инструктор по стрелковой подготовке и выставил перед собой указательный палец. — Контроль! Никогда не пренебрегайте контрольным выстрелом в голову!

Я припомнил выстрел Георгия Ивановича в затылок валявшегося на земле Ивана Воронца, и невольно поёжился, ладно хоть незаметно для инструктора.

А тот попусту болтать языком не любил и почти сразу отправил нас на стрелковые позиции. Помимо стрельбы от бедра и с обеих рук, а также извлечения пистолета из кобуры и двух быстрых выстрелов в центр корпуса на время, сегодня нам поручили отрабатывать новое упражнение, целью которого было уложить две пули в грудь, а третью в голову.

Ну а потом пришёл черёд пальбы каучуковыми зарядами и уже не по мишеням, а по нам. Худо-бедно техникой закрытой руки и созданием кинетических экранов мы с сокурсниками овладели, поэтому сегодня задействовали патроны с дополнительно увеличенной навеской пороха.

И всё бы ничего, но узнали об этом уже постфактум, ну а для начала нас просто выстроили в ряд и дали минуту на подготовку. Дали минуту, но уже секунд через тридцать инструктор объявил:

— Елисей! — И немедленно выстрелил в Кирилла.

Тот со стоном согнулся, я кинул на него взгляд и упустил тот момент, когда ствол револьвера уставился на меня. Успел лишь бросить большую часть потенциала на создание кинетического экрана, а дальше — грохнуло! Получилось уловить

сопротивление, с которым каучуковый шарик пробил выставленный мной щит, и тут же он саданул в живот, да так, что стёганая куртка удар несколько уже не смягчила.

А следом — хлоп! хлоп! хлоп! — но это уже не по мне.

И лишь когда мы немного очухались и отдышались, нам рассказали об увеличенной навеске пороха и посоветовали помимо гашения скорости метательного снаряда задействовать ещё и технику закрытой руки.

— Готовность десять секунд! — объявил инструктор, откинул шторку барабана и принялся выбивать из камор одну гильзу за другой.

За озвученное время перезарядить оружие он никак не успевал, и я немного расслабился, но — напрасно. Ассистент инструктора выступил из-за его спины сразу с двумя револьверами в руках. Стрелять он начал без предупреждения, и мне просто повезло, что первые два заряда угодили в Евгения и Вадима. Я успел выставить щит и качнуть сверхсилу в место попадания каучукового шарика за миг до того, как тот угодил в грудь. Скорость метательного снаряда после преодоления энергетической преграды заметно снизилась, и удар оказался не так уж силён; удалось устоять на ногах.

И сразу: бах! бах!

Первый заряд отсушил руку, второй заставил согнуться и хватануть воздух распахнутым ртом, а дальше ассистент расстрелял Елисея и Кирилла. Те хоть и успели подготовиться, но особо им это не помогло.

— Никогда! — заявил тогда инструктор по стрелковой подготовке. — Слышите: никогда не уповайте на предсказуемость противника! Работаем дальше!

Удерживать кинетический экран и одновременно задействовать технику закрытой руки получалось

далеко не всегда, и без синяков не обошлось. Не особо утешал даже тот факт, что остальным приходилось ничуть не лучше. Наверное, даже хуже. Но мне-то что с того? Ни разу не легче...

Вечернюю тренировку продержался исключительно на морально-волевых. Затем поужинал, рухнул на кровать и моментально уснул, не помешала даже ноющая боль во всём теле. Утром, обнаружив на кровати Василя его чемоданчик, изрядно этому обстоятельству удивился, а только продрал глаза, и в комнату появился он сам.

— Вставай-вставай! — с порога провозгласил он. — Труба зовёт!

— Вот ты громкий, — пожаловался я. — Ночью, что ли, вернулся?

— Ага, — подтвердил сосед по комнате и поторопил меня: — Петь, ну ты чего как варёный? К Эпицентру выдвигаться пора! Побежали завтракать!

— Тебя специально для подстройки вернули, что ли? — удивился я.

— Вот ещё! Взяли мы тех лиходеев! Всех взяли!

Тут уж я расслаживаться на кровати не стал и отправился в уборную.

— По дороге расскажешь, — предупредил товарища, достав из тумбочки щётку и банку с зубным порошком.

На завтраке Варя была мрачнее тучи, я сначала поглядывал то на неё, то на Василя, потом не выдержал и спросил напрямую:

— Вы поссорились, что ли?

— Вовсе нет! — заявил Василь. — С чего ты взял?

— Варь, ты чего тогда надулась, как мышь на крупу?

— Да только приехал и сразу уезжает! — раздражённо выдала девушка.

— А ты с нами не едешь, что ли? — удивился я.

— Да не о том я!

Варя составила на поднос грязную посуду и ушла, а я обернулся за разъяснениями к Василию.

— Это чего сейчас было?

— Она подстройку во время практики прошла, поэтому с нами не едет, — пояснил тот, немного помялся и сообщил: — Нашу опергруппу в столицу отправляют, с тамошней сыскной частью сотрудничество налаживать будем. До мая точно не вернусь.

— Ну ничего себе! — присвистнул я. — Поздравляю!

— Спасибо! — улыбнулся Василь. — Такой шанс, сам понимаешь, упускать нельзя. А Варя психует чего-то.

— А ты лимон используй, — посоветовал я, поднимаясь из-за стола.

— В смысле?

— Да рожка у тебя больно счастливая, зажуй дольку лимона, проще будет разочарование из-за скорого расставания изображать.

— Иди ты! — ругнулся Василь. — Такой шанс! Не отказываться же!

— Зачем отказываться? Говорю же: лимон!

— Да ну тебя!

Глава 5/2

От комендатуры на подстройку отрядили четырёх человек: меня, Василя, Матвея и Захара — парнишку из нового пополнения учебного взвода. Я получил у дежурного список подопечных и обнаружил, что помимо тридцати операторов зимнего призыва, зачисленных на государственную службу, придётся сопровождать ещё и полтора десятка летних «контрактников». Первых должны были подвести из учебного центра, вторые дожидались транспорта у энергетического училища.

К Эпицентру наши два автобуса выдвинулись в составе автоколонны, и если с переключкой уже приученных к военной дисциплине новичков проблем не возникло, то «контрактников» построить и пересчитать оказалось не так-то просто. Скрепя сердце, я назначил старшим во втором автобусе Матвея, а сам взял на себя транспорт со смешанным составом.

Грызня началась сразу после погрузки, пришлось даже прикрикнуть на особо говорливых, но никакого действия это не возымело.

— А то что? — нагло ухмыльнулся мордатый заводила. — Что ты нам сделаешь, ефрейтор, а? В угол поставишь?

Захотелось подойти и отвесить леща, но даже с места не поднялся, только развернулся вполоборота и спросил:

— Знаешь, чем потеря благонадёжности чревата?

— Ну, расскажи!

— Вот накатаю я на вас рапорт, и пойдёте к нам служить. На перевоспитание.

— Напугал! — расхохотался заводила. — И чего плохого? Получается, мне просто так полгода денежки

платили! Не придётся отрабатывать! Ещё и харчеваться за казённый счёт буду!

Его приятели согласно загомонили, и я не стал их перекрикивать, выждал момент и указал на новичков из зимнего призыва.

— Вы на них не смотрите, они не залётчики. Сказать, какое залётчикам денежное довольствие положено? Захар, озвучь!

Паренёк немного помялся, потом, будто стесняясь, сказал:

— Пятьдесят рублей.

— А сколько ежемесячно удерживают в счёт возврата стипендии?

— Четырнадцать семьдесят.

Заводила округлил глаза.

— Да ладно?!

В этот момент автобусы остановились у блокпоста, я поднялся, закинул на плечо ремень ППС и прошёлся по проходу между рядами сидений.

— Вот тебе и ладно! — заявил, недобро глядя на «контрактника». — Установка сейчас такая, что надо вас на госслужбу перетягивать. Дадите повод, я вам устрою весёлую жизнь. Каждому такую характеристику составляю, что даже не к нам, а сразу на лесоповал отрядят. Усекли?

Ответом стало недоброе сопение, и я добавил:

— Кто пасть разинет — тот, считай, первый кандидат.

Я вернулся к Василию, и тот кивком указал на оружие.

— Зачем взял?

— На всякий случай, — усмехнулся я в ответ. — Так что там у вас в Зимске приключилось? Рассказывай!

Василь принялся расписывать поиски налётчиков-операторов, и мои подопечные, разумеется, понемногу осмелели и принялись шушукаться, но говорили

вполголоса и свар не устраивали. Многих и вовсе укачало, и они задремали. А уже за двадцать пятым километром все уgomонились окончательно. И дело было даже не столько в приближении к энергетической аномалии, сколько в банальной жаре. Сослуживцев я предупредил, и кое-кто из «контрактников» тоже сообразил прихватить с собой сменную одежду или надеть куртки и плащи поверх чего-то лёгкого, а вот все новички оказались обмундированы по зимней форме одежды — им пришлось несладко. Опять же поначалу поездки к Эпицентру тяжело даются, вот и раскисли.

Ладно хоть ещё долго на пропускном пункте ждать не пришлось, операторов десятого, одиннадцатого и двенадцатого витков было раз-два и обчёлся, а дальше на Западный луч вывернул и наш первый автобус. Василь досадливо поморщился, а недо-операторов зимнего призыва и вовсе начало не на шутку корёжить, но обошлось без припадков и прочих внештатных ситуаций. Доехали.

— Василь, сам справишься? — уточнил я, не спеша выбираться наружу на девятом витке.

— Само собой!

— Тогда иди.

Захар тоже заикнулся было, что ему няньки не нужны, но я и слушать ничего не стал.

— Жди! — распорядился и прошёлся по проходу. — Все в порядке? Жалобы на самочувствие? Тошнота? Головная боль?

Выглядели мои подопечные откровенно бледно, но медицинская помощь никому не требовалась, тогда я устроил перекличку, а затем выставил из салона Захара и покинул автобус сам. Глянул в пронзительно-синее небо с низким зимним солнцем, вдохнул тёплого и влажного воздуха, нахлобучил на голову панаму. Плащ оставил на сиденье, поэтому в летней полевой гимнастёрке так уж жарко не было. Но то — мне, а вот

остальные вполне могли заработать тепловой удар, поэтому медлить не стал, развернул перечень подопечных и вызвал пять человек из начала списка.

Бойцы мотокоманды уже заняли позиции, был установлен и столик доцента Звонаря, сам он расположился за ним в компании молоденькой конопатой девицы.

— Захар, ты за старшего. Из автобуса никого не выпускай, — распорядился я, и в компании Василя двинулся к доценту. — Иди! — указал сослуживцу на вытопанную и выжженую площадку, а сам обратился к Звонарю: — Макар Демидович! Здравствуйте!

— О, Петенька! — обрадовался мне доцент, поднялся и протянул руку, а после сказал помощнице: — Всё, Нюра, отдыхай. Тут без тебя справятся.

Девица захлопала глазами, и доцент счёл нужным пояснить:

— Комендатура своего контролёра прислала. Всё в порядке.

— Я готов! — слышался крик Василя.

Я посмотрел на доцента, после его кивка взглянул на старшего мотокоманды и дал отмашку:

— Давай!

Донёсся резкий отклик энергетического фона, и мысленный образ Василя в моей голове начал становиться отчётливей и ярче. А после — погас, вернулся к прежнему состоянию. Излишек сверхсилы мой товарищ выплеснул искровым разрядом, покачнулся слегка и двинулся к нам.

— Чисто вышел, — отметил доцент.

— Летний поток, — пояснил я. — Гляжу, Андрею Игоревичу замену подобрали?

— О, да! — вздохнул Звонарь. — Андрюшеньку на повышение забрали. Я бы и рад был его оставить, но такими шансами не разбрасываются. Поупирался, конечно, для виду, но без этого никак. Скандала не

устроишь — уважать не станут. Зато вот умненькую девочку подобрали. Опыта нет и глаза вечно на мокром месте, зато негатив двенадцатого витка. Уникальный случай. Можно сказать, один на миллион!

Я не удержался и присвистнул.

Макар Демидович кивнул.

— То-то и оно!

Тут я извинился и, препоручив контроль операторов Василию, повёл на площадку первую пятёрку. Ну а дальше — рутина. Сопровождать подстройку на Эпицентр прежде доводилось неоднократно, и теперь я не дожидался эксцессов, дабы героически преодолеть их последствия, а вместо этого заранее воздействовал на энергетические каналы подопечных, давая им возможность пробыть в состоянии резонанса столько, сколько только смогут. И гасил последующие выплески тоже сам. Санитары всё больше курили и трепались, нежели приглядывали за операторами.

С первым автобусом всё прошло без сучка и задоринки, разве что под конец буквально обливался потом — и жарило меня не только снаружи, а всё больше изнутри.

И ведь мог преспокойно пить грог в морозном Новинске, обсуждать новости и готовиться к семинарам!

Подумал об этом и тяжело вздохнул. Ну, хоть денег подзаработаю.

В качестве ответственного лица пришлось сопровождать автобус на обратном пути к контрольно-пропускному пункту. Вот там-то при известии о том, что в Новинск их увезут не сразу, а придётся ждать автоколонну, с места и подскочил один из операторов зимнего потока.

— Вы не имеете права нас здесь мариновать! — заорал он. — Это нечеловеческие условия! Просто нечеловеческие!

Паренёк кинул взгляд на бледную девушку, сидевшую на соседнем сиденье, и я воспользовался этой заминкой, моментально очутился рядом, ухватил кликушу за плечо и надавил. Пальцами стиснул болевую точку, сверхэнергией — пережал энергетический канал.

Ноги у оператора подкосились, и он плюхнулся на сиденье. Попытался высвободиться, но не тут-то было.

— Только попробуй! — пригрозил я, усиливая хватку.

— Костя, перестань! — слабым голосом попросила девушка. — Мы подождём. Просто здесь душно и пить хочется.

Ну да — фляжки догадались прихватить с собой не все, и я погнал Захара в палатку, где раздавали воду.

— Если кто-то хочет чая, кофе или бутербродов и может себе это позволить, — обращайтесь к бойцу, — объявил я после этого. Снял с плеча ремень ППС и передал его Василию. — Ты за главного. Всё, бежать пора.

И я покатил на девятый виток со вторым автобусом. С этой партией операторов возни вышло больше, под конец оказался выжат, будто лимон. Ладно хоть ещё Матвей взял на себя все организационные вопросы и контролировал новобранцев, будто пастушья собака стадо овец. Вернее, баранов — овечек тут было не больше четверти.

Прополоскав рот тёплой водой, я сплюнул под ноги, тяжело вздохнул и вытер с лица пот. Ещё подумал, что стоило первым делом пройти подстройку самому, а не оставлять её напоследок. Как-то совсем тяжело, ещё и предчувствия самые недобрые. Извне жарит, изнутри морозит. Беда...

Но раскисать не стал и взял эмоции в узду, мельком глянул в сторону солнца и резко мотнул головой, вгоняя себя в состояние резонанса. Раз! И закружились надо мной тринадцать светил. Почти сразу сгустки

нестерпимого сияния замерли, проявился эффект стробоскопа, и в меня обжигающей волной ворвалась сверхэнергия.

Так и передёрнуло всего, словно новичка на первой подстройке, ещё и крутить против хода часовой стрелки начало, заломило меж лопаток, свело шею. Неприятные ощущения сегодня проявились куда острее, нежели на процедурах, и отрешиться от болезненных ощущений удалось далеко не сразу. Но — справился. А иначе попросту не совладал бы с той прорвой энергии, что переполняла меня и никак не желала упорядочиться и равномерно разойтись по организму.

Поначалу думал даже сбросить излишки искровым разрядом, но побоялся выплеснуть всю сверхсилу разом, вот и решил потерпеть. Сначала секунду, затем ещё пару. Ну а потом меня вышибло из резонанса и едва не разорвало в клочья. Скрипнув зубами, я выставил перед собой руки и привычно уже сформировал контур кинетического экрана, одним отработанным до автоматизма усилием влил в него большую часть потенциала, и воздух едва не захрустел, моментально остыв. Пар, конденсат, изморозь.

Я повернул экран сначала в одну сторону, затем в другую, а потом задумался, как быть дальше. Как и всякая энергетическая конструкция этот полог терял половину джоуля на квадратный сантиметр в секунду, вот только ждать естественного рассеивания мне по понятным причинам не хотелось, и я прикоснулся ладонями к щиту, попытался трансформировать кинетическую энергию в нечто иное, но задача оказалась слишком сложной, и тогда попросту спустил замороженное движение с поводка.

Лети! Взвыл воздух, взметнулся песок, сорвало и раскидало с кустов листву!

На выбранном мной направлении никого не было, но и так Макар Демидович погрозил пальцем. Я виновато

развёл руками, потом вытер пот с лица панамой и подошёл к столу.

— Тяга к экспериментам, Петенька, чрезвычайно похвальна, но исключительно в свободное от работы время, — пожурил меня Звонарь, подписал обе заявки на подстройку операторов, шлёпнул на них по печати и протянул мне.

Я поблагодарил его и поспешил к автобусу, тогда начали сворачиваться и бойцы мотокоманды, а водитель вездехода принялся складывать столик.

— Порядок? — уточнил я у Матвея, усевшись на соседнее сиденье.

— Само собой! — уверил здоровяк и самодовольно улыбнулся. — У меня не забалуешь!

На самом деле несказанно больше интересовало самочувствие подопечных, так что прошёлся по проходу, присмотрелся к юношам и барышням. Живы — уже хорошо, все в сознании — хорошо вдвойне. И хоть выходного, считай, что и не было, но и внакладе не остался. Десятка за руководство, трёшка командировочных, пятьдесят копеек за сопровождение первичной подстройки и двадцать пять за повторные, вот уже тридцать два пятьдесят и накапало. А работы — на половину дня. Плохо разве?

Впрочем, насчёт половины дня я откровенно погорячился. Сначала дожидались автоколонны, затем для прохождения медосмотра и обеда сделали остановку на Кордоне. В итоге в Новинск вернулись уже затемно. На тренировку я не пошёл, поужинал, выпив сразу три стакана чаю, и завалился на койку. Василь попытался усовестить меня — мол, у них с Варей это единственный вечер перед его завтрашним отъездом в командировку, и я даже пообещал, что ещё пять минут полежу и пойду в библиотеку, но проснулся только утром, как и лёг — в трико и майке.

Ни соседа по комнате, ни его чемоданчика уже не было, и мне стало немного совестно за проявленный эгоизм, но лишь самую малость. А как умылся — так и отпустило. Просто не в состоянии вчера комнату освободить был. Вымотался. Понимать надо.

Лев на меня, такое впечатление, тоже обиделся. Был он против обыкновения молчалив; немного оттаял лишь после рассказа о неожиданной отправке на подстройку. Ну а дальше отзанимался как-то. Пятничное происшествие забыться ещё не успело, студенты так и поглядывали на меня с интересом, вот я, памятуя о предупреждении Альберта Павловича, не расслаблялся.

Карл и вовсе откровенно надулся, когда я никак не стал комментировать передовицу в «Новинском времени», посвящённую недавнему дебошу в ресторане, с броским заголовком «Невоздержанность сверхов». Пришлось намекнуть, что сам был бы рад его в подробности посвятить, но получил приказ на этот счёт не распространяться. Мол, идёт следствие и всё такое прочее. Как можно будет — расскажу.

После занятий отправился на процедуры, и вот там во время резонанса продрало так, будто не сверхэнергию в себя тянул, а наждачную бумагу. Ну или на худой конец — растворитель.

— А что тут удивительного? — только развёл руками Леопольд. — Ты обрёл некое внутреннее равновесие, теперь смещаешься к пику румба, отсюда и дискомфорт. Сколько ты сегодня продержался? Тридцать девять секунд? Ну вот! Середина пути! Экватор сложнее всего проходить!

— Какой ещё экватор? — не понял я.

— Начал ты у нас заниматься на тридцати двух секундах, предел — сорок шесть. Семь секунд нарастил, семь осталось. Потерпи, завтра уже легче будет.

— Свежо предание, да верится с трудом.

— Брось! — отмахнулся лаборант. — Не ты один такой, обычное дело. Точно тебе говорю.

Пришлось поверить на слово. Сходил в столовую, отправился нести дежурство на вахту. Как и предупредил Альберт Павлович, меня и в самом деле сняли с выездов, но никакого раздражения и разочарования по этому поводу я не испытал. Да и с чего бы? Там — холодно, тут — тепло. Ещё и конспекты можно проштудировать. Служебный же вход, нет постоянной толкучки.

Так и проскучал до конца смены, даже подрёмывать над полученным в библиотеке учебником общей теории сверхэнергии начал, на стульчике в углу фойе сидючи. Но вот дальше сонливость как рукой сняло — появилась Юля. Она помаячила мне из коридора, не желая попадаться на глаза вахтёрам, а стоило только приблизиться, сходу объявила:

— Надо поговорить!

Лицо девушки было бледным и каким-то неестественно закаменевшим, глаза покраснели, а нижняя губа припухла, как если бы её слишком сильно прикусили. Но макияж был идеальным, голос не дрожал, никуда не пропали и тягучие интонации.

— Надо поговорить. Прямо сейчас. Это важно!

Я нервно оглянулся и уточнил:

— Ты, надеюсь, не залетела?

Юлия Сергеевна слегка подалась вперёд и зло выдала:

— Я, Петя, из-за тебя скоро безо всякой беременности неведому зверушку против шерсти рожу!

Вот тут-то меня и проняло. Что-то действительно серьёзное должно было приключиться, если барышне так припекло.

Или... это всё лишь игра? О-хо-хо, как бы ещё разобраться!

Усилием воли я взял себя в руки и разрешил:

— Говори.

Юля округлила глаза.

— Не здесь же!

Меня такой ответ нисколько не порадовал, нехотя спросил:

— Где и когда?

Барышня задумчиво закусил губу и после некоторой заминки произнесла:

— «Под пальмой». Только дай мне десять минут.

Я вытянул из жилетного кармашка часы, отщёлкнул крышку и взглянул на циферблат. Было без пяти минут семь, если пойду в кафе, то с дежурной машиной в распоряжение вернуться уже не успею. А самостоятельно передвигаться по городу мне настоятельно не рекомендовали. Ещё и Альберт Павлович на связь выходить запретил, не предупредить его никак.

И что делать? Идти или отказаться? Действительно что-то серьёзное стряслось или готовится та самая провокация, о возможности которой предупреждал куратор?

Вот как поступить, а?

Юлия Сергеевна словно почувствовала мои сомнения и вцепилась в рукав пиджака.

— Петя, пожалуйста! Это важно!

Она умоляюще заглянула мне в глаза, и я беззвучно выругался, не в силах принять решение.

— Да что стряслось-то? Скажи уже!

Барышня лишь замотала головой и шмыгнула носом. Вот только мне ещё истерики не хватало!

Я ощутил резкий приступ злости — в том числе и на себя! — и куда раздражённей, чем следовало бросил:

— Должна будешь!

Юлю будто подменили, она недобро зыркнула в ответ и уже даже раскрыла рот для резкой отповеди, но опомнилась и покладисто сказала:

— Как скажешь.

И — ушла.

Ну а я пожалел, что не удосужился получить в оружейной комнате пистолет. Ну вот что стоило об этом заранее подумать? Имею же право!

Ох, как бы мне всё это боком не вышло. Ну а с другой стороны — не шарахаться же от каждой тени? Оператор я или кто?

Прежде чем двинуться через сквер, я с минуту простоял на крыльце, но ничего подозрительного не заметил, да было бы странно, если б заметил: туда-сюда поодиночке и шумными компаниями сновали студенты, расходились преподаватели, караулили клиентов извозчики. Не с моими навыками при таком раскладе возможного наблюдателя выявить.

Вновь навалилась неуверенность, но я отбросил сомнения — толчая мне сейчас только на руку. Кепку опустил пониже на лицо и пошёл, пошёл, пошёл отсюда, а только пересёк дорогу, вот уже и крыльцо кафе. На том зябко куталась в шубку Юлия Сергеевна, когда проходил мимо, она шепнула мне:

— У них кабинеты на втором этаже. Займи, я сейчас подойду.

Так я и поступил, но деньги на ветер швырять не стал и шампанскому предпочёл чайничек чая. Ещё заказал пятьдесят грамм коньяка и две порции медового торта. Ну и пятёрку пришлось выложить за обслуживание в кабинете, что меня несколько не порадовало.

Впрочем — было не до того. Быстренько оглядел набившихся в кафе студентов и поднялся на второй этаж. Там, когда минут через пять раздался стук в дверь, натуральным образом вздрогнул, но это пожаловал официант. Юля юркнула внутрь вскоре после его ухода, скинула шубку на пуфик и повалилась

на мягкий диванчик, прижала ко лбу тыльную сторону ладони.

Вроде бы насквозь театральный жест был проделан с такой подкупающей естественностью, что я даже растрогался. Но подпереть входную дверь спинкой одного из стульев всё же не преминул.

— Зачем это? — удивилась Юлия Сергеевна.

— Не хочу, чтобы нам помешали, — заявил я и плюхнулся рядом. — Ну? Рассказывай!

— О нашей встрече узнали! — сообщила мне барышня. — О той, в гостинице...

Я испытал некоторое даже разочарование, столь безыскусным показался этот заход.

— И что с того?

— Что с того?! — опешила Юля. — Моя репутация...

— Твоя репутация — твои проблемы, — высказался я, но как оказалось с этим заявлением поторопился.

— Моя репутация тебя не волнует, — с нажимом завершила фразу барышня. — Знаю и так! Всё дело в моей маме!

— У неё больное сердце? — с усмешкой предположил я и вновь не угадал.

— У неё отвратительный характер и умение доводить до белого каления отца! Даже думать не хочу, какой разразится скандал!

Я вздохнул. Не могу сказать, будто так уж беспокоила возможная огласка — к чёрту эти пережитки буржуазного ханжества! — но момент был самым неподходящим, вот и не ушёл, вот и решил прояснить ситуацию.

— Ладно, и как же о нас узнали?

— Какая теперь разница — как? — вспылила Юля. — У человека работа такая — всё знать!

— Говори уже прямо!

Я не сумел скрыть раздражение, и какое-то время мы сверлили друг друга злыми взглядами, а потом

Юлия Сергеевна сдалась и сказала:

— За безопасность учащихся нашего общества отвечает Леонтий Горский. Только что имела с ним не самую приятную беседу. Он хочет с тобой встретиться.

Меня аж передёрнуло.

— А луну с неба он не хочет? — выдал я, попытавшись спрятать за ёрничеством замешательство и даже страх.

Юля вцепилась в мою руку, как в спасительный круг.

— Послушай! Он обещал обо всём забыть, если только ты с ним встретишься. Никаких обязательств. Понимаешь? Просто выслушай его предложение!

— Предложение касательно чего?

Юлия Сергеевна даже фыркнула от возмущения.

— Касательно Феликса, конечно!

У меня засосало под ложечкой.

— Ты это знаешь наверняка?

— Нет, но на выходных только и разговоров было что о вашей стычке в «Гранд-отеле». Как тебя туда вообще занесло, скажи на милость?

— Случайно, — отмахнулся я и уточнил: — Так, говоришь, просто встретиться?

— Да. Просто выслушай его. О большем не прошу.

— Ты ведь понимаешь, что останешься у него на крючке?

Барышня нервно передёрнула плечиками.

— Плевать!

Стоило бы послать куда подальше и дворяночку, и этого всезнающего господина Горского, но сходу ответить категорическим отказом помешало воспитание, а потом вспомнилось желание Альберта Павловича спустить дело против Стребинского на тормозах, и я крепко задумался о том, как поступить. Прямо сейчас с куратором было не связаться при всём желании, требовалось проявить инициативу и принять

решение самостоятельно. Рискнуть или умыть руки — воистину вопрос на миллион!

— Ты ведь не бросишь меня в беде? — с надеждой спросила Юля.

Я тяжело вздохнул.

— Для меня встреча с этим Горским может выйти боком. С какой стати так рисковать? Что я получу взамен?

Юлия Сергеевна со свистом втянула в себя воздух и с некоторым даже восхищением, как показалось, выдохнула:

— Ну ты и подлец!

Меня эти слова нисколько не задели, я положил ладонь на девичье бедро и улыбнулся.

— Ну так что?

— Хорошо! — закатила Юля глаза. — В следующий раз я тебя отблагодарю.

Я рассмеялся.

— Ну уж нет! Брать с дам такого рода плату попросту пошло! Я выше этого!

Ответ привёл барышню в замешательство, она уставилась на меня во все глаза.

— И что тогда? Не деньги же!

Моя ладонь сместилась с бедра на талию, и я намекнул:

— Уверен, ты что-нибудь придумаешь. И не когда-нибудь потом, а прямо сейчас.

В лицо Юлии Сергеевны враз вернулись краски, щёки и вовсе заалели безо всяких румян. Она вскочила с диванчика и выпалила:

— Это шантаж!

— Во-первых, не прошу от тебя ничего такого, чего ты не проделывала по собственной инициативе, — заметил я, поднимаясь следом. — А, во-вторых, только не ври, будто никогда не воображала себя жертвой шантажа! С твоими-то фантазиями о матросах!

Юля хмыкнула и смерила меня оценивающим взглядом, но стоило только шагнуть к ней, порывисто отвернувшись. Что, впрочем, нисколько не помешало мне перейти от слов к делу. Скорее даже наоборот — всё до предела упростило.

Уже позже, когда Юлия Сергеевна сидела за столом, а не полулежала, навалившись на него грудью, она покачала головой и тяжело вздохнула.

— Связалась же на свою голову!

— Связалась и связалась. Чего теперь стенать?

Но вот так сразу раскрасневшаяся барышня не уgomонилась.

— Не будь ты абсолютом, даже разговаривать бы с тобой не стала! — заявила она.

— А как же революционные матросы? — напомнил я.

Юля отломил кусочек медовика ложкой и отправила его в рот, прожевала и сказала, как отрезала:

— Перебилась бы!

Рюмку коньяка мы благополучно расплескали, пришлось разливать по чашкам пустой чай. Я сделал длинный глоток терпкого напитка и заметил:

— Сдаётся мне, ты лукавишь, дорогая. Есть такие препараты для подавления способностей...

Барышню аж передёрнуло.

— Гадость! — произнесла она с нескрываемым отвращением. — Один раз попробовала — так тошно стало, чуть руки на себя не наложила. Натурально в безвольный кусок мяса превратилась, будто оглохла и ослепла разом. Ну уж нет, Петя, чем так — лучше постриг принять!

Я прожевал кусочек торта и посоветовал:

— Учись приглушать чувствительность.

Юлия Сергеевна фыркнула рассерженной кошкой.

— Легко сказать — учись! Можно подумать, есть отработанные методики!

— Есть, — подтвердил я и добавил: — Отработанные.

— Да ну тебя! — отмахнулась Юля. — Не травми душу. Чтоб ты знал, все практики направлены именно на развитие способностей. Знаю, о чём говорю. Я в обществе всех на уши поставила, никто ничего толком посоветовать не смог. И в институте тоже только руками разводят и об особенностях инициации на первом витке толкуют. Придётся вам, Юлия Сергеевна, теперь как-то с этим жить. И ладно бы ещё ментально-нейтральные операторы чаще встречались, так нет же — редкость несусветная, взгляд не на ком остановить. Кто-то женат, кто-то моральный урод, кто-то одним своим видом отвращение вызывает. И как тут личную жизнь устраивать, скажи?

— Я моральный урод или отвращение вызываю?

— Кобель ты, вот ты кто! Одно только на уме!

Я при этих словах чуть чаем не подавился, прочистил горло и заметил:

— Можно подумать, других твой внутренний мир интересуется!

— Представь себе! — подтвердила Юля, достала пудреницу с зеркальцем и принялась приводить в порядок макияж. — Они хотя бы притворяются. Цветы дарят, комплименты делают...

— Не, — покачал я головой. — На роль революционного матроса согласен, остальное без меня.

— Говорю же: кобель.

Наверное, стоило промолчать, но то ли слова девушки чем-то зацепили, то ли просто слабинку дал, вот и сказал:

— Попробую для тебя описание техники снижения сверхчувствительности достать. Обещать ничего не обещаю, попробовать — попробую.

— Ты серьёзно? — Глаза Юлии Сергеевны блеснули, но она тут же отвела взгляд и уставилась в чашку с чаем. Потом с деланным безразличием произнесла: — Если брать натурой — это пошло, то что тогда? Как с тобой расплачиваться?

— Шкуру неубитого медведя не делят! — отрезал я, встал, взял плащ и спросил: — Где и когда с твоим Горским встречаться?

— Он не мой! — насупилась Юля и пояснила: — Выйдешь из кафе, увидишь чёрный автомобиль с символикой общества. Тебя ждут.

— О как! А если бы я отказался?

— И что мешает мимо пройти? — ещё более тягуче, нежели обычно, поинтересовалась Юлия Сергеевна, вопросительно изогнув бровь.

Я помог ей облачиться в шубку и пообещала:

— Поговорю с ним.

И да — поговорю. С превеликим удовольствием послал бы Юленьку куда подальше, поскольку её просьба дурно пахла и могла обернуться чем угодно, вплоть до выстрела в затылок, вот только деваться было некуда. Раз Альберт Павлович желает спустить дело на тормозах, нельзя отказываться от переговоров. Выслушаю предложение противной стороны, а там, глядишь, смогу из-под удара в качестве ключевого свидетеля выйти. Плохо разве? Да ничуть.

— Ты так это сказал, будто я тебе совсем-совсем не нравлюсь, — поджала губы Юля.

— Почему — не нравишься? Сзади ты просто идеальна, да и спереди ничуть не хуже, но это только до шеи! — в сердцах выдал я, вытолкнул огорошенную этим высказыванием Юлию Сергеевну в коридор и спешно прикрыл дверь.

Секунд десять постоял, собираясь с мыслями, после обратился к сверхэнергии и несколькими судорожными усилиями поднял внутренний потенциал до

предельного на сегодняшний день полумиллиона сверхджоулей. Удержание такой прорвы энергии требовало полной сосредоточенности, но пошёл на это совершенно осознанно. Очень уж серьёзные опасения вызывал предстоящий разговор.

Ёлки зелёные! Да у меня попросту поджилки от страха тряслись!

Так ведь и сгнуть могу! Своей волей в автомобиль сяду, а потом найдут труп с парой пулевых отверстий на окраине и всё.

Я заколебался, но сразу выкинул эти опасения из головы. Бред. Ради моего устранения никто не станет такой огород городить.

Но даже так непременно поставил бы в известность капитана Городца — вот только, если кому-нибудь названивать стану, это точно подозрения вызовет. Наблюдают за мной — нет? Ставлю на первое.

Спустившись на первый этаж, Юлии Сергеевны я уже нигде не увидел и вышел на улицу. Автомобиль стоял немного поодаль, на перекрёстке. Пока шёл к нему, задействовал ясновиденье и определил, что в салоне меня поджидает оператор.

Но — не поджидал. Оператором оказался шофёр в фуражке, форменной куртке и перчатках, он заблаговременно выбрался из-за руля, обогнул машину и предупредительно распахнул заднюю дверцу. Вновь колыхнулись опасения, и всё же беспечно кивнул и забрался внутрь, уселся на мягкое сиденье.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровался с пожилым господином, устроившимся напротив.

Тот положил ладони на серебряную ручку дорогой трости и слегка подался вперёд.

— Здравствуй, Пётр.

От этого голоса по спине побежали мурашки, а по энергетическому фону понеслись едва уловимые колебания, и я понял, что это тоже оператор! Станный,

не сказать — невозможный, но оператор. Таких прежде и не встречалось вовсе, даже профессор Палинский лишь удерживал сверхсилу в себе, что порождало соответствующие энергетические помехи, а тут не получалось разделить тело и потенциал; они сплелись воедино.

Лысый, с породистым морщинистым лицом, бескровными губами и глубоко запавшими глазами старик напугал своей чуждостью, его жесты были нарочито медлительными, слова — давили, будто притапливали на глубину в полдюжины метров, а энергетический фон странно колыхался, ровно паутина. Сам же господин Горский производил впечатление космической чёрной дыры, он будто бы даже искажал реальность одним фактом своего существования. Абсолютно непрозрачный для ясновиденья объект.

— Вы хотели меня видеть? — нарушил я затянувшееся молчание и едва удержался, чтобы не сглотнуть.

— И действительно — абсолют, — без малейшего намёка на теплоту улыбнулся странный старик. — Да, молодой человек, хотел. И рад, что твои отношения с Юлией Сергеевной поспособствовали нашей встрече.

Мой собеседник сидел прямо-прямо, будто шпагу проглотил, он был скуп на движения, словно бы даже прилагал дополнительные усилия, дабы сохранять неподвижность, а всякий жест был расчётливым и продуманным. В противовес эдакой чопорности я расстегнул плащ, развалился на сиденье и закинул ногу на ногу, благо размеры салона это позволяли.

— Не назвал бы наше общение с Юлией Сергеевной — отношениями, — заявил я, желая сразу расставить все точки над «и».

— И всё же прислушался к её просьбе?

— Юлия Сергеевна сказала, что меня подкинут в комендатуру.

Леонтий Горский улыбнулся, дав понять, что оценил шутку, и постучал в стенку за спиной, а когда приоткрылось окошко, скомандовал шофёру:

— В комендатуру!

Меня это распоряжение определённым образом успокоило, но расслабился рано; только автомобиль очень мягко и плавно тронулся с места, как старик слегка подался вперёд и спросил:

— Ты имеешь что-то личное против Феликса Стребинского?

Вновь почудилось давление чужой воли, и я не стал скрывать эмоций, досадливо поморщился.

— Помимо того, что он испортил мне вечер и едва не поджарил?

— Да, — подтвердил господин Горский. — Помимо этого.

Кривить душой я не стал и кивнул.

— Имею, а как же! Он мне социально чужд, а как оператор сверхэнергии опасен для общества!

Собеседник какое-то время пристально глядел, затем произнёс:

— Первое — предрассудки. Второе — заблуждение. Я же спрашивал о возможной личной неприязни.

Заявлять об отсутствии таковой я не стал и вместо этого уточнил:

— С какой целью, позвольте поинтересоваться?

Ответ не удивил.

— В силу должностных обязанностей я опекаю слушателей «Общества изучения сверхэнергии», в том числе и Феликса. Его нынешние неприятности — моя головная боль.

От высказывания сожаления по этому поводу я воздержался и выжидающе посмотрел на собеседника. И тот не стал ходить вокруг да около, заявил со всей возможной прямоотой:

— Отказ от претензий к Феликсу с твоей стороны существенным образом облегчит его положение.

Я покачал головой.

— Ничего не выйдет. Этот случай относится к делам общественного, а не частного обвинения.

— Ты юрист?

— Изучаю право, — подтвердил я и кинул быстрый взгляд в окно. Автомобиль неспешно катил знакомой дорогой; мы точно двигались в сторону комендатуры.

— Поверь, опытные крючкотворы разбираются в подобных вещах несравненно лучше студента-первокурсника, — заявил господин Горский.

— Это не отменяет того факта, что в силу заболевания Феликсу противопоказана работа со сверхэнергией. И ещё остаётся покушение на убийство!

Леонтий Горский покривил уголки рта.

— Активная жизненная позиция — это замечательно, но не стоит пренебрегать и собственными интересами. За отказ от претензий семья Феликса уполномочила меня выплатить каждому из пострадавших по тысяче рублей.

— Могут себе позволить! — выдал я, не сдержавшись.

— Могут, — спокойно подтвердил старик.

Я задумался. Тысяча рублей — большие деньги. Даже состоятельное семейство не пойдёт на такие траты, если не будет уверено в успехе предприятия. Именно поэтому я не преминул уточнить:

— Вам нужен просто отказ от претензий?

Леонтий Горский улыбнулся.

— Феликс — больной человек. Его следует лечить, а не судить. В том инциденте нет его вины, просто начался припадок, и он не удержал под контролем сверхсилу, только и всего.

— А! — понимающе протянул я. — Нет умысла, нет и вины. Хотите поставить под сомнение сам факт

преступления.

— Согласен пойти нам на встречу? — уточнил господин Горский. — Ничего сверхъестественного помимо отказа от претензий мы не попросим. Разве что поправишь показания, исключив из них предшествовавший инциденту обмен репликами.

Я хмыкнул.

— Ничего не выйдет.

— Мы не станем повышать сумму компенсации, — неверно расценил мой отказ собеседник. — Пока что этот вариант представляется нам оптимальным, но есть и другие — куда менее затратные в денежном отношении, просто не столь быстрые.

Вновь навалилась чужая воля, по спине пробежали мурашки. Стало тошно и страшно, но я заставил себя удержать на лице беспечную улыбку и небрежно отмахнулся.

— Не собираюсь торговаться. То, что Феликса поместят на принудительное лечение меня целиком и полностью устроит. Это даже более унижительно, нежели высылка из страны, раз уж тюремный срок ему стараниями ваших крючкотворов в любом случае не грозит. — Я развёл руками. — Всё б ничего, но тот обмен репликами слышал не только я. Не хочется давать следствию повод для обвинений в даче ложных показаний.

Леонтий Горский сузил глаза.

— Товарищи Феликса ни о чём подобном не упоминали.

— А Валентина Паль — упоминала.

— С ней мы договоримся, не волнуйся на этот счёт. А внесение изменений в показания наши юристы возьмут на себя.

— Нет! — отрезал я. — Что-нибудь пойдёт не так, вскроются противоречия... Нет, так не пойдёт. Я

поговорю с Валею и дам ответ за нас обоих. Как с вами связаться?

Ответный взгляд едва не вдавил в кресло, до того оказался тяжёлым.

— Нам бы хотелось сделать всё быстро, — в словах почудилась плохо скрываемая угроза, и тут уж я не удержался, сглотнул; пусть и выдал неуверенность судорожным движением кадыка, но иначе из пересохшей глотки и слова бы не выдавил.

— Тянуть не буду, отвечу завтра в первой половине дня.

— Визитку даст шофёр. Когда позвонишь и спросишь меня, скажи, что по личному вопросу.

Автомобиль остановился за квартал от комендатуры, и я распахнул дверцу самостоятельно, не дожидаясь, когда это сделает шофёр. Просто находиться с жутким стариком в салоне стало попросту невмоготу. Даже прощаться не стал, принял у водителя бумажный прямоугольник с золотым тиснением букв и зашагал прочь. Шёл и радовался жизни, разве что немного беспокоился, не слишком ли быстро дал слабинку.

Но, с другой стороны, а стал бы я упираться, будь сам по себе? Принципы — это здорово, но и тысяча рублей — тоже совсем немало. Да и такому персонажу попробуй откажи! Душу из тебя вынет, но своего добьётся. Пошёл бы я на уступки или закусил удила? Кто скажет?

В любом случае однозначного ответа на этот вопрос я дать не мог, зато наверняка знал, что ни при каких обстоятельствах не стану заниматься самодеятельностью. И потому первым делом заглянул в клуб и позвонил на домашний номер капитана Городца. Пусть и говорят, будто утро вечера мудренее, но не стал тянуть. Ещё не хватало оказаться в неблагонадёжности заподозренным. Опять же на душе

полегчало. Ну да — теперь пусть у начальства на этот счёт голова болит. А я — спать!

Глава 6/1

Взялись за меня уже утром и — куда там господину Горскому! — не только душу вынули, но ещё и кишки все вымотали. Поначалу я наивно рассчитывал о своей связи с Юлией Сергеевной умолчать, но слово за слово и вытянули все подробности. Именно вытянули: ни свет ни заря в комендатуру пожаловал Альберт Павлович, оказал содействие Георгию Ивановичу. Хотя, кто из них первую скрипку играл, это ещё разобраться надо.

— Классическая вербовка! — объявил капитан Городец, узнав подробности моего знакомства с госпожой Карпинской.

— Ничего классического тут нет, — возразил ему институтский консультант. — Кто он такой, чтобы его через постель вербовали, скажи? Подпоить и в доверие втереться, карточный долг навесить или на бильярде обуть просто так, на будущее — это понятно. Даже с девкой гулящей свести, которая из себя невинность строит и высокие чувства изображает, — тоже ничего из ряда вон. Но не столь же прямолинейно!

— Так, может, она и строит? — предположил Георгий Иванович.

Альберт Павлович закрыл глаза и начал вещать:

— Юлия Сергеевна Карпинская из младших Карпинских, эмигрировавших после революции сначала в Лютиерию, а после и в Айлу. Дворянский род средней захудалости, кое-как держится на плаву, но и только. Старшая ветвь, представленная семьями её двоюродных дядьёв, не особо преуспевает, но и далеко не бедствует. Фёдор Ильич Карпинский занимает пост сопредседателя комиссии по возвращению соотечественников на родину. Нет, эта барышня отнюдь

не подсадная утка, она из хорошей семьи. Такая с кем попало без веской причины спать не станет.

Капитан Городец хмыкнул и спросил:

— Так они с кем: с Михаилом или с Николаем?

— В этом гадючьем клубке попробуй — разбери! — досадливо поморщился Альберт Павлович. — Попытаюсь разузнать. Но, сдаётся мне, всё же с Николашкой.

Я не утерпел и спросил:

— А как вы это всё помните?

— Есть такая мнемоническая техника, называется «Дворец памяти», — подсказал куратор и откинулся на спинку стула. — Нет, Георгий Иванович, ты меня хоть режь, но если это и вербовка, то на игру вдолгую. Вскройся операция по Стребинскому на подготовительном этапе, Петю бы загодя на короткий поводок взяли. Нашли бы чем прижать.

— Даже если бы знали, что он твой человек?

— Особенно в этом случае, — подтвердил Альберт Павлович. — Так что, Петя, госпожу Карпинскую продолжай удовлетворять со всем усердием и постельные разговоры не забывай в отчёты включать. Совмещай приятное с полезным, только бдительности не теряй. Может, ей и в самом деле приспичило, а может, на тебя какие-то виды имеются. Да и одно другому не мешает.

Георгий Иванович закурил и прищурился:

— Она хоть ничего?

Я немного даже такой постановке вопроса смутился.

— Фигура — десять из десяти, а вот на лицо не дурнушка, но и не красавица. На любителя.

— Не вздумай в неё влюбиться! — предупредил капитан, пыхнув дымом.

— Ещё чего не хватало! — фыркнул я, поймал на себе изучающие взгляды и вспыхнул: — Да что вы

заладили: Юля да Юля?! Надо что-то с предложением Горского решать!

Георгий Иванович отмахнулся.

— А что там решать? Соглашаться надо. А обсасываем мы эту ситуацию со всех сторон, дабы не проворонить двойное дно. Что скажешь, Альберт Павлович?

Округлое лицо куратора на миг приобрело отрешённое выражение, после он помассировал пальцами припухшие веки и сказал:

— Как освободишься в институте, дуй на главпочтамт. Закажи разговор с Кордоном, в это время Валя будет в госпитале. Вкратце расскажи ей о поступившем предложении. Я оповещу её заранее по своим каналам, она ответит согласием. После свяжись с Горским. Стребуй с него сразу две тысячи. Вале почтовым переводом переведёшь семьсот рублей.

— Почему семьсот? — удивился я.

— Если отдашь половину и об этом узнают, тебя сочтут излишне щепетильным. Ну или подкаблучником, что несколько не лучше. Если урежешь её долю сильнее, посчитают слишком жадным. Таких используют, но не доверяют.

— Думаешь, внедрить? — удивился Георгий Иванович. — С его-то антимонархистскими взглядами?

— Поживём — увидим, — уклончиво ответил Альберт Павлович. — Ладно, теперь о деньгах. Их надо будет потратить с умом...

— Пусть внесёт за процедуры, — предложил капитан Городец. — У него там кредит в две тысячи открыт, погасит часть долга — рассудительность свою покажет.

— Тысячу туда, — согласился куратор. — Триста в резерве. Совсем уж правильным его выставять тоже не стоит, да и деньги могут понадобиться.

— Только на барышню свою всё не спускай, — предупредил меня Георгий Иванович. — Траты согласовывать будешь. Понял?

Я руками развёл.

— Да чего непонятного? Без меня меня женили.

— Беги собирайся! — объявил капитан. — Через десять минут дежурная машина в институт уходит.

Ну и побежал, даже позавтракать не успел. Ночью спал плохо, всё больше всякая дурь снилась, на заднем сиденье вездехода укачало, немного подремал. А вот в институте — ни-ни. Там невесть с чего нервы узлом скрутило, сонливость как рукой сняло. Так и ждал, что подойдёт кто-нибудь и шепнёт, будто он от господина Горского, но не подошли, нет.

Ещё не знал, как поступить с сегодняшней процедурой, но в итоге пропускать её не решился и сразу после лекций поспешил в первую лабораторию. Деньги — это хорошо, только у меня, в конце концов, и другие приоритеты имеются. Вполне в образ такое поведение укладывается.

В лаборатории поджидал сюрприз.

— Беги в третью процедурную, — заявил перехвативший меня на входе Леопольд. — У нас мануальный терапевт освободился, помнёт тебя.

— Мануальный — это как?

Лаборант выставил перед собой ладони и пошевелил пальцами.

— Мануальный — это руками. У Федоры Васильевны окно образовалось, вот и попросили тобой заняться. Она из всех специалистов такого уровня единственный негатив.

— Ого!

— Переодевайся, бери чайник и дуй в процедурную.

Я и побежал.

Федора Васильевна оказалась седой сухопарой женщиной далеко за сорок с очень худым, узким и

жёстким лицом. Слегка опущенные уголки рта переходили в глубокие вертикальные морщины, что придавало ей вид недовольный всем и вся, да и голос оказался под стать. Холодны и резкий.

— Время, молодой человек! Время! — заявила она, закатывая рукава белого халата.

Мне и до того медлить не хотелось, а тут, обжигаясь, выхлебал травяной настой и подошёл к массажному столу.

— Верх заголяй, — попросила мануальный терапевт. — Ложись на живот.

Так я и поступил, и меня принялись мять. Точнее, не мять даже, а пока лишь прощупывать — словно бы даже читать, как читают слепые подушечками пальцев рельефные буквы специального алфавита. Следом почудилось сверхъестественное воздействие, но долго оно не продлилось, дальше терапевт стала давить заметно сильнее, и всё же не столь интенсивно, чтобы счесть это полноценной процедурой, скорее, начался подготовительный этап.

— Мышцы забиты, — укорила меня Федора Васильевна. — Не пренебрегай разминкой и растяжкой.

— Не пренебрегаю.

— Ну я же вижу! — фыркнула терапевт и потребовала: — Расслабься! — Она легонько покрутила моё плечо, затем проделала то же со вторым. — Не только патологии энергетических каналов оказывают воздействие на организм оператора, но и физические отклонения влияют на способности к управлению энергией, в частности, на фокусировку. Первое проявляется лишь через годы интенсивной работы со сверхсилой, второе практически незаметно, но влиять начинает сразу после инициации. В пределах румба отклонения обычно не диагностируются, но они существенно осложняют последующее развитие до пика витка.

— И у меня?

— Полный набор. Начальная стадия сколиоза и лёгкое смещение позвонков шейного отдела.

Я тяжело вздохнул. Уж кто бы сомневался — если и есть какие-то специфические патологии, у меня их обнаружится полный комплект.

— Это всё решаемо, — утешила меня Федора Васильевна, продолжая разминать плечевой пояс. — Но вот если не сбалансировать энергетические каналы, ничем хорошим это не закончится.

— Так мне же их сбалансировали!

— Вовсе нет! Их лишь привели к некоей условной норме. Никакой терапевт не может навязать пациенту равновесие, это вопрос самосовершенствования.

— Самосовершенствование — это не быстро.

Федора Васильевна негромко рассмеялась.

— Не бойся, время у тебя есть, — сообщила терапевт. — Просто не запускай, иначе лет через двадцать-тридцать... — Она замолчала, а потом вдруг спросила: — Видел когда-нибудь операторов, которые десятилетиями работали на пике возможностей?

Я подтвердил:

— Доводилось общаться с профессором Палинским.

Ответом стало насмешливое фырканье.

— Александр Петрович — перфекционист. «Семь раз отмерь, один раз отрежь» — это про него. В своем развитии он пытается достичь идеала и отказывается от любых изменений, которые могут разрушить гармонию. Нет, я имела в виду вовсе не его.

— А кого тогда?

Спросил — и вспомнил жуткого старичка Леонтия Горского, и даже не его непроницаемость для ясновиденья, а странное единство со сверхэнергией. Но Федора Васильевна уже утратила интерес к беседе и перешла к делу.

— Входи в резонанс, — распорядилась она, — и работай в режиме два к одному. Умеешь?

— Да, — подтвердил я, поскольку на всех процедурах сначала копил сверхэнергию, а потом начинал избавляться от неё в двойном размере по отношению к интенсивности входящего потока.

— Начинай!

Я вогнал себя в состояние резонанса, и Федора Васильевна принялась неожиданно мягкими касаниями разминать закаменевшие мышцы спины. По мере увеличения притока энергии хватка жёстких пальцев становилась всё сильнее, а на финальной стадии терапевт стиснула мою голову ладонями и повернула её так, что аж позвонки хрустнули. Дополнительное воздействие сместило каналы сверхсилы, и меня едва не выгнуло дугой — да и выгнуло бы, не прижми терапевт к массажному столу.

Неприятные ощущения стремительно нарастали, всего корёжило и будто рвало изнутри, но каким-то чудом удержал энергию под контролем и не вывалился из транса раньше времени. Едва совладал с потоком энергии, а уже на последних секундах резонанса ощутил нечто сродни тому самому равновесию, словно головоломка сложилась или мебельные пазы сошлись. Разом отпустило.

И всё же вот так сразу подняться не сумел, распластался на массажном столе, судорожно втянул в себя воздух.

— Сорок секунд продержался, дальше будет проще, — напоследок заявила Федора Васильевна и покинула процедурную, в которой заметно похолодало, а стены покрыли капельки конденсата.

Я ещё немного полежал, затем поднялся и с некоторой даже опаской повертел головой. После случившегося ожидал ощутить боль и услышать хруст позвонков, но — ничего. И такое впечатление — даже

стало легче дышать. Не в физическом плане, а словно бы сверхэнергия свободней по организму потекла. Тогда-то и пожалел, что о методиках самосовершенствования не спросил. Ну да всему своё время, спрошу ещё. А сейчас бежать пора. Время!

Разговор с Валентиной прошёл без неожиданностей, а вот с господином Горским пришлось поспорить: выкладывать всю сумму авансом он категорически отказался, не желая покупать кота в мешке. В итоге один из юристов общества выдвинулся на Кордон, другой приехал на главпочтамт и продиктовал текст расписки на две тысячи рублей и заявления об отказе от всяких претензий к Феликсу Стребинскому, заодно сунул подписать новые показания.

Я со всем тщанием их просмотрел, но единственное, что пропало из текста, — это упоминание уничижительных высказываний в адрес Валентины со стороны молодых людей. Добавилось тоже немного — лишь был сделан акцент на том, что способности Феликса вышли из-под контроля не во время нападения, а непосредственно перед инцидентом.

Меня такая интерпретация событий неожиданно сильно расстроила, возникло даже ощущение, будто сильные мира сего просто откупились жалкой подачкой, прикрыли одного из своих, как прикрывали при старом режиме. Если б не задание, точно бы психанул в самый последний момент, но тут ничего не попишешь: приказ есть приказ.

Дальше мы ещё немного подождали, а уже ближе к двум пополудни нас пригласили в переговорную кабинку. Сеанс связи оказался недолгим: коллега общавшегося со мной крючкотвора подтвердил подписание новых показаний и отказа от претензий, тогда я тоже поставил подписи в нужных местах в обмен на пухлую пачку четвертных.

Банкноты номиналом в двадцать пять рублей я пересчитал самым тщательным образом, тех оказалось ровно восемьдесят. Тогда уже разошлись.

Как и было условлено, я отправил почтовым переводом Валентине семьсот рублей, потом поймал извозчика и покатыл в учебный центр корпуса.

На курсах учили составлять словесный портрет и акцентировать внимание на тех чертах лица, которые, в отличие от цвета волос, стрижки, бороды, усов и бровей, практически невозможно изменить. Дальше продолжили отрабатывать создание полей для закручивания пуль, ну а мне Герман Харитонович поручил соединить это воздействие с кинетическим экраном, только вот ничего из этого не вышло. Просто не получалось удерживать в голове сразу две независимые схемы. В подвале, помимо обычных стрельб, начали учиться штурму помещений — передвигались на пару с инструктором по лабиринту и палили по мишеням, которые выскакивали из ниш, имитируя внезапное появление противника. А под конец занятия палили уже по нам — каучуковыми зарядами.

И вот там случился неожиданный прорыв. Полагаю, контроль положения в пространстве кинетического экрана перестал занимать всё моё внимание, вот и прорезалось ясновиденье. С неожиданной чёткостью я стал понимать, где именно был прорван незримый щит каучуковым шариком и с какой энергией тот продолжает полёт, а ещё — в голове сам собой стал проявляться вектор его движения. Теперь я точно знал, куда именно придётся удар и сколько сверхсилы требуется сконцентрировать в месте попадания.

Меня даже похвалили и пообещали подобрать какое-нибудь новое упражнение, дабы впустую не жечь казённые патроны. Первое порадовало, второе

несколько напугало, но не слишком сильно. День выдался — лучше не придумаешь!

Вернувшись в комендатуру, я первым делом забежал к капитану Городцу и отчитался, заодно написал докладную на имя комиссара Хлоба о том, что получил от стряпчего господина Стребинского компенсацию морального и материального вреда в размере двух тысяч рублей, половина из которых предназначалась гражданке Валентине Паль. Свою долю я обязался направить на оплату процедур по развитию сверхспособностей, а о трёхстах рублях ничего не упомянул вовсе.

— Если захотят тебя этими деньгами прижать, ничего не выйдет, — пояснил Георгий Иванович. — В качестве пострадавшей стороны ты имеешь полное право на компенсацию в рамках гражданского делопроизводства. Только расписку о внесении средств приобщить не забудь.

Я пообещал донести её в самое ближайшее время.

На тренировке по рукопашному бою мастер особо не лютовал, из зала же я, проигнорировав столовую, поспешил на полигон. Вошёл там в резонанс и — о, чудо! — впервые за неделю всё прошло как по маслу, никакого жжения и прочих неприятных ощущений не возникло; отработал как надо.

Кра-со-та! Как есть — красота!

В среду весь завтрак утешал Варю. Вчера-позавчера она ещё как-то держалась, а тут — прорвало. Но поплакалась мне в жилетку и успокоилась.

— Два месяца — это не так много, — без особой уверенности произнесла девушка, вытирая глаза платочком. — Так ведь, Петя?

— Оглянуться не успеешь — вернётся! — подтвердил я и поехал в институт вместе с утренней сменой.

Отучился, пообедал, сел в читальном зале грызть гранит науки. И вполне успешно грыз, пока не пожаловала Юлия Сергеевна. Барышня села с каким-то пухлым учебником за стол напротив, будто бы сама по себе, и спросила:

— Ну и чего от тебя хотел Горский?

Я оторвался от конспекта и говорить, будто рад её видеть не стал, сухо ответил:

— Ты всё верно угадала.

— Вот как! — протянула Юлия и прикусила нижнюю губу. — И чего ты только повёл в ресторан ту вульгарную мадам?

— А вот этого не надо! Я твоих матросов не трогаю, ты моих мадам не критикуй.

— Сравнил!

— Что у тебя, что у меня — ровно одно и то же
Глаза Юлии Сергеевны распахнулись с непритворным интересом.

— Как так?

Ничего выдумывать я не стал, поведал о своём первом медосмотре.

— И она говорит: «без особенностей!», — поморщился я под конец, несколько даже не лицедействуя. — Представляешь? Это мне-то! Вот при первой же okazji и решил доказать, что очень даже с особенностями. И доказал бы, только этот урод припадочный всё испортил.

Барышня лукаво улыбнулась.

— Но у тебя ведь и в самом деле без особенностей, Петя. Чего ты взбеленился?

Я не обиделся, только хмыкнул.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда в следующий раз особенности демонстрировать стану!

Юлия фыркнула.

— Фи, как пошло!

— Не пошло, а скабрёзно.

— Тем более! — Барышня немного помедлила, потом будто бы неуверенно спросила: — Петя, а ты о технике снижения чувствительности ещё справки не навёл?

— Случая не было. Сегодня спрошу.

— Буду тебе очень признательна! — уверила меня Юлия Сергеевна и тут же уточнила: — А что не так с моим лицом?

Вопрос застал врасплох, и я недоумённо нахмурил лоб.

— Ты о чём вообще?

— Сам в прошлый раз сказал, что сзади я вся идеальна, а спереди — только до шеи, — напомнила барышня, понизив голос. — Так что тебе не нравится в моём лице?

У меня был небогатый опыт общения с противоположным полом, но что-то подсказывало: заявить о своём безразличии в общем и целом — ещё допустимо, а вот вдаваться в конкретные недостатки внешности точно не стоит. Рубану правду-матку о лошадиной челюсти, и дальнейшее общение эта опрометчивая прямолинейность осложнит до крайности, а мне и самому Юлию Сергеевну в койку завалить хочется, и старшие товарищи на этот счёт вполне недвусмысленно высказались.

Ситуация!

— Твоё лицо слишком уж породистое, — заявил я после недолгих раздумий. — При взгляде на него сразу о длинной веренице благородных предков думать начинаю. А я дворян, знаешь ли, на дух не переношу.

Барышня захлопала глазами, осмысливая услышанное, а затем с нескрываемым ехидством произнесла:

— Задница моя, значит, для тебя не слишком породистая?

— При виде твоей задницы думать уже как-то и не хочется даже, — сказал я чистую правду и подмигнул:

— Что вечером делаешь?

Юлия Сергеевна надменно фыркнула, поднялась из-за стола и отправилась восвояси.

Я проводил её пристальным взглядом, потом достал из жилетного кармана часы, откинул крышку и взглянул на циферблат. До запуска в бассейн оставалось полчаса, так что засиживаться в читальном зале не стал и побежал в бухгалтерию, где требовал у господина Горицвета приходный ордер на одну тысячу рублей, с коим и спустился в кассу. Сдал деньги, получил на руки бумажку со всеми подписями и печатями и отправился принимать водные процедуры. Оттуда — на дежурство.

И вот уж не думал не гадал, но вчерашнее везение меня не оставило и сегодня. Только затянул красную повязку, как в фойе с улицы прошли три молодых человека. Двух я не знал, а вот с третьим хотел повстречаться уже давно, да никак не пересекались.

Николай и Валентин удостоили троицу лишь мимолётными взглядами, я же не преминул заступить им на дорогу.

— Документы, пожалуйста.

— Порядок! — окликнул меня Николай. — Это аспиранты!

— Два аспиранта, а третий...

Я выжидающе поглядел на председателя студенческого клуба Якова, и ему на помощь пришли спутники.

— Он с нами!

— Он — с вами! — повторил я и покачал головой. — Что же это получается, Яков? Правила не едины для всех? А как же принципы? Это ведь служебный вход, он предназначен исключительно для сотрудников института. Ты — сотрудник?

Яков побагровел — от стыда или бешенства, даже не скажу, — резко развернулся и потопал на выход.

Аспиранты во все глаза уставились на меня, но я лишь руками развёл.

— Станный он какой-то. Я ведь просто спросил.

— Спросил он, — проворчал Валентин.

Николай и вовсе выдал крепкое словцо, но лишь когда мы уже остались наедине, ещё и отправил на обход служебных помещений, вроде как в наказание. Когда вернулся, в вестибюле меня дожидалась Лия.

— Привет! — обрадовался я при виде бывшей одноклассницы. — Как успехи с алхимической печью?

— Из-за неё и пришла, — призналась барышня. — Все этапы отработала, а разжигать боюсь. Вдруг что не так пойдёт? У меня с огнём сложные отношения.

— Ну, там не совсем огонь, — заметил я, впрочем, не слишком уверенно.

— И самоконтроль не на высоте, — добавила Лия. — Подстрахуешь?

Она улыбнулась, и на щеках залегли милые ямочки; я вдохнул и пообещал:

— Подстрахую. Только подожди, отпрошусь. — Отошёл к вахтёрам, перекинулся с ними парой слов и позвал барышню в служебный коридор: — Идём!

Там слегка отодвинул от стены лавочку и предложил сесть Лии, а сам встал у неё за спиной. Сверхсилу я сейчас удерживал обычную, а не в противофазе, и коротнуть наши потенциалы не могли, но ворохнулись в душе сомнения, стоит ли проявлять инициативу. А ну как что-то не так пойдёт?

Хотел было даже попросить Лию хорошенько всё для начала обдумать, но та мне такой возможности не предоставила, рванула с места в карьер, только и успел, что к ясновиденью обратиться. Загодя набранная бывшей одноклассницей энергия сгустилась и сконцентрировалась, как почудилось, чуть выше уровня солнечного сплетения. И — полыхнуло!

Если у меня алхимическая печь пережигала сверхсилу, будто уголь в топке, то здесь ровно тополиный пух огнём занялся или даже пары бензина полыхнули. Сгусток незримого пламени дёрнулся и едва не вырвался вовне, загудел воздух, повеяло жаром, по скамье протянулась длинная подпалина. Вот тут-то я и перепугался до чёртиков. Это даже не плазма, это — нечто куда более разрушительное!

Лия сипло выдохнула и стиснула кулаки, на какой-то миг обуздала вырвавшиеся из-под контроля способности. Я спешно положил ладони ей на плечи, одним решительным воздействием вернул очаг на прежнее место, а после передал энергетические каналы и снизил приток сверхсилы, до предела замедлив её трансформацию.

Руки пекло всё сильнее, но я терпел и всё крепче сжимал пальцы. Иначе — никак. Иначе — отбросит в сторону, и Лия не сумеет взять под контроль перекраивающие внутренний потенциал процессы.

О том, что приключится тогда, не хотелось даже думать, и я приготовился полностью заблокировать сверхспособности подопечной, что представлялось задачей в высшей степени непростой, поскольку мощностью Лия мне уступала не так уж и сильно, а бушевавшее у неё внутри пламя сбивало фокусировку и мешало оказать точечное воздействие. Тут только давить.

Неожиданно явственно различимый ясновиденьем очаг дрогнул, поблёк и уменьшился в размерах до языка пламени свечи, а взбудораженный потенциал Лии заметно успокоился, словно бы трансформировался из некоего сверхъестественного аналога бензина в воск. Я заставил себя разжать пальцы, но рук с девичьих плеч не убрал и лёгким воздействием сместил дрожащий огонёк в самый центр входящего энергетического

канала; тот сразу перестал моргать и загорелся ровно-равно. Вот теперь точно — порядок.

Стоило только мне отступить, Лия повернула голову влево-вправо и пожаловалась:

— Ох, Петя, ну ты и надавил! Точно синяки останутся!

— Извини, я испугался очень. Скажи Виктору, я не нарочно.

— Да вот ещё! Ничего я ему говорить не стану. Просто блузку с высоким воротником эту неделю поношу, никто следы пальцев и не увидит, — фыркнула моя бывшая одноклассница, поднимаясь с лавочки. — И не извиняйся, не за что тебе извиняться. Это я сама чуть всё не испортила. Подстрахуешь в следующий раз?

Я уже успел пожалеть, что решил влезть в столь тонкие материи, но кивнул. Чего уж теперь-то?

— Подстрахую, конечно! Только есть ли смысл? Ты как себя вообще чувствуешь?

— Замечательно! — рассмеялась Лия, на покрасневшем лице которой выступили капельки пота. — У меня будто второе дыхание открылось! Преобразованная энергия куда податливей простой! Это просто сказка!

Она на миг смежила веки, и тут же погас огонёк алхимической печи.

— Что-то не так? — забеспокоился я.

— Хорошего помаленьку, — вздохнула девушка. — Я так долго не смогу. Тренироваться надо.

— Обращайся!

— Спасибо! — Лия взяла сумку с конспектами, а затем привстала на цыпочки и на прощание чмокнула меня в щёку. — Увидимся, Петя!

Я улыбнулся, а оставшись наедине с самим собой, поднял руки и поглядел на дрожащие пальцы.

Беды-то лишь чудом не случилось, если разобраться. Слишком много о себе возомнил.

Сопровождать на подстройку операторов к Эпицентру — это одно, а вот в такие дела не с моими навыками лезть. Больше — никогда.

С тяжёлым вздохом я вернул на место скамью в надежде, что никто из персонала не обратит внимания на свежую подпалину. Ну а потом отправился на второй уже за день обход. Сегодня парочка вахтёров была даже сварливей обычного.

Возможность переговорить со Львом выпала вечером, в спортивном зале. Тот уже освоился в институте и в моей компании больше не нуждался, передвигался от аудитории к аудитории самостоятельно, точнее — на пару с Миленой. Впрочем, эта решительная барышня выступала лишь вершиной айсберга, а ненавязчиво опекавшая моего бывшего одноклассника группа поддержки была куда многочисленней.

— Привет! — поздоровался я с товарищем, которого застал в раздевалке. — Опять сават?

— Ага, — с улыбкой подтвердил Лев. — Нравится он мне. Большую свободу действий оставляет. Бокс — всё же немного не то.

— Тебе всегда экзотика нравилась, — усмехнулся я и перешёл к делу. — Слушай, а техники снижения ментальной чувствительности — они секретные или для общего пользования?

Лев озадаченно нахмурился.

— Даже не скажу. А что?

— Да есть у знакомого проблема с повышенной эмпатией. Человек нужный, но ненадёжный. Ничего секретного ему доверять нельзя. А помочь хочется.

Мой товарищ неопределённо повёл плечом.

— Слушай, мне же помимо медитативных техник ещё лекарства и физиолечение назначали!

— Так там и случай не такой... — слово «запущенный» показалось неуместным, и я употребил не столь сомнительное определение, — уникальный. Чувствительность куда ниже твоей.

— Да? — Лев задумчиво кивнул и пообещал: — Ладно, узнаю тогда, чем можно поделиться.

— Только без самостоятельности, хорошо? Нельзя — значит, нельзя. Мне хочется, конечно, человеку помочь, но не настолько, чтобы материалы ДСП кому ни попадя раздавать.

— Понял тебя, — кивнул Лев и спросил: — Какие планы на воскресенье?

— Да как обычно, — пожал я плечами. — Сначала в кино, потом к тебе планировал заскочить. Или ты занят?

— Свободен как ветер! — рассмеялся мой товарищ. — Просто думал в город выбраться.

— О! Давай сходим куда-нибудь! — обрадовался я.

— Может, в клуб? — предложил Лев. — Не в «СверхДжоуль», а где ребята с военной кафедры собираются? Давно хотел туда заглянуть.

Такой вариант меня несколько не воодушевил, но подумал-подумал и кивнул.

— Хорошо. Сам к тамошним завсегдатаям не отношусь, поговорю с людьми.

Тут в раздевалку заглянул рыжий Антон.

— Лев, ну ты где пропал? — с порога заявил он, увидел меня и протянул руку. — Привет, Петя! — И уже моему товарищу: — Лев, пошли! А то реванш взять не успею!

Парочка ушла практиковаться в савате, а я поспешил на тренировку по боксу и, как в прошлые разы, больше учился правильно двигаться, нежели молотил по грушам, но и так упрел до крайности. Потом сидели на лавочке в раздевалке и приходили в себя, я вытирал лицо полотенцем и прикидывал, как подступить к Карлу с просьбой Льва, но, прежде чем

успел начать разговор, распахнулась дверь и к нам присоединился Коля.

— Слышали, что медики учудили?

— И что же? — поинтересовался Карл.

А вот выглянувший из душевой кабины Ян заявил:

— Да опять, поди, кто-то до полусмерти упился.

— Не, — мотнул головой Коля. — У них во время рейда самогонный аппарат нашли. Прямо в лаборатории!

— Обычное дело! — фыркнул Карл.

— Они в этот раз не простой агрегат соорудили, а с хитрой колонной, чтобы чистый спирт гнать. Знаете, что в оправдание заявили? Мол, им заявки на спирт режут, вот они для опытов и технических нужд и организовали производство. Аппарат в итоге оприходовали, никого не наказали даже.

— Известно, какие они там опыты устраивают! — усмехнулся Ян и вернулся в душ.

Я только хмыкнул. До начала обучения и не подозревал, что, помимо операторов, в РИИФС на технических и гуманитарных специальностях учится множество самых обычных студентов. Барышням — тут лейтенант Зимник оказался совершенно прав, — создавались дополнительные условия для получения бесплатного образования, а вот на самых востребованных специальностях выплачивались стипендии уже без какой-либо дискриминации по половому признаку.

— Карл, слушай, а можно человека со стороны в ваш клуб пригласить? — обратился я к товарищу, когда уже начали одеваться.

— С девушкой познакомился? — понимающе улыбнулся тот.

— Познакомился, — подтвердил я. — Но эту в высшей степени утончённую барышню в ваш вертеп звать не стану, хотел Льва с собой взять. Он товарищ

проверенный — в нашей ячейке февральского союза молодёжи активистом был, Инга Снегирь за него наверняка поручится.

Карл неуверенно повёл мощными плечами.

— Мы такие вопросы не решаем. Я поинтересуюсь на его счёт. Хорошо?

— Поинтересуйся, ага. Очень меня обяжешь.

— Да ерунда! Завтра ответ постараюсь дать.

— Здорово!

Дальше закрутила рутина, не сказать — навалились серые будни. Но не скажу, вовсе нет. Будни — были, а вот серость отсутствовала как класс. С утра внимал преподавателям на лекциях и отдувался на семинарах, после шёл на процедуры в первую лабораторию, а дальше отправлялся учиться уже совсем другим премудростям на курсы младшего начальствующего состава.

Там-то в четверг и столкнулся с Максимом Бондарем. Только выбрался из служебного вездехода, и вот он — стоит.

— Ты здесь как? — удивился сослуживец.

— Так это... — замялся я, но сразу нашёлся с ответом: — На переаттестацию по стрелковой подготовке отправили после боя с наркоторговцами. Не удовлетворяю, говорят, высоким стандартам комендатуры.

— А! — понимающе протянул Макс. — Не в курсе, когда на дежурство ставить начнут?

Я покачал головой.

— Не в курсе. Пока проверка идёт.

На этом мы и разошлись. И к слову, о стрелковой подготовке я ведь даже и не наврал. После теоретических занятий палили мы от души. В кабинете основам шифровального дела учились, в подвале

мишени расстреливали да штурм помещений отрабатывали. Всесторонне развивались, в общем.

Не забывали инструкторы и о развитии сверхспособностей. Я сдал Герману Харитоновичу связку кинетического щита и техники закрытой руки, а вот совместить его с разворотом пуль никак не получалось. Выходило либо то, либо другое.

— Ни разу не слышал, чтобы экран с чем-нибудь комбинировали, — заметил я после очередной безуспешной попытки синхронизировать процессы.

— А их и не комбинируют, — признал Герман Харитонович. — Проще побольше сверхсилы в щит влить, знаешь ли. Но ты можешь себе это позволить? Нет? Вот и работай!

Впрочем, инструктор тут же своё решение переменял.

— Хотя нет, в свободное время упражняться будешь. Принцип ты понял, практика просто нужна. С тобой что-нибудь новенькое разбирать начнём.

— А что вообще в программу курса входит? — поинтересовался я.

— Дистанционное блокирование сверхспособностей, светозвуковые эффекты, оптические иллюзии и автоматическое заземление.

— Автоматическое? Вы хотели сказать — активное?

— Что хотел сказать, то и сказал! — разозлился Герман Харитонович и сунул мне брошюру. — Изучи на досуге. Если не дурак, то сам разберёшься. Если дурак — в своё время на пальцах растолкую.

На потрёпанной обложке значилась отметка «ДСП», и я поспешил спрятать книжицу в портфель, пока инструктор не передумал.

— Дистанционная блокировка способностей — не для тебя. Приём на голую мощь завязан, а у тебя с этим плохо.

— А защищаться как?

— Об косяк! — ворчливо выдал Герман Харитонович. — Там какой принцип: оператор к чужому энергетическому каналу присасывается и на себя потоки сверхсилы переводит. А ты у нас негатив недоделанный. Войдёшь в резонанс, и супостата так тряхнёт, что мало не покажется. Тебя тоже, конечно, тряхнёт, но сопротивляемость высокая, выдюжишь. И практикуйся постоянно заземление удерживать: в этом случае все шансы захват скинуть, прежде чем в оборот возьмут.

— А можно ведь просто энергетические каналы замаскировать?

— Можно, если умеешь. Но заземление сразу от ряда воздействий защиту даёт, — резонно заметил инструктор и поскрёб подбородок. — Чем же мы с тобой займёмся? Давай-ка, пожалуй, световые эффекты отработаем.

— Это как?

Сверкнуло и хлопнуло так, что очнулся уже на полу. Упасть не упал, лишь присел на корточки, зажмурился и зажал ладонями уши, но вывалился из реальности секунд на десять — не меньше. Да и потом ещё долго яркие пятна перед глазами плавали и в голове звенело.

— Опытного оператора таким не пронять, даже перепад давления может не сработать, а вот обычных людей можно голыми руками брать, — заявил Герман Харитонович, когда я худо-бедно пришёл в себя. — И просто всё, главное — не перестараться.

Ну да — именно с отработкой силы воздействия и возникли основные сложности. На том и сосредоточился.

Глава 6/2

В пятницу во время дежурства на вахте снова приходила Лия, на этот раз алхимическую печь она разожгла вполне уверенно, вмешаться пришлось только на финальном этапе, когда подкорректировал расположение очага относительно энергетических каналов.

В субботу на курсах впервые выбрались в город для отработки слежки, а воскресенье — выходной. Как и планировал, с утра посетил сдвоенный киносеанс, а на выходе из «Зари» столкнулся с Антоном и Михеем, компанию которым составили Марина и Карина. Поздоровался с сослуживцами, но на предложение присоединиться к ним в буфете ответил вежливым отказом. Сослался на неотложные дела и не обманул — пора было отправляться на встречу со Львом.

Пересечься мы условились на бульваре Февраля, там и отыскиали друг друга, только, к моему немалому удивлению, Льва, помимо Милены, сопровождал ещё и Антон со своей очередной, уже даже не помню какой по счёту, подружкой. А вот маячившему в отдалении служебному автомобилю и ещё кое-каким примелькавшимся за последний месяц персонажам я, сказать по правде, нисколько не удивился. Задумался только в очередной раз: неужто мой товарищ действительно так важен для корпуса или всё это какой-то хитрый блеф.

Для начала посидели в кафе, а потом Антон с подружкой отправились на каток в горсад, мы же выдвинулись в клуб. Пришли за полчаса до времени основного сбора, но буфетчик оказался о новых гостях предупреждён, никаких вопросов к моим спутникам у него не возникло.

Я сразу заказал грог и провёл спутников к своему излюбленному месту у окна. Лев немного помялся, но тоже повторил мой заказ, а вот Милена ограничилась обычным чаем. Впрочем, нет — не обычным. Зелёным.

— Вот, держи! — протянул мне Лев несколько исписанных убористым почерком листков. — Это краткое описание базовой техники. Если нужно будет прояснить какие-то отдельные моменты — обращайся.

— Спасибо! — обрадовался я, сунул свёрнутые записи во внутренний карман пиджака и на всякий случай уточнил: — Точно ничего секретного нет?

Вопрос адресовался Льву, но смотрел я на Милену, та ответила безмятежной улыбкой. Мой товарищ, несмотря на всю свою сверхчувствительность, этого обмена взглядами не заметил и уверил, что всё в полном порядке.

Тут нас окликнул буфетчик, мы забрали заказанные напитки, и грог оказался чудо как хорош. Аж теплом всего пробрало.

Понемногу начали подходить члены клуба, а дальше в немалой ажитации прибежали Карл, Ян и Коля.

— Пьер! Ты только посмотри, что творится! — Карл, даже не поздоровавшись, сунул мне в руки газету. — Ты только глянь! Чуешь, к чему идёт?

Как оказалось, субботним вечером в столице случился налёт на хранилище госбанка, в ходе которого бандиты убили и ранили двенадцать бойцов военизированной охраны, а добычей их стало два десятка миллионов рублей. Что самое поганое — орудовала банда операторов, именно использование сверхспособностей и дало возможность преступникам осуществить задуманное и оторваться от погони.

— Дела! — присвистнул я, прикинув, что с этим налётом откомандированный в столицу Василь угодит прямиком с корабля на бал. — Что сейчас начнётся!

— Уже началось, — бросил проходивший мимо Касатон Стройнович. Он встал в центре помещения и похлопал в ладоши, привлекая к себе внимание собравшихся. — Тема сегодняшнего собрания — провокация реакционных сил!

Аргументировал свою позицию аспирант вполне достойно, я даже заслушался. Очень уж большой общественный резонанс вызвало вчерашнее происшествие, не обошлось и без политических заявлений. И если лидер «Правого легиона» ограничился традиционным уже требованием отставки правительства, то пережиток прошлого светлейший князь Михаил высказался за приостановку инициации новых операторов до утверждения некоего единого ценза благонадёжности. Не остались в стороне и консерваторы из «Земского собора», эти ретрограды потребовали запретить операторам селиться западнее Рифейского хребта.

— Какая-то черта оседлости! — зло проворчал Ян.

— Не какая-то, а самая настоящая! — согласился с ним Карл.

И в довершение всего министерство иностранных дел и республиканский идеологический комиссариат выступили с предложениями о переводе в их и только их юрисдикцию преступлений, совершаемых с задействованием сверхспособностей, а заодно о предельном сокращении полномочий ОНКОР.

Дискуссия увлекла не на шутку, и в какой-то миг я не обнаружил за столом ни с интересом до того вертевшего головой по сторонам Льва, ни с вежливым безразличием внимавшей разговорам студентов Милены. И если барышню почти сразу углядел заходящей в дамскую комнату, то моего товарища не было решительно нигде. Именно поэтому, когда слышал разговор на повышенных тонах у входной

двери, поспешил туда без сомнений и колебаний. Правильно сделал.

— Ты понимаешь, что так нельзя? — заявил Лев опоздавшей на собрание Инге. — Нельзя просто взять и разорвать отношения письмом! Ты должна с ним поговорить!

— Я никому ничего не должна! — отчеканила девушка и, сочтя разговор оконченным, двинулась к буфету.

Лев загородил ей проход, и Вениамин Мельник потянулся отодвинуть его в сторону. Затрепетавшего на кончиках пальцев моего бывшего одноклассника воздействия аспирант не почувствовал, а вот я его уловил и спешно вклинился между этой парочкой.

— Привет, Инга! Прекрасно выглядишь! — выдавил из себя через силу улыбку, попутно перехватил жилистое запястье Льва и усилием воли подавил его сверхспособностями. — Привет, Вениамин! А мы вот, покурить собирались.

При желании Лев вполне мог вывернуться, на такие вещи он был мастак, но не стал дёргаться, позволил выдавить себя на лестницу. Там круживший по двору-колодцу ветер сыпанул колючими крупинками снега, вроде как сбил накал эмоций, и я отпустил товарища.

— Лёва, ты что творишь?!

Тот дрожащими руками достал из внутреннего кармана портсигар, выудил папиросу, сунул в рот, и та задымилась сама собой.

— А что такое? — хрипло спросил он, затянулся и тут же закашлялся.

Я забрал у него папиросу, втянул в лёгкие продравший нутро наждаком дым и с отвращением выкинул её в снег.

— Ты же чувствовал его потенциал! Ёлки! Он под девятьсот мегаджоулей держит! Ткни ты его — тут половину здания бы разнесло! И самое главное — чего

ради? Аркаша с Ингой сами в своих отношениях разберутся!

Лев упрямо поджал губы и отвернулся, а у меня мелькнула мысль, что дело, возможно, отнюдь не в отношениях Инги и Аркаши. Быть может, я один перегорел, а остальные — нет, у остальных чувства?

Распахнулась дверь, на лестницу выглянула Милена. Остро глянула и спросила:

— Секретничаете?

— Нет, уже уходим, — заявил Лев. — Увидимся, Петя! — попрощался он и начал спускаться по лестнице, так на меня и не взглянув.

Да уж, нехорошо получилось. Я вернулся в клуб и нисколько не удивился, когда уже вечером Карл немного помялся и сказал:

— Петь, бед обид, но не приводи его сюда больше. Хорошо? Мы с тобой на одной волне, а он из компании выламывается.

— Да какие тут могут быть обиды? — со вздохом ответил я, не преминув отметить, что из всех компаний неизменно выламывался сам, а тут вон оно как вышло. Кто бы подумать мог.

— До завтра!

— Пока!

Понедельник начался с того, что прямо с утра меня выдернули в контрольно-ревизионный отдел. Ну, как выдернули? Просто дневальный велел перед завтраком зайти к капитану Городцу. Что я с тяжёлым сердцем и сделал, но опасался неведомых неприятностей совершенно напрасно.

— Проверка в отношении тебя прекращена, с сегодняшнего дня возвращаешься к патрулированию улиц, — официальным тоном оповестил меня Георгий Иванович и спросил: — Рад?

— Наверное, — ответил я не слишком уверенно, поскольку никакой радости по этому поводу не испытывал. — Так что же — всё?

— Феликса Стребинского поместили на принудительное лечение, уголовное дело в отношении него закрыто. Пакостей со стороны монархистов можешь больше не опасаться.

— Да я и не опасался особо.

— Ну и дурак, — выдал Городец, и его скуластая физиономия приобрела выражение крайнего неодобрения. — Свободен!

Но я задержался и доложил о предназначенных для Юлии Сергеевны записях, которые получил от Льва.

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересовался Георгий Иванович. — Покажи! — Он наскоро просмотрел заметки и кинул на стол. — Отдам нашим спецам, пусть оценят.

— Думаете, техника может секретной быть?

Капитан недобро ухмыльнулся.

— Думаю, смежники могли пустышку подсунуть. А это в случае вербовки твои акции серьёзным образом обесценит. Уж лучше ничего не давать, нежели пустозвоном прослыть.

И вот с этим утверждением я был целиком и полностью согласен.

Опасность провокаций со стороны монархистов вроде как миновала, и всё же из комендатуры я поехал на дежурной машине напрямик в институт, не став делать крюк до психиатрической клиники. На лекции по общей теории сверхэнергии сел рядом со Львом, но ни перед парой разговор не клеился, ни на перемене толком не пообщались. Чувствовалась некая подспудная натянутость. Тот же Аркаша легко бы растопил ледок, а мне общение с людьми никогда не давалось, в таких вот случаях предпочитал оставлять

ситуацию на откуп собеседнику. Не стал ничего выдумывать и на этот раз, просто не до того было.

Мало того что лекцию за лекцией конспектировал, так ещё после них сразу на процедуры побежал. Пробыл в резонансе рекордных сорок четыре секунды и под конец начал ощущать знакомый дискомфорт, но лаборант только рукой махнул.

— Привыкнешь!

Ну я и не стал переживать по этому поводу, собрался и рванул в комендатуру. А там наскоро пообедал и успел даже поваляться на койке с методикой формирования автоматического заземления, прежде чем подошло время дежурства.

К контрольно-пропускному пункту я подъехал без пяти минут три, заглушил мотоцикл, пошёл здороваться с сослуживцами из дежурной смены, благо среди них не оказалось Маленского.

— Ну наконец-то, Петя! — обрадовался мне Максим Бондарь. — Я уж думал, нас опять старшина катать будет. Удовольствие ниже среднего, я тебе доложу.

— Зато сегодня без Каринки! — не преминул подколоть его Митя Жёлудь.

Макс лишь плечами пожал.

— А мне-то что? У неё с Михеем любовь. Да и служебные романы... — Он презрительно покривил губы. — Сложно, что ли, подружку на стороне найти? Докажи, Петь!

Такого захода я не ожидал, но не растерялся и кивнул.

— Проще простого. В увольнение скатайтесь на юго-запад, и всё будет.

Тут подошли инструкторы, и началась перекличка. Дальше уселись на мотоцикл и отправились на выезд.

— В центр, — коротко скомандовал старшина Ревень и поднял воротник шинели.

С неба сыпала мелкая морось, да ещё с северо-востока задувал пронизывающий ветерок, и я немало порадовался тому обстоятельству, что сегодня с полным правом заменил пилотку танковым шлемом. На радовался я недолго, очень скоро стало не до того: мы ещё на квартал от комендатуры не удалились, как старшина вдруг дёрнулся и указал направо.

— Поворот! — Он прикрыл глаза, тут же встрепенулся и объявил: — Дальше на третьем перекрёстке налево! Гони!

Ну я и погнал, выжав из мотоциклетного движка едва ли не все заложенные в него лошадиные силы. Затрясло, занесло, но не вылетели с проезжей части, вписались сначала в один поворот, а потом и в следующий. Откуда-то со стороны слышались завывания сирены, и трясшийся на сиденье позади меня Максим спросил:

— Что случилось?

— Инкассаторский броневик с зарплатой взяли, — как-то очень уж спокойно оповестил нас Ревень и вновь погрузился в транс, секунд через пятнадцать вынырнул из него и скомандовал: — Здесь срежем, на перекрёстке налево!

Я последовал этим указаниям, и очень скоро мотоцикл вылетел на широкую улицу, уводящую на заводскую окраину. Движение там было весьма интенсивным, пришлось полностью сосредоточиться на дорожной обстановке.

— Налево! — скомандовал старшина, и я едва успел проскочить перед носом катившего навстречу грузовика. — По сторонам смотрите, налётчики могут этой дорогой уходить!

Но это пусть сослуживцы смотрят — мне не до того. Не хватало ещё сбить кого-нибудь для полного счастья. Очередной поворот привёл к перекрёстку с выкатившимся на тротуар инкассаторским броневиком.

Маленькие оконца оказались изнутри забрызганы чем-то красным, и лишь несколько мгновений спустя я сообразил, что это кровь. Ещё на глаза попался лежавший ничком на брусчатке человек в форме военизированной охраны, а чуть поодаль сидел на земле, откинувшись спиной на стену дома, парень в неброском костюме. Ладони он прижимал к животу, на ткани проступило бурое пятно. То ли случайный прохожий, то ли налётчик — так сразу не разберёшь.

И жив ли? Не шевелится и вроде не дышит.

Но на волю случая старшина полагаться не стал, выдернул из держателей ППС, взвёл его и приказал:

— Бондарь прикрывай! Линь, за мной!

Макс дослал патрон и завертел головой по сторонам, а я поспешил за инструктором с пистолетом в руке. И охранник, и неизвестный с пулей в животе оказались мертвы, а задние дверцы броневика стояли распахнутыми настежь: на месте запора зияла оплавленная дыра — явно кто-то поработал плазменным резаком. Кузов был пуст, ну а в кабину мы заглядывать не стали. Там было всё плохо.

— Срезали, называется, — проворчал Ревень, вскинул руку и покрутил её в воздухе. — Проезжай!

Вывернувший с соседней улочки патрульный внедорожник тут же ускорился и под вой сирены умчался дальше. Как и следующий. Ну а мы остались присматривать за местом преступления.

Из окон соседних домов и подворотен выглядывали зеваки, и, когда прибыла опергруппа, а следом пожаловали представители следственного дивизиона, меня с Максом привлекли к опросу свидетелей. По существу никто ничего сказать не мог, удалось лишь выяснить, что налётчики укатили на грузовике-полуторке минут за пять до нашего прибытия. И ни примет, ни номеров. Немудрено, что по горячим следам задержать преступников не получилось.

В облаве мы участия не принимали, так до поздней ночи и проторчали на перекрёстке под сыпавшейся с неба моросью. В итоге и тренировку пропустил, и не выспался толком.

Вторник пролетел, будто спичка прогорела. Пуф! — и нет его. Разве что на курсах нагоняй от Германа Харитоновича получил. Тот начал расспрашивать об автоматическом заземлении, а я брошюру до конца дочитать не успел, пришлось в этом повиниться. Пообещал исправиться и пообещал на полном серьёзе — эта техника мало чем уступала полноценным энергетическим конструкциям, разве что была несравненно сложнее в освоении, требовала долгих калибровок и наработки специфических рефлексов. Но дело того стоило, поскольку гасились не только неструктурированные выплески сверхсилы и электрические разряды, но и большинство иных энергетических воздействий.

Плохо разве? Да ничуть!

Но, как бы то ни было, вторник пролетел, а вот среда преподнесла сюрприз. Нет, поначалу появление Лии в фойе, где я штудировал методичку с описанием техники автоматического заземления, меня несколько не удивило. Да и с чего, если ещё накануне встретиться условились?

Но вот после того как я в очередной раз откорректировал работу алхимической печи, Лия вдруг заинтересовалась:

— А ты чем вечером занимаешься?

— В боксёрскую секцию иду, а что?

— Да мы в театр собирались, а у Вити дела неотложные появились, он пойти не сможет. Жалко будет, если билеты пропадут, премьера же. Может, сходишь с кем-нибудь?

Идти мне было не с кем — не Юлию же Сергеевну приглашать! — да, честно говоря, и желания такового не возникло. И Лев, сто к одному, от тренировки ради спектакля отказываться не пожелает. Но расстраивать Лию отказом не хотелось, вот и спросил:

— А чего Ингу не позовёшь?

— Ты будто её не знаешь! — фыркнула барышня и передразнила подружку: — Театр — это буржуазные пережитки, кино — вот прогрессивное искусство!

Я несколько виновато даже улыбнулся и развёл руками.

— Да некого звать просто.

Лия печально вздохнула, как-то очень уж скомканно попрощалась и ушла. А ко мне тут же подкатила парочка вахтёров.

— Ты пошто девчонку обидел, паразит? — потребовал объяснений Николай.

— Да никого я не обижал! — возмутился я, ну а там слово за слово и о билетах в театр рассказал.

Валентин даже глаза закатил.

— Вот ты чистый младенец! Думаешь, ей билеты сбагрить некому? Она же не просто так к тебе обратилась!

— Да ну, бросьте! — отмахнулся я. — У неё парень есть! Он просто пойти не смог, она и расстроилась!

— Тяжёлый случай, — констатировал Николай. — Петя, ты пойми: неважно, желает барышня, чтобы её дружок приревновал, или просто хочет в театр сходить, а больше не с кем, — это твой шанс! Такими возможностями не разбрасываются!

Я подумал-подумал и рванул вдогонку за Лией. Нет, болтовню насчёт шансов пропустил мимо ушей — просто, судя по всему, ей и в самом деле в театр сходить было не с кем, а хотелось. Может, и одна пойдёт, но вдвоём-то всяко веселей. От меня точно не убудет, лишь бы только соседям храпом не мешать.

— Лия, стой! — окликнул я одноклассницу, а когда та обернулась, предложил: — Мне в театр позвать некого, но, если хочешь, могу тебе компанию составить.

— А как же тренировка?

— У меня каждый день тренировка. Пропущу одну, ничего страшного.

Лия улыбнулась, и на её щеках залегли симпатичные ямочки. Сами собой слова Николая о шансе на ум пришли, но выкинул их из головы, ерунда это всё.

Так вот и получилось, что вечер я совершенно неожиданно для себя провёл в театре. О спектакле ничего не скажу, буфет же там оказался неожиданно очень даже неплох. Честно говоря, из него на второй акт и не вернулся бы, не утащи за собой Лия. Ну а после я шиканул и потратился на извозчика. Ещё и о прочитанных книгах на обратном пути очень мило побеседовали. Хоть развеялся немного, а то кроме учёбы и службы ничего не вижу уже.

Ну а в четверг я достиг пика румба, и, в отличие от прежних достижений, в этом ничего будничного не было и в помине. На выходе из резонанса ощутил небывалый прилив сил, мир стал ясным и понятным, а губы сами собой растянулись в улыбке. Внутри словно какие-то пазы сошлись, я обрёл сверхъестественную целостность, стал существовать в гармонии с окружающей реальностью. Точнее, с Эпицентром.

Когда поведал о своих ощущениях лаборанту, тот пожал плечами.

— Ну а что ты хотел? — После вздохнул и продолжил: — Ты сейчас в малой суперпозиции, идеально соответствуешь условиям инициации. И эту гармонию придётся ломать, иначе дальше не продвинуться. Нет, с места тебя сдёрнут без проблем, но вот через очередной экватор перебраться, сразу

предупреждаю, будет непросто. Ещё есть время передумать.

Передумать? Ограничить свой потенциал восемью с половиной мегаджоулями, из которых, дай бог, постоянно смогу удерживать не больше пятой части? Упустить возможность раздвинуть назначенные мне рамки в семь раз только лишь из-за опасений, что будет сложно и больно?

Ну уж нет! Не дождётесь! У меня — приоритеты!

— Когда следующая процедура? — справился я.

Вот так сразу Леопольд ничего отвечать не стал и сначала порылся в журналах расписания.

— Отдохни до понедельника, а со следующей недели приступим, — решил он и тут же добавил: — Только в субботу обязательно приходи. Предварительное обследование проведём. Заодно на разряд сдашь.

Я пообещал быть и потопал в столовую. Жизнь была хороша, а жить — хорошо, вот и расслабился. Впрочем, даже пребывая настороже, подвоха бы не заподозрил, а заподозрив, ничего изменить бы уже не смог. Как ни крути, неприятного разговора было не избежать.

В столовой на меня нацелился Виктор — приятель Лии. Старшекурсник даже из очереди к раздаче вышел, отставил пустой поднос.

— Петя, да? — прищёлкнул он пальцами, вспоминая моё имя.

Панибратское обращение неожиданно сильно покорибило, ответил ему в тон:

— Да, Витя?

— Держись подальше от Лии, понял?

Я несколько растерялся даже.

— Ты о чём это?

— Я о вчерашнем походе в театр, — зло проговорил Виктор. — Было дело?

— Было, — подтвердил я.

— Потрудишься, чтобы такого больше не повторилось! — процедил студент.

На меня это требование никакого впечатления не произвело, только разозлило. И хоть я прекрасно отдавал себе отчёт, что возникший на пустом месте конфликт может бумерангом ударить по Лии, на попятную не пошёл.

— Больше внимания ей уделяй, тогда и не повторится.

— А ты мне не указывай!

— И ты мне не указывай, — заявил я в ответ не менее громко, и на нас начали оборачиваться.

Виктор зло зыркнул, но дальше продолжать этот беспредметный разговор не стал и вернулся в очередь. А вот у меня как-то разом аппетит пропал. Испортил, гад, настроение! До чего же такие конфликты из колеи выбивают, словами не передать!

На курсах, помимо всего прочего, мы начали зачищать помещения, работая в парах, а потом я пересказывал Герману Харитоновичу почерпнутые из брошюры принципы формирования заземления второго порядка, как оно официально именовалось в учебном пособии.

— База у тебя хорошая, попробуй в неё постепенно новые элементы внедрять, — посоветовал инструктор напоследок.

Я пообещал и сделал, но процедура оказалась донельзя муторной, с мёртвой точки дело сдвинулось, лишь когда догадался войти уже после вечерней тренировки в резонанс и задействовать сверхсилу в противофазе. Тогда — да. Тогда что-то получаться начало.

Утром в пятницу я постарался закрепить успех, но сумел развить свою базовую технику лишь до самой простой схемы с дополнительной защитой от теплового

излучения. На остальное даже замахиваться не стал. Спешить некуда, начало положено — уже хорошо. Будет что завтра Герману Харитоновичу продемонстрировать.

Лев за неделю так и не оттаял, и я немного даже засомневался, стоит ли садиться рядом с ним, но всё же задавил детскую обиду и расположился обок от товарища в первом ряду. Мог бы и не ломать себя на самом деле, поскольку и парой слов за всё занятие не перекинулись. Но улыбаемся, здороваемся — вроде как всё хорошо. А, если разобраться, всё фальшь сплошная.

А вот с кем не пришлось кривить душой, так это с Юлией Сергеевной. Она мне и до того время от времени попадалась на глаза, но исключительно в компании друзей и подружек, тут же столкнулись лицом к лицу в холле третьего этажа.

Барышня мигом стрельнула подведёнными глазками по сторонам, не углядела никого из знакомых, и негромко спросила:

— Не спрашивал ещё о той технике?

Она захлопала ресницами, строя из себя бедную овечку, но нисколько меня этим не впечатлила.

— Завтра к вечеру будет на руках, — сообщил я, хоть на деле капитан Городец вернул конспект ещё вчера. — Уже придумала, как станешь расплачиваться?

— Фу, Петя, таким быть! — протянула Юля. — Я и так ради встречи с тобой поездкой на горячие источники пожертвовать собираюсь!

— Это как? — заинтересовался я.

— В воскресенье наши на ключи собрались, а я скажусь больной, и квартира весь день будет в моём полном распоряжении. Придёшь?

— Ещё спрашиваешь! Во сколько?

— Не раньше десяти. Всё, пока! Буду ждать!

Юлия Сергеевна подмигнула мне и поспешила прочь; я улыбнулся, глядя ей вслед.

Как там Альберт Павлович сказал? Есть возможность совместить приятное с полезным? Вот и совмещу!

Ну а пока подошло время неприятного и бесполезного, и я покатыл на служебной машине в комендатуру, дабы успеть перед дежурством заскочить в столовую и пообедать.

Когда подогнал мотоцикл к воротам, на плацу уже курили рядовые и ефрейторы: старослужащие и новое пополнение вперемешку. Наособицу стояли три барышни; среди них я углядел черноглазую Карину. А вот Макса нигде видно не было — не иначе сегодня состав нашей мотокоманды перетасовали, вот он и выпал из обоймы.

Следом подошли с летучки сержанты и приставленные к новичкам старшины. Дежурный провёл перекличку, и бойцы двинулись к мотоциклам и вездеходам. Я с этим спешить не стал, старшина Ревень тоже задержался на плацу.

— Ну и куда ты пялишься, боец? — поинтересовался он.

«Туда же, куда и ты, старшина», — так и вертелся на языке язвительный ответ, но вместо этого небрежно пожал плечами.

— Да так...

Смотрели мы, чего там греха таить, на задницу Карины. Уж на что была ладно скроена Валентина, изящна Лизавета Наумовна и подтянута Юля, в этой части они нашей сослуживице безнадёжно проигрывали. И это — в форме. Что ж будет, если она узенькую юбчонку наденет или даже купальник? Ух!

— Иди давай! — распорядился старшина. — Заводи тархтелку.

Пошёл, завёл, покатыл вслед за разъезжавшимися от комендатуры мотоциклами и внедорожниками. Сработанные экипажи обычно изо дня в день

патрулировали одни и те же районы, а вот в программу обучения практикантов входило знакомство с городом, и сегодня нас занесло на северную окраину, где редкие пятна жилой застройки и чуть менее редкие здания разнообразных контор соседствовали с многочисленными заводами и фабриками. Хватало там и пустырей, а вот людей с наступлением темноты на глаза почти не попадалось, а кто попадался, тех останавливали для проверки документов.

— В пересменку сплошняком всех тормозить не стоит, конечно, ну а так нечего тут чужакам ошиваться, — подсказал старшина Ревень. — Работники ещё ладно, мало ли по какой надобности в неурочное время оказаться могут, а вот остальные точно присматривают, что спереть, либо самогонкой из-под полы торгуют.

«Вот нам только делать нечего, кроме как мелкое жульё и самогонщиков гонять!» — подумалось мне, но вслух ничего такого говорить не стал. Служба есть служба.

В обратный путь мы выдвинулись уже в восьмом часу, замёрзшими и перепачканными грязью с головы до ног. Последние несколько дней выдались относительно тёплыми, снежок растаял, дороги развезло, и, как ни старался я объезжать лужи, ничего толкового из этого не выходило. Ещё и темнота стояла — хоть глаз коли, луч единственной мотоциклетной фары пробивал её самое больше метров на десять-пятнадцать, а после вяз во мраке ночного города, зато свет встречных грузовиков в лицо так и бил.

Ненавижу этот район, просто ненавижу!

Грязь, дым из заводских труб, интенсивное движение.

Сюда — как в наказание. Зараза...

Когда фабричная округа осталась позади, испытал самое настоящее облегчение. Дорога враз опустела, и

пару минут мы гнали наперегонки с трамваем, да и когда свернули от трамвайных путей и покатили напрямик к комендатуре, интенсивней дорожное движение тоже не стало. Посверкивали позади фары легковушки, вот и всё. То ли таксомотор едет, то ли служебная машина оперчасти. Точно не патрульный внедорожник — у них посадка заметно выше.

Поначалу глаза выхватывали из темноты прохожих, затем улица обезлюдела окончательно. С этого края к комендатуре примыкали преимущественно склады и конторские здания, жилая застройка уходила в сторону вместе с трамвайной веткой и подбиралась к нашей территории уже с другого края — от начавшей не так давно осваиваться восточной окраины. А тут — тишина и спокойствие.

Подумал так и — сглазил. Метнулась от угла соседнего здания фигура, отчаянно замахала руками, обернулась в свете мотоциклетной фары белобрысой девицей, растрёпанной и ошалелой.

— Стойте! — ринулась она нам наперерез, едва затормозить успел. — Там... Там...

Старшина Ревень мигом выскочил из люльки, ухватил её за руку, придержал.

— Что случилось?

— Я мимо шла, а он... он... в ворота затянуть хотел! Свет фар его спугнул, а то бы...

Барышня спрятала лицо в ладонях и затряслась в плаче, больше ничего толкового из неё старшине вытянуть не удалось, да он и не утруждался особо. Картина ясная, вон и ворота какого-то склада приоткрыты.

— Будем брать! — распорядился Ревень, закинув на плечо ремень ППС. — Линь, со мной! Чибиш, свяжись с дежурным и контролируй ворота. А ты, барышня, отсюда ни ногой. Жди тут! Ясно?

Девушка отчаянно затрясла головой, и старшина первым рванул к воротам, я припустил следом. На бегу стянул правую крагу и сунул её в карман плаща, вооружился пистолетом. Потенциал наращивать не стал, поскольку после резонанса удерживал его в противофазе.

За воротами оказался просторный тёмный двор со штабелями леса-кругляка и досок. Старшина вытянул из петли на поясе электрический фонарь, снабжённый универсальным фокусирующим устройством, активировал его и повёл ярким лучом. С одной стороны проглянули очертания лесопилки, с другой — одноэтажной конторы, а вот дальний забор разглядеть не вышло.

Ёлки! Да в эдаком лабиринте хоть до утра в прятки играть можно!

Одно радует: ограда высоченная — через такую не перемахнуть, если ты не оператор, конечно.

Так, стоп! А если — оператор?

Я поспешил вслед за рыкнувшим на меня старшиной, на ходу толкнулся ясновиденьем вперёд и в стороны и — уловил отклик! Точнее, сразу два!

Одним источником искажений был Ревень, но — только лишь одним. Другой оператор скрывался где-то в темноте.

— Сверх! — выдохнул я предупреждение, и старшина моментально перехватил пистолет-пулемёт, устроил его ствол на сгибе левой руки — так, чтобы можно было одновременно светить и стрелять.

Луч фонаря на миг сместился вбок, и уж не знаю, заметил что-то Ревень или просто сработало чутьё, но он резко подался назад и в сторону, лишь поэтому пуля разминулась с его головой и угодила в бревно. Выстрел едва хлопнул, обошлось и без дульной вспышки, но в моей голове уже совместились реальность и порождённая ясновиденьем иллюзия, я шибанул

электрическим разрядом точно в таившегося в темноте стрелка.

Сжѐг пять сотен килоджоулей, и — без толку! Вспыхнул и опал сонмом искр контур заземления, а оператору — хоть бы хны. Ревень поймал тѐмную фигуру лучом фонаря, полоснул длинной очередью. Должен был попасть, но противник остался невредим, ещё и выстрелил в ответ. Раз! Другой! Третий!

Я метнулся за штабель досок и на ходу вколотил себя в состояние резонанса, старшина же прикрылся кинетическим экраном и медленно попятился, на ходу продолжая давить противника короткими прицельными очередями. Тот озаботился защитой от пуль, а вот к атакующим воздействиям не прибегнул и после шестого или седьмого выстрела юркнул под укрытие брёвен.

Ни преследовать неизвестного оператора, ни оставаться в проходе Ревень не рискнул и выскочил ко мне, скинул опустевший магазин под ноги, выдернул из подсумка новый.

— Зайду сбоку! — заявил я и начал смещаться вдоль штабеля досок к соседнему ряду, но не тут-то было.

— Отставить! — рявкнул старшина. — Ждѐм подкрепление!

У ворот грохнул винтовочный выстрел, Ревень дѐрнулся и со всего маху приложился затылком о брёвна, качнулся обратно и повалился ничком на землю. На ошкуренном дереве осталась неправильных размером чѐрная клякса, потекли, побежали наперегонки друг с другом вязкие капли.

Из оцепенения вырвал лязг затвора. До ворот было не добежать, и я рванул в противоположном направлении, влетел в соседний проход, и тогда вдогонку рявкнула винтовка. Пуля угодила в доски, и сочный отзвук удара придал прыти, но одновременно начали смещаться создаваемые оператором искажения — тот побежал наперерез!

Проход уткнулся в штабель досок высотой в два человеческих роста; с помощью сверхспособностей я легко мог заскочить на него, но побоялся подставиться под выстрел, на бегу разметал в щепки один из подпиравших брёвна клиньев, и те покатались за спиной, перекрывая дорогу стрелку.

Оператор определённо не знал моего точного расположения, но долго игра в кошки-мышки в любом случае продлиться не могла, и я лихорадочными рывками тянул в себя сверхсилу, прекрасно осознавая, что в случае прямого противостояния преследователи разделают меня, как бог черепаху. Возьмут в клещи, и — абзац!

Штабеля досок и брёвен точно располагались тут не в случайном порядке, в их размещении присутствовала некая система, но сейчас — в темноте и с убийцами за спиной, — вникать в неё попросту не было времени. Я ускорился и рывком проскочил развилку, повернул на следующем перекрёстке, уповав разминуться со стрелком и вывернуть к выходившему на дорогу забору, а вместо этого совершенно неожиданно очутился метрах в десяти от входа в контору. И не я один. Только свернул за угол, и в оставленном мной проходе грохнул запоздалый выстрел, винтовочная пуля прошла мимо и засела в штабеле досок. И, как назло, впереди — энергетическая аномалия!

Появление оператора я предугадал за миг до того, как тот вынырнул из-за брёвен с другой стороны от конторского здания, вот и успел сотворить кинетический экран, ухнув в него весь накопленный к этому времени потенциал и обеспечив плотность сверхсилы в полторы сотни сверхджоулей на квадратный сантиметр. Мало! Слишком мало!

Я понимал это предельно ясно и потому рванул на сближение с противником, но не с целью навязать тому ближний бой, просто собирался нырнуть в уходивший к

ограде боковой проход прежде, чем настигнет стрелок с винтовкой. А там сигану через забор, только меня и видели!

Незнакомец вскинул руку с пистолетом, и я скорее угадал это движение, нежели его увидел, начал двигаться, как учили на курсах, — раскачиваясь и затрудняя прицеливание нелогичными вроде бы ломаными рывками, коим придавал дополнительную непредсказуемость и стремительность направленными кинетическими импульсами.

И вновь убийца не стал прибегать к атакующим энергетическим воздействиям, он выстрелил, теперь уже несколько не заботясь о соблюдении тишины. Грохнуло, сверкнула дульная вспышка, свистнуло сантиметрах в двадцати от головы.

Мимо!

Мелькнула мысль частично нейтрализовать прикрывавший убийцу экран, как проделал это некогда с Воронцом, но сразу выкинул её из головы. Нечего и пытаться уложить пулю в невеликую прореху, стреляя ночью на бегу с расстояния в два десятка метров, а только замешкаюсь, и подоспеет стрелок с винтовкой. Медлить нельзя!

Я потратил энергию на генерацию разряда и метнул молнию, попал и вновь не пробил чужое заземление, тогда начал в надежде на психологический эффект палить из пистолета.

Раз! Два! Три!

Стрелял я, стреляли по мне. Противник раз за разом мазал, но чудес на свете не бывает, и в шаге от спасительного зазора между штабелем и стеной конторы меня словно лошадь в грудь лягнула. Защита погасила едва ли треть энергии пули, а наработанные рефлексy, ясновиденье и техника закрытой руки панацеей не стали: прилетел-то отнюдь не каучуковый шарик, но шесть граммов металла, вот и не вышло

отделаться синяком. Мощнейший удар заставил сбиться с шага и подставиться под очередной выстрел, следующая пуля угодила уже в живот. Тут меня и вовсе скрючило в три погибели, на ногах не устоял, завалился на бок.

Чуть ниже рёбер рвали тело и пульсировали уголья боли, но на диком выбросе адреналина я не только закатился на низенькое крылечко конторы, но и ухватился за дверную ручку. Выбросом сверхсилы сбил навесной замок, а только выпрямился, и за спиной грохнула винтовка, под левое колено словно раскалённый штырь вогнали! Потеряв равновесие, я качнулся вперёд, дверь под моим напором распахнулась внутрь, падение за порог едва не вышибло дух, но собрался и ужом скользнул в узенький коридорчик уже едва ли не в бессознательном состоянии — просто очень не хотелось умирать.

Захлопнул дверь, и та тотчас содрогнулась от удара, прошившая филёнку пуля пронеслась над головой и со звоном угодила в металлический шкаф.

Твари!

Нога отнялась и, оставляя за собой кровавый след, я прополз через всё помещение, ухватился за край подоконника и попытался взобраться на него, но вмиг накатило головокружение, осел обратно, едва не лишившись чувств. Развернулся, откинулся на стенку, судорожным усилием втянул в себя воздух. Стремительно накатывала слабость, боль рвала тело на куски, как сумел отрешиться от неё, — не понял и сам.

Мелькнула мысль перезарядить пистолет, но не стал подтягивать к себе за страховочный шнур выроненное оружие, вместо этого обратился к внутреннему потенциалу, обуздал его и не позволил вырваться вовне.

Ну! Подходи по одному!

Всего так и распирало от стремительного притока энергии, а ещё был кинетический экран. Пусть при ранении я и утратил над ним контроль, но вложенная в щит сверхсила не развеялась, она зависла в воздухе призрачным овалом, и не требовалось даже преобразовывать её в движение, достаточно было просто убрать сдерживающий фактор.

И я его убрал, будто гончую с поводка спустил. Но не сразу, лишь когда приблизился источник энергетических возмущений. Лети!

Дверь не распахнуло и не сорвало с петель, её просто разметало в щепки, и этот смертоносный шквал отшвырнул человека прочь, я даже толком его не разглядел. Лишь проблеск ясновиденья дал понять, что под удар попал не оператор, а стрелок с винтовкой!

Гадство!

Миг спустя в дверном проёме возник тёмный силуэт, и пусть предупредить атаку не вышло, но и от роли жертвы я ушёл, сумел разменяться ударами.

Напряжение! Ионизация! Нагрев! Давление!

Убийца выстрелил, и одновременно я выплеснул из себя всю сверхсилу разом, а накопиться успело ни много ни мало четыре с половиной мегаджоуля!

Выброс плазмы!

По левой руке будто молотком шибанули, сознание померкло от боли, и сформировать нормальный канал не вышло, чудовищный выплеск ударил реактивным выхлопом, разметал порог, притолоку и наличник дверного косяка, всей своей мощью угодил в оператора, поглотил его ослепительной вспышкой и... Нет, не сжёг, лишь заставил отшатнуться!

Ответ последовал незамедлительно: в лицо метнулась шаровая молния размером с футбольный мяч; только и успел, что руку вскинуть.

Дальше — белый свет.

Часть вторая. Дестабилизация

Глава 1

В начале было слово.

Впрочем, в моём случае — не в начале, а сначала, и не слово, а слова.

Ну да, первым из всех чувств вернулся слух.

И — слова, слова, слова. Кто-то спорил, кто-то от меня чего-то хотел. Кто и что — не понять. Я попытался было, но прояснившееся сознание подкинуло другой вопрос. И даже не один, а парочку.

Где я и насколько всё плохо?

Тут-то через ватную тишину и туман дурмана пробился вопрос:

— Что случилось?

Что случилось?! Дурацкий вопрос! Случилась вспышка!

А до того? Воспоминания начали возвращаться одно за другим, а вместе с ними вернулось всё многообразие ощущений, если и дышал прежде, тут — перестал, до того невыносимой стало не жить даже, а просто существовать.

— Засада! — выдохнул я из себя на последних остатках воздуха. — Заманили...

— Авария?

Мог бы — пальцем у виска покрутил. Какая ещё, к чертям собачьим, авария?! Мы столкнулись? С кем? Что за бред?!

— Не... — попытался сказать я и не смог, сознание провалилось в тот самый бред, коим показался нелепый вопрос.

Всё, спёкся...

Прошёл час, день, год или вечность, прежде чем вновь вынырнул из серой хмари забытья. Сначала

ничего толком не мог понять, будто очнулся посреди ночи после глубокого сна, затем понемногу-помаленьку сознание прояснилось, и я вспомнил, я осознал.

Вспомнил во всех подробностях перестрелку во дворе лесопилки. Осознал, что лежу на больничной койке и не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, а ещё совершенно не чувствую сверхэнергию. Вернулась и боль, но скорее, в виде ощущения дискомфорта; меня определённо накачали лошадиной дозой обезболивающего. Ещё — фигуры в белых халатах. Толком разглядеть их не получалось, они то возникали, то пропадали из поля зрения, а, быть может, я просто отключался на время, этим и объяснялся такой рваный эффект.

Ну а потом — через минуту или месяц — у меня перед лицом пощёлкили пальцами.

— Просыпаемся, молодой человек! Просыпаемся!

И я проснулся. В палате властвовал полумрак, слева и вовсе было черным-черно, всё выглядело как-то непривычно, но чем именно было вызвано такое ощущение неправильности, понять не удалось. Просто было не до того.

Я сфокусировал взгляд на докторе и просипел:

— Что со мной?

Дискомфорт на миг преобразился в боль, будто бритвой по лицу резанули, но слова прозвучали достаточно громко и чётко, чтобы меня услышали и поняли.

— А что вы помните? — справился доктор.

— Всё, — выдохнул я.

— Отрадно это слышать. Так понимаю, вас волнуют полученные ранения?

— Да!

Доктор вздохнул и начал перечислять:

— Сквозное ранение правой голени, сквозное ранение левого бицепса, перелом левого четвёртого

ребра, травма мышц брюшной полости, контузия, сотрясение мозга, ожоги третьей степени.

Я какое-то время переваривал услышанное, затем, уже не испытывая особенно болезненных ощущений, спросил:

— А сверхспособности?

— Временно заблокированы, — успокоил меня врач. — Кроме того, вы зафиксированы на койке, поэтому не можете пошевелиться. Двигательные функции организма нарушены не были.

— А глаз? — встревожился я, враз покрывшись липкой испариной. — Я ничего не вижу левым глазом!

Доктор наклонился, что-то поправил, и темнота слева от меня обернулась полумраком.

— Глаз не пострадал, в повязке больше нет нужды.

Глаз не пострадал? Накатило невыразимое облегчение, но тут же припомнил слова об ожогах третьей степени. Это как вообще? До костей прожарило? И лицо — тоже?!

Пульс разом участился, стало тяжело дышать, меня затрясло, и доктор велел кому-то сделать укол успокоительного.

— Господа! — заявил он после этого. — У вас не больше десяти минут.

— Этого недостаточно! — резко бросили ему в ответ.

— С учётом его массы тела препарат подействует даже раньше, — спокойно отметил врач. — Желаете потратить это время на пустые препирательства?

— Не желаю! — отрезал незнакомец, разглядеть которого не получилось.

Он занял стул сбоку от моей койки, а я чувствовал себя не настолько хорошо, чтобы вертеть головой по сторонам. Судя по шуршанию одежды, в палату зашло сразу несколько человек, но остальные пока что сохраняли молчание.

— Для протокола, — под скрип карандаша стенографиста объявил этот настырный тип, — я, следователь республиканского идеологического комиссариата Ефим Яковлевич Суббота, в ходе расследования...

— Полагаю целесообразным формальностями пренебречь и сразу перейти к опросу свидетеля, — предложил смутно знакомый голос.

— Начинайте, коллега! — разрешил следователь.

— Добрый день, Пётр! — поприветствовал меня подступивший к койке Илларион Валерианович Спас, старший советник надзорного дивизиона ОНКОР. — Ты меня слышишь?

— Да.

— Расскажи нам о нападении.

Я закрыл глаза и начал:

— Мы возвращались с дежурства...

Под конец рассказа вновь пробила испарина, ладно хоть слушали меня не перебивая, и не было нужды отвлекаться на вопросы. И без того во рту пересохло и мысли путались.

— Так вас не таранили машиной? — уточнил Илларион Валерианович.

— Нет.

Это заявление привело Ефима Яковлевича в состояние немалой ажитации, следователь вскочил со стула и принялся вышагивать по палате.

— Сможешь опознать преступников? — резко выпалил он после этого.

— Нет, было темно.

Как ни странно, мой ответ Субботу всецело устроил, и он обратился к старшему советнику:

— Фотографии, коллега!

Илларион Валерианович отступил от койки, а потом шагнул обратно и продемонстрировал мне две фотокарточки. Лощёный господин лет сорока на одной

из них показался смутно знаком, но в ответ на прозвучавший вопрос, не узнаю ли нападавших, я ответил хриплым шёпотом:

— Нет. — И добавил: — И там один точно оператором был.

— В курсе! — отмахнулся Суббота. — Скажи, старшина Ревень в кого-нибудь попал?

— Нет, — уверенно заявил я. — Оператор выставил кинетический щит...

— Но ведь перестрелка продолжилась и после того, как ты оставил старшину?

— Ему прострелили голову! — напомнил Илларион Валерианович.

— Мы не знаем, когда именно это произошло! — возразил следователь комиссариата.

— Я... Я видел, — заявил я, переборов странную слабость.

— Он не отстреливался от преследователей?

Своего ответа я уже не запомнил, да и не был уверен, что ответил вовсе. Отрубился.

Очнулся, такое впечатление, уже на следующий день; судя по заглядывавшим в окно солнечным лучам, — утром. Разбудил громкий спор за дверь, но пожаловали в палату не вчерашние гости, а давешний доктор в компании накинувшего на плечи белый халат капитана Городца.

— Нервотрёпка пациенту на пользу точно не пойдёт! — предупредил врач.

Георгий Иванович только хохотнул.

— Никто его нервировать не собирается.

— Было бы странно ожидать от вашего ведомства другого! — парировал доктор, который определённо имел представление о месте службы посетителя.

Городец это замечание проигнорировал и указал на меня.

— А чего это он у вас к койке примотан? Пациент в сознании и адекватен, а вы с ним как с буйнопомешанным!

Врач раздражённо засопел и покинул палату, буркнув перед тем:

— Сейчас распоряжусь!

Георгий Иванович переставил стул к моей койке и уселся на него, устроив на коленях кожаную папку.

— Доброе утро, Петя!

— Доброе... — вполголоса ответил я и ощутил резкую боль в уголке рта, будто там лопнула губа.

— Ты не напрягайся, — попросил капитан Городец. — Формально я пришёл тебя опросить, но это только предлог. Навестить решил, о здоровье справиться и от Альберта Павловича привет передать.

Я сглотнул и задал самый важный для себя сейчас вопрос:

— С лицом у меня что?

— Лицо у тебя на месте, — ответил Георгий Иванович, раскрыл папку и вытянул из неё несколько фотографий, развернул ко мне изображениями, показал. — Только в обморок не грохнись, а то эскулап меня живьём сожрёт.

Узнал себя на снимках далеко не сразу, но сознания не потерял. Очевидно, фотограф запечатлел меня непосредственно в приёмном покое, куда доставили с места перестрелки, и голову ещё не забинтовали, была видна покрытая волдырями и струпьями кожа. Правая сторона лица не пострадала, да и слева до глаза ожоги не добрались, пострадали только подбородок и скула.

— Думал, всё куда хуже, — сказал я с нескрываемым облегчением.

— Регенерация у тебя на загляденье, через месяц будешь как новенький, — уверил меня Городец. — Это не я сам придумал, это специалисты заключение дали. Так понимаю, ты руку вскинуть успел, вот и уцелел.

Нет, кого другого и так до костей прожарило бы, тебя повышенная сопротивляемость организма спасла. Непонятно только, почему пальцы не оторвало; крага сама по себе помочь не могла. Ты, никак, активное заземление задействовал?

— Меня передёрнуло.

— Вы это специально, да?

— Адекватность и психическое состояние проверяю, а как же? — с добродушной ухмылкой подтвердил Георгий Иванович. — Новых подробностей не вспомнил?

«Проведать он меня пришёл!» — подумалось мне, и я односложно ответил:

— Нет.

— Да и неважно! — Капитан убрал фотокарточки в папку, им на смену достал новую, показал. — Узнаешь?

В первый миг я и не понял даже, что именно запечатлено на снимке. А как понял — накатила тошнота. По сравнению с этим месивом плоти и щепок моё собственное лицо, можно сказать, и не пострадало вовсе.

— Не узнаю, — выдавил я из себя, усилием воли отогнав видение взорвавшейся под напором кинетического импульса двери конторы. — Но у той девки волосы тоже светлые были, как на снимке. Её там бросили?

— Нет, увезли и добили. Не рискнули к врачу обратиться. А вот тела оператора мы не нашли. С оператором у тебя недоработка вышла. Не так сильно его зацепил, как хотелось бы.

Голова пошла кругом, и я спросил:

— А Карина?

— Мертва, — оповестил меня Георгий Иванович и вздохнул. — Как и старшина Ревень. А тебе просто повезло, что у них времени на контроль не осталось. Небрежно сработали.

— У кого — у них?

Капитан Городец поднял глаза к потолку и вздохнул.

— Фотоснимки вчера показывали? — спросил он после недолгой заминки. — Узнал кого-нибудь?

— Нет. Одного точно где-то видел, а где именно — не скажу.

— Определённо надо с твоей памятью на лица что-то делать, — проворчал Георгий Иванович и достал из папки два снимка. — Ну же! Напряги извилины!

Я присмотрелся и заметил:

— А вчера другие снимки были. Этот вот лощёный был, а худого не было. И да — я обоих точно где-то видел.

— Вспоминай!

Легко сказать — вспоминай! Мало ли где с ними столкнуться мог! В институте постоянно толчея! Хотя нет, если мы и встречались, то определённо не там.

Я присмотрелся к фотокарточкам и нахмурился.

Одному лет под сорок, весь какой-то лощёный и самодовольный. Второй — худой, с длинным носом и тонкими губами, острым подбородком. Этому не больше двадцати пяти, и сразу видно — товарищ бывалый. Уголовник? А где бы я с уголовниками пересечься мог? При патрулировании? Нет, тут что-то другое. Совсем другое, но при этом — близко к первоначальной догадке.

— Полицейские! — выдохнул я. — Точно — они!

— Ну слава тебе господи! — Георгий Иванович от избытка чувств даже глаза закатил. — Уж думал, не вспомнишь, а ведь общался с ними в «Гранд-отеле»! Пусть недолго, но всё же общался. Такие вещи нельзя из памяти упускать.

— Они тут при чём?

— Ну, допустим, Родион Граб тут совершенно ни при чём, — заявил капитан Городец, убрав карточку молодого. — Он из наших, оператор пятого витка, пару

лет проработал в комендатуре, затем перешёл в полицейское управление. Отдел нравов, сыскная часть — ничего особенного, продвигался по карьерной лестнице ни шатко ни валко, пока новый обер-полицмейстер его до порученца не повысил.

— Это вроде старшего лейтенанта по-нашему, так? — припомнил я.

— Именно, — подтвердил Георгий Иванович, — но в данном конкретном случае нас интересует Афанасий Цинский, адъютант обер-полицмейстера в чине майора. Понимаешь, всё должно было выглядеть так, будто его послали разобраться с одним дерзким мальчишкой.

Я то ли присвистнул, то ли со свистом воздух в себя втянул, до того оказался ошарашен услышанным. Враз плохо стало.

Так всё из-за той стычки в «Гранд-отеле»? Уже тогда кто-то на меня глаз положил и разменной монетой решил сделать?!

— Злоумышленники инсценировали дорожную аварию, будто бы полицейский автомобиль прижал ваш мотоцикл к обочине, а дальше случилась перестрелка, в ходе которой погиб и патруль комендатуры, и адъютант обер-полицмейстера с личным водителем. Таков был план.

— Но зачем?!

— Сравнить корпус с полицейским управлением, зачем же ещё? Вопрос не «зачем», вопрос — «кто». Подумай об этом, вдруг что вспомнишь. Важной может оказаться решительно любая мелочь.

— А как же адъютант? — озадачился я. — Как он вообще там оказался?

— Захватили, привезли, застрелили из табельного оружия старшины. Для оператора обездвижить человека, не причиняя тому вреда, не так уж и сложно.

Я смежил веки и размеренно задышал, а Георгий Иванович поднялся со стула и сказал:

— Выздоровливай, Петя. Загляну ещё как-нибудь на днях.

Мне только и удалось, что выдавить из себя в ответ нечто маловразумительное. Мысли были заняты совсем другим.

В разряде лежащих пациентов я пробыл неделю. Перевязки перемежались физиотерапией и сверхэнергетическим целебным воздействием, а попутно меня ещё и от излишней застенчивости излечили, ибо приходилось не только справлять нужду в утку, но и терпеть гигиенические процедуры. Питался бульонами, сначала кормили с ложечки, потом начал втягивать их в себя через трубку.

Попутно меня пичкали обезболивающим, и если его дозировки постепенно становились меньше, а промежутки между приёмами лекарства — больше, то «Нейтрал-С» как давали, так и продолжили давать — капля в каплю, минута в минуту. Даже заведующему отделением при очередном утреннем обходе на это пожаловался.

Увы, понимания у него я не нашёл.

— Да будет вам известно, молодой человек, — назидательно заявил он в ответ, — что лучше всего организм восстанавливается во сне! Не следует ему мешать и уж точно не стоит заниматься самолечением. Что касается означенного препарата, то он не блокирует доступ сверхэнергии, а лишь исключает возможность сознательного управления оной. Двухнедельный курс пойдёт вам, голубчик, только на пользу.

Что я мог на это ответить? Да ничего. Собственно, меня никто и слушать не собирался: заведующий отделением отправился в соседнюю палату, свита из интернов и врачей двинулась следом. Такие дела.

Впрочем, и через неделю в разряд ходячих я переместился весьма условно, просто увезли на процедуры не на каталке, а в кресле на колёсиках. А дабы предупредить лишнюю активность, отменили обезболивающее вообще, так что едва на стену от боли в подживающих ранах не полез. Да и в груди из-за сломанного ребра ныло будь здоров. Но это ещё полбеда — лицо и пальцы чесались просто нестерпимо, от зуда не помогало решительно ничего.

Когда в очередной раз снимали повязки и я потребовал принести зеркало, дабы оценить состояние собственной физиономии, медсестра, прежде чем всё же решилась исполнить эту просьбу, откровенно заколебалась. Оно и немудрено: хоть и знал, чего именно стоит ожидать, всё равно передёрнуло. Струпья, волдыри, отёк, ещё и в цвете всё, не чёрно-белый снимок.

— Не самый тяжёлый случай, огонь куда больше проблем доставляет, — уверила меня медсестра, накладывая повязку теперь уже исключительно на левую сторону лица.

Я лишь понадеялся, что на собственной шкуре проверять разницу не доведётся, и эту тему развивать не стал.

На что я не жаловался, так это на отсутствие посетителей. Захаживали ко мне следователи и дознаватели всех мастей по несколько раз на дню, не обделили своим вниманием и представители контрольно-ревизионного дивизиона. Господин Суббота тоже пару раз с расспросами приходил. Но нет — ничего нового никому я поведать не смог, да и касательно перепалки с обер-полицмейстером показания давал весьма уклончивые, ссылаясь на давность случившегося. В общем, век бы таких гостей не видеть.

А вот кто своим появлением порадовал, так это Лизавета Наумовна. Я глазам своим не поверил, когда она в палату вошла. Правда, тут же услышал знакомый голос за дверью, и улыбку умерил до нейтрально-приличной. Но и так кожа в левом уголке рта лопнуть успела.

— Здравствуй, Петя!

— Здравствуйте, Лизавета Наумовна! — отозвался я, не став приподниматься, — очень уж неприятно ломило в груди, да ещё болел пресс и едва ворочалась левая рука.

Дамочка выставила чемоданчик на стол, окинула меня пристальным взглядом и вопросительно изогнула бровь.

— А что же Филипп не заходит? — спросил я, указав взглядом на дверь.

— Мешать не хочет, — улыбнулась в ответ Лизавета, раскрыла чемоданчик и вытянула из него футляр с иглами.

— У вас всё серьёзно? — поинтересовался я, хоть меня это никоим образом и не касалось.

— У нас всё было серьёзно. А теперь он пытается загладить вину, а я решаю, стоит ли пытаться склеить разбитую чашку. Что, впрочем, не мешает нам получать удовольствие от совместного времяпрепровождения.

Намёк был прозрачней некуда, и поскольку ни о какой интимной обстановке в такой ситуации речи в любом случае идти не могло, я со вздохом произнёс:

— Да зовите его, чего уж там.

Лизавета наклонилась и поцеловала меня в лоб.

— Ты просто прелесть, Петя. — Но при этом и не подумала кликнуть спутника и задрала мне распашонку, прикрыв ниже пояса простынкой. — Не переживай, Филипп просто знакомого встретил. Сейчас зайдёт, потому лежи-ка ты спокойно.

Искусством лежать спокойно за минувшую неделю я овладел в совершенстве, что и продемонстрировал, при этом уточнить всё же не преминул:

— А к чему это всё?

— Ты восьмой день под нейтрализатором, энергетические каналы сейчас предельно расслаблены. Когда ещё такой случай довести работу до эталона представится?

— Скажете тоже — до эталона... — проворчал я, с опаской глянув на иглу в руке Лизаветы Наумовны.

— Уже сказала.

Укола я даже не почувствовал, последовавшего за ним воздействия — тоже. Одна игла, вторая, третья — зубами скрипеть не пришлось. И даже когда пожаловал Филипп и принялся давать указания, какие узлы подтянуть, а какие наоборот — ослабить или сместить в сторону, разве что щекотку ощутил, не более того.

— А почему всегда не так? — поинтересовался я под конец. — Не под нейтрализатором, в смысле?

— Мы просто шлифуем работу, уже проделанную прежде, — пояснил Филипп, сухо попрощался и первым покинул палату.

Я понимающе хмыкнул. Ну да — раньше приходилось то набирать, то сбрасывать потенциал, а сейчас лежал бревно бревном. Впрочем, это не объясняло того факта, что во время непонятной процедуры первую скрипку играл именно Филипп, а Лизавета лишь провела подготовительную работу, а после строго следовала его указаниям.

— Что призадумался? — улыбнулась она, собирая иглы.

— Раньше вы в советах не нуждались.

— Повышаю квалификацию.

Я недоверчиво хмыкнул.

— Он и в самом деле так хорош?

— О да!

И вот это «о да!» немного даже расстроило. Честно говоря, лёгкий приступ ревности испытал, будто бы это восклицание отнюдь не к одним только профессиональным навыкам Филиппа относилось.

Вторая неделя в госпитале оказалась куда как насыщенной первой. Помимо лечения, начались реабилитационные мероприятия, постепенно-понемному даже стал передвигаться по палате с помощью костыля. Кое-как, еле-еле, по чуть-чуть. Если простреленную голень при этом удавалось поджать и не нагружать, а левая рука и вовсе висела на перевязи, то расслабить пресс никакой возможности не было, и хоть обошлось без проникающего ранения брюшной полости, принявшие на себя удар револьверной пули мышцы от этого меньше не болели.

Ещё заглянула в гости Лия.

— Привет, Петя! — улыбнулась она мне с порога, немного помялась и спросила: — Как самочувствие?

Я несколько растерялся даже, поскольку физиономия к этому времени окончательно облезла и только-только начала обрастать заново. Пусть даже благодаря ежедневным процедурам процесс регенерации шёл равномерно и без образования рубцов, вид у меня всё же был откровенно жутковатый. Лишний раз в зеркало старался не смотреть.

— Заходи! Заходи! — пригласил я бывшую одноклассницу и улыбнулся: — Красавец, да?

Улыбка вышла кривой, приподнял лишь правый уголок рта — приноровился так, поскольку левый постоянно лопался и кровил.

— Ой, брось! — махнула рукой Лия. — Когда Аркаша на спор день на пляже просидел, он куда краше выглядел.

Сказать по правде, утверждение это было не так уж и далеко от истины, и я не удержался — улыбнулся

слишком широко с известным результатом. Зараза!

— Тебя как пустили-то? — поинтересовался я, промокнув уголок рта платком.

— Попросилась — и пустили, — пожала плечиками барышня. — Сказали только расспросами не мучить. Я тебе общую теорию сверхэнергии почитаю, чтоб ты совсем уж не отстал, хорошо?

— Вот тебе делать нечего!

— Заодно и сама материал повторю, — рассмеялась Лия, присев на стул. — Так ты не против?

— Нет, конечно!

Самочувствие оставляло желать лучшего, болела голова, зудели ожоги, всего ломало самым паскудным образом, и засыпал эти дни я исключительно после приёма снотворного, но тут под лекцию сам не заметил, как задремал. Думал, Лия обидится, но та на следующий день только посмеялась. Так дальше и пошло.

Лизавета с Филиппом тоже наведывались каждый вечер, перебрасывались незнакомыми терминами и кололи меня иголками, даже нарисовали в районе солнечного сплетения какую-то сложную схему намертво въевшимися в кожу чернилами.

Заведующий первой лабораторией работать молча не умел и ни на минуту не умолкал, но все его байки о жизни за границей касались исключительно каких-то бытовых моментов, о работе он не обмолвился ни словом. Я долго прикидывал, как бы перевести разговор на эту тему, но ничего толкового не придумал и спросил прямо в лоб:

— Скажите, а любой оператор может перенастроиться на другой источник?

— Конечно! — уверил меня Филипп, перехватил возмущённый взгляд Лизаветы и тяжело вздохнул, но от своих слов отказываться не стал. — Любой! — с нажимом повторил он. — Просто потребуется сложная

подготовка. К примеру, соискатель должен находиться в одной из суперпозиций. В противном случае чрезвычайно сложно провести все требуемые вычисления, а это многократно увеличивает риск побочных эффектов.

Низкой суперпозицией именовалось нахождение оператора на пике румба, высокой — на пике витка, а экватором, соответственно, позиция между ними по длительности резонанса или выдаваемой мощности.

— А как выбирается виток подстройки? — продолжил я расспросы.

— Он не выбирается, а рассчитывается, — ответил Филипп без всякой охоты. — Не обязательно проходить реинициацию именно в оптимальной точке, но чем сильнее смещение, тем больше дополнительных подстроек придётся пройти впоследствии. Зачастую приходится искать баланс между выигрышем в мощности и сложностью процесса. Однократная подстройка или десяток — есть разница? Ну вот.

Меня всего так и распирало от вопросов на эту тему, но проявил благоразумие и сдержался, не стал вываливать их все скопом. Решил для начала почитать профильную литературу. Срочности в любом случае никакой не было, а перегну палку — и пошлют куда подальше. Тут тоньше действовать надо, подход искать.

Начало третьей недели ознаменовалось долгожданной отменой блокировки сверхспособностей. Наконец-то перестал быть, как выразилась когда-то Юлия Сергеевна, «куском мяса» и вновь стал не человеком даже, а сверхчеловеком, полноценным оператором. Ну — почти полноценным.

— Никаких нагрузок! — наказал заведующий отделением. — И не вздумай самолечением заниматься! Узнаю — снова «Нейтрал-С» назначу!

В реальности угрозы я не усомнился и от экспериментов с алхимической печью воздержался. Лечат и пусть лечат, не стоит профессионалам мешать. Тем более что прогресс налицо.

Единственное — отказался от костыля. Думал, не смогу на раненую ногу наступить, но уже к обеду хромать приноровился. Да и пресс заметно меньше болеть стал, будто не к сверхэнергии доступ вернули, а к какому-то живительному источнику. До полного выздоровления оставалось ещё, конечно, как до луны, но теперь выписка уже не казалась чем-то таким уж отдалённым.

И вот о том, что ждёт меня после выписки, я старался не думать. Вернуться к нормальной жизни я хотел, обратно же на службу, мягко говоря, не рвался.

Проклятье! Да что толку от самообмана?! Не желал я к патрулированию улиц возвращаться, одна только мысль об этом просто до чёртиков пугала. Раньше-то из всех передряг целым и невредимым выходил, вот и полагал подсознательно, будто неуязвим и бессмертен. А тут — прилетело. И не в бою, а при банальном выезде. Просто кто-то вознамерился извлечь из моей смерти выгоду и едва своего не добился. Выбери своей целью тогда стрелок не старшину, а меня, и всё — никакие сверхспособности не помешали бы мозги вышибить. Просто повезло. Тогда — повезло, но нельзя же на вечное везение уповать!

От печальных раздумий отвлёк визит Карла. Здоровяк немного замялся на пороге, но тут же поборол нерешительность, прикрыл за собой дверь и подошёл поздороваться.

— Крепенько тебе досталось! — заметил он, протягивая руку.

Я ответил на рукопожатие и привычно уже криво улыбнулся одним уголком рта.

— Да скоро выпишут уже!

— Меня от актива военной кафедры проведать тебя послали, — пояснил студент, присаживаясь рядом с койкой и подмигнул. — Всё официально. Неофициально не пускали, без разговоров от ворот поворот давали.

Усомниться в словах товарища мне и в голову не пришло, и сразу возник вопрос, каким образом удалось договориться с врачами Лии.

Мы немного потрепались, обсудили в том числе и ту злосчастную перестрелку, благо меня заблаговременно поставили в известность, о чём говорить можно, а какие моменты следует опустить. Совсем уж запираяться не пришлось, рассказал о случившемся в общих словах.

Под конец Карл расстегнул портфель и выудил из него стопку листов.

— Во! Конспекты! — сообщил он. — Напряг наших, подобрали лекции, которые ты пропустил. Завтра ещё принесу.

— Спасибо!

— Пользуйся!

Карл поднялся, но я остановил его, осторожно поднялся с кровати и доковылял до шкафчика, где были сложены мои личные вещи. Прежде нужды в них не возникало, а тут выгреб всю мелочь и присовокупил к ней две мятых пятёрки.

— Будь добр, купи печенья какого-нибудь или пряников и конфет шоколадных. И пачку чаю чёрного.

Студент глянул на меня с нескрываемым сомнением.

— А тебе можно? Не назначили диету разве?

Я всучил ему деньги и вернулся на койку.

— А это не мне. Гостей угощать буду.

— И меня? — ухмыльнулся Карл.

— Спрашиваешь!

Подумал, не погорячился ли с чаем, но по первой же просьбе мне выдали чайник и пару гранёных стаканов в мельхиоровых подстаканниках. Разве что на сладкое

велели не налегать, дабы не перебивал аппетит. Мол, и без того похудел — кожа да кости. Но это они откровенно погорячились, это они меня до инициации не видели.

Когда на следующий день пожаловала Лия, я напоил её чаем, предложил мятные пряники и конфеты «Мишка на севере», а там между делом поинтересовался, как её вообще сюда пускают.

— А думаешь, ко Льву было проще попасть?

— И всё же?

— Ну, я сказала, что мы помолвлены. Жених с невестой — это почти что родственники, а родственникам свидания разрешены, — невозмутимо пояснила барышня и хитро прищурилась. — Ты ведь не против?

Я чуть было чаем не подавился, но не подавился и покачал головой.

— Нет, ну что ты! Видишь же — даже не засыпаю больше, когда вслух читать начинаешь.

— Ещё как засыпаешь! Сопишь в две дырочки! — рассмеялась в ответ Лия.

— Клевета!

Но шутки шутками, а если бы не пояснения бывшей одноклассницы, со всеми этими премудростями я бы точно не разобрался. Она и по общей теории сверхэнергии меня подтянула, и с некоторыми конспектами, которые продолжал исправно приносить Карл, разобраться помогла.

Так вот ещё одна неделя промелькнула. После возвращения сверхспособностей сеансы иглотерапии прекратились, поэтому вдвойне удивился, когда вновь заглянули на огонёк Лизавета и Филипп. Как оказалось, подошло время оценить результаты терапевтического воздействия. И вот тут всё оказалось не очень хорошо.

— Посмотри, — попросила спутника Лизавета Наумовна, — энергетические узлы увеличены. Этот и

этот. И вот тут.

Попутно она тыкала в меня пальцем, и я исправно изображал безразличие к этим прикосновениям, что было не так-то и просто. Жизненные силы понемногу возвращались, а последний раз... Последний раз был слишком давно.

Мысль эту не додумал, встрепенулся.

— А разве плохо, если увеличены? Не уменьшены же!

— И атрофия, и гипертрофия являются отклонениями от нормы, этому должны быть причины, — заметил Филипп и провёл надо мной ладонью, а после покачал головой. — Но вот сейчас... Ничего не скажу...

— Они увеличены! — заявила Лизавета, подбоченясь.

— Поверю на слово, в плане диагностики ты мне сто очков вперёд дашь, — покладисто согласился заведующий первой лабораторией.

— С этим надо что-то делать!

Филипп кивнул.

— Тут наверняка есть связь с процессом регенерации повреждённых тканей, попрошу Федору Васильевну взглянуть. Её профиль.

Так вот и получилось, что в один из дней ко мне в палату пожаловала худая женщина, чьё узкое и жёсткое лицо выглядело ещё даже более недовольным, нежели в нашу последнюю встречу.

— Разнагишайся, молодой человек! — потребовала она раздражённо. — Не тяни кота за причинное место! У меня и другие пациенты имеются!

Но вот во время осмотра спешки она себе уже не позволяла — скорее, подошла к нему излишне обстоятельно. Длинными худыми костлявыми пальцами едва давила, где-то и вовсе лишь слегка прикасалась и задумчиво хмурилась, раз за разом повторяя

воздействие на одну и ту же область, прежде чем сместиться в сторону.

— А теперь встань и пройдишь, — сказала Федора Васильевна уже куда заинтересованней прежнего.

И вот эта внезапная смена настроения меня скорее напугала, нежели воодушевила. Но поднялся с койки, прохромал от стены к стене, а после повторил этот путь уже на пару с мануальным терапевтом, которая контролировала мои движения лёгкими касаниями, будто хореограф танцора.

— Ну, дело ясное! — заявила Федора Васильевна, велев садиться на кровать. — Пока ничего страшного, но медикаментозное лечение тут не поможет, а полагаться на твой самоконтроль не стоит. Он у тебя аховый.

— Чего это? — несколько даже обиделся я.

— Того! — отрезала тётенька. — Думаешь, почему двигательные функции так быстро восстановились? Ты облегчаешь нагрузку на мускулы за счёт сверхспособностей. Поначалу процесс затронет поражённые органы, после распространится дальше. В результате заработаешь деградацию мышечной массы и гипертрофию энергетических узлов. Ничем хорошим это в итоге не обернётся, уж поверь на слово.

— То есть придётся опять глотать «Нейтрал-С»? — вздохнул я, немало обескураженный услышанным.

— Не нужно было прекращать его приём до полного восстановления, а теперь уже поздно! — жёстко заявила в ответ Федора Васильевна. — Теперь надо постараться купировать процесс на начальной стадии.

— И как?

— Упражнения по контролю сверхсилы при минимальной физической нагрузке в течение дня плюс лечебная гимнастика с заблокированными способностями. Подготовлю для тебя программу

упражнений, согласую с лечащим врачом и вечером принесу. А пока — лежи и медитируй. Понял?

— Так точно! — невольно вырвалось у меня.

Первым делом я устроился на койке поудобней и потянулся к сверхсиле, принялся набирать потенциал и очень скоро ощутил лёгкое жжение там, где Лизавета Наумовна определила признаки гипертрофированности энергетических узлов. Ощущения были не слишком болезненными, будто соринка в глаз попала или песок в ботинки набился, но погрузиться в лёгкий транс они мешали самым решительным образом.

Это откровенно напрягло, но сначала впасть в уныние помешал визит Карла, затем я попил чай с Лией, а после ужина вновь пожаловала Федора Васильевна, оценила мою технику медитации и даже похвалила её, а затем вручила несколько заполненных машинописным текстом листов с описанием разминки, растяжки мышц, дыхательных упражнений и упражнений по контролю сверхсилы.

— Похоже на йогу, — заявил я, наскоро проглядев полученные записи.

Федора Васильевна кивнула.

— С этого комплекса начинается изучение сверхйоги. Стоит ли переходить к её углублённому изучению, решишь сам, для тебя будет достаточно и азов.

Я присвистнул.

— Меня уже приглашали на занятия йогой как-то. Знаете, есть бухгалтер...

— Миша Горицвет, — сказала тётка, будто выплюнула, — шарлатан и мистификатор, разобиженный на весь белый свет! А его знаменитый гуру — фикция, вымышленное альтер эго!

Я даже глазами от изумления захлопал.

— А как же вырезки и фотографии?

— Газетные утки! А в Пахарте Миша и в самом деле побывал, там йогов пруд пруди — фотографируйся не хочу. — Федора Васильевна вздохнула и снизошла до объяснений. — Видишь ли, Миша оказался столь чувствителен к сверхэнергии, что ни в одну из своих попыток не сумел приблизиться к внешней границе Эпицентра ближе чем на два километра. Но в чём ему не откажешь, так это в упорстве. Он устроился на работу, остался в Новинске и даже разработал теорию, по которой истинную силу обретёт тот, кто последовательно пройдёт инициацию в источниках, начиная от самого слабого.

— Так это он всё просто придумал? — поразился я.

— Не только придумал, но и отправился в Пахарту проверить свою теорию на практике, уж не спрашивай, на какие шиши. Сверхсилы не обрёл, зато привёз весть о великом гуру Махате Атмане.

Тут Федора Васильевна с хрустом отломил кончик ампулы и втянула её содержимое в шприц.

— А это что? — забеспокоился я.

— «Нейтрал-С».

— А его разве колют? Всегда в таблетках или каплях давали.

— Инъекции позволяют вводить минимальные дозы препарата с практически моментальным эффектом. Вся эта химия для печени — ничего хорошего, знаешь ли. А так можешь хоть пары вдохнуть — результат аналогичным будет.

И точно — способность к оперированию сверхсилой я утратил практически моментально, а когда после этого привычно уже поднялся с койки, то зашипел от боли и немедленно плюхнулся обратно. Пресс и простреленную лодыжку свело так, словно в раны пальцами ткнули.

— Ну что ж, — многообещающе улыбнулась Федора Васильевна, — вот ты и лишился энергетических

костылей, пора приступать к разминке!

И мы приступили, да. Точнее — приступил я, а терапевт контролировала каждое моё движение и растолковывала, как правильно выполнять упражнения.

Вымотался в итоге так, что ни рукой пошевелить ни ногой, но заведующий отделением на утреннем обходе моим состоянием остался доволен, так дальше и пошло. Через две недели я был сочтён достаточно окрепшим для похода на групповые занятия, а после йоги посетил ещё и бассейн.

Случайных людей в столь поздний час там не было, поплавал в своё удовольствие, но вот обратная дорога по пустынным переходам и коридорам доставила немало неприятных минут. Туда я шёл уверенным в себе оператором, обратно ковылял лишённым доступа к сверхэнергии калекой. И, надо сказать, ощущать собственную беспомощность категорически не нравилось. В палате ещё ладно, а появляться в таком состоянии на людях откровенно не хотелось.

Проклятье! Да мне попросту страшно было! Страшно!

Возьмут в оборот — и ни убежать, ни отбиться.

Именно поэтому визиту Георгия Ивановича и Альберта Павловича на следующий день я обрадовался вдвойне. Но виду не подал, ещё и не преминул хмыкнуть:

— Уж думал, забыли обо мне.

— Не надейся, — ухмыльнулся в ответ капитан Городец. — У нас на тебя грандиозные планы!

Альберт Павлович пожал мне руку и улыбнулся.

— Будет тебе, Георгий Иванович. Грандиозные планы канули в лету с тем сбежавшим оператором. Петя, не прими это за камень в свой огород, но не в моих принципах приукрашивать ситуацию, когда того не требуют интересы дела. У тебя были все шансы

проявить себя, а ты просто остался жив. Что тоже неплохо, но и только.

— И в свете летних событий у лодочной станции наводит на кое-какие мысли, — добавил Георгий Иванович, но его скуластая физиономия при этом приобрела вполне благодушное выражение. — Да шучу я, шучу!

Круглое мягкое лицо моего институтского куратора осталось невозмутимым, и понять, посчитал ли он высказывание коллеги шуткой, не вышло.

— Не напрягайся, — успокоил меня капитан Городец. — Разведка донесла, что ты на поправку идёшь, вот и зашли проведать. Убедиться, так сказать, лично.

— Что ещё разведка донесла? — уточнил я, сев на койку.

— Через неделю-другую выпишут, — уведомил меня Альберт Павлович.

Не могу сказать, будто это известие так уж сильно обрадовало; спросил:

— А дальше?

— А дальше — по накатанной, — заявил Георгий Иванович и обратился к товарищу: — Какой-то он не слишком радостный, тебе не кажется?

— Кто б на его месте радовался? — с какой-то философской отстранённостью отметил Альберт Павлович и уточнил: — Вопросы, просьбы, пожелания?

— Есть подвижки в расследовании? — поинтересовался я. — Выяснили, кто на нас напал? Нашли их?

Ответом стало синхронное покачивание голов, тогда я немного помялся, затем сказал:

— Мне бы оружие табельное. Можно пистолет, а?

Такого кураторы точно не ожидали и озадаченно переглянулись.

— Зачем? — после быстрого обмена взглядами коротко спросил капитан Городец.

Пришлось поведать о блокировке сверхспособностей на занятиях йогой, и тогда Георгий Иванович покачал головой.

— Извини, Петя, не положено.

А вот Альберт Павлович изрядно огорошил неожиданным вопросом:

— Деньги есть у тебя?

— Мелочь только.

— Пойдёт. Давай.

Я доковылял до шкафчика, выгреб оттуда несколько монет, но куратор забрал лишь десять копеек.

— Владей! — сунул он мне взамен свой танилийский стилет. — Что ты смотришь на меня, как баран на новые ворота? Или ножом владеть не обучен?

— Обучен, — добродушно усмехнулся Городец. — Как не обучен?

Я утопил кнопку, и сбоку из рукояти выскочил узкий клинок сантиметров в двенадцать длиной. Разобрался, как вернуть его на место, потом опомнился и поблагодарил Альберта Павловича:

— Спасибо! — Немного поколебался и всё же спросил: — А вам он точно не нужен?

— У него ещё есть, — усмехнулся капитан Городец и хлопнул товарища по плечу. — Ладно, идём. Увидимся, Петя!

— Минуту.

Альберт Павлович задержался вручить мне потрёпанную книжицу с броским названием «Дворец памяти, или память, возведённая в абсолют» и посоветовал:

— Полистай на досуге.

И они ушли, я же остался гадать, к чему вообще был этот визит.

Неужто и в самом деле просто провести заглянули?

Дела...

С выпиской, как и предсказал Георгий Иванович, тянуть не стали. К этому времени я уже не стискивал зубы, вставая с койки, и не кряхтел, поднимаясь по лестнице. Размер энергетических узлов вернулся в норму, но мне настоятельно порекомендовали не бросать заниматься йогой, я и не бросил: пока и думать даже не приходилось о возвращении к полноценным тренировкам по рукопашному бою. К тому же из предварявших медитации лекций узнал много нового о взаимодействии сверхэнергии и организма оператора, кое-какие подходы даже на практике применять стал, пытаюсь улучшить восприятие и повысить скорость реакции.

Единственное, что раздражало, так это контингент. Едва ли не половина посещавших занятия йогой студентов в той или иной степени относили себя к пацифистам, а когда в зал подходили ученики господина Горицвета, таковых становилось абсолютное большинство. Я эту публику не жаловал, а уж лицемерие председателя студенческого клуба Якова обретению душевного равновесия и вовсе нисколько не способствовало.

А вот с учёбой дела обстояли вполне пристойно. Благодаря конспектам, коими исправно снабжал Карл, от потока я не отстал, а помощь Лии так и вовсе позволила изрядно продвинуться в изучении теории сверхэнергии.

Бывшая одноклассница приходила навестить меня каждый вечер, и не могу сказать, будто обсуждали мы исключительно учебные дисциплины, зачастую просто пили чай и болтали о всяких пустяках. Сам-то я особым красноречием сроду не отличался, так что обычно лишь

слушал, кивал и поддакивал в нужных местах. Ну и опять же — что интересного может случиться, если в больничной палате сидмя сидишь? Давал советы по работе с алхимической печью, разве что, да и всё.

О грядущей выписке предупредили за день, тогда позвонил капитану Городцу с просьбой передать с дежурной сменой форму, но тот решил по-своему и прислал за мной машину. Ещё и подрядил занести одежду не кого-нибудь, а Матвея Пахоту.

Тот, всё такой же мощный и подтянутый, сходу облапил меня, но стискивать побоялся, только легонько похлопал широченной ладонью по спине.

— Ну, рассказывай! — И тут же, противореча сам себе, перебил, спросив: — Нет, погоди! Передача-то от штурмового взвода дошла?

— Да! Спасибо огромное, выручили.

И в самом деле выручили — не пришлось у Карла на печенье и конфеты занимать, аккуратно до выписки хватило.

Что удивило — Матвей привёз не форму, а костюм, сорочку, бельё и полуботинки; приказ до него довели именно в таком виде. Пока я одевался, то и дело морщась от боли, вкратце рассказал ему о перестрелке, и громила покачал головой.

— Лихо! — Подумал немного и вздохнул. — Каринку жалко, симпатичная девчонка была.

Я кивнул и погляделся в зеркало. Лицо уже поджило, и последствия ожога стали малозаметны, разве что справа из-за остатков загара оно казалось немного темнее. А вот с пострадавшей при взрыве шаровой молнии кистью всё обстояло не так здорово, там в местах сгибов кожи образовались рубцы, которые никак не рассасывались, ладно хоть уже не лопались и не болели; перчатку надел без всякого труда.

Дальше мы пошли к машине, но, как оказалось, Матвей просто взялся меня проводить, у него самого

были дела на военной кафедре.

— Послали эту повышать, как её...

— Квалификацию? — высказал я предположение.

— Не... Общую грамотность, во! А то в училище все малахольные, не берут меня туда обратно.

— Поздравляю! — искренне порадовался я за сослуживца, а тот вдруг придержал за руку и невесть с чего понизил голос.

— Слушай, Петя... Варька последние дни ходит как в воду опущенная, уже несколько взысканий схлопотала. Я пробовал спрашивать, не случилось ли чего, — молчит. Ты же с ней неплохо ладил, узнай, а?

Как по мне, так картина была яснее ясного.

— Василь же не вернулся ещё? Вот и скучает.

— Не! — отмёл эту версию Матвей. — У неё днями что-то случилось, точно тебе говорю. Она сейчас не на дежурстве, будь другом — загляни поговорить. Рассеянный снайпер... Ну, ты понимаешь, да?

Лезть в чужую жизнь нисколько не хотелось, но тут ничего не оставалось, кроме как пообещать:

— Хорошо, поговорю.

Матвей с довольной улыбкой хлопнул меня по плечу и от избытка чувств с силой определённо переборщил; я едва на корточки не присел, до того болезненным уколом отозвалось простреленное плечо.

Ох ты ж...

Пока доехали, растрясло. Пусть и не слишком сильно, но поднялся на второй этаж, морщась из-за ноющей боли в ноге и боку. Постоял немного даже, отдуваясь, прежде чем постучать в кабинет капитана Городца.

— Войдите! — послышалось изнутри, я и вошёл.

— Здравствуйте, Георгий Иванович! Хотели видеть?

Городец смерил меня пристальным взглядом, подозвал к столу, достал из верхнего ящика какие-то

бумаги.

— Ознакомься и распишись.

Я вчитался в текст документа и не поверил собственным глазам.

— Меня комиссуют? Как так?!

— А вот так, — хмыкнул Георгий Иванович и протянул авторучку. — Подпись ставь.

Я машинально расписался, без спроса уселся на стул для посетителей и спросил:

— И что теперь?

— Теперь сдай служебное удостоверение и обмундирование, освободи комнату и получи расчёт.

У меня голова кругом пошла, но в то, что мне выпишут вольную и отпустят на все четыре стороны, не поверил ни на миг, поэтому не преминул уточнить:

— И куда потом?

— В вахтёры или дежурные по этажу, — заявил в ответ капитан Городец. — Это уже на усмотрение коменданта РИИФС. Переводим тебя в службу охраны института.

В службу охраны?!

Поначалу меня словно киянкой по темечку приложили, а потом внутри всколыхнулся такой ураган эмоций, что едва над набранным потенциалом контроль не утратил.

Перво-наперво накатило невероятное облегчение. Да оно и немудрено! Больше не придётся патрулировать улицы и проверять документы. Теперь-то уж точно не подставляюсь под пули! Красота!

Дальше на смену облегчению пришёл стыд за проявленную трусость, а следом вспомнил, как сам свысока поглядывал на вахтёров, и настроение скисло окончательно.

— А курсы?

— Ну ты, Петя, хватил! Свято место пусто не бывает! Давно уже новый человек занимается.

Из-за разочарования и обиды защипало глаза, и в попытке сохранить видимость невозмутимости пришлось даже несколькими глубокими вдохами погрузить себя в лёгкий транс. От Георгия Ивановича это обстоятельство не укрылось, и он ухмыльнулся, встопорщив чёрные усы.

— Назови любимое словосочетание комиссара Хлоба. Быстро!

Требование прозвучало щелчком бича, у меня едва ли не против воли вырвалось:

— Кадровый голод!

— Именно! — подтвердил Городец и откинулся на спинку кресла. — Ты хоть понимаешь, что добиться твоего комиссования было посложнее, чем у голодного волкодава кусок мяса из пасти вырвать? Ну получил бы ты сержанта по окончании курсов, а дальше? Через два года дослужился бы до ревизора, там предложили бы повышение до старшего, чтобы на сверхсрочную остался. И всё. Потолок. А так доучишься до конца семестра вольным слушателем, сдашь экзамены и поступишь в институт по квоте службы охраны. После военной кафедры выпустишься сразу кандидат-лейтенантом. Заодно ума наберёшься. Тебя в таком состоянии улицы патрулировать выпускать... — Думал, капитан упомянет забивание патронов молотков, но он лишь неопределённо покрутил в воздухе кистью и спросил: — Ну, чего смотришь? Или не рад?

Я про себя решил, что процесс восстановления после ранения — дело небыстрое и едва ли комиссар так уж сильно упирался, когда контрразведка решила задействовать выпавшего из обоймы бойца прямо здесь и сейчас. Вопрос лишь в том, какую именно дыру мной собираются заткнуть в институте. Какую и на каких условиях.

— Рад, — осторожно ответил я. — Я — рад. А вам это зачем?

Скуластая физиономия Георгия Ивановича расплылась в улыбке.

— Не сомневайся, мы своего не упустим.

«Мы, — сказал он. — Мы».

Выходит, Альберт Павлович тоже в деле, и у моего перевода хватает подводных камней, но, чего уж греха таить, окажись сейчас выбор, ухватился бы за предложенный вариант руками и ногами. Плевать на подводные камни! И на то, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, тоже плевать! Размен вышел что надо! Стать полноценным студентом — плохо разве? Да ничуть!

Но тут меня снова словно ледяной водой обдало.

— А гарантийное письмо? — с замиранием сердца спросил я.

— Сам как думаешь? Отзовут, конечно, — ухмыльнулся Георгий Иванович. — Но в ближайший месяц-два тебе не до процедур будет, а там посмотрим. Возможно, институт на себя оплату счетов возьмёт, а нет — тоже не беда. Авансовая тысяча не израсходована, остаток сам добьёшь. С учётом причитающейся компенсации за ранение и без посторонней помощи справишься.

Я не слишком-то уверенно кивнул и признал:

— Ну так-то да...

— Вот, другое дело! Хоть дышать начал, — усмехнулся капитан Городец. — Дежурить станешь по две смены в неделю, остальные дни будешь ходить на подготовительные курсы от военной кафедры. Документы о переводе уже у заместителя коменданта, освобождай комнату и дуй к нему. И вот, возьми.

Мне вручили учётную книжку, только не старую, уже изрядно потёртую, а новенькую с броской красной буквой «А» в уголке обложки.

— Но ведь «А» — это... — озадаченно пробормотал я.

— «А» — это абсолют, — пояснил Георгий Иванович. — Мы слегка подкорректировали твой анамнез в части ментальной сопротивляемости. Решили, что так будет лучше.

— Но кто-то же знает...

Городец беспечно отмахнулся.

— Кто знает, тот забудет. А официальный документ — вот он.

— Ну, ладно... — пробормотал я и поднялся, но тут же опустился обратно на стул. — А мне куда съезжать? Институт общежитие хоть даст?

— Уж думал, не спросишь, — хмыкнул Георгий Иванович. — Михаил Попович — знаешь такого? Ему повышенную стипендию назначили, хочет перебраться поближе к институту. Одному это накладно, ищет второго квартиросъёмщика. Ты ведь с ним неплохо ладишь, так?

Я кивнул.

— Неплохо, да.

— Вот и чудесно. Он парень головастый, с учёбой поможет. Ну и ты за ним присмотришь, если что.

Подобный вариант решения жилищного вопроса мне подкинули точно неспроста, поэтому я решил проверить, насколько мой собеседник заинтересован в таком развитии событий.

— Георгий Иванович, я хоть потяну свою часть квартплаты? Какой оклад у вахтёров?

— Нормальный у них оклад, — уверил меня Городец. — И ты как ефрейтор займёшь вакансию старшего вахтёра. За фактически отработанное время рублей девяносто точно выходить станет, а то и сотня. Плюс талоны на питание в столовой.

— А материальная помощь?

— Решим, — ответил Георгий Иванович неопределённой ухмылкой. — Всё, свободен! И да — спецпособия мы уже изъяли, не ищи.

Я попрощался и покинул кабинет, скорее, воодушевлённый таким развитием событий, нежели столь неожиданным поворотом пришибленный. Пусть и придётся на новом месте устраиваться, но не на другой конец страны отправляют. Опять же — перспективы!

Первым делом я дошёл до комнаты и собрал свои пожитки, набив ими фанерный чемоданчик и вещевой мешок. Дальше посидел немного на кровати, переводя дух, огляделся. Не могу сказать, будто своим домом это место всерьёз считать начал, но съезжать буквально в никуда было немного страшновато. Сегодня ещё в больнице переночую, а завтра?

Ещё смущал предстоящий разговор с Варей, но тут уж деваться было некуда — слово дал. Да и вдруг у неё в самом деле беда какая случилась? Василь в командировке, поделиться не с кем. Надо зайти.

Так вот и вышло, что, сдав ключ дежурному, казарму я не покинул и постучался в комнату Вари. Почти сразу изнутри послышалось приглушённое:

— Кто там?

— Это Пётр! — сказал я, повысив голос.

Дверь тут же распахнулась, и Варя уставилась на меня во все глаза.

— Петя? Уже выписали?! — Тут она заметила чемоданчик и встревожилась. — А ты куда это с вещами?

— Переводят в охрану института, — пояснил я.

— Во дела! — удивилась Варя. — Ты заходи! Заходи! Хоть чаем напою. Мы к тебе пытались попасть, так на проходной завернули.

Девичье лицо выглядело осунувшимся и болезненно похудевшим; я опустил на стул и спросил:

— У тебя всё в порядке?

Варю аж перекосило от этого вопроса. Показалось, сейчас заплачет, но — нет, совладала с эмоциями, порылась в тумбочке и протянула мне листок. Это

оказалось письмо от Василя, и всё его содержание сводилось к тому, что любовь прошла, но они точно останутся друзьями.

Пока я бегло просматривал послание, Варя не выдержала и зашмыгала носом, принялась вытирать слёзы носовым платком.

— Нехорошо, — вздохнул я, поскольку разлад в отношениях Василя и Вари оказался для меня полнейшей неожиданностью. Василь в своих письмах и словом ни о чём таком не обмолвился.

Девушка махнула рукой и принялась разливать чай.

— Это всё Машка, коза драная, — уверенно заявила она. — Василь вечно на неё слюни пускал, а тут дорвался.

— И что теперь? — поинтересовался я.

Варя только плечами пожала. Не задался, в общем, разговор. Даже пожалел, что заглянул. Толку никакого, лишь душевную рану разбередил.

В итоге я скомкал разговор и потащился на склад. Вручил Михаилу Дмитриевичу обмундирование, заодно и попрощался. К слову, бельё, трико, комбинезон и кеды тот не принял и велел оставить себе, как списанное. Ещё и напутствовал крепким словцом, будто такой вот неожиданный перевод по моей собственной инициативе случился.

Но я не обиделся и не расстроился. Заскочил в канцелярию сдать удостоверение бойца ОНКОР, а в кассе получил не только расчёт, но и компенсацию за ранение в размере трёх окладов. Это и вовсе привело в приподнятое расположение духа. С учётом собственных накоплений и денег, полученных от жутенького старичка Горского, сумма скопилась преизрядная. На обустройство на новом месте хватит с превеликим запасом, даже с учётом немалых, по моим меркам, трат на аренду квартиры. И, если уж на то пошло, своё

жильё — большое дело. Будет хоть куда Юлию Сергеевну привести, а, глядишь, и не только её.

Обратно в больницу везти меня никто не собирался, так что я закинул на правое плечо лямки вещмешка, взял в правую же руку чемоданчик да и двинулся на выход. Шёл, немного перекосившись набок, и по сторонам не глядел, Михея заметил, только когда тот меня окликнул. Сначала обрадовался, поскольку с черноволосым носатым парнишкой мы неплохо ладили, затем насторожился — очень уж целеустремлённо и даже нервно тот ко мне спешил.

— Ты сбежал, а Карину убили! — сходу заявил бывший сослуживец.

Левой он будто клещами вцепился в моё плечо, правой замахнулся, намереваясь врезать по зубам, тут-то я его двумя пальцами в солнечное сплетение и ткнул. Простреленный бицепс взорвался болью, но эффект вышел что надо: Михей так и замер с отведённым назад кулаком и приоткрытым ртом.

Ну да — после месяца занятий йогой я несравненно лучше прежнего понимал связь сверхсилы и тела; вызвать точечным энергетическим воздействием временный паралич мышц не составило никакого труда. Это как выбить оператора из резонанса, только наоборот. Наловчился делать первое и понимаешь принцип второго — проблем не будет.

— Не делай так больше, — попросил я судорожно пытавшемуся вдохнуть парня, высвободился из его хватки и зашагал дальше.

Прошёл уже метров десять, когда за спиной послышался надсадный кашель. Ещё через десять метров схлынул адреналин, и я осознал то, на что следовало обратить внимание с самого начала.

«Ты сбежал, — сказал Михей. — Ты сбежал, а Карину убили!»

Захотелось вернуться и выяснить, кто распускает такие слухи, а после потолковать с Городцом, но делать этого не стал. Тут вариантов два: либо опять Барчук воду мутит, либо это и вовсе часть моей новой легенды и теперь с этим жить.

Плевать! Ключевое слово — «жить». Я буду жить. Не все таким похвастаться могут. Далеко не все.

Глава 2/1

Оформляться на работу в тот день я уже не пошёл. Просто решил воспользоваться оказией и заглянул в швейное ателье неподалёку от комендатуры, где заказал вторые брюки к костюму и купил пару новых сорочек, но свои силы определённым образом переоценил и в итоге до ближайшей трамвайной остановки пожитки едва допёр. Весь взмок. В палату чуть ли не заполз, переоделся в больничную пижаму и сразу рухнул на койку.

Ну и денёк!

Выписали меня сразу после утреннего обхода, и я оставил вещи в закутке дежурной сестры, а сам отправился на занятия. Никто на меня особо не глазел, кто-то кивнул, кто-то поздоровался. О нападении на патруль комендатуры студенты, конечно же, были наслышаны, но и понятия не имели, что единственным выжившим в той бойне был именно я. Об этом только актив военной кафедры оповестили да Инга по большому секрету Лии рассказала.

Впрочем, как выяснилось после первой лекции, ещё невесть откуда об этом прознал Лев. Сам я к нему на первый ряд спускаться не стал, просто решил лишний раз раненую ногу не нагружать, перекинулись парой слов уже на перемене. Он даже скорейшего выздоровления пожелал, но былой холодок так никуда и не делся. Как-то отстранился бывший одноклассник, такое впечатление. Ну а мне и в голову не пришло навязываться.

Больше всех надо, что ли? Собственных забот полон рот.

И первоочередной из них был поиск жилья. Именно поэтому после третьей пары я вместо столовой отправился в читальный зал, рассчитывая застать там Мишу Поповича. Ну и застал конечно же.

Не сказать, чтобы Нигилист мне прямо так уж сильно обрадовался, но принял всяко теплей Льва.

— Я Прохора хотел в соседи взять, — признался он без обиняков, — но они в пожарной охране на казарменном положении. Так что, если понравится квартира, можешь хоть завтра заселяться. Я в воскресенье вечером из казармы переберусь только.

— А сегодня не получится? — уточнил я.

— Давай спросим. В четыре сможешь?

— Да, освобожусь к этому времени.

Мы договорились встретиться в центральном вестибюле, и вот уже после этого разговора я поспешил в столовую — привык питаться по жёсткому расписанию, желудок подводить начало. Увы, на раздаче оказалось не протолкнуться от студентов, пришлось идти в буфет на третьем этаже.

Цены там были выше, и это обстоятельство отпугивало ценителей простой, сытной и недорогой пищи, но несколько не смущало посещавших институт слушателей «Общества изучения сверхэнергии». За одним из столов приметил Юлию Сергеевну, а та, в свою очередь, заметила меня и одарила на редкость пронзительным взглядом васильковых глаз, ещё и беззвучно пошевелила губами, будто затейливое ругательство выдохнула.

Постыдно сбегать я не стал. Набрал постных блюд, к коим успел привыкнуть за время лечения, добавил пару стаканов компота и расположился за свободным столом. Компания монархистов отобедала раньше, но это не помешало Юлии Сергеевне дожидаться меня в коридоре и утянуть в глухой закуток.

— Подлец! — с выражением произнесла она там. — Ты куда запропал?!

— Приболел, — отделался я полуправдой, поднёс ко рту кулак и два раза хекнул. — Сильно. Только выписали.

— Как так можно?! Сложно было позвонить? Я, между прочим, волновалась!

— Я, знаешь ли, не ясновидящий, а своего номера ты мне не давала.

— А в справочнике посмотреть?

— Ума не приложу, почему ими больничные палаты не снабжают.

Барышня надулась и с обидой произнесла:

— Хотел бы связаться — нашёл способ!

С этим было не поспорить, и я примирительно улыбнулся.

— Ладно, не злись.

— И что у тебя с лицом? — потребовала объяснений Юля, приглядевшись ко мне внимательней.

— Обгорел, — небрежно ответил я. — Слушай, тебе ещё нужно описание той техники?

Стояли мы достаточно близко друг к другу, чтобы уловить лёгкий аромат цветочных духов, и я не справился с искушением, приобнял девушку за талию и притянул к себе. Та спешно высвободилась и округлила глаза.

— С ума сошёл? А если увидит кто? — Она нервно оглянулась и лишь после этого подтвердила: — Да, Петенька, нужно. Очень нужно!

— Завтра воскресенье, так? Какие планы на день?

Юлия Сергеевна откинула с лица чёлку, миг поколебалась, затем спросила:

— Где встретимся? — И сразу добавила: — Только не в той ужасной гостинице! Я туда больше не пойду! Там все на меня пялились, будто на девку гулящую!

— И не придётся, я на квартиру съехал. «Под пальмой» в десять устроит?

— Нет, так рано не могу, в десять только пасхальная служба закончится, а мне ещё переодеться придётся. Давай в одиннадцать?

На том и порешили.

После я отправился к заместителю коменданта и потратил на все формальности от силы полчаса. Смены мне поставили на понедельник и четверг с двух часов пополудни и до десяти вечера, оклад назначили ни много ни мало — двести сорок рублей.

— Пока не пройдёшь обучение, твой потолок сто восемьдесят, — сразу предупредил Роберт Маркович. — Итого за два дня будет набегать шестьдесят рублей. Плюс талоны на трёхразовое питание.

— Всё равно оклад больше, чем в комендатуре, — беспечно улыбнулся я.

— За вредность доплачивают, — с мрачным видом выдал представитель моего нового работодателя, и я как-то сразу ему поверил.

После пришлось тащиться на военную кафедру. На учёте там я уже состоял и оттого полагал, будто все формальности много времени не займут, но ошибся. Нет, документы им уже переслали, закавыка возникла с подготовительными курсами.

— Дуй в двадцать пятый кабинет! — отфутболил меня Касатон Стройнович, потребовав должное количество подписей; я так и поступил, а там — очередь.

Пришлось присаживаться на лавочку. Крайним я пробыл недолго, постоянно подходили студенты — преимущественно юноши курса с третьего или четвёртого, но присутствовало тут и несколько барышень: эти сбились в кучку и о чём-то шушукались,

время от времени стреляя подведёнными глазками по сторонам.

К счастью, надолго никто в кабинете не задерживался — большинство так и вовсе сдавали то ли курсовые, то ли рефераты и сразу отправлялись восвояси. От силы через полчаса я уже переступил через порог и притворил за собой дверь.

— Здравствуйте, Георгий Иванович, — пробормотал озадаченно. — Давно не виделись.

— Садись, Пётр, в ногах правды нет, — предложил капитан Городец, а сам поднялся из-за стола и принялся отпирать железный шкаф. Вынул оттуда стопку книжиц и передал их мне. — Возвращаю учебные пособия.

И точно — это были те самые брошюры, которые изъяли из моей комнаты после ранения. Я принялся рассовывать их по портфелю и спросил:

— А вы как тут?..

Вопрос повис в воздухе: прежде чем ответить, Георгий Иванович вернулся на своё место, устроился поудобней и сложил руки на животе.

— А я тут преподаю, — заявил он после затянувшейся паузы. — Провожу инструктаж по работе со служебной и секретной информацией, веду курсы по организации контрразведывательной деятельности и противодиверсионных мероприятий. Но тебя будут учить другие люди.

Я указал на железный шкаф.

— То есть моё удостоверение просто переложили в другое место?

— Того удостоверения больше нет, а значит, оно никогда и не существовало вовсе. Сейчас у тебя будет вступительный курс, потом выучишься на начальника караула, а как наберёшься опыта, повысишь квалификацию до дежурного по контрольно-

пропускному пункту. Считай, обещанного сержанта получишь. Ты рад?

— А то как же!

— В апреле обойдёмся без практических занятий. Постарайся к маю форму набрать. Поблажек никто давать не будет. И учти: для тебя ничего не изменилось, каждый понедельник жду отчёта о проделанной работе. Это ясно?

— Предельно, — подтвердил я с тяжёлым вздохом.

— Тогда вот тебе график занятий, расписывайся за вступительный инструктаж и не задерживай людей.

Я так и сделал, а уже на выходе с военной кафедры столкнулся с Матвеем. На него и без того глазели из-за высокого роста, мощного сложения и формы с нашивками младшего сержанта, а на громогласный окрик:

— Петя! — Повернулись решительно все, не только я.

— Привет! Привет!

В главный корпус мы не пошли, покинули здание через боковой выход и расположились на лавочке у кустов сирени.

— В гробу я такое обучение видел, — пожаловался Матвей. — Уж на что мастер требовательный, эти умники ему фору дадут! Ещё заданий надавали, будто в школе! Да я б лучше каждый день воровские малины штурмовал!

— Скажешь тоже!

— Точно! Там главное дверь вынести и войти быстро, чтобы ничего скинуть не успели. Блатные так-то спокойные и не дёргаются обычно, действительно резких один на полсотни от силы.

Я только хмыкнул.

— С Варей поговорил? — напомнил Матвей о своей просьбе.

— Поговорил.

— Ну и?

Засомневался было, стоит ли откровенничать, но потом всё же решил не запираться, только предупредил:

— Строго между нами.

— Обижаешь!

— Её Василь бросил. Письмо прислал: мол, так и так, всё кончено.

— Вот паразит! — зло выругался Матвей и даже с лавочки вскочил. — Такую девку спортил!

— Скажешь тоже — спортил! — поморщился я, поднимаясь следом. — Ну было у неё ним, и что с того?

Матвей неопределённо пожал мощными плечами, потом задумчиво пробормотал:

— Надо ей удар поставить.

Я чуть рот от изумления не разинул.

— На кой?

Громила глянул на меня будто на маленького.

— А лучше будет, если она его подстрелит или сверхэнергией приласкает? Тогда — трибунал, и всё, жизнь под откос. А ломает нос — посудачат и забудут. Скажут, сам виноват.

— А вдруг отойдёт и простит?

— Только если совсем дура, — хмыкнул Матвей и протянул свою лапищу. — Ладно, бежать пора! Если на тренировку опоздаю, мастер меня эти учебники съесть заставит.

— Он может, — усмехнулся я, вытянул из жилетного кармана часы и обнаружил, что подошло время встречи с Поповичем. — Бывай! Тоже побегу!

Присмотренная бывшим сослуживцем двухкомнатная меблированная квартира располагалась в пяти кварталах от главного корпуса РИИФС и в стороне от трамвайной ветки. Второе обстоятельство худо-бедно нивелировало первое, да ещё здание

принадлежало институту, поэтому студентам и сотрудникам полагался льготный тариф. Как вольный слушатель, я под него не подпадал, а вот как старший вахтёр — вполне.

Миша Попович при осмотре нового жилища проявил изрядную въедливость, но квартплату опустить так и не сумел; запросили с нас по двадцать пять рублей в месяц. Не так уж и много, но и не мало. Особенно с учётом того обстоятельства, что жилые комнаты были тесными, кухня откровенно крохотной, а удобства располагались в общем коридоре, — одна уборная для всех квартиросъёмщиков, проживавших на этаже.

А так — неплохо. В каждой комнатухе уже стояли шкаф, кровать, тумбочка и узенький письменный стол, а больше туда при всём желании ничего было и не запихнуть. Впрочем, никакую дополнительную мебель я покупать не собирался в любом случае. Занавески и посуда есть — уже хорошо.

Мы подписали договор, сразу заплатили за два месяца вперёд и получили ключи.

— Завтра ближе к вечеру заеду, — предупредил меня Миша, вложив квитанцию в блокнот.

— А я — сегодня, — решил я, вытянул карманные часы и покинул квартиру вместе с новоявленным соседом, отправился в больницу на физиолечение и прочие реабилитационные процедуры, назначенные на вечер.

В итоге на занятие йогой я пришёл чуть раньше обычного и был вынужден внимать разглагольствованию господина Горицвета, который в своём экзотическом одеянии и с длинной косицей походил на практикующего йога и гуру куда больше, нежели Федора Васильевна. Та являлась на тренировки в белой больничной пижаме, а манерами недалеко ушла от старшины Дыбы и на отстранённые темы с подопечными сроду не общалась.

Ну хоть разогрелся заранее. А потом как обычно — сначала погружение в медитативный транс и работа с внутренним потенциалом, затем инъекция нейтрализатора и разминка, растяжка, какие-то не самые серьёзные физические упражнения. Но то — у меня. Я, по выражению Федоры Васильевны, учился отделять мух от котлет, то есть избавлялся от подсознательного совмещения мышечных усилий и сверхъестественного воздействия. И напротив — старался придать им осмысленный и контролируемый характер. С первым справлялся, со вторым дела обстояли не лучшим образом.

А ещё сегодня мешало сосредоточиться какое-то подспудное беспокойство. Сначала решил, будто нервничаю из-за перевода и переезда, потом сообразил, что дело вовсе не в том. Просто так и не нашёл времени поблагодарить Лию, которая навещала меня в больнице едва ли не каждый день! Даже как-то совестно стало. А ещё нехотя признал, что этих ежевечерних чаепитий будет откровенно не хватать. Раньше хоть с Василем и Варей общался, а теперь не с Нигилистом же лясы точить! У него одна учёба на уме.

Так что я немного поколебался, но в самом конце занятия всё же подошёл к Федоре Васильевне и поинтересовался, не найдётся ли в группе место для пирокинетика.

— У неё самоконтроль аховый, — сказал я, попытавшись соорудить жалобное выражение лица.

— У неё, значит? — хмыкнула терапевт. — Ну-ну. Приводи... её, посмотрим.

Заявляться в женское общежитие на ночь глядя показалось идеей не из лучших, поэтому двинулся сразу в больницу, а там с разрешения сестры воспользовался служебным аппаратом.

— Петя? — удивилась Лия, которую подозвала к телефону дежурная по этажу. — Как у тебя дела?

— Всё хорошо! Выписали же! — заявил я и неожиданно для самого себя сказал вовсе не то, что намеревался изначально: — Слушай, ты столько времени на меня потратила, давай хоть ужином угощу. Может, сходим куда-нибудь?

— Не-е-ет, — рассмеялась в ответ девушка. — Сейчас Витя придёт, на танцы собираемся. — А вот завтра... — Она задумалась. — Сводишь меня на выставку экспрессионистов? Витя наотрез отказался, а одной скучно идти.

— Можешь на меня рассчитывать, — быстро согласился я. — Где и когда встречаемся?

— В шесть вечера у главного корпуса.

— Замётано.

Я пожелал девушке спокойной ночи и положил трубку на рычажки, поблагодарил дежурную сестру, а только двинулся на выход с вещмешком и чемоданчиком, как та меня окликнула:

— погоди! А остальное?

Остальным оказались солдатские ботинки и плащ, правый рукав которого превратился в лохмотья; помимо трёх пулевых отверстий хватало на нём и подпалин, но в целом прочная толстая кожа пострадала не слишком сильно, выкидывать добротную одежду на помойку точно не стоило. Как, впрочем, не было смысла и сдавать её на склад. Списали уже, поди.

В итоге до квартиры свои пожитки еле допёр, сил едва хватило, чтобы раздеться и рухнуть на кровать. Болтают, сны в первую ночь на новом месте — вещие, мне же не снилось ровным счётом ничего. Отключился и включился, будто электрический прибор. На часах— девять. Привык в больнице к отсутствию побудок, расслабился.

Первым делом я сходил в уборную на этаже, после занялся утренней гимнастикой и прогнал щадящий комплекс упражнений, дальше приступил к медитации,

восполнил убыль потенциала, равномерно разогнал сверхэнергию по организму, тогда только почувствовал себя по-настоящему живым.

В желудке уже посасывало, так что выбрал из денег тридцатку, а остальное запрятал в щель за шкафом, оделся, причесался и спустился на улицу. Там — благодать.

Солнышко светит, воробьи щебечут, на газонах зеленеет трава. И — тепло. Такое впечатление — лето на дворе, а вовсе не девятое апреля.

Крюк до трамвайной линии я делать не стал, прошёлся до института пешком, под колокольный звон миновал церковь Ильи Пророка, откуда только-только начали расходиться после утренней службы прихожане. Хотя, наверное, всё же со всенощной — сегодня Пасха.

На подходе к скверу у главного корпуса повстречался с Иваном Богомолем. Тот прогуливался под ручку с ослепительной красоты барышней; собственно, я так на неё загляделся, что даже не сразу помощника Альберта Павловича заметил. Да тот и сам оказался полностью увлечён разговором со спутницей, на меня внимания не обратил. Если эта красotka в лёгоньком платьице и с жемчужной ниткой на шее и есть его супруга, то не приходилось удивляться нежеланию вести в ресторан Валю. Сам бы такую и на двух Валь не променял.

Дальше я расположился на веранде кафе «Под пальмой» и плотно позавтракал. Правильно сделал: Юлия Сергеевна позволила себе припоздниться и появилась только в четверть двенадцатого. В своей шляпке, в облегающем жакете и юбке чуть уже и короче, нежели позволяли себе студентки, она словно сошла со страниц модного журнала, и невольно мелькнул вопрос, зачем я ей сдался, но не стал мотать себе нервы, огляделся и неспешно двинулся по тротуару. Барышня поцокала каблучками следом.

Повернув на соседнюю улочку, я применил на практике свои теоретические познания по обнаружению слежки и ничего подозрительного не заметил, тогда мы остановили извозчика и покатали на квартиру. Ехали молча, а уже на месте Юля огляделась и улыбнулась:

— Миленко.

Арендуемое барышней на пару с подругой жильё было куда просторней, ещё и с собственной ванной комнатой, но усмешки в голосе барышни не прозвучало, более того, она спросила:

— Неужто в корпусе так хорошо платят?

— Платят там неплохо. Но я уже не в корпусе.

— В самом деле? — удивилась Юля. — И где же ты сейчас служишь?

— В понедельник выхожу в институт вахтёром, — сообщил я, сняв пиджак и повесив его в шкаф. — Старшим.

В васильковых глазах Юлии Сергеевны мелькнуло недоумение.

— И это считается повышением?

— По состоянию здоровья перевели. Так что теперь я вовсе не героический революционный матрос, а скучный вахтёр.

Барышня фыркнула, а когда я стянул с плеч подтяжки, вопросительно изогнула бровь.

— Вот так сразу, да?

— Ты разве не соскучилась?

Юлия Сергеевна закатила глаза и потребовала:

— Отвернись!

Я и не подумал выполнить эту просьбу, тогда отвернулась она сама; кинула шляпку на тумбочку, принялась возиться с застёжками жакета. Я быстренько разделся и улёгся на кровать, принялся с живейшим интересом наблюдать за тем, как барышня стягивает с себя юбку, а затем и чулки.

— Моя попа всё ещё идеальна? — спросила Юля, нисколько не сомневаясь в том, что я не спускаю с неё глаз.

— Даже идеальней прежнего.

Юлия Сергеевна обернулась с раздумывавшимися от смущения щеками, но прикрыть ладошками грудь и треугольник светлых волос внизу живота и не подумала. Глянула с вызовом и точно собиралась отпустить какую-то шпильку, а вместо этого охнула:

— Матерь божья! Это что с тобой такое?!

Я опустил взгляд на зарубцевавшиеся раны и хмыкнул:

— Говорю же — приболел.

— Одна, две, три, четыре... В тебя стреляли?!

— Ну да.

Юля присела на краешек кровати и требовательно спросила:

— И как это случилось?

Я невесть с чего смутился.

— На практике улицы патрулировали. Ну и вот... Комиссовали, в общем.

— А-а-а! — понимающе протянула барышня. — Тот случай пару месяцев назад! О нём даже в газетах писали!

— Серьёзно? — удивился я. — А в каких?

— В институтских «СверхНовостях» и «Новинском времени» точно было.

— И что писали?

— Ты мне зубы не заговаривай! — возмутилась Юлия Сергеевна и принялась выпрашивать подробности, а когда удовлетворила женское любопытство, последовал новый, куда более актуальный вопрос: — Петенька, а ты вообще в состоянии?..

— Сама не видишь, что ли? — оскорбился я, а потом ухмыльнулся. — В институте благородных девиц ведь обучают верховой езде, так?

Васильковые глаза Юли распахнулись просто до невозможных размеров.

— Ты о чём это? Я никогда...

Но никогда — никогда, а освоилась Юлия Сергеевна весьма быстро и, если поначалу осторожничала, то на пике эмоций едва меня не заездила.

— Ты чего? — недоумённо выдохнула она, когда я принялся давиться смехом в самый неподходящий момент.

Тут уж не выдержал и рассмеялся в голос, вытер слёзы и пояснил:

— Подумал, какую причину травмы в историю болезни запишут, если сейчас швы разойдутся.

— Дурак! — выругалась Юля и откинула мои руки от своей груди, но сразу сменила гнев на милость и подалась вперёд, навалилась сверху. — Пообещай мне одну вещь, — попросила она вдруг.

— Валяй! — разрешил я.

Барышня понизила голос едва ли не до шёпота и со своим тягучим акцентом, от которого по коже бежали мурашки, произнесла:

— Если придётся, убей меня быстро. Так, чтобы ничего не почувствовала. А лучше — не поняла вовсе.

И вот тут мурашки по коже побежали отнюдь не из-за интонаций, холодком всего так и пробрало.

— С дуба рухнула? Зачем мне тебя убивать?!

Юлия Сергеевна прижалась всем телом и прошептала на ухо:

— Потому что, Петенька, мы по разные стороны баррикад. Я — монархистка, ты — социалист. Гражданская война неизбежна. А ты же знаешь, что творится в Домании?

— Знаю, — подтвердил я.

— Так обещаешь?

— Да, — ответил я коротко и встречного обещания требовать не стал.

Всё это лишь слова. Да и не дойдёт до гражданской войны, не та у нас ситуация. Слишком велик перевес левоцентристских партий.

Юля поёжилась и вдруг потребовала:

— Поцелуй меня!

— А как же телячьи нежности, которых ты не выносишь?

— Сегодня можно.

И я поцеловал девушку, впервые за все наши встречи поцеловал. Та с готовностью ответила, но почти сразу отстранилась и слезла с меня.

— Ты чего?

— Довольно скачек! — отрезала Юля. — Ещё не хватало потом с твоим лечащим врачом объясняться.

— Да брось!

Я начал приподниматься, но барышня легонько толкнула обратно.

— Лежи! — Она сместилась мне в ноги, откинула волосы с лица, и стал виден заливший её щёки лихорадочный румянец. — Боже мой, как низко я пала!

Спросить, о чём это она, не успел. В этом просто не осталось никакой нужды: и увидел воочию, и прочувствовал, аж дух перехватило.

Всё закончилось очень быстро, и Юля убежала на кухню, а когда вернулась, то улеглась рядом, подпёрла подбородок ладонями и принялась покачивать согнутыми в коленях ногами.

— Это был лютиерианский поцелуй, — сообщила она, одарив меня невинным взглядом васильковых глаз. — Когда на курсах о таком рассказывали, от смущения чуть сквозь землю не провалилась. О нет! Никогда-никогда, только не я! И вот полугода не прошло, как тебя ублажила. Оно хоть того стоило, Петя?

Я только-только отдышался, фыркнул совершенно искренне:

— Ещё спрашиваешь!

И вместе с тем ощутил некоторую неловкость. Прежде мы всегда встречались либо у Юли, либо на нейтральной территории, и там я мог просто одеться и уйти. А тут понятия не имел, как намекнуть барышне, что ей пора закругляться.

Ну да — своё я уже получил, на большее был попросту неспособен, и общество гостыи начало тяготить. Мы были слишком разные, поиск общей темы для разговора представлялся мне самой настоящей пыткой.

К счастью, Юлия Сергеевна и сама не собиралась затягивать визит и начала одеваться. И вот только она стала разбирать нижнее бельё, как сразу захотелось предложить ненадолго задержаться.

— Нет-нет-нет! — покачала барышня головой, перехватив мой, как видно, очень уж выразительный взгляд. — Хорошего помаленьку!

— Заглянешь в воскресенье?

— И на неделе загляну, если позовёшь. Только окрепни для начала. Не любительница верховой езды, знаешь ли. Предпочитаю жеребцам матросов.

Я открыл тумбочку и достал полученные от Льва конспекты.

— Ловлю на слове. А то освоишь технику, подберёшь кавалера из своего круга, и поминай как звали.

Юлия Сергеевна мигом выхватила листы и зашелестела ими, ещё и спросила:

— Сам читал?

— Не-а. Мне без надобности. Попросил — сделали.

Конспекты отправились в дамскую сумочку, а потом Юля застегнула жакет и уверила меня:

— Приду-приду. Зови. А серьёзные отношения... Не всё так сразу.

Она вздохнула, надела туфельки и помахала на прощанье.

— Пока!

Провожать гостью не стал, всунул ступни в тапочки, обернул бёдра полотенцем, прихватил кусок мыла и отправился в ванную комнату, единственную на этаже. Та среди дня оказалась свободна, но вот уже возвращаясь обратно в квартиру, столкнулся с двумя соседками. Барышни — по возрасту старшекурсницы, — так и покатались со смеху, ладно хоть в полутьме коридора не разглядели свежих рубцов.

Я своему неподобающему виду ничуть не смутился, пригласил их вечером заходить на чай, чем вызвал очередной приступ веселья, и с чувством собственного достоинства безо всякой спешки скрылся за дверью. В шкафчиках на кухне было шаром покати, так что ответил на письмо из дома, да ещё написал весточку Василию и отправился разведать округу.

Нашёл почту, бакалейный магазинчик, булочную и лавку зеленщика, сделал покупки, перекусил и засел за штудирование конспектов и учебных пособий. А там уже и время отправляться на встречу с Лией подошло.

Встретиться мы условились в сквере перед главным корпусом института, а поскольку по случаю хорошей погоды там было вечно не протолкнуться от студентов, договорились искать друг друга у фонтана. Никак особенно наряжаться на выставку Лия не стала, надела спортивного покроя жакет и твидовую юбку, а довершили её наряд клетчатые гольфы, лёгкие туфли и приплюснутая шляпка.

Я двинулся навстречу и с улыбкой спросил:

— Купила новую шляпку по случаю выхода в свет?

— Скажешь тоже! — рассмеялась барышня и взяла меня под руку.

Вечер выдался тёплым и погожим, и я предложил пройтись пешком, благо хромота стала почти незаметна. Но — только почти.

— А не думал тросточку купить? — спросила Лия. — Ну а что такого? Ходили бы со Львом на пару.

— И покупать не придётся. Лев скоро от чёрных очков откажется, вот и попрошу одолжить.

— Серьёзно?

— Шучу.

— Да нет, я насчёт Льва!

— Это — серьёзно.

Так дальше и шли, болтая о всяких пустяках.

Художественная галерея располагалась на бульваре Февраля, и неладное я заподозрил ещё в соседнем квартале. Просто извозчики подъезжали к трёхэтажному особняку один за другим, а некоторые из ценителей современного искусства тратились и на таксомотор. На крыльце почтенную публику встречали сразу два вахтёра, и, судя по всем приметам, вход в галерею сегодня был отнюдь не свободным.

Афиша на тумбе привлекла броской надписью: «Открытие!», и я придержал Лию.

— Похоже, придётся заглянуть сюда в другой день.

— Вот ещё! — фыркнула барышня. — У меня пригласительный на две персоны!

— В самом деле?

— Ага, я на курс культурологии записалась, в качестве поощрения за доклад выдали.

И точно — в художественную галерею нас пропустили без единого вопроса. Я этому обстоятельству не только не порадовался, но ещё и ощутил себя не в своей тарелке — очень уж дёшево смотрелся на фоне нарядов других посетителей мой собственный костюм.

Лия — другое дело. Помимо лощёной публики в залах хватало представителей богемы, и моя спутница ничем не уступала другим завсегдатаям театральных

премьер, стихотворных вечеров и художественных салонов. Ну а я — нет. Я — не вписывался.

«Выламывался», — как сказал бы Карл.

Впрочем, публика была занята картинами или же обсуждением оных, и на меня никто не пялился. Да ещё Лия тянула от полотна к полотну. Преимущественно яркая палитра и размазанные силуэты несколько не впечатляли, поэтому задумчиво морщил лоб и многозначительно хмыкал я исключительно для виду, а сам всё больше наблюдал за другими посетителями.

Поэтому и углядел в одном из холлов Юлию Сергеевну. А вот та меня не заметила. Стояла, уставившись куда-то в одну точку, и её вытянутое лицо закаменело и стало каким-то совсем уж некрасивым. Я проследил за напряжённым взглядом барышни и решил, что смотрит та на импозантного молодого человека лет тридцати — стройного и высокого, с зачёсанными назад светлыми волосами, обсуждавшего одну из картин с совсем молоденькой красоткой.

Эрнест Карлович Рейс собственной персоной.

В отличие от пациентов сам магистр психологии повышенной эмпатической чувствительностью не отличался, а то бы его прямо на месте кондрашка хватил. Сказать, будто смотрела Юленька зло, — всё равно что ничего не сказать.

Тут Лия потянула меня дальше, мы перешли в следующий зал и нос к носу столкнулись с Ингой и Вениамином Мельником. Было приятно встретить на этом пафосном сборище людей своего круга, и я широко улыбнулся.

— Привет!

Аспирант ответил на рукопожатие, а вот мои бывшие одноклассницы обменялись взглядами, не слишком-то и приятными.

— Ты разве не считаешь изобразительное искусство буржуазным пережитком? — спросила Лия с некоторой

даже обидой в голосе.

Инга не стушевалась и спокойно заявила в ответ:

— Считаю, но модернизм прогрессивен по своей сути! — После и вовсе не удержалась от шпильки, поинтересовавшись: — А что же Виктор не составил тебе компанию?

— Мы с ним расходимся в оценке творчества экспрессионистов, — холодно ответила Лия и потянула меня дальше. — Петя, идём!

Ну а Инга потащила своего кавалера в противоположном направлении, мы с Вениамином только и успели, что друг другу понимающе улыбнуться.

В итоге любовался творчеством экспрессионистов ещё часа полтора, потом только запал Лии иссяк и мы покинули галерею.

— Зайдём в кафе? — предложил я.

— Что-то не хочется.

Я придержал спутницу и развернул её лицом к себе.

— Ну ты чего скисла? Из-за Инги, что ли?

— Да вот ещё! — фыркнула барышня. — Просто Виктор постоянно занят, не буду же тебя всё время дёргать, чтобы хоть куда-то выбраться!

— Да и дёргай на здоровье. А что Виктор вечно занят — так это понятно, он же на пятом курсе! Диплом писать нужно.

— Если бы! У него свои дела, — вздохнула Лия и махнула рукой. — Ой, да не забивай голову! У меня всё хорошо!

Мы двинулись к институту, и я прищёлкнул пальцами.

— Слушай, а не хочешь на йогу походить?

— На йогу? — вытаращилась на меня барышня. — Вот, Петя, удивил, так удивил! Это же Лев всем таким интересовался, а ты всегда скептицизм проявлял!

— Не на обычную, а на сверхйогу, — пояснил я. — Мне очень сильно с самоконтролем занятия помогли. Рекомендую.

— Да? — заинтересовалась Лия. — А где занятия проходят?

На обратном пути я поведал о курсах Федоры Васильевны, и под конец моя бывшая одноклассница явственным образом оттаяла и перестала хмуриться.

— Только, чур, сам меня туда отведёшь, — попросила она. — Договорились?

— Ладно. Завтра не знаю, когда освобожусь. Во вторник точно смогу.

— Спасибо!

Наградой за потраченное время стал поцелуй в щёчку, потом Лия скрылась на проходной, а мне ещё пришлось тащиться пять кварталов до квартиры, до того вымотался — еле на третий этаж поднялся. Миша уже перебрался из казармы, мы попили чай, и он отправился в свою комнату читать, а я дополз до кровати, упал на неё и сразу уснул.

Глава 2/2

Утром растолкал Попович, который встал по звонку будильника. Сам я, честно говоря, этот момент из виду упустил. Дома родители будили, в казарме — дежурный, в больнице — медсёстры. Если б не сосед, точно бы проспал.

На первой паре я переборол себя и спустился на первый ряд, сел рядом со Львом. Не могу сказать, будто так уж напрягал разлад в отношениях, дело тут было совсем в другом. Просто мало ли какая ещё информация Юлии Сергеевне понадобится? На правах товарища всяко проще с просьбой обратиться будет. Не плюй в колодец и всё такое прочее, строго по учебному пособию о вербовке.

И хоть самого от столь циничного прагматизма коробило, но пообщались как-то, обсудили новости. Дальше я отсидел ещё одну лекцию и посетил два семинара, после сходил на физиотерапию и лечебную физкультуру, а затем пообедал и в оговоренное время явился на приём к заместителю коменданта. Начинался мой первый рабочий день.

Сам вступительный инструктаж много времени не занял, куда дольше расписывался за него во всевозможных журналах. Ну а затем хозяин кабинета откинулся в кресле.

— Так, говоришь, на Кордоне служил?

— Так точно.

— Автотранспорт досматривать приходилось?

— Через день.

— Ну и отлично! Поставлю тебя на ворота. Сам найдёшь?

Я кивнул, и тогда Роберт Маркович вручил мне служебное удостоверение.

— Дежурного зовут Савелий Четверток. Сейчас позвоню и предупрежу его на твой счёт. Толай!

Ну я и потопал. С улицы пропускной пункт ничего особенного собой не представлял — ворота и ворота, пусть даже со створками высотой в два человеческих роста, — но просто взять и проехать на территорию студгородка через них было нельзя: весь транспорт загоняли на проверку в отстойник, здесь же была оборудована весовая станция. Проскочить на скорости — не вариант. Проезд упирался в стену и поворачивал под прямым углом, дальше — шлагбаум. И не простая жердь, а железная труба.

Караул состоял из пяти человек, все как один — операторы. Я подошёл в пересменку, было время познакомиться. Дежурный по контрольно-пропускному пункту — тот самый Савелий Четверток, — оказался, к моему величайшему удивлению, ещё и самым молодым. На вид этому плечистому крепышу с кобурой на боку не было и двадцати пяти, не иначе отработывал контракт после окончания института или с военной кафедры отрядили набираться опыта; справляться на этот счёт не стал.

Двое бойцов в униформе с символикой РИИФС выглядели лет на пять-шесть постарше. Один заведовал пультом управления электроприводами ворот и шлагбаума, второй дежурил во дворе вместе с начальником. Оба — при винтовках.

Последний в карауле был самым возрастным и, в отличие от остальных, на дежурство вышел в застиранном рабочем комбинезоне. Именно этот дядька с загорелым и морщинистым лицом и покачал головой.

— Не самый подходящий наряд выбрал, молодой.

Я пожал ладонь с намертво въевшимися в кожу пятнышками машинного масла и усмехнулся.

— Сейчас всё будет. — Посмотрел на дежурного по КПП и замялся. — Разрешите... э-э-э...

— Просто Савелий. Есть во что переодеться, так понимаю?

— Ага, — кивнул я, воздержавшись от уставного «так точно».

Как знал — прихватил собственный синий комбинезон и армейские ботинки, ещё и тельняшку под него поддел. Тепло-то оно тепло, да не очень.

— Где служил? — поинтересовался Четверток.

— В мотопатруле на Кордоне.

— О! — обрадовался он. — Если на территорию сторонний транспорт запускаем, его мотоциклист сопровождать должен. Возьмёшь на себя.

— Возьму, чего не взять?

Мы вышли во двор-отстойник, и дежурный указал на стоявший под навесом мотоцикл с коляской.

— Справишься?

— Без проблем, если на ходу.

— На ходу, не сомневайся.

Тут же под навесом был установлен стол с двумя лавками.

— Когда транспорт потоком идёт, из караулки не набегаешься, — пояснил мне морщинистый дядька, представившийся Валерием. — Значица, так! Ребята легковой транспорт досматривают, мы с тобой грузовиками занимаемся. В остальное время сидим и бамбук курим. Ты как — дымишь?

— Не-а.

— Но хоть в преферанс играешь?

— В преферанс играю.

В это время резко звякнул сигнал открытия ворот, их створки очень плавно и без рывков начали расходиться в разные стороны. С улицы заехали два одинаковых чёрных седана, и Валера подсказал:

— Ректор прикатил. А второе авто...

— Профессора Палинского возит, — заявил я, припомнив регистрационный номер. — Их тоже от и до

досматривают?

— Не! Профанация одна.

Но не такая уж это оказалась и профанация. Савелий заглянул внутрь салонов и осмотрел содержимое багажников, а его подчинённый обошёл автомобили с закреплённым на длинной ручке зеркалом и проверил, не спрятано ли что-нибудь под днищем. Прodelано всё это было очень быстро, и минуты не прошло, как оба седана пропустили на территорию студгородка.

— Серьёзно? — глянул я на напарника. — Думаете, ректор кого-то тайком повезёт? Да через главный вход войти проще!

— Чудак-человек! — усмехнулся в ответ Валерий. — Во всём должен быть порядок! Откуда ректору знать, что там водитель в багажнике везёт? А под днищем кто угодно что угодно подвесить может, чтобы потом на территории снять.

Вновь звякнул сигнал, на этот раз в отстойник заехала полупортка.

— Я соответствие груза накладным проверяю, а ты давай снизу глянь, — распорядился мой напарник. — Вон, каталку бери.

Каталкой оказался дощатый щит с закреплёнными по краям металлическими подшипниками. Корячиться не пришлось: лёг на него спиной и заехал под грузовик, отталкиваясь от земли пятками. Опыт досмотра автомобилей был у меня немалый, провозился недолго и освободился ещё раньше Валеры, принялся следить за его действиями. Перенимать, так сказать, опыт.

Вот в таком духе остаток дня и прошёл. То осматривал транспорт, то штудировал пособие по созданию продвинутого заземления, ещё пару пуль расписали, когда затишье случилось. На ужин с поста отлучаться не возникло нужды, его принесли нам в

бидонах и судочках. А без пяти минут девять Валера зевнул, закурил и махнул рукой.

— Ладно, молодой, свободен на сегодня.

— Как так? — удивился я. — До десяти же смена?

— Всё, после девяти избушку на клюшку. Теперь по экстренной надобности если только. Вдвоём тут куковать нужды нет. Ты когда в следующий раз выходишь?

— В четверг.

— Вот и подежуришь за меня часок. Договорились?

— Замётано!

Но всё же справиться на этот счёт у Савелия Четвертка я не преминул.

— Обычная практика. Иди, — отпустил меня тот.

Ну а мне больше всех надо, что ли? Переоделся, позвонил Лии со служебного аппарата и предложил встретиться в спортивном корпусе, в одном из залов которого и собирались адепты йоги. Бывшая одноклассница немного поколебалась, потом пообещала подойти через пятнадцать минут.

— Только Витю предупрежу, — сказала она и повесила трубку.

В итоге я пришёл первым и до появления Лии успел переодеться в трико и майку, дальше представил барышню Федоре Васильевне и приступил к комплексу дыхательных упражнений. После начал работать с внутренним потенциалом, разгонял его равномерно по организму, добиваясь идеальной упорядоченности, синхронизировал движение энергии с биением сердца, вдохами и выдохами, жестами. Попутно погрузился в лёгкий транс и после уже не вколотил себя в резонанс, а скользнул в него мягко и незаметно.

И хлынувшую сверхсилу принимал куда уверенней, нежели проделывал это ещё месяц назад. Удержать восемь с половиной мегаджоулей стало получаться на удивление легко, эта чудовищная прорва энергии не

рвалась вовне и не рвала меня, больше не давила на плечи всей тяжестью небосвода. Силовой вихрь неспешно вращался, лишь слегка покачивая из стороны в сторону, а я пытался до предела замедлить его и даже полностью остановить.

Ну и остановил, конечно, и вот тогда нагрузка возросла многократно, и неприятно заломило в местах недавних ранений — так до сих пор продолжали сказываться последствия гипертрофии энергетических узлов. На какое-то время я уподобился поднявшему рекордный вес тяжелоатлету, затем усилием воли разжёг алхимическую печь и принялся пережигать сверхсилу в противофазе до тех пор, пока удержание набранного потенциала не перестало требовать полнейшей сосредоточенности.

По моим прикидкам, остаток немного недотягивал до шестисот тысяч сверхджоулей, что было весьма немало в абсолютном выражении, но относительно полного выхода резонанса уже особо не впечатляло. Прежде и до двенадцати процентов этот показатель доводил, а тут жалкие семь! Курам на смех!

Как бы то ни было, шумно выдохнул, поднялся с циновки и принялся разминаться, а там и Федора Васильевна со шприцем подошла.

— Может, не надо уже? — с выражением протянул я, но терапевта не разжалобил.

— Курс рассчитан до конца месяца! — отрезала та. — Мне на тебя расход препарата уже согласовали!

Произнесено это было таким тоном, что спорить разом расхотелось, безропотно подставил руку для укола и приступил к разминке, в процессе которой и утратил контроль над сверхэнергией; даже ощущать её перестал. На самом деле зудело что-то такое в голове, будто пытался прорезаться мой эрзац ясновиденья, но стоило только сосредоточиться — и ничего. Раздражало это просто до невозможности.

Следующие полчаса я уделил лечебной гимнастике, и пусть упражнения были не слишком интенсивными, под конец занятия взмок. Начал приводить дыхание в порядок, тогда вновь подошла Федора Васильевна.

— Ну-ка, наклонись! — потребовала она.

Я настороженно отступил и уже с безопасной, как показалось, дистанции уточнил:

— Чего это?

— Уши надеру! — объявила тётка. — Ты, паразит, зачем девчонку технике алхимической печи обучил, а?

Дело запахло жареным, и я сделал ещё один осторожный шажочек назад.

— Ну, она мёрзла...

— Балда! — припечатала меня Федора Васильевна обидным словцом. — Алхимическая печь нужна для более полного слияния тела и духа, первокурснице от такого один вред! С её-то самоконтролем!

У меня от стыда даже щёки загорелись.

— И что теперь?

— Да ничего теперь, — поморщилась терапевт. — Пирокинетик с таким самоконтролем — это как бомба с неисправным часовым механизмом. Не понимаю, куда Палинский смотрел. Можно подумать, на синергии свет клином сошёлся! — Федора Васильевна перехватила мой взгляд на Лию и хмыкнула. — Хорошо, что привёл. Я ей в обязательном порядке ещё и лечебную физкультуру пропишу вдобавок к йоге. А теперь — кыш!

Я отправился в раздевалку и принял душ, но покидать зал не стал, подождал Лию и вызвался проводить её до общежития. Опасался просто, что бывшей однокласснице не понравилось, как её Федора Васильевна в оборот взяла, вот и решил впечатлениями поинтересоваться.

Но — нет. Не могу сказать, будто Лию первое занятие йогой привело в такой уж восторг, и всё же определённое воодушевление имело место быть.

— Петя, я с девчонками в раздевалке разговорила, у них у многих с контролем сверхсилы проблемы были, им от кафедры направления выдавали. Представляешь?

— Тебе самой-то понравилось?

— Ну, я ещё не разобралась толком, — призналась барышня. — Ты сам сколько ходишь? Есть прогресс?

— Месяц хожу. Прогресс есть.

— Здорово!

Лия поцеловала меня в щёку и скрылась на проходной общежития, а я развернулся и направился к ближайшему служебному выходу, но не прошёл и двадцати метров, как из-за угла соседнего корпуса вывернула троица парней. И случайной встречей тут и не пахло: одним из них оказался Виктор, да и парочку его приятелей уже доводилось видеть раньше.

Сердце ёкнуло и лихорадочно забилось, но испуга я не выказал, только переложил портфель из правой руки в левую. Что самое паскудное — после инъекции сверхспособности восстановиться ещё не успели. Мысленно шарил, шарил и шарил, но энергии ощутить не мог. Улавливал одно лишь её эхо.

Эхо?! И тут будто плотину прорвало — ясновиденье взорвалось в голове серым всполохом, подсветило реальность, наложилось на неё сгустками призрачного свечения. Я вновь стал улавливать создаваемые другими операторами помехи и с некоторой долей фатализма отметил, что едва ли сверхспособности помогли бы справиться с этой троицей. Мало того что Виктор — золотой румб, так и остальные от него недалеко ушли.

А что не обойдётся без драки, я нисколько не сомневался и в своих ожиданиях оказался совершенно прав.

— Кому сказано было подальше от Лии держаться? — сходу выдал Виктор, а его приятели разошлись, полностью перегородив дорожку. — Тупой,

да? По-хорошему не понимаешь? Сейчас доступно объясним!

Студенты определённо не собирались заходить слишком далеко и задействовать сверхспособности, они полагались на своё численное превосходство и полагались отнюдь не безосновательно: увы и ах, я ещё не восстановился в достаточной степени для рукопашных сшибок, да и убежать тоже не мог. А так бы задал стрекача. Унизительно — признаю, но и когда тебя по земле валяют, достоинства не сохранить.

Ну а тут не стал ни вставать в стойку, ни даже просто останавливаться. Как шёл, так и продолжил идти. Не говоря ни слова, вытянул из кармана стилет и утопил кнопку. Металлический щелчок вылетевшего из рукояти клинка враз стёр улыбочки студентов, приятели нервно глянули на Виктора, а тот облизнул губы, но с места не сдвинулся.

Я тоже идти на попятную не собирался, уверенно шагал, удерживая нож в опущенной руке и кривя в ухмылке правый уголок рта. Это как карточный блеф: у кого нервы не выдержат, тот и проиграл. Только бы вскрываться не пришлось. Только бы...

Виктор неуверенно переступил с ноги на ногу, и тут неподалёку послышались голоса. Кто-то приближался к нам со стороны соседнего корпуса, и старшекурсник коротко бросил:

— Ещё поговорим.

Троица студентов прошла мимо, зацепить меня плечом не рискнул ни один. Я приподнял портфель и прикрыл им нож, разминувшись с вывернувшей из-за угла шумной компанией, а после сложил клинок и потопал дальше. Сердце так и продолжало лихорадочно колотиться. Вот же ерунда какая...

С вечера постирал трико и майку и вывесил их за окном, утром свернул и запихнул в портфель. Дальше

мы с Мишей Поповичем позавтракали бутербродами и отправились в институт. Обычное начало дня двух студентов, ничего особенного. И проблем этот погожий денёк мне подкинул тоже самых обычных — студенческих.

Пришёл на лекцию по судебной психиатрии, а старичок-преподаватель мигом углядел и подозвал к себе. Убедительным оправданием пропуска занятий медицинская справка Владимиру Прокофьевичу отнюдь не показалась, пришлось продемонстрировать переписанные в тетрадь конспекты. Но оставались ещё «прогулянные» семинары, и мне поручили подготовить доклад и написать реферат. Когда б ещё на это время выкроить?

После лечебных процедур и обеда вышел на улицу; на военной кафедре ждали к трём, вот и решил погреться под весенним солнышком. Приметил на одной из лавочек Карла, Николая и Яна, которые в кои-то веки попались на глаза без своих вторых половинок, и подошёл.

— Падай, Пьер! — предложил Карл, и я отказываться не стал, уселся на край лавочки.

— Как дела? — поинтересовался, заложив ногу за ногу и порадовавшись уже одному тому обстоятельству, что ничего не тянет и не болит.

— Весна! — повёл рукой Ян. — Девчонки принарядились.

— И сердцу хочется любви, — поддержал приятеля Карл. — Да, Николая?

— Идите в баню! — буркнул тот, поднялся с лавочки и двинулся ко входу в главный корпус, но не дошёл, остановился под столбом с часами.

Студенты обменялись ухмылками, а вот я решительно ничего не понял. Начал о чём-то таком подозревать, когда появилась статная Тамара, но Коля

на недавнюю любовь всей своей жизни даже не взглянул, более того — демонстративно отвернулся.

— Это как так? — не сдержал я удивления. — Он же по Томке сох?

— Николя у нас влюбчивый, — ухмыльнулся Карл.

— О, гляди! — указал мне Ян на выпорхнувших на улицу барышень, смуглых и черноволосых, чем-то неуловимо походивших друг на дружку. — Республиканцам в Домании несладко приходится, к нам беженцы едут.

Одна из брюнеток — очень симпатичная, с аккуратной головкой и классическим профилем, стройная, будто тростинка, оставила подружек, подошла к Николаю, и эта парочка поцеловалась у всех на виду, едва ли не демонстративно.

— Ребекку после ранения на реабилитацию отправили. Она в интербригаде снайпером была, — пояснил Ян. — Только ума не приложу, как они языковой барьер обошли!

— Да какой там барьер? — хохотнул Карл. — С языком целуются! Не маленькие, поди!

— Боевая деваха! — отметил Ян. — Но не оператор, а это минус.

— Почему это? — удивился я.

Студенты рассмеялись.

— Николя, бедняга, даже курить бросил, все деньги на резиновые изделия уходят, — отсмеявшись, пояснил Карл.

— Не самая бесполезная трата денег, — поддержал я шутку, а когда Коля повёл подружку куда-то вглубь территории студгородка, воспользовался случаем прояснить волновавший меня момент. — Слушайте, а знаете такого Виктора с кафедры феномена резонанса? На пятом курсе учится.

— Витя Костерок? — уточнил Ян. — Ага, выпускается в этом году. Дружки у него на год младше, те на

четвёртом.

Знал приятеля Лии и Карл.

— Балбес и бездельник, одни карты на уме! — высказался он в высшей степени неодобрительно. — На военную кафедру забил, теперь пойдёт служить младшим унтером. Он пирокинетик, точно куда-нибудь в огнемётную роту угодит.

— Не, — мотнул вихрастой головой Ян. — Слышал, Витя в аспирантуру метит. На отработке методик синергии подвизается и, насколько понял, небезуспешно.

Карл пожал мощными плечами и в свою очередь полюбопытствовал:

— А чего ты им заинтересовался вдруг, если не секрет?

— Да мутным он каким-то показался, — ушёл я от прямого ответа. — Бывшая одноклассница с ним встречается, как бы чего не вышло.

— Одноклассница? — задумался Ян и взлохматил волосы. — Симпатичная такая, курносая? Поначалу ещё за Ингой Снегирь будто хвостик бегала?

— Ну да.

— Не, расслабься. Витя с неё пылинки сдувать должен.

Заявление это удивило не только меня, но и Карла.

— Жан, ты с чего это взял вообще?

— Ну я же говорю: в аспирантуру он метит! — закатил глаза наш вихрастый товарищ. — У профессора Палинского какая главная фишка? Правильно — синергия. А пирокинетики наглухо нестабильные, они только друг с другом кооперироваться могут. Плюс у них обычно с длительностью резонанса проблемы, стандартно в четвёртой четверти инициацию проходят.

— И что с того? — нахмурился Карл.

— А то, что Лия эта с первого румба четвёртого витка, она в синергии Витю натуральным локомотивом

на пик способностей тянет. А разобидится и начнёт с кем-нибудь другим работать, тогда пиши пропало. Он ведь на кафедре не единственный пирокинетик с золотым румбом. Тогда Вите аспирантуры как своих ушей не видать, забреют в корпус. С кем он там в карты резаться будет?

Как раз в карты играть там было с кем, но зацепился за это замечание, уточнил:

— Он завзятый картёжник, получается?

— Ну так! — фыркнул Карл. — С парочкой приятелей по клубам ходит, простаков обувает. Витя, наверное, и учится спустя рукава, что на картах куда больше повышенной стипендии имеет. Я слышал, он парень башковитый, просто раздолбай.

— Очень интересно, — хмыкнул я, вытянул карманные часы, откинул крышку и поднялся со скамейки. — Ладно, бежать пора.

На самом деле до начала занятий на курсах ещё оставалось время, просто решил потратить его с пользой. Перво-наперво воспользовался служебным положением и выяснил корпус и комнату, где проживал Витя Костерок, туда и двинулся. На вахте предъявил удостоверение, а стучаться и вовсе не стал, просто взял и толкнул дверь. Та оказалась незаперта, дальше — коротенький коридорчик и крохотная гостиная.

Витя в одиночестве сидел за столом и размеренно тасовал колоду карт. При виде меня он резко вскинулся и буквально прошипел:

— Ты чего тут забыл?!

Смазливую физиономию перекосило, и я поспешил поднять руку с раскрытым удостоверением.

— Сюда смотри!

Из спальни выглянул один из давешних студентов — куда как более крепкого сложения, он хмуро глянул на меня и со значением хрустнул костяшками пальцев. А вот Витя дёргаться не стал и презрительно усмехнулся.

— Вахтёр? И что с того?

— Выкинешь ещё что-нибудь вроде вчерашнего — узнаешь. Вы у меня общественными работами дни напролёт заниматься будете, на каждый чих докладную писать стану. А ещё приятелей из комендатуры попрошу к вашим карточным делам присмотреться. И тогда ты, Витенька, не то что в аспирантуру не попадёшь, тебе за счастье в список неблагонадёжных будет не угодить. Уяснил?

Ответом стало напряжённое молчание.

— Так мы поняли друг друга? — с нажимом повторил я.

— Да.

Витя едва не выплюнул это короткое подтверждение, но больше я на него давить не стал, развернулся и вышел в коридор. А там беззвучно выдохнул, приподнял кепку и вытер выступивший на лбу пот. Не могу сказать, будто совсем уж блефовал, но и устроить этой троице развесёлую жизнь было вовсе не так просто. Надеюсь, и не придётся.

На военной кафедре меня сразу взял в оборот мордатый преподаватель — не толстый и даже не дородный, а просто мощный; воротник сорочки на бычьей шее попросту не сходиллся. Беседовать со мной Василий Архипович взялся не в аудитории, а в собственном кабинете, и устроенный им блиц-опрос оказался целиком и полностью посвящён дисциплинам, изучавшимся на курсах контрольно-ревизионного дивизиона.

Не могу сказать, будто совсем уж не ударил в грязь лицом, но в основном, как показалось, с ответами справился неплохо, и дядька благосклонно кивнул.

— Для начала пойдёт. На вступительном курсе натаскаю, потом, глядишь, в какую-нибудь группу пристрою. Ну, поехали!

Следующие два часа я то конспектировал основы ведения следственных мероприятий, то решал задачи и выполнял практические задания. Ну а потом меня отправили на урок по разговорному нихонскому. Как пояснил Василий Архипович, больше он мне времени уделить не мог, а занять чем-то было нужно.

— После в тир спускайся, — предупредил наставник, убирая учебные материалы в железный шкаф. — Там тебя ждать будут.

И действительно — ждали. Сначала выполнил несколько стандартных упражнений, затем меня погоняли на скорость, а под конец прошёлся с инструктором по комнатам, вроде как зачистку помещений отработал. Точнее — показал, на что способен.

В итоге мне пообещали разработать индивидуальную программу и отправили восвояси. Последнему обстоятельству я порадовался до чрезвычайности. Устал.

Так дальше и пошло. Учёба, реабилитационные процедуры и лечебная физкультура, курсы со всякими специфическими занятиями, сумбурное изучение случайных иностранных языков, поход в тир и на йогу. Если б не успехи в технике «Дворца памяти» — точно бы голова взорвалась. Но и с ней просто доползал до кровати и отключался, будто рубильник перекидывали.

В четверг отпахал полную смену на воротах — особо не утомился, но не пришлось и скучать. То грузовики осматривал, то к семинарам готовился и разбирался в усложнённой схеме заземления. Довелось и на мотоцикле заезжавшие на территорию студгородка сторонние машины сопровождать, но по сравнению со службой на Кордоне — детский сад.

На воскресенье задумал позвать в гости Юлию Сергеевну, а та вильнула хвостом, сославшись на

известные женские дела; возникло даже нехорошее подозрение, что эта штучка, заполучив рабочую технику снижения ментальной чувствительности, просто потеряла ко мне всякий интерес.

Да и чёрт с ней! Переживать по этому поводу смысла не видел, махнул рукой.

Лев в гости не пригласил, ну а сам я напрашиваться не стал и с утра написал письма домой и Василию, а потом сходил на сдвоенный киносеанс. Пообедал в городе, обсудил последние политические события в студенческом клубе да и отправился домой валяться на кровати с книжкой.

Ну а дальше снова трудовые будни начались. Работал, учился, лечился. Развивался интеллектуально и физически. Точнее — физическую форму я пока лишь восстанавливал. Но чувствовал себя с каждым днём всё лучше и лучше, что не могло не радовать. Даже в тире отдача в раненую руку болью перестала отдаваться.

Курсы? На курсах занятия так и продолжил вести мордатый Василий Архипович, реальный статус которого по-прежнему оставался для меня загадкой. Был он преподавателем с военной кафедры или штатным инструктором ОНКОР — касательно этого я мог лишь строить догадки. Обучение шло в индивидуальном порядке, и диктовать мне ничего особо не диктовали, и даже особо не интересовались успехами в изучении учебных пособий, а основное время уходило на обсуждение прочитанного, толковывание каких-то неосвещённых в брошюрах моментов, решение логических задач и даже простое общение на заданные темы, многие из которых были от меня предельно далеки. Ещё периодически конструировались некие жизненные ситуации и устраивались учебные допросы, на которых я исполнял роль то подозреваемого, то следователя. Загнать собеседника в угол обычно не удавалось, но и сам

наловчился отбрёхиваться, не выходя из заданного образа.

Как-то я не утерпел и поинтересовался таким пренебрежением к выданным мне брошюрам. Василий Архипович только рукой махнул.

— Какой там у них статус? Для служебного пользования? Я тебе так скажу: все нормальные материалы проходят под грифом совершенно секретно. На руки их курсантам не выдают и даже конспекты должны храниться в учебных заведениях. А эти азы... Нет, ознакомься с ними в свободное от занятий время — это лишним точно не будет, но давай-ка мы с тобой на ступень выше поднимемся. Просто слушай, запоминай и отработывай.

Я против такого подхода не возражал.

В субботу подкараулил в коридоре Юлию Сергеевну, и не пришлось даже ничего говорить, та сама справилась о моих планах на завтрашний день. Нигилист по воскресеньям с самого утра уходил в читальный зал, так что условились встретиться на квартире в одиннадцать. И — встретились.

Сразу выталкивать Юлию Сергеевну из кровати и указывать на дверь было как минимум невежливо, позвал пить чай. Одеваться барышня не пожелала, заглянула в мой шкаф и остановила свой выбор на старой фланелевой рубашке. Я задумчиво глянул ей вслед и отправился на кухню в чём мать родила.

— Садись, поухаживаю за тобой, — предложила Юля, открыла шкафчик и потянулась за чашкой, привстав при этом на цыпочки.

Не слишком-то и длинная рубашка задралась, и я порадовался тому, что не выставил барышню за дверь. А ещё подумал, как хорошо быть здоровым и полным сил. А вот на больничной койке пролежни зарабатывать — нет, совсем не весело.

Воду я вскипятил сам и указал на корзинку с печеньем.

— Угощайся! Ещё пряники есть и вафли.

Юля округлила глаза.

— А как же фигура? — Но всё же от шоколадной конфеты не отказалась, стала пить чай вприкуску. Потом спросила: — И как тебе новая работа?

— Пока всё устраивает.

Юлия Сергеевна поморщилась.

— Но ты же вахтёр!

— Старший вахтёр.

— Да хоть самый старший! Неужели ты настолько неамбициозен?!

Я отпил чая, не спеша отвечать, затем покачал головой.

— Вовсе даже наоборот. Именно поэтому меня всё и устраивает.

— Не понимаю, — как-то совсем уж жалобно сказала Юля.

— А что тут непонятного? — хмыкнул я. — Кем я был? Был я мотоциклистом, которому начальство милостиво разрешило отучиться семестр в институте. И то на правах вольного слушателя.

Барышня с интересом глянула на меня поверх чашки.

— А сейчас? Что изменилось?

— Пока — ничего, — спокойно признал я. — Но скоро изменится. Сдам экзамены, поступлю на очное обучение по квоте службы охраны.

— Твоя цель — высшее образование?

— А этого мало?

— Это неамбициозно!

Я разгладил лежавший на столе фантик, немного поколебался и сказал:

— Рассчитываю войти в программу обмена и получить возможность настроиться на айлийский

источник. Студенту завести нужные связи и заинтересовать преподавателей куда проще, нежели мотоциклисту корпуса.

Зачем разоткровенничался — сам не знаю. Просто очень уж требовательно глядела Юлия Сергеевна, и хоть мне до её мнения не было ровным счётом никакого дела, захотелось... Соответствовать, что ли? Не ударить в грязь лицом так уж точно.

— Вот это — амбициозно, — признала барышня. — Хоть и трудновыполнимо.

— Трудности нужны для того, чтобы их преодолевать, — отделался я банальностью. — Ты-то преодолеваешь? Помогли конспекты?

Юля кивнула, но как-то не слишком уверенно.

— Сдвиги есть, — признала она.

Меня столь лаконичный ответ не устроил, и я уточнил:

— И большие?

Барышня неопределённо покрутила пальцами.

— Пока не очень. Пассивные техники за день не наработываются. Но на треть, пожалуй, чувствительность уменьшилась.

— Ты это как определила? — заинтересовался я. — Ещё одного революционного матроса завела?

— Вот ещё! — обиженно фыркнула Юлия Сергеевна. — Ты за кого меня принимаешь? Я не какая-то там профурсетка, чтобы одновременно с несколькими кавалерами шашни крутить!

— Ладно, не обижайся! — попросил я. — Но тогда как? Тебя же на дистанции чужие эмоции не глушат, правильно понимаю?

— Правильно, — подтвердила барышня и стрельнула в меня взглядом невинных васильковых глаз. — Я с Настенькой поцеловалась. По-настоящему. С языком.

К чести своей, чаем я не поперхнулся. Но и совсем уж невозмутимое выражение лица сохранить не

удалось, и Юлия Сергеевна от души расхохоталась.

— Так себе шутка, — хмуро заметил я.

— Никаких шуток! — отрезала барышня. — Просто у тебя ещё больше, чем у Насти, глаза округлились, когда я ей поцеловаться предложила.

— Ей-то почему?! С кузенком бы поцеловалась!

Юля поморщилась с какой-то даже гадливой брезгливостью.

— Мне эмоциональный контакт установить нужно было! Нужен был взрыв, что-то на грани фола! — пояснила она. — А у Романа эмоции как у снулой рыбы! Целоваться с ним... Брр...

Тут я не нашёлся, что сказать, а Юлия Сергеевна вдруг перегнулась через стол, глянула вниз и улыбнулась.

— Смотрю, пикантные подробности не оставили тебя безучастным? И что мы с этим будем делать?

Но именно что «нам» делать ничего не пришлось, барышня прекрасно справилась со всем безо всякого участия с моей стороны. Всего-то и потребовалось, что от избытка чувств и полноты ощущений с табурета не сверзиться.

— Увидимся на неделе? — поинтересовался я напоследок.

— Не знаю, не знаю, — улыбнулась в ответ Юля. — Я и так тебя разбаловала. Хорошенького помаленьку.

Я настаивать на своём не стал и хлопком пониже спины направил барышню к входной двери, но не тут-то было.

— Какие планы на вечер? — спросила вдруг та. — Я бы с удовольствием посидела в каком-нибудь баре, где меня никто не знает. Страсть как выпить хочется! Ну вот чего ты шампанского не купил, скажи на милость?

— Не подумал, — ответил я.

Но — нет, подумал и от этой идеи отказался. Во-первых — накладно, во-вторых — были планы на вечер,

запах перегара и головная боль мне бы предельно всё осложнили. Вот о планах я и сказал:

— Сегодня никак. В театр иду.

— О! — понимающе протянула Юлия Сергеевна. — Ту курносую малышку выгуливаешь, с которой в картинной галерее был? Смотрю, берёшь от жизни всё?

— Мы просто друзья, — проворчал я и выставил барышню за дверь.

Ну да — друзья. А друзья должны поддерживать друг друга. И, если первую неделю после моего визита к Виктору Лия так и светилась от радости, то дальше всё вернулось на круги своя, вот и пришлось сопровождать бывшую одноклассницу в театр. Честно говоря, лучше б это время на подготовку к семинарам потратил или даже с Юлей в загул ударился. Хоть бы не рисковал челюсть со скуки вывихнуть.

Понедельник ничем особенным не запомнился, разве что за исключением поистине летней жары. Ещё с вечера я перебрал свой гардероб, оглядел прогулочные штаны и рубаху-поло и пришёл к неутешительному для себя выводу, что появляться в таком виде на занятиях никак нельзя. А в шерстяном костюме — упрею. Беда.

На следующий день справился у Карла, где тот шил свой летний парусиновый костюм, но в подсказанное им ателье не пошёл. Просто никак не мог решить для себя самого, могу позволить такие траты или стоит отложить деньги на оплату процедур по выводу на пик витка. Комендатура гарантийное письмо уже отозвала, оставалась авансовая тысяча, а этого было слишком мало.

Ещё и на судебной психиатрии нагоняй получил. Если вредного старикана Логинского доклад худо-бедно устроил, то реферат он нещадно раскритиковал и перечеркал. Пришлось в перерыве между занятиями

тащиться в библиотеку и рыться в картотеке в поисках профильных книг.

Найти-то нашёл, но вот руки до них так и не дошли, прихватил с собой на дежурство в четверг. Отказался от участия в карточной партии, заточил карандаш, выложил перед собой тетрадь и обречённо вздохнул при виде заехавшей в ворота полуторки. Следом почти сразу прикатила вторая, а минут десять спустя в отстойник заехали сразу три грузовых автомобиля, да ещё четвёртый остался на улице.

Тогда проняло даже моего флегматичного напарника.

— Да что ж это такое! — посетовал он. — Как прорвало их сегодня!

Я пинком отправил каталку к ближайшей тентованной машине, улёгся на неё и обследовал грузовик снизу, а когда вновь выбрался на свет божий, дежурный по контрольно-пропускному пункту на пару с Валерой вовсю наседали на экспедитора.

— Что значит — груз опечатан? А как мы выборочную проверку осуществлять должны?

— Тут чёрным по белому написано: сложное оборудование, вскрывать только в присутствии представителя заказчика! Либо его сюда вызывайте, либо контролируйте приёмку. Самоуправством заниматься и пломбы срывать не позволю!

На улице требовательно засигналил автомобильный клаксон, Савелий Четверток оглянулся, заметил меня и указал на ворота.

— Петя, узнай кто. Если руководство, попроси обождать две минуты. Сейчас проезд освободим и запустим.

И я не стал лезть под второй грузовик, отправился выполнять распоряжение дежурного, на ходу вытирая ладони обрывком ветоши. Замыкавший автоколонну грузовик остановился прямо на въезде, пришлось

обходить ещё и его. Пристроившийся за ним чёрный седан вновь подал сигнал, ещё и регистрационный номер оказался прекрасно знаком: нелёгкая принесла профессора Палинского. Точно ведь самолично в машине сидит — у меня аж в носу засвербело от искажений, создаваемых его потенциалом.

«Как же не вовремя!» — подумалось мне, и тут на глаза попался кургузый броневик. Оставив позади сквер перед главным корпусом института, он неспешно катил в сторону ворот, чем меня изрядно озадачил. Боевыми машинами усиливали патрули исключительно в ночную смену, да и то обычно те не разъезжали туда-сюда без веской причины, а дожидались вызовов в глухих переулках.

Ну в самом деле — к чему впустую топливо жечь и моторесурс расходовать?

На кой чёрт его к нам прислали?

Именно в этот момент башенка броневика дрогнула и начала разворачиваться, ствол крупнокалиберного пулемёта принялся описывать дугу, как если бы наводчик пытался поймать на прицел автомобиль профессора, и я не побоялся показаться смешным — сиганул в сторону. Кувыркком продолжил движение и схоронился за бетонным столбиком ограждения, а миг спустя по ушам ударил грохот частых-частых выстрелов!

С массивного дульного тормоза сорвалось длинное яркое пламя, пули хлестанули по служебной машине, с одинаковой лёгкостью прошивая кузовное железо и разрывая обшивку сидений и человеческую плоть. Лобовое стекло забрызгало красным, а потом оно лопнуло и разлетелось хрустким крошевом. Бронеавтомобиль тут же взревел мотором и резко ускорился, проносясь мимо, поворот башни не угнался за этим стремительным движением, и пулемёт умолк.

Вот эта внезапная тишина и помогла опомниться.

Я — оператор, во мне — шестьсот тысяч сверхджоулей!

Напряжение! Ионизация! Нагрев! Давление!

Выброс!

На этот раз концентрации на финальном этапе я не потерял, сделал всё будто на полигоне, не позволив энергии рассеяться, направил её по узкому каналу. И — сверкнуло!

Работать по движущейся цели прежде не доводилось, и по башенке боевой машины я банально побоялся промахнуться, выбрал своей целью водительское место. Дверца сыпанула искрами, и броневик резко вильнул, на полном ходу вылетел на тротуар и протаранил угол здания метрах в пятидесяти от нас.

Стрелок при столкновении не пострадал, выскочил из броневика, выпустил короткую неприцельную очередь из пистолета-пулемёта, ринулся к ближайшей арке. Вдогонку захлопали винтовочные выстрелы, а беглец — приземистый и широкоплечий, поперёк себя шире, — оказался спринтером не из лучших. Он не успел юркнуть в спасительную подворотню, получил пулю промеж лопаток и ничком повалился на тротуар.

Тут-то и выяснилось, что если я и зацепил водителя, то лишь ранил, да и то не слишком серьёзно. Броневик дрогнул и слегка сдал назад, после начали поворачиваться передние колёса, но этот манёвр оказался незавершённым. Сам я сделать ничего не успел, поскольку лихорадочно восполнял потраченный потенциал, а винтовочные пули впустую рикошетили от стальных листов, но за спиной скрежетнуло железо, и следом накатило ощущение смертельной опасности, едва сознание не потерял, до того энергетическими помехами продрало.

Пространство исказилось, бронированный автомобиль сжало, и тут же гроыхнул взрыв,

разлетелись по сторонам перекрученные куски железа, покатались прочь объятые пламенем колёса, а сорванную башенку, смятую будто консервная банка, подкинуло метров на десять. Миг спустя она грянула оземь, но мне было уже не до неё.

Оглянулся и впал в ступор при виде выбирающегося из расстрелянного седана профессора Палинского. Водителя — в клочья, на нём — ни царапины, даже костюм не помялся. И такая мощь внутри бурлит, что меня энергетическими помехами чуть ли не как наждачной бумагой ошкурило.

Именно потому я поначалу и двинулся прочь, просто захотел убраться подальше от этого странного и страшного дядьки, затем сосредоточился на промелькнувшем незадолго до того мимолётном узнавании и поспешил к замершему на тротуаре стрелку.

Ухватил его за плечо, поднатужился, перевернул на спину.

Лицо оказалось незнакомым, но отчего-то я не усомнился, что судьба вновь свела меня с тем кряжистым террористом, от которого удирал на лодочной станции.

Он! Точно он! По манере двигаться узнал, да и фигура один в один.

Вот, значит, и свиделись. Да и второй, поди, здесь. Теперь уже — частично.

И я поёжился, глянув на искорёженный остов броневика.

Проклятье! Мне бы такую мощь!
Хочу!

Глава 3

Допрашивали весь вечер и всю ночь напролёт. Хотя нет — вру. Ночью лишь изредка дёргали для уточнения каких-то деталей и прояснения дополнительных моментов, а так даже в караулке подремать удалось, благо бывшие сослуживцы выделили диванчик. И да — в моём опознании одного из террористов никто не усомнился, поскольку в покушении на профессора Палинского засветился тот самый пропавший невесть куда прошлым летом броневик.

— Узнать бы ещё, где его прятали, — вздохнул Георгий Иванович, велев подписать очередное обязательство о неразглашении.

— А как Палинский вообще уцелел? — поинтересовался я, возвращая листок. — В него же чуть ли не в упор из крупнокалиберного пулемёта очередь всадили!

— Александр Петрович — фигура! — задумчиво протянул капитан Городец. — И вот тут концы с концами не сходятся. Летом они опасались студентов Палинского, теперь рискнули напасть на самого профессора. Что изменилось? Чего выжидали всё это время? Почему именно сейчас? Нет ответов... — Он поглядел на меня красными глазами и спросил: — Тебя домой или в институт?

Я предпочёл отправиться на занятия.

Вчера хватило ума вернуться на контрольно-пропускной пункт, прежде чем на звуки стрельбы набежали студенты, и о моём участии в перестрелке никто не прознал; обошлось без расспросов. А так институт гудел почище растревоженного улья.

Виданное ли дело — покушались на одного из ведущих профессоров и не просто покушались, но

обстреляли из броневика ОНКОР! Слухи на этот счёт множились в геометрической прогрессии, студенты только тем и занимались, что выдвигали собственные версии случившегося и в пух и прах разносили чужие. Окрестности института заполонили патрули, на всех перекрёстках стояли пикеты, и в усиление бойцам комендатуры помимо бронетехники придали ещё и пехотинцев, а на крышах домов маячили фигуры снайперов. Документы проверяли у всех без разбору, но всё это было лишь имитацией бурной деятельности.

Вот кто действительно вкалывал, так это служба охраны РИИФС. У нас вывели на дежурство всех сотрудников и поступили так отнюдь не напрасно: обстановка на территории студгородка царила на редкость нервозная, споры и дебаты с пугающей регулярностью оборачивались мордобоем. Даже добровольную дружину из актива военной кафедры сформировали, о чём прежде в ректорате и слышать ничего не хотели.

Ну и я смену после учёбы отработал, ладно хоть ещё в ночь не поставили. Собирались, но Василий Архипович затребовал меня на практику, так и прогуливались с ним до позднего вечера от корпуса к корпусу, приглядывая за порядком, да ещё попутно приходилось отвечать на вопросы наставника и высказывать собственное мнение относительно заинтересовавших его моментов, касавшихся преимущественно поведения студентов. Такое вот обучение в полевых условиях.

Домой приполз едва живой и спал из рук вон плохо, до самого утра снился один и тот же сон: раз за разом наблюдал, как взрывается злосчастный броневик, и было уже не разобрать, наблюдаю я за этим действием со стороны, изнутри или и вовсе спускаю с поводка сокрушительную мощь сверхсилы собственноручно.

Встал с головной болью и невыспавшимся, а предваривший посещение занятий разговор с

Альбертом Павловичем отнюдь не улучшил ни настроения, ни самочувствия. Консультант все кишки вымотал, право слово. Под конец ещё и пошутил, что я неприятности со страшной силой притягиваю — такого уникама, мол, надо в стан врага засылать. И о наивной попытке укрыться от обстрела из крупнокалиберного пулемёта за бетонным столбиком он тоже напомнить не преминул, будто я и сам не отдавал себе отчёта, как вчера сглупил.

А мне и без того было тошно. Только ведь начало казаться, что на тихое спокойное место устроился, ан нет — месяца не прошло, и теракт!

Настроение было ни к чёрту, именно поэтому и предпочёл прогулять йогу, загодя отыскав Юлию Сергеевну и напомнив ей о давешнем желании напиться. Желания этого барышня не утратила, но и ко мне на квартиру идти отказалась наотрез.

— Знаю я тебя! — фыркнула она. — Поматросишь и за дверь выставишь! Ну уж нет, веди в какое-нибудь злачное место! Сегодня суббота — вот и гульнём!

Никаких злачных мест я в Новинске попросту не знал и тем более не знал таких заведений, куда можно безбоязненно привести приличную девушку, но кивнул и пообещал зайти за ней к половине восьмого.

— У чёрного хода жди, — попросила Юлия Сергеевна и вдруг испуганно глянула мне за спину. — Да никуда я с тобой не поеду, дался мне твой мотоцикл! — заявила она, повысив голос. — Пристал как банный лист!

Я оглянулся и развязно ухмыльнулся.

— А давай тогда тебя прокачу, крошка?

Почему с языка именно эта дурацкая «крошка» сорвалась, сам не понял, но эффект вышел что надо.

— Животное! — надменно выдала Анастасия, гордо вскинула голову, и подружки поспешили прочь. Юлия Сергеевна на ходу оглянулась и подмигнула.

«Ещё повезло, что Анатоля не было, а то бы опять подрались», — подумал я и отправился на курсы, а после в столовую заскочить уже не успел, поспешил на свидание. Ладно хоть ещё купил по пути пирожков и шанег, перекусил всухомятку на ходу, запив всё купленным в палатке стаканом газводы без сиропа.

Юлия Сергеевна немало удивила тем, что вышла без опозданий ровно в половине восьмого, ещё и оделась неброско, даже макияжем пренебрегла; губы накрасила, и только.

— Покажешь городское дно? — поинтересовалась она, беря меня под руку.

Лично мне опускаться на городское дно ещё не доводилось да и не хотелось, вот и повёл барышню в единственное заведение, которое могло худо-бедно сойти за пристанище маргинального элемента, — в рюмочную, куда захаживал выпить чаю с бренди во время патрулирования улиц.

Там за минувшие месяцы ничего не изменилось: та же публика, тот же бородатый буфетчик. Завсегдатаи с интересом уставились на Юлю, и решительность мигом оставила барышню — она повисла на моей руке, пришлось чуть ли не тащить её за собой.

— Давно не появлялся, — припомнив меня, заметил буфетчик.

— Болел, — пояснил я. — Сядем в углу?

— Конечно!

Я повёл Юлию Сергеевну к столику на двоих и уточнил:

— Что будешь пить?

— Возьми что-нибудь сладенькое, — попросила барышня. — Только не очень крепкое.

На полках за буфетчиком стояли преимущественно бутылки водки, дешёвого плодово-ягодного вина, горьких настоек и фруктовых наливок, среди них инородными пятнами цветастых этикеток выделись

кофейный и мандариновый ликёры, а ещё в продаже имелся «Какао-шуа». Но я подумал-подумал и остановил свой выбор на бочковом портвейне — сладком и по сравнению с наливками не слишком крепком.

Выложил девять рублей за литровый кувшинчик, прихватил пару гранёных стаканов и вернулся к спутнице. Десертное вино смотрелось жидким рубином, да и на вкус оказалось очень даже неплохим, расцвело на языке ягодным вкусом, защекотало рецепторы сонмом нюансов, растеклось приятным теплом.

Но если я сделал добрый глоток, то Юля лишь слегка пригубила, едва смочив губы.

— Ну да, это тебе не лютиерианское игристое, — с усмешкой заметил я тогда.

Барышня фыркнула и залпом осушила стакан до дна. Зажмурилась, выдохнула, улыбнулась, и на побледневшие было щёки мигом вернулся румянец.

— Думаешь, я дни напролёт шампанское пью? — спросила Юлия Сергеевна. — Да у меня львиная доля пансиона на оплату обучения уходит, а из оставшегося приходится на аренду квартиры откладывать и ещё жить на что-то надо!

— Обучение в обществе не бесплатное разве?

— Если хочешь посещать занятия в институте — нет.

Я приложился к стакану и пожал плечами.

— Кому хлеб чёрствый, кому жемчуг мелкий.

— И не поспоришь, — согласилась с этим замечанием Юлия Сергеевна, но подумала точно о чём-то своём.

И я ещё выпил. Мне это было нужно.

Ну а дальше алкоголь развязал языки, нашлись какие-то темы для разговоров — ничего серьёзного, просто о всяких пустяках болтали, не затрагивая острых тем. Местные завсегдатаи глазеть на нас бросили, да и цепляться никто не стал, хорошо посидели. Под конец

ещё пол-литра портвейна взяли. Вот это уже зря, наверное.

Когда перед самым закрытием вывалились из рюмочной на улицу, выяснилось, что на ногах я стою не слишком-то и крепко, а Юлия Сергеевна и вовсе самостоятельно перемещалась с превеликим трудом и потому не нашла ничего лучше, чем повиснуть на мне.

— Не хочу домой, — заявила она. — Идём к тебе!

И мы пошли. Отчего не пойти? Точнее — поехали, благо в соседнем квартале повстречался припозднившийся извозчик. Своим ходом бы точно не добрались.

Утром проснулся с головной болью и пересохшей глоткой. Под боком тихонько посапывала Юля, и я ворочаться не стал, принялся вспоминать наши вчерашние беседы и очень скоро пришёл к выводу, что ничего лишнего ей не сболтнул. Пустой пьяный трёп ни о чём, и не более того. Ну а сейчас маетно просто в силу похмелья.

Я попытался осторожно отодвинуться, и барышня заворочалась, открыла глаза.

— Ох! — протянула она, после приподняла край простынки и заглянула под неё. — Не помню, как раздевалась.

— Ты и не раздевалась, — сказал я, усаживаясь на кровати. — Мне пришлось.

— Петя, ты ведь не воспользовался моим беспомощным состоянием?!

— За кого ты меня принимаешь? — фыркнул я. — Конечно, воспользовался! — Вздохнул и развернулся спиной. — И не такое уж у тебя беспомощное состояние было. Как прикажешь мне теперь в бассейн ходить?

Спина так и горела из-за длинных царапин, и Юлия Сергеевна хихикнула.

— Не помню. Как выпивали — помню, а дальше — провал.

— Тебе хорошо.

— Ой, да не зуди, у меня голова раскалывается! — отмахнулась Юля и попросила: — Принеси водички, а? Сил нет, как пить хочу.

Я сходил на кухню и напился из-под крана, потом наполнил кружку и отнёс в комнату, по пути отметив, что Миша уже куда-то с утра пораньше умотал.

Юлия Сергеевна утолила жажду и с облегчением перевела дух.

— Уф! Это был первый и последний раз. Больше выпивать с тобой не буду!

— Да ты мне как собутыльник и неинтересна, — усмехнулся я и потянул за край простыни, но барышня успела придержать ту, не позволив обнажить грудь.

— Ну нет, Петя! — простонала она. — Только не сегодня! Я не в состоянии!

— Главное, что я в состоянии.

— У тебя сосед дома!

— Уже ушёл.

— Ну пожалуйста! — жалобно попросила Юля. — В другой раз, хорошо?

Наверное, стоило настоять на своём, но я сдался и повалился на кровать, а барышня воспользовалась моментом, замоталась в простыню и принялась разбирать скиданное на пол нижнее бельё.

— Можно подумать, я тебя голой не видел, — заметил я.

— Можно подумать, ты при виде моей идеальной попы свои низменные позывы сдержать сумеешь! — парировала Юлия Сергеевна, которой после кружки воды определённо полегчало, взяла со стола цепочку с подвеской в виде золотой рыбки и часики, собрала одежду в охапку и убежала на кухню. — И не подглядывай! — потребовала она напоследок.

Я не стал, продолжил валяться на кровати. Юля заглянула обратно уже одетая, встала в дверях, смерила меня пристальным взглядом.

— Ну чего ещё? — спросил я, несколько даже напрягшись.

— Сегодня в город приезжает один из моих дядьёв. Он хочет с тобой встретиться.

У меня чуть глаза на лоб не полезли.

— Чего?!

— Да не волнуйся ты так. О нас с тобой он ничего не знает! Это по другому поводу!

Я уселся на кровати и потребовал объяснений:

— По какому ещё — другому? Ты о чём вообще, дорогая?

Юлия Сергеевна нервно потеревала кофточку.

— Повышенная эмпатическая чувствительность — это у нас семейное, понимаешь? Все в родне на первом-втором витках инициацию проходят. Вот я в письме и упомянула технику, которую ты мне дал.

— Я тебе её дал, не кому-то ещё.

— Она ведь не секретная! Тебе жалко, что ли?

Удержаться от тяжёлого вздоха не удалось.

— Жалко! — в пику барышне заявил я совершенно искренне. — Знал бы — не дал!

— Не дуйся, Петенька! — попросила Юля. — Поговоришь с моим дядей на этот счёт, хорошо?

— Да не буду я ни с кем разговаривать! — раздражённо выдал я. — Очень надо!

— Надо, — подтвердила барышня. — Я в подробностях не знаю, о чём именно будет разговор, но, поверь, прийти на встречу в твоих собственных интересах! А если останешься разочарован, я компенсирую тебе потерянное время. Договорились?

— Так, может, сейчас и начнёшь компенсировать?

Но только я поднялся с кровати, и Юлия Сергеевна ойкнула и выскользнула из комнаты.

Ну и что мне оставалось? Отказаться? Даже не смешно — кураторы, если прознают, точно шкуру спустят. Так что бросил ломать комедию и спросил:

— Где и когда?

— Восемь вечера, быстро «У Максимилиана». Это рядом с главпочтамтом. Знаешь такое?

— Найду, — хмуро пообещал я.

Юлия Сергеевна надела туфельки, выпрямилась и пристально глянула на меня.

— И, Петя, очень тебя прошу, не намекай Фёдору Ильичу на наши отношения. Лучше тогда вообще на встречу не ходи!

Тут-то я и закатил глаза.

— Вот ты молодец! А с чего бы мне иначе давать тебе тот конспект, а?

Барышня потупилась и как-то не слишком уверенно произнесла:

— Ну... Я сказала, что за мной один застенчивый юноша из мещан ухаживать взялся... — И, желая предвосхитить взрыв негодования, зачастила: — Послушай, если всё откроется, меня родные поедом съедят! Иди речь только об интересах семьи, я бы и не подумала так рисковать, но для тебя это тоже важно! Второго такого шанса точно не представится! Поверь, я знаю, о чём говорю!

— Напустила тумана...

— Пообещай, что будешь паинькой! Не заинтересует предложение, просто скажи «нет». Не выдавай меня, ладно?

Юля захлопала ресницами, и я указал на дверь.

— Ой, да иди ты уже! Один чёрт, всё рано или поздно вскроется.

— Если поладишь с дядей Федей, он стукнет пальцем по столу, и все мигом притихнут, — уверила меня Юлия Сергеевна и выпорхнула из квартиры.

Я запер за ней и прислонился спиной к двери.

Дела! Неужто вербовать станут? Прямо как в авантюрных романах!

Впрочем, воодушевление долго не продлилось, поскольку лично от меня ничего не зависело вовсе: этот дядя Федя не со мной переговоры вести станет, а с Георгием Ивановичем и Альбертом Павловичем. А я так — марионетка чревовещателя, передаточный механизм, и не более того.

Звонить кураторам я не стал, вообще за день из дому не вышел. Пил чай, пытался готовиться к семинарам и доделать наконец тот невозможный реферат. Получалось не очень.

Ближе к шести пришёл Миша Попович, глянул на меня как-то странно и вдруг спросил:

— А у неё подружки нет, случаем?

— Сильно шумели? — вздохнул я.

— Ты — нет, она — да.

— Ох, ёлки! Извини, не буду больше на ночь приводить.

— Так что насчёт подружки?

— Спрошу, — пообещал я и бессовестно соврал, поскольку делать этого по вполне понятным причинам не собирался.

Никак особенно к встрече не готовился, разве что сорочку свежую надел да полуброги надраил. Правда, ещё вышел сильно заранее и заглянул в парикмахерскую, попросил побрить, подстричь и освежить одеколоном.

Бистро «У Максимилиана» было заведением не из дешёвых, но воскресным вечером не пустовало и оно, свободных столиков не оказалось вовсе, ещё и у входа две парочки ожидали возможности попасть внутрь. Я заявил, что меня ждут, и спокойно миновал вахтёра, но вот дальше слегка растерялся и завертел головой по сторонам. Тут же рядом оказался официант, справился

о причине возникшего затруднения, а после указал на нишу в углу зала и даже сопровождал меня к ней.

Я спокойно выдержал взгляд расположившегося там господина лет сорока пяти — моложавого, но уже с тронутыми сединой висками, — и сел напротив него.

— Пётр, полагаю? — осведомился тот.

— Так и есть, Фёдор Ильич, — подтвердил я, нисколько в личности собеседника не сомневаясь — очень уж разительным было семейное сходство. Вот ведь не повезло бедной Юленьке фамильную челюсть унаследовать. Беда прямо.

И ещё господин Карпинский был оператором, слабеньким — едва уловил его потенциал, — но всё же оператором.

Задумчивость едва не сыграла злую шутку: Фёдор Ильич не пожелал следовать этикету и не стал беседовать на отстранённые темы, переливая из пустого в порожнее, и сразу рубанул сплеча.

— Позвольте поинтересоваться, молодой человек, насколько серьёзные у вас намерения в отношении моей племянницы?

Едва ли мне удалось сохранить совсем уж невозмутимое выражение лица, но справился как-то с удивлением, пожал плечами.

— Серьёзные или нет — кто знает? Всё в этом мире относительно, Фёдор Ильич.

— Под серьёзными намерениями я подразумеваю матримониальные планы, — с улыбкой подсказал собеседник.

Мелькнула мысль, что Юлия Сергеевна обвела меня вокруг пальца и наплела своему дядюшке с три короба, но линию поведения решил не менять и заявил предельно прямо:

— Полагаю, в моём возрасте ещё рано задумываться о женитьбе.

— Удачный брак может обеспечить безоблачное будущее.

— А неудачный — его сломать.

Фёдор Ильич отодвинул от себя тарелку с недоеденным луковым супом и прищурился.

— Неужели вам не хочется войти в высший свет?

Тут меня и разобрала злоба, холодная и расчётливая.

— Высший свет? — хмыкнул я. — При всём уважении, но вы мыслите категориями прошлого века. Дворянство давно утратило свою главенствующую роль в обществе. Возможно, в Айле всё не так, но и в республике, и в большей части континентальной Латоны у него нет ни реальной власти, ни даже просто серьёзного политического влияния. Современная элита зиждется на трёх столпах: капитале экономическом, капитале политическом и сверхсиле. Операторы — вот новое привилегированное сословие, если вам так угодно.

Тут я, вдохновлённый дебатами на риторике, самым бессовестным образом сгустил краски, но взрыва негодования со стороны собеседника не последовало. Наоборот, улыбнулся тот как-то очень уж снисходительно. Как взрослый ребёнку.

— А кто говорил о дворянстве? — спросил он. — Могу заявить со всей определённой, что Юлия Сергеевна никогда не получит родительского благословения на брак с человеком вашего происхождения. Разумеется, настоящим чувствам это не помеха и вы можете быть вместе, но — вне семьи. Это ясно?

— Это неинтересно, — отмахнулся я. — Поясните, пожалуйста, что тогда вы имели в виду, говоря о вхождении в высший свет?

— Ровно то же, что и вы. Операторы и в самом деле способны взять власть в свои руки. Не прямо сейчас, но

в самом ближайшем будущем. Вот только мощност в сверхджоулях и все эти ваши разряды — фикция. Самые искусные рыцари не становились королями даже в седой древности. Их уделом было ездить с турнира на турнир и вдохновлять своими победами почтенную публику. А мир с тех пор ушёл далеко вперёд. Человек не возглавит государство, лишь потому что способен сравняться силой с батареей гаубиц. Он так и останется слугой. Современное состояние авиации и артиллерии делает потуги на культивацию лишёнными всякого смысла. Рано или поздно всё это выродится в ещё один вид спорта вроде стрельбы по тарелочкам или бокса.

Вот тут мне стало действительно интересно. И я даже не постеснялся сказать, что упустил нить рассуждений собеседника.

— Боюсь, не вполне понимаю...

— А вот руководство института всё прекрасно понимает. Оператору ни к чему высшее образование. Зачем, если есть сверхспособности? Нет, здесь прямо на наших глазах пытаются создать новую, в том числе интеллектуальную, элиту. Вырастить зерно грядущего миропорядка, если угодно. Такой подход обесценивает операторов или лишает их индивидуальности, превращает в шестерёнки государственного механизма и даже питательную субстанцию грядущих свершений, но имеет право на жизнь. Мы исповедуем принципиально иной подход. Для нас уникален и важен каждый оператор.

— Мы — это семейство Карпинских?

— Не семейство — клан. Стать частью семьи вы не сможете, войти в клан на правах равноправного члена — вполне.

— Что-то пока не хочется, — признался я и отвлёкся на принёсшего чай и круассаны официанта.

— Ваше право, — ничуть не огорчился этим заявлением Фёдор Ильич, когда мы вновь остались

наедине. — С вашего позволения, перейду к делу. Мы не гонимся за голой мощью, не делаем культа из сверхсилы самой по себе. Мы руководствуемся постулатом «знание — сила». О, во многом это получилось случайно. Я с братьями прошёл инициацию на третьем витке. Никто из наших отпрысков не продвинулся дальше второго, большинство не сумели покинуть пределов первого. Остаётся лишь поблагодарить за это провидение.

— В самом деле?

— Бесспорно! — подтвердил господин Карпинский. — К чему цирковые фокусы со взрывами и полётами, если можно получить секретную информацию, не выходя из дома, или навязать кому-либо свою волю таким образом, что человек этого даже не осознает? Ментальное доминирование сулит невероятные возможности тем, кто возьмёт его на вооружение! И пусть пока работа с ноосферой проходит по разряду фантастики, я уверен, что покорится нам и эта вершина. А дурачки будут кидаться шаровыми молниями и меряться киловаттами. Место этим шутам гороховым в балагане!

Я отпил чая и со значением отметил:

— Насколько понимаю, я не вписываюсь в профиль вашего... клана.

— Молодой человек, вы — абсолют, это немало уже само по себе.

— Но недостаточно?

Фёдор Ильич смерил меня пристальным взглядом синих глаз и решительно заявил:

— Полагаю разговор об этом преждевременным. Сейчас это всё останется одними только словесами, а я не привык тратить своё и чужое время попусту.

— Чего вы от меня хотите? — спросил я.

— Содействия, — уклончиво ответил собеседник. — Та техника, описанием которой вы одарили Юлию

Сергеевну, чрезвычайно интересна, но это лишь кусочек чего-то большего. Полностью её потенциал раскроется лишь при задействовании неких специфических препаратов, отсутствующих в свободном обороте. Нет, не волнуйтесь, я не собираюсь подбивать вас на государственную измену. Мы не преступаем законов страны проживания, пусть даже и не испытываем симпатии к её властям. Моя просьба абсолютно невинна.

— В самом деле? — вздохнул я, немало утомлённый изящным кружевом словес.

— Ваш друг Лев прошёл инициацию на первом румбе первого витка. Это недостижимый пока для нас идеал. Мы хотим не гадать, но точно знать, к чему стремимся и как далеко простираются границы возможного. С человеком со стороны он откровенничать не станет, но если вы представите нас друг другу...

Я прекрасно отдавал себе отчёт, что человеку со стороны завести со Львом разговор на профессиональные темы попросту не позволят, но говорить об этом, разумеется, не стал, с невозмутимым видом откусил от круассана, после глотнул чаю и заявил:

— С вами он не станет общаться в любом случае. В нашем кругу недолюбливают дворян.

— Понимаю и принимаю. Но вы вполне способны представить ему мою двоюродную племянницу. Не Юлию Сергеевну, разумеется. Об этом в силу целого ряда причин не может идти и речи.

Выбора у меня не было — я не имел возможности ни согласиться, ни ответить отказом. Требовалось время для разговора с кураторами, но перво-наперво стоило поинтересоваться наживкой.

— И что я получу в обмен?

— Окажете содействие мне, я отплачу тем же. Услуга за услугу, — улыбнулся Фёдор Ильич. — Да будет

вам известно, я занимаю пост сопредседателя комиссии по репатриации. В частности, в круг моих обязанностей входит согласование кандидатур республиканских операторов, выдвинутых вашим институтом на реинициацию в айлийском источнике сверхэнергии. И смею уверить — нами отклоняются девять претендентов из десяти. Вас — одобряют.

И вот тут я изумился совершенно искренне, ни о каком лицедействе и речи не шло.

Шутка ли — перенастроиться на другой источник и разом преодолеть заложенные не слишком удачной инициацией ограничения! Да это же подарок небес! Неспроста Юлия Сергеевна заявила, будто эта встреча важна в первую очередь для меня самого. Второго такого шанса и в самом деле может не представиться!

Но воодушевление как вспыхнуло в душе, так и погасло, вернулась ясность мысли. Ну право слово, ну с какой стати кому бы то ни было выдвигать мою кандидатуру на поездку в Айлу? Это же просто смешно!

Очевидно, на моём лице достаточно явственно отразилась вся гамма чувств, потому как господин Карпинский слегка подался вперёд и ободряюще похлопал по руке.

— Разумеется, вам придётся изрядно потрудиться, дабы попасть в число избранных, но уверен, что для столь целеустремлённого человека нет ничего невозможного. Особенно если он знает, что дверь для него уже открыта.

Я поморщился.

— А если откажусь, она окажется заперта?

Фёдор Ильич покачал головой.

— Я не столь мелочен. В этом случае всё пойдёт своим чередом.

Сам не знаю почему, но я ему не поверил.

— Получается, я оказываю вам услугу сейчас, но ещё не факт, что сумею воспользоваться ответной...

О том, что уже оказанная услуга ничего не стоит, я упоминать не стал, только собеседник всё понял и без слов. Понял и сделал вид, будто пропустил намёк мимо ушей.

— Наше семейство не столь богато, чтобы предложить вознаграждение, которое при желании не перекроет кто-либо другой. И ваше содействие лишь желательно, но никак не критично. Мы всегда можем предложить институту официальное сотрудничество, уступить в каких-то непринципиальных для нас моментах и получить нужную информацию. Но в этом случае информацию получим не только мы, а мне на текущем этапе хотелось бы этого избежать. Ну так что? Ваше слово?

И вот тут я не колебался ни мгновенья.

— Мне надо хорошенько всё обдумать, — заявил я, наливая себе чая. — Ответ дам завтра.

— Не затягивайте с этим, Пётр, — попросил господин Карпинский и поднял руку, подзывая официанта.

Оплатив свой счёт, он небрежно кивнул мне на прощание и отправился на выход. Тут же следом двинулся неприметный молодой человек, и ещё один успел выйти в дверь первым. Точно не слежка — скорее телохранители.

Но вот за мной вполне могли пустить хвост, поэтому я спокойно расправился с круассанами, заплатил, не забыв и о чаевых, и отправился домой. Никому по пути звонить не стал, и отнюдь не только лишь из-за возможной слежки.

Искушение. На миг мной овладело сильнейшее искушение принять предложение и проверить всё втихую, не ставя в известность кураторов. А ну как те подумают-подумают да и забракуют идею на корню? И что тогда?

Поймал себя на этой поганой мыслишке, и вмиг стало противно. Как вообще мог только помыслить о сотрудничестве с реваншистами?! Не говоря уже о том, что это глупость несусветная! Каждый новый человек в окружении Льва вызовет пристальное внимание опекунов моего бывшего одноклассника, тогда уж точно проблем не избежать. Не говоря уже о том, что без поддержки Георгия Ивановича и Альберта Павловича на поездку в Айлу уповать при любом раскладе по меньшей мере наивно.

Опять же — это измена. Измена, как её ни назови! Предательство! Родины, идеалов, себя самого. Нет, это точно не для меня!

Вся надежда, что кураторы закрутят какую-нибудь интригу. Только станут ли?

Ни тем вечером, ни следующим утром я так никому и не позвонил. Решил не суетиться попусту. Ну а то и дело попадавшуюся на глаза Юлию Сергеевну и вовсе демонстративно игнорировал. Спокойно отучился, пообщавшись для виду перед началом занятий со Львом, а после третьей лекции заглянул на военную кафедру, где по понедельникам в это время как раз и консультировал студентов капитан Городец.

На сей раз ожидание в очереди надолго не затянулось, как не смог похвастаться продолжительностью и наш разговор. Георгий Иванович выслушал меня, задал несколько уточняющих вопросов и кивнул.

— Принято.

— И что дальше? — поинтересовался я.

А дальше мне указали на дверь.

— Но... — заикнулся было я и оказался немедленно перебит.

— Тут от меня ничего не зависит, доведу информацию до ответственных лиц. При необходимости

тебя поставят в известность о принятом решении, — сухо и даже казённо заявил капитан Городец и хлопнул ладонью по столу. — Ну всё уже! Не задерживай людей!

Я и не стал. Покинул кабинет, вышел через боковой вход на улицу и уселся на лавочку в самых что ни на есть расстроенных чувствах. Вот так и проходит жизнь мимо. Такой шанс подвернулся и...

Уж не знаю, как глубоко бы погрузился в пучины депрессии, не попадись на глаза знакомое лицо. За последнее время я самым существенным образом натренировал память и наблюдательность, но тут далеко не сразу припомнил, где встречал этого молодого человека прежде. Просто никак не ожидал наткнуться на него в студгородке.

Елисей! Мимо только что прошествовал мой бывший сокурсник, изучавший в учебном центре ОНКОР премудрости контрразведывательной деятельности. И вот он здесь — в штатском. К чему бы это?

Я замешкался и вскочил с лавочки слишком поздно, поэтому и остался незамеченным, поэтому и передумал приставать с расспросами. Ещё и припомнил рекомендацию лишний раз наше знакомство не афишировать.

Но всё же пошёл на поводу у своего любопытства, точнее — пошёл вслед за Елисеем. Проследить за ним оказалось до чрезвычайности легко, он не оглядывался, не останавливался и ни с кем не заговаривал по пути. Шагал по направлению к главному корпусу и шагал. В многолюдном вестибюле протолкался через толпу студентов, миновал вахту и вышел на улицу. Но перед тем поздоровался за руку с Митей Жёлудем — небрежно так, на ходу, и всё же поздоровался.

И вот где мог бы свести Елисей знакомство с приданным в усиление вахтёрам сотрудником комендатуры?

Вспомнились слова капитана Городца о том, что свято место пусто не бывает, и я озадаченно поскрёб затылок.

Неужто Митю на курсы взамен меня зачислили? Но если так, то его либо из-за подпольного тотализатора на короткий поводок взяли, либо вся та затея изначально устраивалась с тем расчётом, чтобы предельно осложнить распределение Барчуку. Пусть деньги и собирал этот рыжий проныра, всем было прекрасно известно, что покровительствует ему заместитель командира учебного отделения. Выставили бы Маленского организатором и прижали, да не пришлось. То-то Георгий Иванович касательно благодарности речь тогда завёл.

Уколол мимолётный приступ ревности, но я тут же справился с эмоциями. Своё получил — грех жаловаться, да ещё и бабка надвое сказала, что догадка насчёт зачисления Мити на курсы верна. С этим вполне мог пальцем в небо угодить. А раз так — нечего себе нервы мотать. Но вот запомнить на будущее — стоит.

Взглянув на часы, я немного поколебался и всё же решил ненадолго заглянуть в читальный зал и поработать над рефератом по судебной психиатрии. Не вышло. Только раскрыл книгу, как на стул по соседству плюхнулась Лия.

— Привет, Петя! — улыбнулась она. — Сильно занят? Я закрыл книгу и покачал головой.

— Да не особо. А что?

— Я с тобой посоветоваться хотела.

Подумал, что речь зайдёт о Викторе, и потому кивнул безо всякого энтузиазма, но в своих предположениях ошибся. Барышня завела разговор об учёбе.

— Понимаешь, Петя, я после поступления особо ни с кем с других кафедр и не общалась даже, просто

времени ни на что не хватало. А тут с девчонками на йоге разговорилась — им куда больше дают. У меня все тренировки исключительно на увеличение продолжительности резонанса и синергетический эффект направлены, а сама я ничего собой не представляю. Как оператор, я полный ноль!

— Скажешь тоже!

— Да меня даже на коррекцию для развития самоконтроля не записали! — произнесла Лия с нескрываемой обидой. — А на неё всех пирокинетиков отправляют в обязательном порядке, я узнавала! И никто ничего не сказал! Даже Витя, который сам её проходил!

— Может, тебе и не нужно? — предположил я. — Всё же индивидуально.

— Ещё как нужно! — уверила меня бывшая одноклассница. — Я до занятий йогой и не понимала, насколько плохо сверхсилу контролирую. — Она растерянно улыбнулась и перескочила на другую тему: — Алхимическую печь мне строго-настрога разжигать запретили, кстати.

Я с кислым видом кивнул.

— В курсе. Уже получил втык.

— Извини, Петя. Я не думала...

— Да брось! — отмахнулся я, глянул на учебник и отодвинул его на край стола, а сам откинулся на спинку стула и смерил заинтересованным взглядом девичьи коленки. — Так ты к чему это всё?

Лия сделала глубокий вдох, будто в воду броситься собиралась, и заявила:

— Я вот тут подумала: может, есть смысл на другую кафедру перевестись?

Лично мне перевод с престижной кафедры феномена резонанса представлялся идеей не самой умной, поэтому спросил:

— А смысл?

— Да у меня из практики одна синергия. Она все учебные часы съедает, а толку от неё — ноль! — пожаловалась Лия. — Будто передаточный механизм какой-то готовят! Петя, я полноценно развиваться хочу!

Я припомнил давнишнее заявление Льва о том, что его собираются задействовать в роли своеобразного мула, и кивнул, но вместе с тем не преминул заметить:

— Ты только горячку не пори. Хорошо всё продумай. Опять же — йогой занялась. Чем не развитие?

— Развитие, — признала бывшая одноклассница. — Вот ты меня понимаешь. Я поэтому с тобой и советуюсь.

— А почему с Витей не поговоришь? Он что на этот счёт думает?

Лия передёрнула плечиками.

— Говорит, у нас самая престижная кафедра и от добра добра не ищут.

— Так и есть.

— И времени будем друг с другом меньше проводить. Так хоть практикуемся постоянно вместе.

— Ну вот видишь! — развёл я руками, глянул на часы и предложил: — Слушай, сейчас время поджигает. Давай куда-нибудь поужинать сходим, только не сегодня, я сегодня работаю, и всё обсудим. Ты как?

Лия просияла.

— Отличная идея! Может, завтра? После йоги?

— Замётано!

Я сдал учебник, подхватил портфель и поспешил в больничный корпус на физиолечение. После пообедал, а вот дежурить на воротах сегодня не пришлось — нашему караулу предоставили внеочередной выходной. Меня и Савелия Четвертка ещё и вызвали к заместителю коменданта.

Не знаю, о чём беседовали с дежурным по КПП, а мне за проявленную в прошлый четверг инициативу объявили благодарность с занесением в личное дело. И пусть торжественность момента смазало постное

выражение морщинистой физиономии хозяина кабинета, на этом приятные сюрпризы не закончились.

— Ты как оператор дальше развиваться собираешься вообще? — спросил Роберт Маркович, закулив.

— Так точно!

— И это правильно! — похвалил меня собеседник. — В качестве поощрения было принято решение открыть тебе беспроцентный кредит для оплаты процедур по развитию способностей. Интересует?

— Ещё как!

Тянуть резину заместитель коменданта не стал и выложил на стол долговое обязательство.

— Ознакомься и подпиши.

Тысяча рублей, без процентов, ежемесячное гашение в размере пятой части заработной платы, в случае увольнения график возврата остатка — тоже не самый драконовский. Условия меня всецело устроили, поставил подписи во всех нужных местах.

— Отнеси в бухгалтерию, — распорядился Роберт Маркович, — и, раз уж у тебя сегодня свободный день, загляни на обратном пути в лабораторный корпус, разберись со всеми формальностями.

Я взял под козырёк, но так сразу уйти не получилось.

— И вот ещё что! — остановил меня возглас заместителя коменданта. — Вступительный курс ты прошёл, сейчас начинаешь учиться на начальника караула. Назначение на эту должность — дело отдалённого будущего, но опыт руководящей работы надо нарабатывать уже сейчас. Организуй звено добровольной студенческой дружины. Справишься?

— Постараюсь, — ответил я не слишком-то и уверенно.

— Дежурить будете час в день. О включении в общий график сам договорись. Это не к нам, этим на

военной кафедре занимаются. Кто-то из аспирантов. Стройнович, если не ошибаюсь.

Поручение немало озадачило, но растерянности я постарался не выказать, пообещал оправдать ожидания и отправился в бухгалтерию. На этот раз блуждать от кабинета к кабинету в поисках ответственного лица не пришлось, первым делом навестил господина Горицвета.

— Разрешите, Михаил Прокопьевич? — сказал я, заглянув в дверь.

— Да-да! — отозвался тот, присмотрелся и улыбнулся. — О, а я вас знаю! Вы...

Он наморщил лоб и прищёлкнул пальцами, тогда я подсказал:

— Пётр Линь. Уже заходил к вам, и на занятиях йогой встречались.

— Точно! — просиял бухгалтер. — Вы из группы дражайшей Федоры Васильевны! И как вам занятия? Всё устраивает? А хотите чаю? Мне привезли замечательный зелёный чай с горных плантаций Джунго!

Я несколько даже потерялся от такого напора, от угощения отказался и неопределённо ответил:

— Ну... эффект есть...

Михаил Прокопьевич, который как раз взял фарфоровый заварочник, даже головой покачал.

— Эффект! — горестно произнёс он. — Я безмерно уважаю Федору Васильевну как гениального реабилитолога, но выхолащивание йоги и низведение той до уровня банальной лечебной гимнастики иначе как надругательством над великим искусством назвать нельзя! Йога — это в первую очередь путь духовного развития. Поиск дороги к просветлению, а укрепление организма — это лишь одна и далеко не самая важная её часть.

Многозначительный жест привлёк моё внимание к развешанным на стенах фотографиям и вырезкам, ну а потом я никак не меньше четверти часа был вынужден внимать разглагольствованию собеседника об удивительных возможностях истинных йогов, которые тысячелетиями культивировали невероятные для обычных людей способности даже без задействования сверхэнергии. Ладно хоть ещё удалось всучить этому чудаку документы, не впустую время потратил.

Впрочем, мозги он мне запудрил мастерски — даже возникло желание на его занятия походить, оценить различия в двух подходах. И сходил бы, если б надвое разорваться мог. А так — никак.

Из бухгалтерии я отправился в первую лабораторию, но на приём к заведующему попасть не сумел. Просто не возникло нужды. Справившаяся насчёт цели визита секретарша повела острым ноготком по перекидному календарю и заявила:

— Документы по вам уже подписаны. Спускайтесь в лабораторию.

Я и спустился, а там, к превеликой моей радости, сегодня дежурил знакомый лаборант. Как ни странно, Леопольд обрадовался встрече не меньше.

— На ловца и зверь бежит! — расплылся он в улыбке, пожимая руку. — Вот только по тебе заявка пришла. Погоди-ка! — Лаборант разворошил бумаги и протянул какой-то бланк, отмеченный сразу несколькими подписями, штампами и круглыми печатями. — Дуй во вторую лабораторию, сдай на разряд и возвращайся, мы тебе пока схему распишем. Ты же с реабилитацией закончил уже, так?

— Неделю ещё походить сказали.

— Ну вот со следующей и начнёшь. А пока травяной чай попьёшь и в парных погреешься. Всё, жду через час!

Я с откровенным изумлением уставился на вручённый мне листок, но от расспросов воздержался и только уточнил дорогу. Правильно сделал — подниматься на лифте не пришлось: как оказалось, здесь имелся прямой переход.

Для сотрудников второй лаборатории мой визит неожиданностью тоже не стал, всё прошло быстро и чётко. Приняли документы и велели готовиться, а через десять минут пригласили и направили на прекрасно знакомую силовую установку.

Задание оказалось проще не придумаешь: час работы в полную силу, затем вход в резонанс. В сумме я сгенерировал сто пятьдесят мегаджоулей, что прилично перекрыло порог для десятого разряда, но не могу сказать, будто остался так уж собой доволен. Потерял форму после ранения, не смог выложиться на полную катушку.

Впрочем, результат есть результат. Разряд присвоили, ещё и к окладу какая-то прибавка пойдёт. Но вот воодушевления и гордости я не испытал вовсе, был рад — и только. Ну в самом деле — наперёд же знал, что получу десятый разряд, а девятого не видать, как собственных ушей. И чем тут тогда гордиться?

Леопольд принял результаты прохождения испытания и отправил переодеваться и пить заваренный специально для меня травяной сбор. Разом пропотел весь, а потом ещё и в парную за номером два велели двигать, греть косточки.

Там меня уже ждали.

Помещение с мраморными полом, стенами и лавочками загромождали густые клубы пара, через них разглядел лишь смутные силуэты людей и принял их за случайных посетителей, но не тут-то было.

— Ну наконец-то! — подал голос Георгий Иванович.

Он определённо был чем-то раздражён, а вот в интонациях Альберта Павловича проскользнуло

несомненное самодовольство.

— Вы куда-то торопитесь, дорогой друг?

— У меня работы непочатый край!

— Вы и сейчас работаете, не так ли?

Я присел на одну из тёплых мраморных плит и приготовился внимать продолжению пикировки, но тут Альберт Павлович зашёл с козырей.

— А злитесь вы, коллега, по той простой причине, что я оказался прав и вербовать нашего юного друга стали по предусмотренному мной сценарию. Глупо, нелепо и насквозь неправильно, но я такую возможность предугадал, а вы — нет.

В ответ капитан Городец лишь фыркнул, а вот мне стало интересно.

— Почему — неправильно?

Мой институтский куратор вздохнул.

— Георгий Иванович не даст соврать, не в моих принципах щадить чужое самолюбие, но факт остаётся фактом: вступать с тобой в интимные отношения девочке из приличной семьи Юлии Карпинской не имело ровным счётом никакого смысла. Вербовка через постель работает для господ в возрасте, обременённых должностью, репутацией и семьёй. К молодому человеку вроде тебя следовало подвести симпатичную вертихвостку. Игра на высоких чувствах в ситуации, подобной этой, беспроектна по своей сути. Петя, ну сам посуди — как можно отказать барышне в беде? Особенно если это любовь всей твоей жизни? А Юлия Сергеевна тебе даже не нравится. Так?

— Так, — подтвердил я.

— А это неправильно. Непрофессионально.

Я не выдержал и поставил вопрос ребром:

— Скажите уже: мне вербоваться или нет?

— Вербоваться, конечно, — заявил в ответ Альберт Павлович, с округлого лица которого враз пропала ироничная улыбка. — Поклёвка была сочтена достойной

внимания, кураторы Льва Ригеля дали добро на его знакомство с племянницей Карпинского. Только учти: им о твоей истинной роли в этом деле неизвестно. Мы всё представили оперативной разработкой, не раскрывая источников информации. Имей это в виду, если что-то вдруг пойдёт не так.

Я хоть и находился в парной, по спине пробежал холодок.

— А что может пойти не так?

Георгий Иванович коротко хохотнул.

— Видишь ли, Петя, в операции, которую курируют сразу несколько структур, не так пойти может решительно всё. Кто-то решит что-то переиграть, не поставив нас в известность, и придётся тебе бежать за границу и обживаться где-нибудь в Айле. И это ещё не самый плохой вариант.

Шутка вовсе не показалась смешной, более того — она и шуткой-то не показалась.

— В Айле? И что мне делать в Айле?

— А я бы съездил! — мечтательно протянул Альберт Павлович. — Да и тебе лишним не будет — глядишь, на их источник настроиться свезёт.

— Там, помимо допуска, специальная подготовка нужна, — вздохнул я. — Уже узнавал.

Капитан Городец раздражённо фыркнул, а мой институтский куратор поцокал языком.

— Лично мне было предельно очевидно, какой морковкой постараются склонить тебя к сотрудничеству, поэтому меры на этот счёт предпринял заранее. Согласись, глупо соглашаться на вербовку человеку, который не в состоянии воспользоваться обещанной наградой. На такое пойдёт либо полный глупец, либо провокатор.

У меня даже сердце быстрее забилося, сглотнул и спросил:

— Хотите сказать, я способен настроиться на айлийский источник?!

— Именно. И это не только заключение в твоей учётной книжке, это объективный факт.

Я немного помолчал, обдумывая услышанное, затем высказал догадку:

— Новый заведующий первой лабораторией...

— Первоклассный специалист, — отрезал Альберт Павлович со столь показной категоричностью, что разом зародил во мне сомнение в верности сделанного предположения.

А что, если инициатива попрактиковаться на мне исходила вовсе не от Филиппа, а от Лизаветы Наумовны? Он бы точно ей не смог отказать!

Тут было о чём подумать, но несравненно более важным моментом представлялась роль в операции бывшего одноклассника. Быть может, его столь плотная опека со стороны аналитического дивизиона вызвана отнюдь не только уникальностью инициации на первом румбе первого витка? Возможно, из него намеренно сделали наживку? И отсюда все эти эпатажные чёрные очки и тросточка слепца — чтобы уж точно заметили и обратили внимание?

— Лев знает? — спросил я. — Или его используют втёмную?

— Вопрос не по существу! — не стал распространяться на эту тему Георгий Иванович. — Слушай, что тебе нужно будет сделать...

Ну и выслушал, конечно. А сверх этого получил приказ прекращать валять дурака с йогой и со следующей недели возвращаться к полноценным тренировкам.

Денёк выдался — закачаешься!

Глава 4/1

Специально искать Юлию Сергеевну не пришлось, та подкараулила меня на выходе из института сама. Кругом было не протолкнуться от студентов, так что в ответ на её требовательный взгляд лишь утвердительно кивнул.

— Ну и? — тихонько выдохнула барышня.

— Позже поговорим, — отрезал я и, раз уж выдался свободный денёк, отправился на квартиру доделывать реферат.

Просидел за умными книгами допоздна, зато вторая моя попытка сдать работу на проверку оказалась куда успешней, её не препарировали на скорую руку, а пообещали озвучить оценку на очередном семинаре. После занятий собирался перекинуться парой слов с Карлом, но отыскать того не смог, а вот со Львом затевать разговор не стал совершенно осознанно: и сам не готов был, и атмосфера к непринуждённой беседе не располагала.

Вечером, как и было условлено, пошли с Лией в буфет при столовой горбольницы, и там я битый час выступал в роли стенки, о которую начинающие теннисисты колотят свои мячи. Моя бывшая одноклассница была особой в высшей степени разумной и прекрасно осознавала возможные последствия перехода на другую кафедру, оставалось лишь подавать правильные реплики, озвучивая её собственные сомнения.

— Ладно, — печально вздохнула в итоге Лия. — Ограничусь пока йогой, а дальше видно будет. Ещё с девчонками поговорила, в бассейн начну ходить. Там секция плавания есть, а я ведь занималась в школе!

— Вот и здорово! — улыбнулся я.

Лию всегда отличали сверхактивная натура и не столь уж великая усидчивость; успокоение ей могла принести либо загрузка внеучебными мероприятиями, либо развитие романа с Виктором. Но вот о втором варианте я даже заикаться не стал. Судя по случайным обмолвкам, именно разлад в отношениях и подтолкнул Лию к поиску новых занятий. Сначала она захотела освоить алхимическую печь, затем увлеклась йогой, теперь к ней ещё и плавание добавилось. Эту бы энергию...

Додумывать эту мысль я не стал, и без того мурашки по спине побежали.

В среду занятиям йогой я предпочёл посещение боксёрской секции. И дело было отнюдь не только в рекомендации кураторов прекращать заниматься ерундой и переходить к полноценным тренировкам, просто собирался улучшить момент и пообщаться в неофициальной обстановке со Львом.

Но первым делом переговорил с Карлом. Спросил напрямую:

— Не хочешь в добровольной дружине поучаствовать?

Был готов к тому, что здоровяк начнёт отнекиваться, но ко мне тут же подступили Ян и Николай.

— А мы? А нам можно?

Я от такого напора несколько даже растерялся, а ларчик просто открывался: на военной кафедре участие в студенческой дружине шло в зачёт обязательной летней практики.

— Уж лучше час в день по студгородку гулять, чем летом в самую жару пыль глотать, — усмехнулся Ян.

И Карл, соглашаясь с товарищем, кивнул.

— Научный факт! — Но тут же поскрёб бритый затылок. — А нас возьмут вообще? Там характеристики

и рекомендации нужны. И старшекурсники в очереди на зачисление стоят.

Этот вопрос я пообещал взять на себя и сказал:

— Готовьте бумаги.

— Когда начнём? — оживился Коля. — И можно ещё Бекку к нам взять? Сколько вообще человек нужно?

Я развёл руками.

— Не всё так сразу. Завтра все детали проясню.

На этом мы тему и закрыли, отправились тренироваться. В спаррингах я не участвовал, колотил груши и молотил мешки. Старался особо не напрягаться и всё же вымотался в один момент. Удары начали отдаваться болью в левое плечо, стал прихрамывать, припадая при движении на простреленную ногу. Ну да — это не йога, тут совсем другие нагрузки.

В очередной раз вытерев лицо полотенцем, я решил взять паузу и отправился понаблюдать за тренировкой по савату. Лев на каких-то совсем уж запредельных скоростях бился с Антоном, остальные казались на их фоне натуральными сонными мухами. И тут же обнаружилась Милена. Как видно, ей надоело дожидаться подопечного в машине, вот и стала упражняться в женской группе. В плане физической подготовки студенткам, надо сказать, она нисколько не уступала.

Постояв так немного, я вернулся к отработке ударов, но краем глаза поглядывать на Льва не переставал, поэтому и в раздевалку успел войти непосредственно перед ним. Ну а там в проходе меж шкафчиков нам было никак не разминуться.

— Слушай, Лев! Мы в субботу на танцы в горсад собираемся, не хочешь развеяться?

Бывший одноклассник как-то странно глянул в ответ, потом кивнул.

— Отличная идея! Где встречаемся?

Голос его был бодр и весел, а вот у меня внутри всё так и перевернулось. Льва ведь точно попросили в обязательном порядке принять любое моё предложение, но что ещё ему сказали? Кем он меня считает: предателем или простофилей, которого используют втёмную? И до того разлад пошёл, ну а теперь о дружбе и вовсе можно забыть. Зараза...

Не о том сокрушался. Присоединившийся к нам в раздевалке Антон услышал последнюю фразу и обрадованно потёр руки.

— Встречаемся? Где встречаемся?

Прежде чем я нашёлся с ответом, высказался Лев:

— В субботу думаем в горсад сходить. Ты как?

— Я всегда за!

Ну и что тут мне оставалось, кроме как через силу улыбнуться?

— Давайте, наверное, часов в восемь?

Предложенное время устроило и того и другого, дальше мы определили местом встречи популярное в студенческой среде кафе, и я отправился в душ. На сердце было беспокойно. Ещё и к реализации плана толком приступить не успел, а он уже по швам трещит. Антон тот ещё проныра, он вполне может знать, что Юлия Сергеевна из монархистов. Озвучит сей факт и поломает всю игру. Придётся импровизировать на ходу...

Увы, как ни ломал я себе голову, ничего толкового придумать не смог. Одно было ясно: Юле на встрече появляться нельзя; так ей об этом и сказал. В ответ на моё категоричное заявление барышня состроила обиженную гримасу, пришлось растолковать возникшее в последний момент осложнение.

— Да и не важно! В любом случае пока дядюшка в Новинске, сможем разве что за ручки держаться, а это ни тебе, ни мне не интересно, — заявила Юлия

Сергеевна и после недолгих раздумий продолжила: — Тогда встретишься с Софьей без четверти восемь у центрального входа в горсад. Она тебя сама узнает. А насчёт меня соври что-нибудь.

Тут я, такое впечатление, спиной чужой взгляд ощутил, обернулся и обнаружил направлявшегося к нам молодого человека мрачной наружности — одного из компании монархистов.

— Всё в порядке? — обратился тот к Юлии Сергеевне, демонстративно меня проигнорировав.

— О да, Кеша! — произнесла барышня, ещё сильнее обычного растягивая слова. — Господин мотоциклист зазывал меня прокатиться на своём железном коне.

Последняя фраза была просто-таки напитана ядовитым сарказмом, и когда парочка слушателей «Общества изучения сверхэнергии» двинулась прочь, я не утерпел и бросил им вслед:

— И не такой уж он железный! Шины резиновые! Сиденье кожаное!

Показалось, что плечи Юлии Сергеевны дрогнули, словно та подавила смешок, но никакого ответа не последовало, и я отправился на военную кафедру, где встал на учёт в качестве звеньевого студенческой дружины, заодно сдал собранные приятелями характеристики и рекомендации. Дальше отправился на физиотерапию, а оттуда заглянул в бассейн, дабы зарядиться энергией перед дежурством на воротах.

Поплавал в своё удовольствие — жилы не рвал, но и у бортиков не висел. А под конец сеанса из женской раздевалки выпорхнула стайка смешливых девиц в купальниках. Среди них я заметил Лию, засмотрелся на неё, и будто что-то изнутри подтолкнуло.

— Привет! — помахал рукой. — Мы со Львом в горсад в субботу собираемся — не хотите с Витей присоединиться?

Лия принялась заправлять локоны под плавательную шапочку и вздохнула.

— По субботам мы в «СверхДжоуль» ходим, Витя с друзьями в карты играет.

— А!

— Но знаешь, Петя... — Девушка закусила нижнюю губу. — Там такая скука... Пусть один идёт! Где встретимся? Давай, как в прошлый раз, у фонтана? И пешком прогуляемся. Погода чудесная!

— Давай, — кивнул я. — А Витя не приревнует?

— А может, я этого и добиваюсь? — улыбнулась Лия и встрепенулась при длинной трели свистка. — Всё, бежать пора! Во сколько встречаемся?

— В половине восьмого.

Барышня поспешила к первой дорожке, а я не отказал себе в удовольствии посмотреть ей вслед. Наверное, даже слишком пристально уставился, проходившие мимо пловчихи даже рассмеялись, ещё и оглядываться начали. Вот же вредные!

В пятницу первый раз вывел на патрулирование территории студгородка новообразованное звено добровольной дружины. Компанию мне составляли Карл, Ян и Николай со своей черноглазой пассивностью. Худобедно поддерживать разговор с Ребеккой был способен лишь её кавалер, так что смуглянка просто прогуливалась с нами за компанию. Впрочем, не напрягались и мы — вызванные покусением на профессора Палинского страсти успели поутихнуть, обошлось без происшествий.

Раз только, услышав смех и свист, завернули во двор одного из общежитий, а там наткнулись на компанию Северянина. Сам он в обнимку со смазливой барышней сидел на лавочке, рядышком развалились Слава-Бугор и Панкрат-Заноза, а двое парней помладше перекидывали друг другу кепку, играя в «собачку» с

тощим длинноволосым студентом, уже изрядно упревшим.

Шансов поймать свой головной убор у него не было вовсе, если б не наше появление, мог подпрыгивать и махать руками хоть до вечера. А так хулиганы заметили красные нарукавные повязки, сунули бедолаге кепку, ещё и придали ускорение толчком в спину: мол, вали!

Руки так и чесались надавать им по ушам, но прошли мимо, разве что обменялся хмурыми взглядами с подпевалами Северянина. Ну и студента я нагнать не преминул. Узнал его — уже как-то сталкивался при обходе служебных коридоров в начале года.

— Не позволяй этим отбросам себя третировать! — заявил я, придерживая паренька под локоть. — Напиши заявление — мигом отстанут!

— Да всё нормально! Мы просто дурака валяли! — буркнул тот, выдернул руку и потопал прочь, нелепый словно пугало.

Ян покачал головой.

— Бесполезно! Сколько раз мы с ним на этот счёт говорили, и не сосчитать.

— У Гоши с головой не всё в порядке, — поддержал товарища Карл, перехватил мой взгляд и развёл руками. — Это даже не научный факт, а медицинский диагноз! Он у психиатра на учёте состоит.

— У Рейса, что ли? — уточнил я.

— Не, Рейс — психолог. Ну или психотерапевт, а Гоша в больнице наблюдается.

— Да он и к Рейсу на консультации будто на работу ходит, — добавил Ян. — Как его ещё не отчислили, ума не приложу.

— Он тихий, — пожал плечами Карл. — Безобидный.

— И золотой румб.

— И это тоже.

Наверное, не навещай я сам Льва в психиатрической клинике, забеспокоился бы на предмет того, что

оператор съедет с катушек и натворит дел, ну а так тревожиться на этот счёт не посчитал нужным. Раз болезного опекают и сопровождают, значит, для людей он не опасен. Что, собственно, недавний эпизод с игрой в «собачку» и подтверждал.

Мы вывернули к круглому зданию, опоясанному колоннадой, со скульптурной композицией над портиком и широкими мраморными ступенями; напротив входа был разбит небольшой сквер с обставленным лавочками фонтаном. Строение это из-за разительной непохожести на учебные корпуса бросилось в глаза ещё в самое первое блуждание по студгородку, но всё повода справиться на его счёт не было, а тут поинтересовался:

— А это что?

— Дворец культуры, — пояснил Карл. — Там театральные и художественные студии занимаются, концерты и праздники проводят. Посвящение в студенты, самодеятельность всякая. Ерунда, в общем.

Я кивнул, двинулись дальше. Помимо всего прочего, наш маршрут проходил по территории кампуса, захватывал он и корпуса, в которых проживали иностранные студенты. Прежде меня туда ещё не заносило, поглядывал по сторонам с интересом. Если где-то царил образцовый порядок, то между другими строениями были протянуты бельевые верёвки с гирляндами трусов, маек и наволочек.

А в остальном — люди и люди. Разве что, когда попались вставшие кружком молодые люди, подтянутые и светловолосые, Карл шепнул мне:

— Оксонцы.

Ещё одна подобная компания обнаружилась на лавочке; там играли на губной гармошке. Мы прошли мимо, и Коля оглянулся, зло процедил:

— Они бюрократов Лиги Наций вышибли, так чего их самих не вышлют?

На ломаном доманийском он принялся что-то объяснять черноволосой подружке, а Карл сказал:

— Семестр закончится и всех одним чохом вышлют, и не важно уже — доучились или нет. Я на кафедре слышал.

— Ну да, — с кислым видом подтвердил Ян, — зато срединцев учить продолжим. Это просто вредительство какое-то! Сами врагу помогаем!

— Не мы устанавливаем правила игры, — заметил я.

— А должны — мы! — вспыхнул вихрастый паренёк. — В правительстве предатели засели!

Вот так остаток часа и провели за обсуждением политической обстановки в республике и за её пределами. Ну а затем я пообедал и отправился на курсы. Там впервые вместо не слишком-то полезного урока случайного иностранного языка меня взялись натаскивать действительно полезному навыку — вскрытию замков с помощью сверхспособностей. Требовалось отвести в нужные положения собачки и повернуть личинку, и простым это действие могло показаться лишь на первый взгляд. Я худо-бедно справлялся с простейшими заданиями лишь из-за отработанного навыка воздействия на предметы при тактильном контакте. Понятно, что при желании любой сейф мог вскрыть буквально в пять секунд, но в этом случае пострадала бы секретность. Вот и приходилось внимать наставнику, оказавшемуся вовсе не оператором сверхэнергии и даже не преподавателем, а институтским слесарем.

По возвращении на квартиру предложил Мише Поповичу познакомить его с кухней подружки, и сосед ухватился за такую возможность обеими руками. Мне как-то немного совестно стало. На всякий случай даже предупредил, что компания собирается большая и кто кому глянется — совершенно непонятно.

В итоге нас оказалось даже больше, чем я полагал. Нигилист позвал закадычного дружочка Прохора, а тот привёл с собой подружку. Барышня никакими сверхъестественными способностями не обладала, но это её достоинств в виде крупной груди и симпатичного личика нисколько не умаляло.

Мы встретили Лию у фонтана, и я представил всем бывшую одноклассницу, а дальше отправились в горсад. Было по-летнему жарко; с превеликим удовольствием отказался бы от пиджака, но щеголять подтяжками поверх сорочки было как-то совсем уж неприлично, выставляя себя невежей не стал.

По пути угостили барышень мороженым, а после купили в палатке газированной воды, и там Миша негромко шепнул мне на ухо:

— К тебе ведь другая приходила, так?

— Сказал же: одноклассница это, — пояснил я и попросил: — Ты давай, о том случае не распространяйся. Усёк?

Нигилист понимающе ухмыльнулся.

Племянница господина Карпинского оказалась миленькой блондинкой с умными голубыми глазами и далеко не столь породистым, а потому куда как более симпатичным лицом. Увы, пусть ей и повезло не унаследовать тяжёлую семейную челюсть, но и фигура определённо недотягивала до идеальных пропорций Юлии Сергеевны. Наряд выглядел предельно просто: лёгонькое платьице, туфельки, шляпка. Из украшений лишь золотые серьги и гранатовый браслет — вещицы недешёвые, но и не выставляющие напоказ благосостояние семьи.

Барышня сама подошла ко мне и с вопросительной интонацией произнесла:

— Пётр?

— Так и есть, — улыбнулся я в ответ. — А вы, наверное, Софья? Юля просила показать вам город.

— О, это было бы чудесно! Кузина приболела, а я только третий день в Новинске и ничего тут не знаю.

Дальше последовал обычный ритуал представления друг другу, и в кафе с верандой, выходявшей на просторную танцплощадку и эстраду с оркестром, мы явились уже одной компанией, что всё предельно упростило.

Льва и Милену я углядел ещё от входа, тут же заметил рыжую шевелюру Антона и в первый миг принял сидевшую рядом с ним барышню за Ингу, но та оказалась лишь слегка похожа на нашу бывшую одноклассницу — просто один типаж. Звали её Герда, решил даже, что иностранка, но, сколько ни прислушивался, акцента уловить так и не смог.

Перезнакомившись, мы решили первым делом заморить червяка, а заодно промочить горло. После недолгого обсуждения было решено заказать барышням сидр, а молодые люди остановили свой выбор на пиве. Лично я не стал бы пить сидр даже под угрозой расстрела, а для грога сейчас было слишком жарко, поэтому последовал примеру остальных и не пожалел: пиво, светлое и прозрачное, удивило неожиданно сильной, но при этом весьма приятной горчинкой, а ещё было таким холодным, что едва не хрустело на губах. Сам не заметил, как пол-литровую кружку осушил.

В ожидании сделанного заказа принялись болтать о всякой ерунде, и всё было отлично, пока вдруг неожиданно болезненно не укололо ясное осознание того, что подружка Прохора не нашего круга. Симпатичная и очень даже неглупая, она не вписывалась в компанию столь очевидно, что мне даже неловко стало. И немного стыдно.

Не за неё, и не за Прохора, а за своё подсознательное разделение людей на сверхов и

обычных. Проклятье! Я же ещё и отношу последних ко второму сорту, будто какой-то драный аристократ! Сроду ведь снобом не был!

Настроение скисло, и Лия каким-то образом уловила это, потянула танцевать, как только заиграл оркестр. Ну это у меня такое впечатление сложилось, а вот когда положил ладонь барышне на талию, то чуть ногу ей из-за неожиданного вопроса не отдал.

— Так это кузина Софыи тебе спину расцарапала?

Лично я был уверен, что царапины давно зажили, но припомнил улыбки смешливых пловчих и вмиг покраснел, будто варёный рак.

— Ну... — выдавил из себя. — Гм...

Лия глянула на меня заблестевшими после пары фужеров сидра глазами и улыбнулась.

— Так непривычно себя снова запасным вариантом ощущать. Словно в школу вернулась!

— Слушай, ну ты чего? Какой ещё запасной вариант? — возмутился я. — Да она в принципе никуда со мной идти не собиралась, просто попросила кузину с кем-нибудь познакомить. А плохое самочувствие — простая отговорка! Ёлки! Я и не звал её даже!

— Какие-то странные у вас отношения, Петя.

— Да это вообще не отношения. Мы не подходим друг другу, слишком разные. Никаких общих интересов.

Лия вздохнула.

— Как оказалось, у меня с Витей — тоже.

— Но вы хоть нравитесь друг другу!

— Петя, а зачем встречаться с тем, кто тебе не нравится?

Неудобный вопрос поставил в тупик, но тут уж я проявил характер и юлить не стал.

— Для удовлетворения естественных потребностей.

Теперь пришёл черёд краснеть Лии.

— Это для мальчиков только критично... — не слишком уверенно пробормотала она после явственной

заминки и уже куда напористей продолжила: — Ей-то это зачем? Значит — у неё чувства. А ты, Петя, свинтус!

На «свинтуса» я не обиделся, покорило совсем другое.

— Чувства? Это ты меня усовестить решила или напугать?

Лия только фыркнула. Ладно хоть тут медленная мелодия смолкла, и оркестр заиграл фокстрот, стало не до выяснения отношений. Танцор из меня был никудышный, да ещё в шерстяном костюме мигом упрел, и если Лия на веранду вернулась, лишь чуть покрасневшись, то я в один присест осушил сразу полкружки пива.

Пока мы отсутствовали, Миша Попович успел разговориться с Миленой, у них даже дошло до спора на какую-то столь заумную тему, что остальные в ней ровным счётом ничего не понимали. Софья тоже время зря не теряла и завладела вниманием Льва рассказом о знаменитом на всю республику гипнотизёре, на столичном концерте которого ей недавно довелось побывать. Оставшиеся две парочки по нашему примеру ушли на танцплощадку и лишь изредка возвращались промочить горло и перевести дух.

Мы тоже преимущественно танцевали, под конец даже разболелась простреленная лодыжка. Ещё голову ломить начало, и, когда Лия в начале одиннадцатого решила закругляться, я поводу откланяться только порадовался.

— Ой, да не нужно меня провожать! Спокойно доеду на трамвае, — заявила Лия, впрочем, лишь когда мы уже покинули кафе и двинулись от танцплощадки к центральной аллее.

— Так это ты меня провожаешь, — усмехнулся я, начав демонстративно припадать на правую ногу.

— Ещё скажи, тебя нужно до квартиры довести и в кровать уложить!

Я бы не отказался, но по понятным причинам настаивать на этом не стал и с улыбкой произнёс:

— Сойдёмся на промежуточном варианте: я не провожаю тебя, ты не провожаешь меня, просто расстаёмся на проходной.

— Ладно, — покладисто согласилась Лия.

Мы доехали до трамвайного кольца, а там она соизволила взять меня под руку, так и пошли дальше — молча. Да мне поначалу и не до разговоров было: покинув вагон, первым делом внимательно изучил освещённую фонарями улицу и неспешно прогуливавшуюся по ней публику. Потом, когда не заметил никого подозрительного, а вот комендантский вездеход и двух пеших патрульных, напротив, углядел, немного расслабился, но ничего путного для поддержания беседы в голову так и не пришло. Пусть Карл и утверждал, будто кружка пива с потом выходит за полчаса, но, судя по шуму в голове, с тремя подряд моему организму оказалось так просто не совладать.

До самой проходной никто из нас не произнёс ни единого слова, и, только поцеловав меня в щёку на прощание, Лия сказала:

— Спасибо, что на танцы позвал, — хоть развеялась. А то в последние дни всё просто из рук валится. Даже из состояния синергии выпадать начала — просто беда. У нас финальные показы на носу, профессор недоволен, Витя психует. А я собраться не могу — как отрезало.

— Это всё нервы, — уверил я барышню. — Отдохни завтра, и всё образуется.

— Хорошо бы! — мечтательно вздохнула Лия и легко взбежала на крыльцо, будто и не протанцевала два часа подряд.

Прежде чем скрыться за дверью, она обернулась и помахала узкой ладошкой, и на меня как-то разом навалилась тоска. Мелькнула даже мысль навеститься к Юлии Сергеевне, но очень уж неприятно ныла нога,

плюнул на всё и похромал на квартиру. Да и не сидит дворяночка субботним вечером дома, точно с приятелями развлекается. Так что — спать!

Утром встал уже в девятом часу, натянул трико, надел майку и, позёвывая, отправился на кухню, а там замер на пороге при виде сидевшей за столом Милены.

— Доброе утро, Пётр, — поприветствовала меня барышня безо всякого смущения и отпила чая. — Будешь завтракать?

Именно так я и собирался поступить, а ещё намеревался поваляться в кровати с книгой, но в ответ этот на вопрос отрицательно покачал головой.

— В кино опаздываю.

Напился воды, вернулся в комнату и быстренько собрался. Не могу сказать, будто испытывал в обществе Милены такой уж дискомфорт, — свои планы поменял исключительно из мужской солидарности. Глядишь, Мише ещё чего-нибудь обломится.

До «Зари» дошёл пешком, благо ногу с утра не ломило, а уже в фойе кинотеатра сразу углядел массивную фигуру стоявшего в очереди к кассе Матвея. Двинулся к нему, заметил рядом Варю и передумал, свернул к буфету, а там едва не наткнулся на Марину и Антона, покупавших пирожные.

Навязываться бывшим сослуживцам не хотелось, и я отказался от просмотра кинофильма, вышел на улицу. Там растерянно поглядел по сторонам и отправился в швейное ателье, которое посоветовал Карл, заказал пошив летнего льняного костюма. Когда портной снял мерки, попросил сделать брюки с ремнём, чтобы носить их в том числе и без пиджака, внёс задаток и тогда уже сел завтракать на веранде летнего кафе.

После дошёл до главпочтамта, отправил домой письмо и денежный перевод на сто рублей, рассудив, что открытый институтом кредит точно покроет остаток

платежа за курс процедур по развитию сверхспособностей, а жалования старшего вахтёра, пусть даже и урезанного на две трети, с лихвой хватит на безбедную жизнь. До следующей полочки точно дотяну, а на костюм заначку потрачу.

Ещё ответил на письмо Василя. О расставании с Варей он так и не упомянул, да и о работе писал весьма расплывчато, как если бы его послания цензурировались перед отправкой. Понял лишь, что со столичной сыскной частью сотрудничество не задалось и работала их опергруппа то ли под армейским патронажем, то ли рука об руку с республиканским идеологическим комиссариатом.

Никаких особых планов на сегодня не было, двинулся в студенческий клуб, да так там до ужина и проторчал. И наше звено собралось в полном составе, и тема обсуждения оказалась весьма близка. Как оказалось, вчера накрыли шайку, распространявшую в студенческой среде наркотики, в том числе замели и тех двух ухарей, которые дали мне отпор при задержании. Подробности никто толком не знал, но сто к одному — именно за эту ниточку следствие и потянуло. Отследили связи, возможно, даже подвели подставного поставщика и вот — результат.

Честно говоря, позлорадствовал. Но вообще — было не до смеха.

— В последнее время реакционная пресса с маниакальным упорством запугивает обывателей, многократно преувеличивая опасность операторов сверхэнергии для общества, и такие вот отщепенцы дают продажным борзописцам прекрасную возможность раздуть из мухи слона! — объявил Вениамин Мельник. — Нас начинают обвинять во всех смертных грехах и призывают лишить остатков гражданских прав, а репрессивный полицейский аппарат шлёт в парламент призыв за призывом

передать в их юрисдикцию не только преступления, совершаемые операторами, но и контроль над особой научной территорией!

Что тут началось! Спорили до хрипоты.

Когда я, изрядно взбудораженный последними известиями, вернулся на квартиру, Миша и Милена пили чай на кухне и обсуждали какую-то замысловатую схему компоновки энергетической конструкции. Я из их разговора ничего не понял, а потому мешать не стал и ушёл к себе в комнату.

С Нигилистом всё понятно, он товарищ увлекающийся, но неужто и Милена ему под стать? Вот ведь подобралась парочка! Или это лишь игра? Поди — разберись! Начинаю привыкать во всём двойное дно выискивать.

На следующее утро перед первой парой я подошёл ко Льву с некоторой даже опаской, но тот поздоровался, пожалуй, даже приветливее обычного. А Милена глянула строго, хоть я о её вчерашнем времяпрепровождении и словом не обмолвился. Ну — это тут. На встрече с Георгием Ивановичем рассказал обо всём без утайки.

— Аккуратней с ней, не сболтни лишнего, — предупредил сделавший несколько пометок в блокноте капитан Городец. — В целом — приемлемо. Свободен.

Меня так и распирало от вопросов, но перед кабинетом выстроилась очередь в два десятка студентов, да и времени оставалось в обрез: на сегодня была назначена первая процедура по смещению от пика румба к пику витка. Побежал в лабораторию, убрал одежду в шкафчик, замотался в простынку и сел пить травяной чай. Сегодня тот заварили куда крепче обычного, от интенсивного вкуса даже скулы немного свело. Очень уж терпким получился напиток.

Дальше — больше. Вместо привычных процедурных Леопольд отвёл меня в просторное помещение с куполообразным сводом потолка и стенами, выложенными огнеупорным кирпичом. В центре стоял вырубленный из гранитной глыбы постамент, на том было высечено ложе и закреплены кожаные петли под руки и ноги, ещё одна предназначалась для фиксирования головы. Резко стало не по себе.

— Не мандражируй! — в своей привычной резкой манере потребовала Федора Васильевна и протянула заполненную какой-то белёсой жижой пробирку. — Пей!

— А что это? — опрометчиво поинтересовался я, получил в ответ взгляд выразительней некуда, и решил, что лучше мне этого и не знать, но приняться к студнеобразному содержимому мензурки всё же не преминул.

То ничем не пахло, тогда собрался с духом и влил в себя странную субстанцию, показавшуюся холодной и склизкой; почему-то на ум пришло сравнение с устрицами, коих сроду не пробовал. Побороть приступ тошноты удалось с превеликим трудом, но не дал слабину — удержал препарат в себе.

— Это гриб, выращиваемый на двенадцатом витке Эпицентра, — произнесла тогда Федора Васильевна, — и если ты выблюешь его, то увеличишь долг на двадцать пять рублей.

Но нет, рвотные позывы уже стихли, пищевод словно заморозили, да и по животу растекался странный холодок. А вот знал бы наперёд — точно вывернуло бы.

Мир стал каким-то смазанным, стал реагировать на повороты головы с явственным запозданием, пришлось даже взгромоздиться на постамент, и седовласая тётка покачала головой.

— Быстро же тебя разобрало! Ложись давай! Да не бойся — ремни, чтобы сам не сверзился или других не

покалечил.

После мимолётного колебания я опустился на каменное ложе и обнаружил, что гранит ничуть не холодный, словно снизу его подогревали трубы парового отопления. Федора Васильевна мигом зафиксировала меня ремнями, и тогда мир вновь обрёл былую резкость. Как видно, просто не следовало вертеть головой по сторонам. Такое впечатление — мозги в такой же студень превратились или какая-то беда приключилась с вестибулярным аппаратом.

Распахнулась дверь, внутрь вкатили тележку из нержавеющей стали с несколькими стеклянными сосудами; видеть их я мог лишь самым краешком глаза, поэтому содержимого не разглядел.

Федора Васильевна приспустила простыню, обнажив мне грудь и живот, прошла по ним пальцами, удовлетворённо хмыкнула. А после запустила руку в один из сосудов, выудила из него огромную пиявку и положила ту мне чуть правее пупка!

Если б не ремни, точно на пол сверзился, и терапевт горестно вздохнула:

— Как предсказуемо!

— Но зачем?!

— Прямое воздействие на оператора в резонансе чрезвычайно рискованно и чревато спазмом энергетических каналов, а такое вот опосредованное позволяет сдёрнуть пациента с суперпозиции без особого риска заполучить целый букет осложнений.

Резко обожгло кожу, будто бы крапивой ошпарило, и следующая пиявка, которую устроили мне ближе к паховой складке, вгрызлась в кожу ничуть не менее болезненно. Впрочем, и не более. Не могу сказать, будто приходилось стискивать зубы, перебарывая неприятные ощущения. Так — неприятно, и не более того. Дальше кровососущих тварей начали устраивать на мне всё выше и выше, примерно повторяя схему

Лизаветы Наумовны для коррекции энергетических каналов. Последнюю усадили на правый висок. Пиявки моментально присасывались, и кожу сначала жгло, а через минуту-другую словно замораживало уколом обезболивающего, но легче от этого не становилось. Правда, тут свою роль скорее играла элементарная брезгливость.

— Где-нибудь в болоте вблизи Эпицентра разводите? — любопытствовал я, облизнув пересохшие губы.

— Не нужно тебе этого знать! — отрезала Федора Васильевна и распорядилась: — Войдешь в резонанс строго по команде и уж постарайся не вывалиться из него раньше времени. Чем дольше выдержишься, тем лучше. И не держи в себе энергию, избавляйся от неё сразу. Усёк?

Я невольно сглотнул и подтвердил:

— Усёк.

Правда, вот так сразу делать ничего не пришлось, минут двадцать просто лежал и кормил кровососущих тварей, после этого появились новые действующие лица. Ассистировать Федоре Васильевне взялись сразу пятеро молодых людей и барышень, словно каждый отвечал за свою пиявку, но обдумать эту мысль не успел, начался обратный отсчёт:

— Три! Два! Один! Давай!

Даже прилагать никаких усилий не пришлось, вошёл в резонанс с необычайной лёгкостью, меня словно тянули вперёд невидимые руки — создалось даже впечатление, что приток сверхэнергии идёт куда быстрее обычного. Но за это не поручусь — реальность вновь расплылась и потеряла чёткость, выложенный кирпичом потолок с бешеной скоростью закружился перед глазами, и я бы даже зажмурился, но уже не мог.

Сверхсила захлёстывала меня с головой, летел, будто на санках с горы — стремительно и с чудовищным

ускорением, а потом со всего маху в стену врезался. Ладно хоть не в бетонную, бетонную бы не пробил. Тут — кирпичная, тут ассистенты терапевта, зацепившие меня через пиявок своей волей почище чем железными крючьями, протащили сквозь пролом чуть дальше, нежели позволяли возможности организма.

Дёрнулся так, что заскрипели и едва не оборвались кожаные ремни. Тело разметало в клочья, энергетические каналы — порвало, остатки потенциала вспыхнули синим пламенем, думал — сгорю.

Но — нет, очнулся относительно целым и почти невредимым. Уставился ошалелыми глазами на Федору Васильевну, а та вытерла платочком выступивший на перечерченном глубокой морщиной лбу пот и заявила:

— Это как с лишением невинности. Первый раз нужно потерпеть, дальше — проще.

Я даже не нашёлся, что на это сказать. Так и замер с открытым ртом, ладно хоть и до того был от перенапряжения натурально пунцовым, прилив крови к щекам остался незамеченным. Потом опомнился и потребовал избавить от мерзких пиявок, но в том уже не было никакой нужды: кровососущие твари сгорели все до одной. Просто чудо, что на коже ожогов не осталось, только лишь багровые пятна синяков с треугольными отметинами укусов.

Меня освободили, усадили в кресло-каталку и вывезли в буфет, где дожидался недопитый травяной настой. Остывший, он показался совсем уж нестерпимо-терпким, после первого же глотка к горлу подкатила тошнота, едва успел добежать до уборной.

— Это всё из-за гриба, — успокоил меня Леопольд. — Их станешь раз в неделю принимать, но там дозировки меньше будут. Привыкнешь.

Я скривился от отвращения.

— Оно того стоит вообще?

— Сегодня ты пробыл в резонансе на две секунды дольше пика румба. Сам как считаешь — достойный это результат или ну его к лешему?

Аргумент лаборант привёл железный, и я только вздохнул, прихватил чайничек с кружкой и отправился отлёживаться в парилку. В итоге на дежурство пришёл едва живым. Вроде и самочувствие не беспокоило, но устал так, что ни рукой пошевелить, ни ногой. А мне — работать. О-хо-хо...

Глава 4/2

Следующей процедуры ждал с ужасом. Даже в институт идти не хотелось, хотя, казалось бы, это ведь всё мне самому нужно, не Леопольду и не Федоре Васильевне. Для них это работа, для меня — будущее. Так что стиснул зубы и пошёл, но мог бы так не волноваться.

— Три дня в неделю над продолжительностью резонанса работать будешь, — уведомил меня лаборант, — ещё три с удержанием потенциала. Иначе никак, иначе организм не справится.

Мне вручили традиционный чайничек, вдобавок к нему выдали розетку со странным на вид вареньем, которое явственно отдавало чем-то еловым на вкус.

— Варенье из шишек, — пояснил Леопольд. — Очень полезное.

Что шишки отнюдь не простые, я понял и сам, а уж когда ручьём потёк пот, чего никогда не бывало после одного только чая, убедился в этом окончательно. Ещё и в парилку отправили — так прогрело, полное впечатление, виток на третий-четвёртый Эпицентра наведалься. Ну а дальше меня препроводили в уже знакомую процедурную с соляными стенами.

— Чем дольше сможешь энергию не сбрасывать, тем лучше, — предупредил лаборант, прикрывая толстенную дверь.

Ну я и попробовал. Чуть не разорвало в итоге, но продержался весь резонанс и даже несколько секунд после, от силы две или три: девять мегаджоулей — это не шутки. Впрочем, скидывать сверхэнергию в пространство не стал в любом случае, уселся поудобней на деревянный помост и запустил алхимическую печь.

Пришлось нелегко, зато и толку от упражнения вышло несравненно больше.

Под конец я стабилизировал остаток потенциала и отправился в столовую. На одном из этажей наткнулся на Юлию Сергеевну, и та в мою сторону даже не взглянула. То ли из-за компании, то ли просто надобность в содействии отпала. Поди — разберись, неудобный я теперь знакомый или отработанный материал.

В общем и целом сегодняшняя процедура оказалась далеко не столь утомительной, и звено студенческой дружины я весь отведённый на дежурство час водил по территории студгородка, а не на лавочке штаны просиживал. На курсах после индивидуальных теоретических занятий пострелял в тире — и на скорость, и во время учебных штурмов помещений, ну а вишенкой на торте стали занятия по рукопашному бою. Шёл туда, всецело уверенный в собственных силах, и потому вдвойне болезненным щелчком по носу стала ухмылка Александра Малыша.

— Давно не виделись, боец!

«Век бы вас не видать», — чуть не ляпнул я, но вовремя прикусил язык. Независимость проявил, протянув бывшему наставнику руку. Тот обменялся со мной рукопожатием и велел строиться. Из всей группы я знал только Максима Бондаря и Карла, да ещё примелькалась пара-тройка человек из актива военной кафедры, занимавшихся боксом и саватом. Тот же Костя, с которым как-то сидели в кафе, кто-то ещё.

— Может возникнуть вопрос — зачем оператору умение драться? — произнёс Малыш, пройдясь перед шеренгой. — Ограничусь двумя словами: инстинкты и рефлексы. В случае внезапного нападения в дело вступают именно они, и наша задача — совместить природную естественность рукопашного боя с

эффективностью оперирования сверхэнергией. — И он повысил голос: — Линь, Бондарь, на стену!

После ранения форму я толком не восстановил и потому не продержался против бывшего сослуживца и пары минут, но определённое впечатление на студентов схватка произвела. Дальше на нашем же примере демонстрировались преимущества техники закрытой руки, ещё и от замахов деревянным макетом нихонского меча отбиваться пришлось. Ну а завершила тренировку игра в вышибалы, и, надо сказать, наработанная связка ясновиденья и рефлексов не подвела, а вот чисто физически — сдох.

— Ничего, боец! Тяжело в учении, легко в бою! — похлопал меня напоследок по спине Александр Малыш.

— Ага, — только и выдохнул я в ответ, вытирая полотенцем градом катившие с лица капли пота, и выдал запомнившуюся присказку: — То, что не убивает оператора сразу, не убивает его вовсе.

Впечатлённый высказыванием Максим Бондарь выставил вверх большой палец и поспешил вслед за наставником, а я поплёлся в душевую. Хотел просто спокойно вымыться, а там окружили студенты.

— И что, вообще синяков нет? — любопытствовал Карл.

Парочку болезненных ударов я всё же пропустил, но спокойно стянул через голову майку и развёл руки в стороны: мол, смотрите.

— Во дела! — только и присвистнул кто-то. — А пули так останавливать можно?

— Не советую, — только и буркнул я в ответ.

В среду меня накормили очередным экзотическим вареньем, после которого в парной начала отчаянно кружиться голова, и загнали в странную ванну, из многочисленных отверстий в которую били упругие струи горячей воды. Пахла та не слишком приятно,

будто бы даже сероводородом, и предназначалась для отведения сбрасываемой в пространство сверхэнергии.

— Негативам благодать — тёпленькую пускают, — усмехнулся Леопольд. — Остальным-то в ледяную приходится лезть, чтобы не свариться!

Я припомнил, как едва не заморозил в одной из процедурных ванну с грязью, и понимающе кивнул.

— Не бойся, не замёрзнешь, — приободрил меня Леопольд. — Температура и приток специально под тебя отрегулированы.

И точно — на поверхности воды разве что ледяная шуга появляться начала под конец транса, даже продрогнуть толком не успел. Да и в любом бы случае потерпел — секундная прибавка к продолжительности резонанса того стоила.

После тренировки по боксу подошёл Лев.

— Петя, я слышал, какие-то новые курсы самообороны начались?

Я не стал интересоваться, откуда он это узнал, и кивнул.

— Ага. Инструктор комендатуры ведёт.

— А сможешь на мой счёт с ним поговорить? Тоже походить хочу.

После той неприятной сцены в студенческом клубе оказывать такого рода содействие товарищу несколько не хотелось, поэтому кивком указал на колотившую по груше Милену.

— А согласует?

— Я не маленький, сам решения принимать могу! — вспылил Лев.

— Не хочется, знаешь ли, потом по ушам от твоего лечащего врача получить!

Бывший одноклассник вздохнул.

— Если разрешат, спросишь?

Ни Вениамин Мельник, ни Инга занятий по рукопашному бою не посещали, поэтому я пообещал:

— Спрошу.

— А насчёт меня? — немедленно поинтересовался рыжий Антон.

— И насчёт тебя, — подтвердил я, но на этот раз самым бессовестным образом соврал. — Только это уже в пятницу, раньше тренера не увижу. И, Лев...

Тот закатил глаза и отошёл к переводившей дух Милене. Принялся что-то втолковывать, и барышня оборвала его решительным взмахом руки, чем меня немало порадовала. Не тут-то было! Бывший одноклассник хоть и вернулся изрядно озадаченным, сообщил, что для посещения новых тренировок у него противопоказаний нет. Потом помялся и добавил:

— Но её тоже брать придётся.

Только и оставалось, что руками развести.

— Сделаю, что смогу.

Следующим утром Лев не преминул о моём обещании напомнить, и этим не ограничился, сказал:

— Мы в субботу на танцы той же компанией собираемся. Пойдёшь?

Я с притворным сожалением покачал головой.

— Нет, у меня суббота — единственный свободный день для йоги остаётся.

Лев просто-таки глаза округлил.

— Ты на йогу ходишь, а...

Милена не дала ему договорить, вклинившись в разговор:

— Федора Васильевна дала тебе весь необходимый комплекс упражнений.

— А-а-а! — разочарованно протянул Лев. — Это! Я думал, о традиционной йоге речь.

Я порылся в портфеле и выудил невесть когда сунутую туда рекламную листовку секции господина

Горицвета.

— Во, держи. Есть и традиционная.

Дальше по расписанию у меня было право, и там ни с того ни с сего Илларион Валерианович поручил к следующему семинару подготовить доклад на тему правовых коллизий, возникающих при разграничении юрисдикций комендатуры ОНКОР и полицейского управления Новинска. Не самая актуальная для меня в последнее время тема, но деваться было некуда — взял под козырёк.

Не обошлось без неожиданностей и в лаборатории. В травяной настой на этот раз добавили клюкву, и вкус тот приобрёл столь пронзительно-кислый, что аж скулы свело. Даже малиновое варенье его не перебило, а в парной и вовсе накрыло — пульс резко участился, закружилась голова, так и распластался на мраморной плите. Думал — кони двину, но нет, отпустило.

В резонанс вошёл, весь опутанный толстыми жилами серебряных проводов с золотыми контактами, на этот раз не просто избавлялся от сверхсилы, а генерировал электричество. Никаких неприятных ощущений не испытал, но и длительность транса не увеличилась ни на секунду.

— Это нормально! — уверил меня Леопольд. — В понедельник процесс пришпорим.

— Опять пиявки? — поморщился я.

— Не-а, на центрифуге раскрутим, — сообщил лаборант, не став вдаваться в подробности.

Ну а я приставать к нему не стал, наведалься в читальный зал и столовую, после отправился на дежурство. После сегодняшней процедуры уже не ощущал себя выжатым лимоном, и это было просто здорово — усиление сняли, и мы вновь работали прежним составом, а транспорта через ворота меньше проходить не стало. Даже толком в караулке за учебниками не посидел — всё какая-то суета была.

В пятницу работал над стабилизацией внутреннего потенциала, на этот раз с головой погрузившись в ванну с той самой приснопамятной грязью; замучился от неё потом отмываться.

— А что на завтра намечено? — поинтересовался я, уже одевшись.

Леопольд неопределённо пожал плечами.

— Реабилитация.

Такой ответ меня всецело устроил, пообедал и отправился на курсы, а там Василий Архипович уделил лишь полтора часа, а на два следующих урока отправил заниматься в группу подготовки актива военной кафедры. Не могу сказать, будто в компании пяти кандидат-лейтенантов чувствовал себя вполне уверенно, но провёл время с пользой, поскольку присоединился к будущим армейским контрразведчикам.

Моё появление, ясное дело, не осталось незамеченным. Один шапочно знакомый по студенческому клубу товарищ даже полюбопытствовал:

— Пётр, да? А ты тут как?

Едва ли вопрос Платона содержал двойное дно, и я напрягаться не стал, ответил небрежным пожатием плеч.

— Так меня на начальника караула учиться послали, а подходящих групп нет, вот и набираю часы то там, то здесь.

— Точно! — прищёлкнул пальцами Платон. — Видел тебя на занятиях по нихонскому!

— Ну да.

Дальше мы отправились в тир, где помимо выполнения индивидуальных упражнений работали и в команде. Даже от штурмового взвода инструктор подошёл, начал давать теорию, тренировались под его присмотром заходить в здания с задействованием сверхсил.

После столь насыщенного дня тренировка по рукопашному бою ничем особо даже не запомнилась. Всё обычно, всё привычно. Разве что как-то незаметно для себя наравне с Максом помощником наставника сделался, но это и понятно — их самих на всех студентов попросту не хватало, а я вроде как базу художественно освоил, мог грубые ошибки подмечать.

Вот на правах добровольного помощника и попросил включить в группу ещё двух человек. Поначалу Александр Малыш только покривился, но, узнав о способностях Льва к ясновиденью, проявил заинтересованность и согласовал пробное занятие в понедельник. Об Антоне, понятно дело, я и не заикнулся даже.

На следующий день меня мяли. Сначала отходили дубовым веником в парной, где так одуряюще пахло травами, что закружилась голова, а после мяли и физически, и энергетически, добиваясь полнейшего единства тела и потенциала. Занималась этим конечно же Федора Васильевна. Проконтролировав ход моего резонанса, она спросила:

— Йогу совсем забросил?

Меня так и распирало всего от влившейся в ходе транса энергии, но сумел на выдохе произнести:

— Нет, приду сегодня.

Федора Васильевна принялась массировать спину, едва уловимым воздействием способствуя более равномерному распределению энергии по организму, и как-то сразу стало легче дышать. Впрочем, долго не продержался и так, запалил алхимическую печь.

— Бестолочь! — фыркнула вредная тётка. — Чтоб сегодня был как штык! Покажу, как с большими объёмами сверхсилы работать.

Я пообещал появиться, принял душ и отправился на курсы, а после на выходе с военной кафедры наткнулся

на группу студентов, среди которых углядел Карла, Николая и Яна. Присутствовали тут и некоторые барышни из знакомых Нины, но они меня проигнорировали. А я, соответственно, с чистым сердцем проигнорировал их самих.

Отболело давным-давно, отпустило. Уже и с самой Ниной не раз в коридорах сталкивался, молча мимо проходил. С облегчением даже — потому как если с ней только после свадьбы, то ну эту фифу к лешему.

Почти у всех студентов с собой были чемоданчики и вещевые мешки, и я спросил:

— У вас сборы, что ли?

— Не, на подстройку отправляют, — пояснил Коля и хмуро добавил: — Воскресенье — псу под хвост!

Я озадаченно поскрёб затылок.

— Хм... А меня чего-то давно не отправляли.

— Ты же к пику витка движешься, — заметил Ян. — Экватор будет, отправят.

— Научный факт! — подтвердил Карл.

— Ладно, удачи! — махнул я на прощание товарищам и двинулся к спорткомплексу, но у палатки с мороженым остановился и принялся отсчитывать мелочь на вафельный стаканчик с пломбиром.

Купил, здесь же на соседнюю лавочку и уселся. Ну а куда спешить? Спешить некуда. Ещё полчаса до начала занятий, а погода чудо как хороша. Уже вечереть начинает и дневная жара спала, но ветерок тёплый-тёплый. Даже не верится, что днём солнце печёт нещадно, а скоро и вовсе не продохнуть будет от зноя.

Мороженое кончилось как-то очень уж быстро, и я взял ещё два стаканчика — один себе, другой Лии — и перебрался на лавочку ко входу в спорткомплекс, где в зарослях дикой вишни отчаянно чирикала стая воробьёв. Вторую порцию пломбира ел уже безо всякой спешки, а угощение для Лии поставил рядом. Замороженное сухим льдом, оно и не думало

подтаивать, но на этот счёт я в любом случае несколько не беспокоился: контроль температуры в таких объёмах никакой проблемы для меня не представлял.

Вот только понемногу время начало поджимать, а Лия никак не появлялась. Уже и все примелькавшиеся за последнее время подопечные Федоры Васильевны мимо прошли, а её — нет. Решил, что бывшая одноклассница в порыве энтузиазма заявила на тренировку сильно заранее, но только поднялся с лавочки, и послышался окрик:

— Лия, подожди! Да подожди ты, прошу!

Виктор нагнал Лию у поворота к спорткомплексу и придержал за руку, но та порывисто вырвалась и зашагала дальше.

— Ну, извини! — поспешил за ней старшекурсник. — Я погорячился! Был не прав! Мне важна наша совместная работа, но ты тоже имеешь право на саморазвитие! Переживу!

Он вновь попытался остановить девушку, на этот раз успешно.

— Бог с ней, с синергией! — проникновенно произнёс Виктор. — Это всё не имеет никакого значения. Важно лишь то, что я тебя люблю. Люблю и не хочу потерять. Понимаешь?

Дальше разговор пошёл на пониженных тонах, а потом парочка влюблённых поцеловалась. Отчего-то стало неловко — будто в замочную скважину за чужой интимной жизнью подглядываю, и я отступил чуть дальше в кусты. Вовремя — почти сразу Лия и Виктор отстранились друг от друга и двинулись к спорткомплексу рука об руку.

Барышня на ходу вытирала платочком слёзы, а кавалер что-то мягко ей втолковывал, меня они не заметили.

— На танцы? — переспросила тут Лия. — У меня завтра плавание!

— Во сколько оно у тебя заканчивается? Без четверти шесть? — уточнил Виктор. — Детское время! Ты как освободишься, заходи ко мне, и двинем в горсад. Договорились?

— Договорились.

Парочка снова поцеловалась, а я оказался в предельно идиотской ситуации: ни на соседнюю тропинку не пробраться, ни на эту не выйти. Только и оставалось, что в кустах окончания разговора дожидаться. Ладно хоть ещё листва уже вовсю зеленела и сумерки сгустились. Только поэтому и не заметили. Ну и заземление я поставить не преминул — мало ли какой чувствительностью пирокинетики отличаются.

Дальше Лия легко взбежала по ступенькам крыльца, а Виктор развернулся и зашагал в обратном направлении. Выражение его лица разглядеть не получилось, а вот произнесённое на выдохе короткое словечко расслышал предельно отчётливо.

— Сучка! — с выражением ругнулся старшекурсник, ещё и попавшийся под ногу камешек наподдал, не пожалел лакированную туфлю.

И вот как-то меня такое поведение... не покорило даже, а прямо-таки взбесило. И — насторожило. Очень уж отчётливо чужую злобу ощутил, а это постараться надо, чтобы человека с почти абсолютной эмпатической невосприимчивостью проняло. Тут же сразу видно — сплошной комок нервов, так энергетическими помехами и сыплет.

Я выбрался из кустов к лавочке и взял стаканчик пломбира. Глянул на крыльцо спорткомплекса, немного поколебался и выкинул мороженое в урну, после сунул портфель под мышку и двинулся вслед за Виктором.

Зачем? Бог его знает. Просто так, на всякий случай. Никогда этот тип не нравился, а сейчас ещё и крайне целеустремлённо куда-то направился, как бы какую

пакость не задумал. Вот и прослежу, благо азам ведения наружного наблюдения обучен. Вот и попрактикуюсь. А йога... Йога никуда не денется.

На пятки Виктору наступать я не стал, перешёл на параллельную дорожку и потопал дальше уже по ней. Да приятель Лии и не оглянулся ни разу, а уже в вестибюле главного корпуса поспешил напрямик к установленным вдоль стены телефонным кабинкам. Скрылся в одной из них, и я без промедления заскочил в соседнюю. Прикрыл за собой дверцу и прижался ухом к стенке, но ничего толком разобрать не сумел, одни только обрывки фраз.

— Договаривались... В шесть — поздно!.. Позарез... Без десяти!.. «Под пальмой»... Сам не смогу... Никита...

Дальше брякнула возвращённая на рычажки трубка и хлопнула дверца; я миг промедлил, затем осторожно выглянул из своей кабинки и обнаружил, что Виктор двинулся на выход. Тогда снял пиджак, перекинул его через руку и поспешил следом, чуть ниже опустив на лицо козырёк кепки и ссутулившись.

И вот тут, как назло, меня углядел приданный в усиление вахтёрам Антон.

— Петя, привет! — помахал он рукой.

Ладно хоть ещё Виктор к этому времени успел выйти за дверь и ничего не услышал. Я замедлил шаг и обменялся рукопожатием с бывшим сослуживцем, даже справился о делах.

— Дела как сажа бела! — усмехнулся Антон. — Не, так-то неплохо всё. Михей — вот тот совсем расклеился, ну ты в курсе...

Я кивнул и поспешил распрощаться, выскочил на улицу. Встав на крыльце, поискал взглядом Виктора, но тот уже растворился в густых сумерках, пришлось обратиться к ясновиденью. Характерный рисунок

сверхэнергетических помех уловил без особого труда, а там и самого пирокинетика приметил. Теперь не уйдёт!

В сквере Виктор ни с кем заговаривать не стал, направился напрямик в винную лавку. Туда я за ним не последовал, вместо этого встал на противоположной стороне улицы, готовый при необходимости юркнуть за угол, но не пришлось: когда старшекурсник вскоре покинул магазинчик с бумажным пакетом, из которого торчало горлышко бутылки то ли сидра, то ли игристого вина, он зашагал дальше по улице, чтобы уже в соседнем квартале зайти в аптеку.

Пробыл внутри кавалер Лии от силы пару минут, а затем потопал в обратном направлении, тут-то и пришлось нырять в подворотню. Миг я обдумывал сложившуюся ситуацию и решил отпустить Виктора, выждал немного и поспешил в аптеку, на ходу надевая пиджак. Толчком распахнул звякнувшую колокольчиком дверь и подступил к прилавку.

— Подскажите, что сейчас приобрёл у вас молодой человек? — спросил, напустив на себя деловой вид, и для большей значимости махнул закрытым служебным удостоверением.

Увы, фокус не прошёл. Аптекарь рассеянно заморгал и поинтересовался:

— А в чём, собственно, дело?

Очевидно, его смутили мои невеликие лета, пришлось раскрыть удостоверение и с нажимом произнести:

— Служба охраны РИИФС! Мне надо знать, какие именно препараты приобрёл у вас наш студент.

Упитанный дядечка внимательно глянул на меня через толстые линзы очков и пожал плечами.

— Никаких препаратов, только презервативы. Это ведь не запрещено, не так ли?

— Благодарю, — буркнул я и выскочил на улицу. Рванул по тротуару вдогонку за Виктором с азартом

взявшей след гончей.

По кое-каким обмолвкам Лии полагал, что до близости у них ещё не дошло, да и не понадобились бы в этом случае презервативы. А тут Витя ещё и вино взял — точно подругу на стороне не из операторов завёл!

Отпустило меня, когда выскочил к скверу.

Ну, завёл — и что с того? Лии об измене кавалера рассказать? А она мне поверит? Да и глупо это как-то. Несерьёзно...

Тут я заметил шагавшего через дорогу Виктора и растерялся окончательно, поскольку тот возвращался в институт. Вот это номер!

Через вахту студент прошёл совершенно спокойно — определённо купил в винной лавке разрешённый к проносу сидр, а дальше немного поблуждал среди общежитий и скрылся в одном из корпусов.

«Как пить дать, на вечеринку припёрся», — решил я, но вспомнил о приобретённых презервативах и уходить повременил. Хотя, наверное, совершенно напрасно. В РИИФС не одни только операторы учатся, в институте и простых барышень хватает. Скорее всего, Витя к одной такой и нашёл подход. Не до утра же его тут караулить! Да и смысл?

В расстроенных чувствах я опустился на лавочку у соседнего здания, и тут на улицу вышел Виктор, ещё и двинулся в мою сторону.

Я откинулся на спинку и заложил ногу за ногу, опустил козырёк кепки на лицо. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы приятель Лии прошёл мимо, не обратив никакого внимания на случайного студента. Просто повезло, что фонарей поблизости не было, в такой темени ни черта не разобрать, одни силуэты разве что.

Выждав какое-то время, я последовал за старшекурсником, но мог бы и не утруждаться: Виктор отправился напрямик к себе. Единственное, что

показалось странным, — это появившийся у него вдобавок к пакету футляр фотокамеры.

Сидр. Презервативы. Фотоаппарат.

Странный набор. Но лишь странный и не более того.

И о чём тут с Лией разговаривать? Не о чем.

Обычную барышню насчёт такого кавалера, конечно, стоило бы предостеречь, только Лия — оператор. Она не даст руки распускать, если сама этого не захочет.

Я подумал-подумал, да и поплёлся к спорткомплексу. Решил ничего бывшей однокласснице не говорить, просто между делом справиться, всё ли у неё в порядке, благо уже сложилась традиция совместного посещения буфета.

— Петя? — удивилась наткнувшаяся на меня Лия. — А что занятие пропустил? Собирался же? Федора Васильевна тебе уши надрать пообещала.

Разумеется, сказать правду мне и в голову не пришло, соврал что-то невнятное о неотложных делах и пригласил барышню в буфет. А уже там, принеся два стакана чая и пару эклеров, спросил:

— У тебя всё хорошо? А то глаза какие-то красные.

Лия вздохнула.

— Всё сложно.

Я сделал приглашающий жест.

— Весь внимание.

Барышня отпила чая и вновь вздохнула.

— Ты же помнишь, что я о переходе на другую кафедру думала? Так меня Витя отговорил. Да, тут идёт жёсткая специализация и возможности для саморазвития в рамках программы куда меньше, но зато мы вместе работаем. Это же важно, правильно?

Я кивнул.

— Развиваться и в свободное время можно.

— Вот именно! — ухватила за мои слова Лия. — Развиваться! А помнишь, я рассказывала, что проблемы

с синергией начались? Так это всё из-за йоги. У меня структурирование потенциала и упорядочивание энергетических каналов пошло, вот и сбилась настройка на Витю. И пока равновесия не достигну, очень сложно будет снова, — она на миг запнулась, — синхронизировать течение резонанса. Так это называется.

— Первый раз слышу.

— Да не важно! — отмахнулась покрасневшая барышня. — Главное, что Витя потребовал бросить занятия йогой! В категорической форме потребовал! А мне их уже в индивидуальную программу развития включили! Только-только подвижки начались! Я мёрзнуть перестала! Ты не представляешь, Петя, как выматывает, когда ты постоянно мёрзнешь!

— Ну и что ты? — задал я наводящий вопрос.

Лия округлила глаза.

— А что я? Не Вите решать, чем мне заниматься, а чем не заниматься! Мы ещё даже не поженились! А если и поженимся, так у нас равноправие, и жена — не собственность мужа!

— Давно уже нет, — поддакнул я и чуток подлил масла в огонь: — Какие-то старорежимные замашки у товарища!

Но вот с этим заявлением уже переборщил, и барышня немедленно меня укорила:

— Будет тебе, Петя! Ты Витю не демонизируй. Он всё понял и прощение попросил. Завтра все свои дела отложит, и мы на танцы пойдём.

Все Витины дела — это карточные игры, но упоминать об этом не стал и соорил виноватое выражение лица.

— Неспроста же говорят, будто милые бранятся, только тешатся, — продолжила Лия, будто пытаюсь убедить саму себя. — Нам просто нужно притереться друг к другу. Это вопрос времени.

Тут-то я и сообразил, что как раз времени у Вити и нет. Если не доведёт до ума технику синергии, то не поступит в аспирантуру и отправится отрабатывать контракт в корпус. Так, быть может, именно этим объясняются его странные телодвижения?

Или я просто на воду дую?

Но, как бы то ни было, на душе стало очень уж беспокойно, спал плохо, постоянно просыпался в холодном поту. Да ещё в соседней комнате кровать беспрестанно скрипела; Миша со своей пассией половину ночи уgomониться не могли.

Вместе с тем утром я встал с ясным осознанием собственного нежелания пускать ситуацию с Лией на самотёк. Наскоро попил чай на пока ещё свободной кухне, умылся, оделся и вышел на улицу, даже не потрудившись побриться.

Проблема заключалась в том, что я не знал, как следует поступить. Понятия не имел, что именно задумал Виктор — и задумал ли он что-либо вообще! — поэтому и предпринять превентивные меры способен не был. Не мог даже разыграть карту «я знаю, что ты собираешься делать» и припугнуть, велев не дурить. И подключать коллег из службы охраны тоже не имело ни малейшего смысла: даже если они отнесутся к моим подозрениям всерьёз, то что сделают — пальчиком погрозят? Бред! Скорее уж, на смех поднимут, а то и вообще в стремлении очернить конкурента заподозрят. На весь институт ославлюсь, с гарантией.

До зарезу требовался совет, и я зашёл в аптеку, открыл записную книжку и набрал домашний номер Альберта Павловича. Трубку так и не сняли, и на квартире Георгия Ивановича тоже никто не отозвался.

Ну и куда они с утра пораньше умотать успели, спрашивается?!

Позвонил по рабочим номерам сначала одному, затем другому — вновь безрезультатно. Совсем кисло

стало. Ещё и Карл с приятелями на Кордон уехали, не подстрахуют!

Я крепко задумался, кого ещё могу попросить о содействии, и на ум пришёл один только Матвей Пахота. Дошёл до трамвая и покатил в комендатуру, но сегодня точно был не мой день: бывший сослуживец с утра заступил на дежурство, и мало того что уже убыл из расположения, так ещё и смены в штурмовом взводе по двенадцать часов.

Ну что за невезение!

Потроха так и стянуло. Прекрасно осознаю, что сам себя накручиваю, а толку-то?

Покатил обратно в центр, сходил в кино и пообедал, вновь позвонил кураторам, но с прежним успехом. Тогда заскочил в библиотеку и расположился на лавочке неподалёку от корпуса, где жил Виктор, с учебником по праву в руках.

Погода была прекрасная, студенты высыпали на улицу, кто-то расстелил покрывала на газонах, кто-то подсел ко мне. А вот Витя с соседом безвылазно проторчали в квартире почти до двух пополудни, после отправились в столовую, где засели со своим третьим товарищем в буфете и принялись дуть пиво. После очередного круга хмельной напиток им не продали, но на этот случай один из парней прихватил с собой бидончик, и благодаря содействию многочисленных знакомых, которых снабжали деньгами на покупку кружки-другой, очень скоро тот оказался наполнен доверху.

Всё это время я ковырялся вилкой в тарелке с гречкой и особо даже отсутствие аппетита не имитировал — было попросту тошно. Так и не доел, потащился вслед за Витей со товарищи. Те вернулись в общежитие, и поскольку мой наблюдательный пост оказался занят, пришлось усесться в тенёк под дерево, постелив на траву носовой платок.

В половине пятого случился второй поход за пивом, а примерно ещё через час один из приятелей Виктора — не сосед, а другой, — вышел на улицу и решительным шагом двинулся к проходной. Я сунул учебник под мышку и зашагал следом.

Скучавший на лавочке в вестибюле Митя Жёлудь оторвался от спортивного журнала, но меня не окликнул и вернулся к чтению; вахтёры тем более останавливать не стали. Их делом было контролировать стремящихся попасть на территорию студгородка, а не наоборот.

Вслед за старшекурсником я прошёл через сквер, а когда тот закурил перед входом в кафе «Под пальмой», пришлось сделать вид, будто изучаю содержимое витрины кондитерской лавки в соседнем доме. Долго изображать такого рода заинтересованность было не слишком умно, но не и не пришлось: почти сразу к объекту наблюдения подошёл среднего роста паренёк, они перекинулись парой слов и зашагали к ближайшей арке. Я, пользуясь тем, что на улице хватало прохожих, поспешил следом и едва тем всё не испортил, поскольку парочка скрылась в подворотне лишь на миг: зашли и тут же вышли.

Я опустился, якобы завязывая шнурки, но мог бы и не суетиться: приятель Виктора сразу перебежал через дорогу к скверу и поспешил к проходной. Второй тип неспешно зашагал обратно ко входу в кафе, тут-то я его и припомнил.

Это был Семён — провокатор из распределительного центра!

Я резко выпрямился, в два шага нагнал паренька и мёртвой хваткой вцепился в его локоть, надавил одновременно пальцами и сверхсилой. Застал жертву врасплох и разом заблокировал сверхспособности, а дабы отбить всякое желание трепыхаться, сгенерировал ещё и давление, охватив сустав

нематериальными, но от этого ничуть не менее жёсткими тисками.

Провокатор вмиг опомнился и попытался превозмочь мой блок, но не тут-то было.

— Не балуй, а то покалечу, — шепнул я ему на ухо и в подтверждение своих слов самую малость усилил давление.

Едва не переборщил: Семён, или как там его звали на самом деле, аж на цыпочки привстал, пришлось слегка ослабить хватку, прежде чем потянуть парня обратно в арку.

— Отпусти! Больно! — заупрямился тот, но прохожих на помощь позвать то ли не сообразил, то ли не решился.

Левой рукой я вытянул из кармана стилет, утопил кнопку, и металлический лязг заставил моего старого знакомого вздрогнуть, а уж когда уткнувшееся в поясницу острие укололо через ткань пиджака, он и вовсе судорожно сглотнул. Даже попросил:

— Не дури! Не надо!

Нож я прикрывал корпусом, со стороны его видно не было, так и прошли в арку, а оттуда — в глухой дворик. Дальше церемониться не было нужды, обработал задержанного как надо: лицом в стену, ноги расставить, свободную руку на затылок.

Семён принял случившееся за ограбление и попросил:

— Забирай бумажник и уходи!

Складывать клинок одной рукой я приноровился ещё в больнице, справился с этим в пять секунд, сунул нож в карман и без промедления охлопал пиджак провокатора.

— Бумажник в брюках! — подсказал тот и взмолился: — Да не дави ты так! Рука отнялась уже! Пальцев не чувствую!

Я это заявление проигнорировал, поскольку бумажник был мне без надобности, а ослаблю хватку, и точно дурить начнёт. Ни к чему это.

Как в воду глядел — стоило только запустить руку за пазуху, и поганец вознамерился скинуть мой блок, пришлось приложить его коленом, заставляя потерять равновесие, и тут же двинуть кулаком по почке. Кого другого бить бы не стал, а этой падали сунул в бок с превеликим удовольствием.

Вновь запустил пальцы во внутренний карман пиджака и вытянул из него увесистый бумажный пакет.

— Это витамины! — немедленно вякнул Семён. — Оставь!

Но синие горошины были отнюдь не витаминами. С первого взгляда опознал пилюли для подавления сверхспособностей, коими нас кормили в распределительном центре.

Внутри всё так и перевернулось. Это надо же! Это ж надо!

— Ну зачем они тебе? — заканючил провокатор. — Забирай бумажник, а таблетки оставь!

Я сунул пакет в боковой карман пиджака Семёна, и тот не удержался от вздоха облегчения. Дурачок!

— Что ты сейчас передал для Вити Костерка? — потребовал я объяснений.

— Кому? Какому ещё Вите?!

Изумление в голосе провокатора прозвучало естественней некуда, но меня оно не впечатлило. Вновь клацнул нож, и на этот раз остриё клинка я ткнул задержанному в ухо.

Азарт, бешенство и нетерпение сплелись в совсем уж запредельную злобу, приправленную ясным осознанием того, что начинаю безнадежно опаздывать. А не выпотрошить эту сволочь прямо сейчас — нельзя.

— Слушай, падаль, я тебя ещё по распределительному центру помню, — не прошептал

даже, а прошипел я после этого. — Ты меня в такие неприятности втравил, что с превеликим удовольствием прямо здесь кончу! Загоню нож в мозги, уже не откачают! Сколько таблеток Витя взял? Говори, живо!

— Две, — пролепетал Семён.

— Почём?

— По пятёрке за штуку.

— Зачем ему?

— Разыграть кого-то! Не знаю!

— Если обе таблетки одному человеку скормить, как быстро подействуют?

— Моментально почти.

Направление, которое приобрели расспросы, слегка успокоило Семёна, тут-то я и спросил:

— Остальные таблетки кому?

Провокатор вздрогнул и зачистил:

— Никому! Не знал, сколько Вите понадобится! С запасом взял!

Я его во вранье обвинять не стал, лишь чуть сильнее надавил ножом, и задержанный попытался отодвинуться, но не тут-то было. Из уха закапала кровь; перепугался даже, что переборщил. Впрочем — плевать!

— Кто и сколько тебе за них заплатит? — переформулировал я вопрос.

— Да никто!

— Не свисти! У тебя здесь встреча через пятнадцать минут! С кем? Сколько заплатят? Не жмись, покойнику деньги ни к чему!

Провокатор всхлипнул и запираться не стал, сознался:

— Жорж придёт. Отдаст за пакет полторы сотни.

— Что за Жорж? Фамилия есть у него?

— Не знаю!

— Выглядит как?

— Да обычно, как! Высокий, худой, патлатый...

— Сколько у него таблеток накопилось?

— Да я никогда...

— Сколько? — рыкнул я. — Не дури, они не твои уже! Тебе какое дело?

Семён неуверенно промямлил:

— Я не помню...

— Ухо есть лишнее, а? Или мозги?

Угроза подействовала, но особо память провокатору не освежила.

— Точно не скажу. Тридцать или сорок, может, больше — не помню я, он давно берёт!

Стоило бы потрошить задержанного и дальше, но время утекало, как вода сквозь пальцы, и я потянул его к выходу со двора.

— Идём! Жоржа покажешь.

— А не убьёшь?

— Даже таблетки не заберу, — пообещал я, складывая нож. — Шевелись!

В арке мы остановились, и Семён осмотрелся, затем покачал головой.

— Не вижу его.

Я и сам не наблюдал возле входа в кафе никого длинного, худого и патлатого и, поскольку не мог позволить себе тратить время попусту, повёл провокатора через дорогу.

— В сквере глянем, — пояснил я и возмутился: — Ты чего под ноги уставился?! По сторонам смотри! Покажешь его и вали на все четыре стороны!

— Больно! Не жми так!

Но я и не подумал ослабить эту хватку, напротив — приготовился предельно усилить её, как только Семён заподозрит неладное. Случилось это уже в вестибюле. Туда завёл его под предлогом осмотреться внутри, ну а на проходной всполошившийся парень дёрнулся и попытался вывернуться, но вмиг обмяк, стоило лишь надавить чуть сильнее.

— Митя, бегом сюда! — позвал я бывшего сослуживца. — Левый карман пиджака. Проверьте содержимое!

Жёлудь мигом бросил журнал и подскочил со скамейки, но его опередил начальник караула.

— Что тут происходит?! — возмутился мощного сложения дядька, грозно встопорщив усы. — Ты кто такой?

— Старший вахтёр Пётр Линь! — протараторил я, предъявив удостоверение. — Слышали? В левом кармане у него запрещённые препараты! И отправьте кого-нибудь в десятый корпус, квартира три! На вахту позвоните!

Больше ничего уже объяснять не стал, выскочил из коридора и опрометью бросился через вестибюль к выходу на территорию студгородка.

Только бы успеть! Только бы не опоздать!

Нёсся как угорелый, когда огибая, а когда и расталкивая студентов, напрямик через лужайки, легко перемахивал через невысокие оградки. На вахте общежития вовсю надрывался телефонный аппарат, но дежурного там не было, я промчался мимо, подскочил к нужной двери и дёрнул ручку.

Заперто!

Наверное, стоило ограничиться стуком, но не сдержался и лёгким выплеском энергии разметал замок. Решительным толчком распахнул дверь, ворвался в крохотную прихожую и сразу проскочил через неё в гостиную, а там — три старшекурсника и больше никого!

Виктор с фотокамерой в руках стоял у приоткрытой двери спальни, его сосед развалился в кресле, а их товарищ — тот, что ходил за пилюлями, — переливал из бидончика в стакан остатки пива. Лии в комнате не было.

Задержалась на тренировке и ещё не пришла?!

Мысль эта на миг приморозила к полу, и лишь потом я заметил на столе початую бутылку сидра и пару стаканов — пустой и с янтарного цвета игристым напитком, а ещё на спинке стула висела вязаная сумка, с которой моя бывшая одноклассница посещала и йогу, и плавание.

Опоздал?! Опоздал!

Студент с бидоном — даром что руки ходили ходуном, — среагировал на моё появление со стремительностью опытного бойца. Он вогнал себя в резонанс и походя шваркнул электрическим разрядом. Спас наработанный навык уклонения. Молния оставила обугленную дыру во входной двери, а я двинул противника бесхитростным выплеском кинетической энергии — тот отлетел к шкафу, крепенько приложился об него и рухнул, будто подрубленное дерево.

Первый готов!

Направленным импульсом я кинул себя к студенту, который вскочил из кресла, ударил его в солнечное сплетение и одновременно уколом сверхсилы вызвал спазм энергетических каналов. Парень выпучил глаза и плюхнулся обратно, на какое-то время лишённый не только способности оперировать энергией, но и возможности полноценно двигаться.

Второй готов!

Тут-то и прорезалось ясновиденье. Виктор ещё даже сделать ничего не успел, а я уже сорвался с места, уходя из-под удара. Наитие не подвело: старшекурсник повёл руками, и вслед за мной по обоям побежала дымящаяся полоса. Загодя набранная скорость позволила заскочить на стену и взбежать по ней, не потеряв равновесия, волна теплового излучения прошла ниже, сожгла полировку дверцы шкафа и взорвала шпон.

В два стремительных шага я перескочил на потолок и рванул к Виктору. На бегу прикрылся линзой ионизированного воздуха, и выброс тепловой энергии ушёл в сторону, тогда ухватил студента за плечи и опрокинул действовавшую на него силу тяжести. Витя врезался макушкой в потолок и падение почти с метровой высоты враз вышибло из него дух. Ещё и обратно рухнул, стоило только оборвать воздействие.

Третий готов!

Я прыгнул, будто бы намереваясь сделать сальто, в подскоке прекратил работать с гравитацией и мягко приземлился на пол, но и так из-за перенапряжения на миг посерело в глазах. Тут-то и очнулся первым отправленный мной в нокаут старшекурсник. Хотя, скорее всего, он и не терял сознания, просто собирался с силами и готовил контратаку.

И — врезал!

Понятия не имею, что за конструкцию он задействовал, разом ухнув в неё весь свой потенциал; я уловил лишь взрыв помех и чисто инстинктивно кинул в до сих пор удерживаемую линзу остатки энергии. Кинул — и опоздал!

Оно и к лучшему: едва ли моя защита оказалась бы достаточно эффективна, а так необработанная сверхсила в противофазе столкнулась с обычной и — коротнуло!

Студента заколотили судороги, его волосы встали дыбом, а на губах выступила пена, в меня же будто осадный таран врезался. Мышцы свело так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть. Так и стоял несколько секунд с выпученными глазами, пока не сообразил задействовать технику, изученную на занятиях йогой. Безумным усилием воли втянул в себя сверхэнергию и прогнал эти несколько десятков килоджоулей по организму, снимая спазмы.

Враз навалилась усталость и заложило уши, но переборол соблазн повалиться на пол и попытаться перевести дух, заставил себя сделать три шага и заглянуть в приоткрытую дверь спальни. Лия лежала на кровати, грудь её едва заметно поднималась и опадала в такт медленному глубокому дыханию. И — одетая.

Только, быть может, уже одетая, а не ещё?

«Надо бы первой помощью озаботиться», — мелькнуло в голове, но вместо этого я поднял оброненную Виктором фотокамеру, откинул её заднюю крышку и обнаружил, что плёнку не перематывали и напротив диафрагмы объектива стоит самый первый кадр.

Почему-то на душе стало легко-легко, будто других причин для волнения сейчас не имелось вовсе. Парадокс, да и только.

Глава 5

На предварительном дознании я самым беззастенчивым образом грохнулся в обморок. Это показалось мне куда более уместным, нежели отказываться от дачи показаний или требовать присутствия консультанта кафедры кадровых ресурсов. Да и, чего греха таить, проще. Всего-то и понадобилось, что незаметно войти в лёгкий транс и передавить один из энергетических каналов. А там — снижение притока крови к головному мозгу, дурнота, звон в ушах и одуряющая серость. Забытьё тоже не заставило себя долго ждать. И всё, дело сделано.

Очнулся в больничной палате. Хотя почему — очнулся? Проснулся. Ещё и с полчаса поваляться на койке получилось, прежде чем распахнулась дверь и вошли обряженные в белые халаты Георгий Иванович и Альберт Павлович.

— У тебя становится дурной привычкой попадать в больницу, Петенька, — прямо с порога заявил капитан Городец.

— Не бережёшь ты себя, — притворно вздохнул мой институтский куратор. — Совсем не бережёшь!

— Наоборот же, — возразил я. — Берегу, поэтому и здесь.

— А не в морге? — несмешно пошутил Георгий Иванович.

— Не на допросе, — пояснил я. — К этому времени уже все кишки вымотали бы.

Городец кивнул.

— Резонно. — Он уселся на стул, закинул ногу на ногу и потребовал: — Рассказывай!

Альберт Павлович прошёл к окну, глянул на улицу и добавил:

— И начни с версии, которую излагал, когда столь удачно грохнулся в обморок.

Я так и поступил.

— В свободное от работы время увидел у кафе «Под пальмой» субъекта, который, как мне было доподлинно известно, занимался противоправной деятельностью, а именно — запрещённой в Новинске политической агитацией. Незамедлительных мер по задержанию означенного лица принимать не стал, намереваясь привлечь к этому полицейских или бойцов корпуса, но, став свидетелем подозрительной активности, оказался вынужден вмешаться и в ходе опроса подозреваемого выяснил, что тот продал для последующей передачи студенту пятого курса РИИФС Виктору Костерку две пилюли с запрещённым к свободному обороту веществом для подавления сверхспособностей. Далее задержанный был доставлен мной на вахту, а сам я поспешил предотвратить противоправную деятельность означенного Виктора...

Капитан Городец поднял руку, обрывая мой рассказ.

— Дальше мы знаем. Теперь рассказывай, как всё было на самом деле.

— А почему не так?

— Потому, Петя, что ты не случайно стал свидетелем сделки по приобретению запрещённого к свободному обороту препарата, а целенаправленно следовал за одним из её участников. То есть — знал обо всём заранее.

Митя! Митя Жёлудь! Вот же гад глазастый!

Никто другой просветить на этот счёт Георгия Ивановича не мог, и я окончательно уверился, что заменой мне на курсах младшего начальствующего состава от контрольно-ревизионного дивизиона стал именно Митя. Но сейчас это знание ничего не давало; рассказал обо всём без утайки.

— Так сложно было позвонить и попросить совета? — укорил меня Альберт Павлович.

— Можно подумать, я не звонил! — возмутился я. — Весь день названивал! Просто никого из вас застать не смог.

Скуластую физиономию Георгия Ивановича перекосила ухмылка.

— Сложно застать человека, который все выходные проводит на футбольном стадионе и в спортивном баре возле оного!

Мой институтский куратор тоже за словом в карман не полез.

— Не в моих принципах выискивать соринку в чужом глазу, однако и вы отчего-то не сидели у телефона на случай, если вдруг кому-нибудь понадобится срочная консультация!

Георгий Иванович воинственно встопорщил усы, но пикировку продолжать не стал и вместо этого попросил:

— Озвучь уже официальную версию, будь так добр!

Альберт Павлович отвернулся от окна и объявил:

— Начал ты, Петя, правильно: увидел подозрительную личность, опросил, доставил на вахту. Оттуда ты побежал в корпус десять, квартира семнадцать, для задержания некоего Георгия Стрельца, коему, по словам задержанного, и предназначался запрещённый препарат. Но в это же время в третьей квартире во время игры в карты произошли ссора и драка с задействованием сверхспособностей, что потребовало твоего незамедлительного вмешательства для предотвращения разрушений и человеческих жертв.

Не могу сказать, будто челюсть отвисла, но и сдержаться не удалось.

— Что за бред?!

— Не бред, а политика, — поправил меня куратор. — Я, конечно, человек принципиальный, но не настолько, чтобы поступать всем назло только лишь из-за стремления открыть миру правду. Иногда приходится идти на компромиссы.

— Особенно когда это поможет тихой сапой пробраться в клуб тридцать третьего румба, — многозначительно заметил капитан Городец.

Округлое лицо Альберта Павловича враз растеряло всю свою мягкость, стало жёстким и даже хищным.

— Это к делу не относится! — отрезал консультант и обратился уже непосредственно ко мне: — Проблема в том, что среди жертв нашего Жоржа-Гоши-Георгия не было студенток с кафедры феномена резонанса. Если приплести к этому делу ученика профессора Палинского, неминуемо поползут слухи, возникнут нехорошие подозрения, начнутся дразги, а ситуация в институте и без того далека от стабильной.

У меня внутри всё так и заклокотало.

— Так что же — эти гады безнаказанными останутся?!

— Сотрясение мозга и смещение шейного позвонка — это недостаточное наказание? — хмыкнул Георгий Иванович. — И раз уж об этом разговор зашёл, не прояснишь ли ты нам природу травмы гениталий Виктора Костерка?

— Ударился, наверное, — заявил я в ответ. — И ещё мало ударился.

Альберт Павлович закатил глаза.

— Ну подумаешь — лоботряс захотел остаться на кафедре и подпоил подругу, дабы сфотографировать ту обнажённой и после шантажировать непристойными снимками! Расстрелять его теперь за это, что ли? А сопротивление сотруднику при исполнении им при всём желании не пришить: мало того что ты дверь вышиб и не представился, так ещё и доказать не можешь, что

они первыми сверхспособности задействовали. Налицо столкновение на почве ревности.

— Просто сфотографировать? Это они так сказали, да? — оскалился я. — А презервативы этот гад на кой чёрт покупал?

— Об этом поподробней, пожалуйста! — потребовал Георгий Иванович.

Я рассказал об упущенном ранее эпизоде с посещением Вити аптеки, и капитан Городец нахмурился.

— Ладно, травму гениталий спишем на случайность, — заявил он после этого. — Но сделать придётся так, как сказал Альберт Павлович. С твоей девочкой ничего страшного не случилось — для неё же лучше будет, если история не выплывет наружу. А насчёт этой троицы всё уже решено: их отчислят из-за азартных игр и драки. Костерка отправят в строевую часть, его приятелей — в вахтёры. Тебе, помимо занесения благодарности в личное дело, предельно упростят процедуру перевода из вольных слушателей в студенты. Сам понимаешь, в следующем семестре на квоту кафедры феномена резонанса рассчитывать уже не стоит.

— Ох, — тяжело выдохнул я, хорошенько всё обдумал и выставил дополнительное условие: — Только пусть Лии согласуют перевод на другую кафедру по её выбору.

Георгий Иванович вопросительно взглянул на Альберта Павловича, тот кивнул.

— Не на любую, но сделаем всё возможное.

«Ну хоть что-то. Плетью обуха не перешибёшь», — подумал я и с невесёлой улыбкой спросил:

— А мне только благодарность обломится?

— Ты и этому должен быть рад-радёшенек, — проворчал Городец. — Насильника-то не задержал.

— Да куда он теперь денется?

— Уже делся, — вздохнул Альберт Павлович и пояснил: — Повесился. Увидел, как ты его поставщика захомутал, запаниковал и повесился.

Я пожал плечами.

— Туда ему и дорога!

— Не скажи, — покачал головой Георгий Иванович. — История дурно пахнет.

— Хуже некуда, — согласился с этим мнением мой институтский куратор и достал из внутреннего кармана фотокарточку. — Не попадался вчера на глаза этот деятель?

Со снимка на меня глядел Гоша — патлатый студент, состоявший, по словам Карла, на учёте у психиатра.

— Вчера — нет, а вообще — да. Его шайка Северянина третировала. Кстати! Вы же говорили, что первой как раз подружка Северянина забеременела, так?

— Всё так, всё так, — подтвердил Альберт Павлович. — Всё гладенько, всё сходится. Непонятно только, на кой чёрт этому психически неуравновешенному товарищу было покупать без малого пятьдесят таблеток по пять рублей каждая. И куда он их дел. В комнате ни одной не нашли.

— А что Семён говорит?

— Да какой он Семён! — отмахнулся куратор. — Впрочем, не суть. История стара как мир: кому-то из операторов в распределительном центре стало плохо, вот этот олух выделенные таблетки и прикарманил. Хотел их на кон поставить, но игроки не заинтересовались, а некоторое время спустя к нему подошёл наш Жорж и предложил выкупить всё что есть и дальше брать на регулярной основе. Ну а вчера Виктор прорезался, о старом должке напомнил.

— Так он сам по себе действовал?

— Разбираемся, — заявил Георгий Иванович и поднялся со стула. — Это уже не твоя головная боль.

И в самом деле — представителей надзорного и следственного дивизионов интересовали совсем другие вещи. Но вроде нигде не прокололся, скормил им версию Альберта Павловича, а Митя Жёлудь на голубом глазу подтвердил, что я направлялся именно в семнадцатую квартиру, чем окончательно меня в подозрениях на свой счёт уверил.

Впрочем — не важно. Пока не важно.

В понедельник едва язык не отсох в деталях расписывать всем подробности вчерашнего происшествия, вернее — лишь последнего инцидента; о задержании торговца таблетками и причинах самоубийства Георгия Стрельца мне распространяться строго-настрого запретили. Впрочем, на этот счёт и вопросов ни у кого не возникло — псих, он и есть псих. Ещё и хулиганы бедолаге прохода не давали. Одно к одному.

— Тебя даже на день оставить нельзя! — посетовал Карл. — Вот мы бы всем звеном...

— А ты, помнится, не так давно о Вите спрашивал, — прищурился вдруг Ян. — Были какие-то подозрения на его счёт?

— Сказал же: мутным он мне показался, — заявил я. — А вчера просто мимо проходил.

Карл понимающе ухмыльнулся, но распространяться на этот счёт не стал, промолчал.

Памятуя о полученных в субботу наставлениях, на пустой желудок в первую лабораторию я не пошёл и сначала пообедал, только не слишком плотно, просто слегка заморил червяка — об этом тоже предупредили заранее. Далее вместо парной добрых полчаса мок в кадке с крепчайшим настоем каких-то трав, а после

оказался препровождён куда-то на уровень ниже в просторный круглый зал.

В центре его высилась установка, чем-то отдалённо напоминавшая обычную карусель — только больше и с единственным лепестком-штангой, на конце которой было закреплено сиденье с кожаными ремнями. Мне забираться туда отчего-то нисколько не хотелось.

— Тридцать второй румб девятого витка? — уточнил специалист в синем рабочем комбинезоне.

— Уже выдернутый из суперпозиции, — добавил Леопольд.

— Не важно! На обороты и углы это никак не влияет, — отмахнулся дядька и поторопил меня. — Ну и чего стоишь? Карета подана!

Лаборант протянул мензурку с уже знакомым белёсым студнем, пришлось влить в себя мутную склизкую жижу, и на сей раз сдержать приступ тошноты было уже далеко не столь просто. Грибы, чтоб их...

Леопольд засёк время, а я по приставной лесенке забрался на сиденье с поролоновой отделкой и принялся затягивать ремни. Пока возился, начала кружиться голова, и реальность вновь стала запаздывать, не поспевая за поворотами головы.

— Полетели! — скомандовал техник и перекинул рубильник. — Ну чего сидишь, балда? Запускай движок!

Стоило только мне стиснуть обе рукояти, потянуться к сверхсиле и начать генерировать электроэнергию, как тут же загудел мощный мотор, установка дрогнула и начала медленно-медленно вращаться. Один оборот, другой, третий — и я немного расслабился. Карусели в парках аттракционов и то быстрее движутся!

— В резонанс по команде войдёшь! — крикнул Леопольд. — Точно по команде!

В резонанс?! Резонанс подкинет мою мощность, а я снабжаю электричеством двигатель, который и приводит в движение всю эту бандуру...

Додумать мысль не успел — резко взвыл ревун, и пришлось отбрасывать сомнения и входить в резонанс. И тогда мир сошёл с ума. Когда прежде проявлялся эффект стробоскопа, я всегда оставался единственным островком неподвижности, вокруг которого начинала вращаться сама вселенная, но тут крутило и меня, да ещё крутило как-то неправильно — поднимая на одной стороне и резко опуская на другой. А над головой — дюжина призрачных солнц!

Скорость беспрестанно увеличивалась вслед за геометрическим приростом моей собственной выходной мощности; очень скоро я оказался вдавлен в мягкую обивку сиденья, и проблемой стало просто наполнить лёгкие воздухом, а вот сверхсилу даже не приходилось тянуть — собирал её чуть ли не помимо собственной воли. Давление всё нарастало и нарастало, затем гул установки чуть изменил тональность, меня дёрнуло и потянуло вперёд ещё быстрее, а дальше — сорвало с сиденья и зашвырнуло пылающей звездой в такие дали, куда никогда не сумел бы добраться самостоятельно.

Очнулся обмякшим в кресле. Леопольд приставил к нему лесенку, тогда я дрожащими руками расстегнул ремни и спустился вниз, едва не сверзившись со второй перекладки. Техник мигом поставил рядом ведро и сделал это чертовски своевременно — меня тут же в него вывернуло.

Каким чудом отработал смену — не понял и сам. Исключительно на морально-волевых, пожалуй. Всего так и продолжало раскачивать. Ужинать не пошёл, кое-как добрёл до квартиры, разделся и повалился на кровать, а уже утром растолкал Миша Попович.

— Петя, подъём! На занятия пора!

Встал как-то, подивился до омерзения горькому привкусу во рту, который не прошёл даже после чистки зубов, и завтракать не стал, поплёлся на занятия. До того дошло — повстречавшийся на перемене Лев отметил:

— Какой-то у тебя вид бледный.

Я досадливо поморщился.

— Меня с малой суперпозиции сдёрнули.

— А! — понимающе протянул бывший одноклассник. — Обычное дело. Но ты лечащему врачу всё же покажись, чтобы программу откорректировали.

Лечащему врачу? Мысль навесить Лизавету Наумовну показалась не лишённой смысла, но — не пришлось. Узнавший о проблемах с самочувствием Леопольд сразу выдал какие-то укрепляющие таблетки.

— Грибочки серьёзно печень садят, — пояснил он. — Но без них никак, придётся потерпеть. Жирное, жареное и крепкий алкоголь пока исключи.

— Да не увлекаюсь вроде, — пожал я плечами и спросил: — Ну и что у нас на сегодня?

— Да ничего нового!

Так оно и оказалось. Но это что касается процедур, а вот вместо ставшего уже привычным варенья к чаю выдали странные на вид медовые козинаки. Вкус у них оказался каким-то совсем уж непривычным, но не сказать будто неприятным. И почти сразу проявился эффект, чем-то сравнимый с головокружением после приёма жидких грибов, только не столь явно выраженный и куда более мягкий.

— Сытные, — отметил я и уточнил: — Это что?

— Мёд и обжаренные кузнечики, — с невозмутимым видом поведал мне Леопольд. — И то и другое с двенадцатого витка Эпицентра.

К горлу подкатил комок тошноты, и я спешно приложился к кружке с травяным настоем.

— Ты серьёзно?!

Лаборант кивнул.

— Это ещё что! Золотых румбов лягушками и змеями подкармливают. Эпицентр только на теплокровных влияет: земноводным, пресмыкающимся и насекомым там раздолье, вот и накапливают в себе что-то такое. Мёд так и вовсе чистая амброзия! А бывает, и рыбную диету назначают, там и пруд есть.

Я поднялся из-за стола, покачнулся, но устоял на ногах и отправился в парилку. Попотел там должное время, а после предпринял попытку раздвинуть границы возможного в процедурной с соляными стенами — пожалуй, даже успешно.

Первый урок на курсах прошёл в индивидуальном режиме, два следующих занимался с уже знакомой группой, а вот в тире разве что полсотни патронов сжечь успел, прежде чем обратно в свой кабинет выдернул Василий Архипович.

— Сделай из него оператора, очень прошу, — обратился он к молодому человеку лет двадцати пяти, который мало того что развалился в его кресле, так ещё и закинул на стол ноги по примеру заокеанского хулиганья.

— Легко! — небрежно отозвался незнакомец, а стоило инструктору оставить нас наедине, тут же порывистым движением вскочил из кресла.

Худой, высокий, подвижный словно ртуть. Тёмные глаза, длинный нос, вытянутое лицо. Такого раз увидишь, не забудешь. Распахнутый лабораторный халат, надетый поверх дорогого костюма, растрёпанная шевелюра и тапочки на босу ногу добавляли сходства с классическим безумным изобретателем, и всё бы ничего, но оператором незнакомец не был. Самый обычный человек, разве что донельзя экстравагантный.

— Давай знакомиться! — заявил непонятный тип и резко выкинул вперёд руку. — Герасим!

Я пожал костлявую ладонь и с некоторой даже оторопью представился:

— Пётр.

— А поведай мне, Пётр, чему тебя научили помимо программы ускоренных курсов комендатуры?

Вопрос поставил в тупик, но я быстро собрался с мыслями и перечислил:

— Алхимической печи, техникам открытой и закрытой рук и постановке кинетических экранов, но не полноценных конструкций, а...

— Дальше! — перебил Герасим.

— Ещё автоматическое заземление изучаю.

— Это что за зверь?

Я раскрыл портфель и вытянул пособие. Почти неуловимым для глаза движением Герасим выдернул его из моей руки и принялся быстро-быстро листать.

— Какой потенциал удерживаешь на постоянной основе?

— Шестьсот килоджоулей пока, — сообщил я. — Чуть больше, наверное, уже даже.

— В баню! — Герасим порывистым движением выкинул книжицу через плечо и запустил обе пятерни в пышную шевелюру. — Да уж, задачка!

— Да что не так с автоматическим заземлением?!

— С твоими способностями и обычного за глаза хватит! Шестьсот килоджоулей для активной защиты — это курам на смех. Тебя любой серьёзный противник прихлопнет будто мошку! Ты — москит! Ты должен быть нацелен на атаку и превентивное разрушение чужих конструкций, в крайнем случае — на уклонение. Никаких действий от обороны. Пропустил удар — умер.

— Да это понятно, — поморщился я. — Только защиту ещё продавить нужно.

— Бред! — экспрессивно выдал Герасим. — Чему тебя учили? Я тебе скажу: ерунде тебя учили! Ты — оператор девятого витка. Твой удел — либо удар

исподтишка, но тут я не советчик, либо вхождение в резонанс. Согласен?

Я неуверенно кивнул.

— По факту твой ключ к успеху — это резонанс. А в резонансе ты работаешь с энергией в противофазе, и учить тебя надо приёмам негативов!

— А их чему-то особенному учат?

Герасим от избытка чувств даже себя ладонью по лбу хватил.

— Ну разумеется! Энергетические конструкции им малоинтересны, только прямое воздействие, только бескомпромиссная атака! — Станный тип заметался по кабинету, затем указал на стол и скомандовал: — Садись и пиши! — Но сразу передумал: — Нет, пока не нужно! — Он вздохнул, успокоился и начал вещать: — Негативы являются для прочих операторов неудобными соперниками, поскольку взаимодействие обычной сверхсилы и сверхсилы в противофазе приводит к разрушению энергетических конструкций. Появляется возможность заведомо более слабым воздействием свести на нет более сильное. Это не такое уж великое преимущество, поскольку действует в обе стороны. Просто негативов затачивают на противодействие нормальным операторам, а тех в большинстве своём ничему такому не учат. Вас для этого слишком мало. От силы — полпроцента, а то и меньше.

Таких, как я, не было вовсе, но упоминать об этом не стал, продолжил заинтересованно внимать новому наставнику.

— Чем меньше передел сверхсилы в другие формы энергии, тем активней проявляется эффект взаимного погашения обычного воздействия и воздействия в противофазе, поэтому атаковать других операторов тебе следует едва ли не чистой энергией, в то время как защиту ставить из предельно обработанной, в

идеале — пережжённой алхимической печью. Ну или обычной — тебе доступно и такое. Доступно ведь?

Я кивнул, подтверждая сказанное.

— А теперь записывай! — сказал Герасим и начал диктовать: — Первый приём элементарен — это выброс необработанной сверхсилы. У него есть два огромных недостатка: эффективность резко падает по мере увеличения дистанции, а удерживаемое целью заземление и вовсе сводит её на нет.

Примерно так я разрушил атакующую конструкцию диверсанта в памятной сшибке на горе, тут ничего нового для себя не узнал. А вот следующая хитрость заставила озадаченно хмыкнуть.

— Шаровая молния! — объявил Герасим с совершенно безумным видом и захихикал, потирая руки. — Ловушка на дурака! Оператор нейтрализует её как самую обычную шаровую молнию, а она под завязку набита энергией в противофазе и — хлоп! — получаем среднюю прожарку! Ну или разрядом долбанёт так, что мало не покажется. А задерёшь плотность — так ещё и на дистанции коротнёт. Но это штука опасная, может слишком рано рвануть, если перестараться. Полноценные конструкции ты создавать не обучен, придётся пока на выдохе с контролируемым объёмом сверхсилы работать. Получится неуправляемый выброс, зато не покалечишься.

Далее последовало подробное объяснение принципа построения шаровых молний, завязанного на одновременное оперирование давлением и создание в замкнутом объёме не просто ионизированной среды, но среды, до предела насыщенной энергией. Недостатком был короткий срок существования и риск самоподрыва, и если с первым ничего поделать на моём уровне развития было нельзя, то риск второго серьёзно снижался техникой выдоха.

— Этим воздействием ты не только вливаешь энергию, но и одновременно откидываешь шаровую молнию от себя, — пояснил Герасим. — Даже если переборщишь — рванёт уже на расстоянии. Главное все связи сразу оборвать, чтобы никаких ионизированных цепочек не осталось. Сказать зачем?

Я потёр грудь, которую до сих пор слегка ломило после того, как мою защиту замкнуло с энергетической конструкцией приятеля Вити, и покачал головой.

— Не нужно.

— Нейтрализации обучен? Тогда задействуй сверхсилу для создания в чужом экране прорех и бей в брешь, — последовал новый совет. — Но это не сработает с заземлением и некоторыми другими техниками, обеспечивающими скрытую или динамическую защиту, тут следует использовать двойной разряд.

На первый взгляд, озвученное воздействие не отличалось особой сложностью и представляло собой вариацию молнии, только напряжение не выдавалось одномоментно искрой, его генерация должна была занять некоторое время. И пока в цель бил разряд, по этому же каналу перекидывалась ещё и чистая сверхсила, в моём случае — в противофазе.

— Просто и со вкусом! — уверил Герасим. — Обычная защита лопнет как гнилой орех!

Объяснение звучало вполне логично, и всё же я не утерпел и решил прояснить озадачивший меня момент.

— Вы ведь не оператор, правильно?

— Я — теоретик! Гений теории кристальной чистоты! — с гордостью прозвучало в ответ. — Завтра-послезавтра практикуйся. Увидимся в пятницу! Адью!

Герасим пинком распахнул дверь и покинул кабинет, а я встал из-за стола, поднял заброшенную в угол брошюру и сунул её в портфель.

Ну надо же — москит! Ладно хоть ещё не муха цеце или малярийный комар!

Станный тип. Очень странный тип.

На улице столкнулся с Ингой, и случайной эта встреча отнюдь не была.

— Петя! А я как раз тебя ищу! Поговори с Лией — она второй день из комнаты не выходит! Плачет и плачет!

Я в нерешительности замер на месте и промямлил:

— Говорят, иногда полезно выплакаться.

Не тут-то было. Инга ухватила меня за руку и потянула за собой, сильно потянула. Она и в школе была спортивной и гибкой, не бросила заниматься спортом и в институте; невольно ощутил отголосок былого влечения, но лишь отголосок, не более того. И потому с места не сдвинулся.

— Петя, пойдём! — раздражённо потребовала барышня.

— Ну неудобно же! Сама с ней поговори!

Инга строго глянула на меня и заявила:

— Я знаю, что случилось на самом деле. Поговори с ней об этом!

Упрямыться и дальше не имело никакого смысла, обречённо вздохнул и зашагал рука об руку с Ингой. А когда меня записали на вахте и мы поднялись на второй этаж, бывшая одноклассница отперла дверь и запустила в квартиру, сама же проходить следом не стала.

— Поговори с ней! — потребовала и оставила нас наедине.

Точнее, оставила меня наедине с самим собой, поскольку дверь в комнату Лии оказалась закрыта. Я постучался и повысил голос:

— Это Петя! Можно войти?

Несколько мгновений ничего не происходило, затем раздался ответ:

— Мне нужно побыть одной. Уходи, пожалуйста!

Я бы с удовольствием так и поступил, но в коридоре наверняка караулила Инга, поэтому ничего не оставалось, кроме как переставить стул и опуститься на него.

— Я не уйду! И как-то глупо общаться через дверь, не находишь?

И снова случилась длинная пауза, а потом щёлкнула задвижка. Приглашения войти не последовало, но я и не стал утруждать себя формальностями, распахнул дверь и переступил через порог. Лия уже вернулась на кровать, села на неё и принялась вытирать глаза платочком.

— Ужасно выгляжу, — пожаловалась она. — Не смотри на меня, хорошо?

Я подступил к окну и отдёрнул шторы, комнату осветили лучи закатного солнца.

— Долго собираешься тут киснуть? — спросил после этого.

— Петя! — аж прикрикнула на меня Лия. — Ты же знаешь! Ты же всё знаешь! Я его любила, а он меня использовал! И собирался... собирался...

Барышня вновь разревелась, я вздохнул и опустился на кровать рядом с ней.

«И это ей ещё о презервативах не сказали», — подумал и заявил:

— Жизнь продолжается. Ты не можешь сидеть тут вечно. Их уже отчислили из института и распределили на новые места...

— Да не в этом дело! — всхлипнула Лия.

— Ну а в чём тогда? Ничего страшного не произошло...

— Он использовал меня! Использовал и врал! А я его любила!

Меньше всего хотелось лезть в чужую душу, но заставил себя собраться с мыслями и зашёл с другой стороны.

— Ну смотри — Витя был против твоих занятий йогой. Ты собиралась их бросать ради него?

У Лии задрожала нижняя губа, и всё же она переборола истерику и решительно ответила:

— Нет!

Её новое увлечение точно могло стать столь необходимой сейчас отдушиной, и я не преминул этим обстоятельством воспользоваться.

— Значит, вашим отношениям в любом случае скоро пришёл бы конец. А теперь ты не будешь мучиться сомнениями, теперь точно знаешь, что он не стоит твоих переживаний.

— Петя!

— А что — Петя? Собиралась развиваться как оператор? Ну так лови момент! На кафедре оставаться не хочешь, верно? Так у тебя переводные экзамены через месяц! Ради хорошего перевода придётся напрячься!

И так далее, и тому подобное. Битый час я работал то ли психотерапевтом, то ли просто жилеткой, в которую можно выплакаться, ну а потом Лия выставила меня из комнаты, перед тем попросив:

— Подожди, сейчас приведу себя в порядок и выйду.

Не могу сказать, будто пудра полностью замаскировала последствия двухдневных рыданий, но выглядеть Лия стала заметно лучше.

— А ты сам не идёшь на йогу? — спросила она меня у входа в спорткомплекс.

— Завтра, — сказал я. — Сегодня рукопашный бой.

— А можно мне с тобой?

Я покачал головой.

— Тебе йога важнее.

— Но я хочу!

Ещё одной истерики мне было не выдержать, и я спешно пообещал:

— Завтра! Зайду за тобой после семи, хорошо?

Лия пожала на прощание руку и скрылась за дверью, а я со всех ног рванул на занятие продвинутой группы и конечно же опоздал, но обошлось без нагоняя — Александр Малыш только-только раздал указания и ещё оценивал подготовку Льва. Милена сидела в уголке на лавочке и, дожидаясь своей очереди, с интересом поглядывала по сторонам.

Я будто ни в чём не бывало приступил к разминке, после стал поправлять огрехи только начавших осваивать технику закрытой руки студентов. Ну а потом Малыш освободился и устроил мне весёлую жизнь — семь потов за тренировку сошло. Без вышибал тоже не обошлось, а окончательно сдох я на спарринге со Львом. Двигался тот чрезвычайно быстро, почти не создавал энергетических возмущений, и моё ясновиденье пасовало, полагаться оставалось только на реакцию и рефлексy.

Утро началось с боли в потянутых мышцах, горечи во рту и приёма таблеток. Но в целом самочувствие по сравнению со вчерашним заметно улучшилось, на процедуры после лекций я отправился пусть и не совсем с лёгким сердцем, но и без особого страха перенапрячься. Выдул литр травяного настоя и четверть часа проторчал в парилке, затем вошёл в резонанс в ванне с проточной водой и нарастил очередную секунду. И вроде бы дался этот прогресс без особого труда, да только потом минут сорок отлёживался в полуобморочном состоянии, пока не перестала кружиться голова.

— Это нормально! Ты ж на пятьсот килоджоулей больше сегодня через себя пропустил! — заявил

Леопольд. — Движешься хорошо. Начинай по утрам и вечерам в резонанс входить.

Я пообещал не филонить, забежал в столовую, где пообедал и запил чаем таблетки, а оттуда отправился на курсы. Там всё прошло как обычно, но вот уже в тире после стрельбы по мишеням и зачистки помещений меня погнали на новое упражнение. Называлось то «Коридор».

Это и был самый обычный коридор в двадцать пять метров длиной, который требовалось преодолеть под обстрелом вставшего в дальнем конце инструктора. Вместо пуль — каучуковые шарики, всего защитного снаряжения — маска, чуть более основательная, нежели используют фехтовальщики.

— Не важно, как ты это сделаешь и какие техники используешь! — объявили мне. — Главное — достичь белой полосы!

Я сосредоточился и сотворил перед собой кинетический экран, потратив на него большую часть потенциала, по сигналу рванул с места и выполнил задание, правда, заработал при этом с пяток синяков.

— В идеале в тебя вообще попасть не должны! — объявил инструктор. — Техника закрытой руки — это страховка на самый крайний случай. Начали!

Ну и начали — да. Я ловчил, раскачивался из стороны в сторону и даже скакал по стенам, но всякий раз ловил один или два каучуковых заряда, что нисколько не радовало. Не особо улучшила настроение даже похвала инструктора.

— В следующий раз продолжим, — после добавил он, чем и вовсе откровенно огорчил.

И вести Лию в боксёрскую секцию мне тоже нисколько не хотелось, но тут уж ничего не попишешь — обещал. К счастью, нянчиться с бывшей одноклассницей не пришлось: над ней взяла шефство Милена, так что позанимался спокойно и в полную силу.

— А что там за история с другом Лии? — поинтересовался Лев уже в раздевалке. — Это ж как нужно было постараться, чтобы с пятого курса вылететь!

— Его не отчислили, как слышал, а досрочно выпустили, — подсказал рыжий Антон. — Нет, Петя, серьёзно — расскажи!

— Да они за игрой в карты дебош устроили, пришлось вмешаться. Ну и не получилось скандал замять.

Лев остро глянул на меня.

— Так ты там случайно оказался?

— Ага.

— Странно, что Лия на тебя из-за дружка не обиделась, — подметил Антон.

Я беспечно пожал плечами.

— У них давно уже к разладу дело шло. Он ей йогой заниматься запрещал.

— Йога — это святое! — рассмеялся рыжий.

А вот Лев задумчиво кивнул.

— Надо будет тоже походить.

Дальше они начали обсуждать субботний поход на танцы, а я отправился в душ. После дождался Лию у выхода из зала и спросил:

— Ну как?

— Полегчало, — улыбнулась та.

Мне как-то даже неловко стало из-за того, что на тренировке ей внимания не уделял, поэтому, наверное, и сказал:

— Тут в субботу опять на танцы собираются. Сходим?

Лия вспыхнула и потребовала:

— Не надо вот этого! Со мной всё в порядке!

Отступать было глупо, разыграл удивление.

— Чего — вот этого? В прошлый раз потанцевали плохо, что ли? Мне пара нужна!

- Кузину Софьи позови.
- Мы больше не общаемся.
- Найди кого-нибудь.
- Вот даже не смешно! — всерьёз разозлился я.

Лия глянула на меня и вздохнула.

- Ладно, схожу, наверное. В субботу решу, хорошо?

Но определилась она с решением куда раньше. Уже после йоги сообщила, что готова составить мне компанию. Я всё занятие пытался под присмотром Федоры Васильевны удерживать какое-то совсем уж нереальное количество сверхсилы и мало что соображал, но кивнул.

- Здорово!

В четверг отучился и отработал без происшествий, а вот в пятницу меня взял в оборот Герасим. С одной стороны, я был только рад пропустить очередной расстрел в тире, с другой — общение с неуравновешенным теоретиком было сродни курению на складе, забитом взрывчаткой. Вроде и не делаешь ничего особенного, а жахнуть может так, что и мокрого места не останется.

— Хо-хо! Вот и наш москит! — поприветствовал меня Герасим, ухватил за руку и потащил за собой к спуску в подвал, где помимо стрелковых галерей обнаружился ещё и полигон для отработки воздействий сверхсилой. — Стой здесь!

Передвигаясь в своих войлочных тапочках совершенно бесшумно, он метнулся в дальний конец помещения и выставил на гранитное основание самое обычно полено.

- Давай, разнеси его в щепки!

Я положил портфель на лавочку, снял пиджак, аккуратно свернул его и устроил сверху, потом спросил:

- А как?

Герасим подскочил, будто ужаленный.

— Ты ведь упражнялся, так? — с подозрением спросил он.

— Конечно! — соврал я.

— Тогда поработай с техникой выдоха!

Я возражать не стал и выдвинулся на позицию, отмеченную железными столбиками и защитной сеткой громоотводов. Там хрустнул костяшками пальцев и потянулся к потенциалу, вытянул из него малую часть сверхсилы.

Шаровые молнии — это просто. Порядок действий такой же, как и при плазменном выбросе, только вместо создания канала область воздействия будто сворачивалась коконом, и внешнее давление запирало раскалённый и уплотнённый ионизированный газ внутри. А стоит только нарушить внешнюю оболочку — тут и рванёт.

Это в теории. Сам я никогда ничего подобного не делал.

И ещё прекрасно помнил, как Савелий Никитич крутил пальцем у виска, строго-настрога запрещая подобные эксперименты Мише, поэтому приступить к делу, честно говоря, побаивался.

— Давай! — поторопил меня теоретик, благоразумно отойдя подальше. — Давай! Ты же тренировался!

Я беззвучно выругался и, памятуя о том, как стремительно выходят из-под контроля параллельные процессы управления сверхсилой, постарался сделать всё разом, вот уж воистину — на одном выдохе. Зачерпнул, выдул, завернул...

И — сверкнуло!

Оболочка прорвалась, ионизированный газ выплеснулся, полыхнул электрический разряд, по счастью, перехваченный громоотводом.

— Бух! — расхохотался Герасим, которого моё фиаско привело в великолепное расположение духа.

Отсмеявшись, он махнул рукой и скомандовал: — Давай двойной разряд!

Тут напутать было сложно, и я бросил к полену цепочку ионизированных молекул воздуха, сгенерировал напряжение и одновременно с разрядом по этому же каналу выплеснул необработанную сверхсилу.

Молнию закрутило спиралью, ослепительный волчок свечкой ушёл вверх и шибанул в каменный свод с такой силой, что посыпалась пыль, а оглушительный хлопок и вовсе заставил присесть. И не только меня, Герасим даже уши ладонями зажал.

— А-ха-ха! — расхохотался он. — Никогда такой загогулины ещё не видел!

Я тоже не видел и с шумом перевёл дух, не понимая, что именно произошло.

— Пётр, ты напряжение потоков не выровнял, — заявил теоретик, сунул в ухо мизинец и повертел кистью. — Давай-ка вернёмся к шаровым молниям! С ними меньше риск, что убьёшься.

Насчёт последнего утверждения я готов был поспорить, но не стал, и на этот раз не взялся контролировать одновременно сразу несколько процессов, а изначально объединил их и после уже просто запитал энергией.

Засверкала шаровая молния, начала неспешно дрейфовать от меня, потом мигнула и погасла.

— Ну вот, — разочарованно протянул Герасим, прекратив зажимать ладонями уши. — А где бабах? Халтуришь, Петя! Халтуришь!

Бабахнуло в следующий раз. Ощувив определённую уверенность в собственных силах, я увеличил расход энергии и сотворил шаровую молнию размером с футбольный мяч. Увы, полноценно запечатать сверхсилу внутри шара не вышло, и тот с негромким хлопком

разлетелся ворохом электрических разрядов метрах в пяти от меня.

— Слабенько! — прокомментировал увиденное теоретик. — Пётр, для стандартных шаровых молний лимит плотности сверхсилы установлен в десять джоулей на сантиметр в кубе — в противном случае энергетическая конструкция становится опасно нестабильной, а затраты на компенсацию внутреннего давления начинают расти по экспоненте. Но тебе-то стабильность и не нужна, а чем выше плотность — тем сильнее бахнет! Давай! Жги от души!

Остаток занятия только этим и занимался. Жёг, жёг и жёг. С переменным успехом, но постепенно кое-что начало получаться. Вот только это «кое-что» Герасима категорически не устроило.

— Ну нет! — простонал он. — Так неинтересно! Жду через неделю — ты уж расстарайся доказать, что не безнадёжен!

Я беззвучно выругался. Ну вот где бы мне теперь ещё и на отработку новой техники время найти? Ещё и в резонанс трижды в день входить нужно!

В субботу моими косточками вновь хрустела Федора Васильевна. Что-то ей не понравилось в осанке и наклоне шеи, на пике резонанса сильные руки терапевта надавили и повернули так, что едва в голос не заорал. Но оно того стоило — сразу будто легче дышать стало, и невероятная мощь предельного потенциала хоть и продолжила давить, только уже без той невыносимо острой пульсации, которая рвала меня ещё миг назад.

— Расслабься! — потребовала Федора Васильевна и перешла к куда более щадящему воздействию, начала лёгкими касаниями разминать занемевшие мышцы, приводить организм в состояние идеального равновесия с набранной во время транса сверхсилой.

Немудрено, что расслабился. И оттого прозвучавший пару минут спустя вопрос оказался неожиданным вдвойне.

— А что у тебя с той курносой девчонкой? — поинтересовалась вдруг Федора Васильевна.

Я бы дёрнулся, если б мог, но не мог и, желая выиграть время, переспросил:

— С кем?

— У нас так много общих знакомых, молодой человек?

— А! Вы насчёт Лии? Мы просто друзья.

— Плохо, — заявила тогда терапевт. — Нестабильный пирокинетик — это очень плохо. Если сорвётся, энергетику будет уже не выправить. Ей нужен якорь. Тот, кто послужит опорой, поддержит в трудную минуту, не подведёт и не предаст. Кто-то больше, чем просто друг.

— Всем такие нужны! — попытался отшутиться я.

— Надеюсь, мы поняли друг друга, молодой человек?

В жёстком голосе Федоры Васильевны не прозвучало и тени угрозы, а разминавшие мой плечевой пояс пальцы не стали давить сильнее, но я невесть с чего ощутил себя на редкость... уязвимым.

— Мы сегодня на танцы собираемся, — вырвалось у меня едва ли не против воли.

— Умный мальчик.

Прозвучавшую в это й реплике иронию я предпочёл проигнорировать.

На улицу вышел будто заново родившимся, в превосходном расположении духа. Вытянул из жилетного кармашка часы, откинул крышку и поспешил к корпусу военной кафедры — подходило время дежурства нашего звена, перед выходом на которое требовалось отметиться у Касатона Стройновича или

какого-нибудь другого аспиранта, подменявшего его в этот день.

Но только повернул за угол дома и сразу очутился в толпе студентов; здесь же расхаживали вахтёры, призывавшие учащихся разойтись. Те их требования игнорировали, а если и слушались, то далеко не отходили, сбивались в компании и что-то оживлённо обсуждали.

Я двинулся напрямик и присвистнул, разглядев разнесённую в щепки лавочку и оплавленный фонарный столб; рядом на тропинке темнели красные капли — это определённо была кровь. Стоило бы прибавить шагу и поспешить на военную кафедру, но никакого смысла в этом уже не было: Касатон Стройнович и Тарас Пникота обнаружили тут же, они курили и обсуждали учинённый невесть кем разгром.

— Да уж, наломали дров! — с выражением произнёс Касатон, как раз когда я подошёл.

Мы обменялись рукопожатиями, и я не утерпел, поинтересовался:

— Это кто так начудил?

Аспиранты обменялись странными взглядами, и Тарас вздохнул.

— Приятели твои расстарались. С монархистами сцепились.

— Теперь допуски порежут, из дружины вышибут, может, и с кафедры переведут даже, — добавил Касатон. — И как бы благонадёжность под сомнение не поставили.

Я присвистнул.

— И ничего нельзя сделать?

— А что тут сделаешь, если их вахтёрам разнимать пришлось?

— Ну, может, смягчающие обстоятельства какие-нибудь? Не они начали и всё такое?

Стройнович неопределённо повертел пальцами.

— Ситуация, сам понимаешь, сейчас непростая. Им по всей строгости впаяют, скорее, чтобы другим неповадно было.

— А они где?

— У проректора по воспитательной работе. Можешь сходить поговорить, толькодохлый номер. Готовь характеристики. Точно пригодятся.

Я кивнул на прощание и поспешил к главному корпусу. У крыльца наткнулся на Юлию Сергеевну, которая что-то горячо обсуждала с подружками, но значения этому не придал и поспешил дальше. В коридоре четвёртого этажа на глаза попался знакомый крючоктвор «Общества изучения сверхэнергии», дальше у входа в просторный холл толпились студентки, среди которых углядел подружек Карла и Яна.

Их в отведённое ректорату крыло не пускали, я же прошёл, предъявив служебное удостоверение, и обратился к одному из вахтёров:

— А задержанные где?

— Которые?

— Наши.

Мне указали на одну из дверей, я заглянул в кабинет и обнаружил там помимо Карла, Яна и Коли пару незнакомых сотрудников ректората, а ещё — заместителя коменданта.

— Линь? — удивился тот. — Ты чего здесь забыл?

— Здравствуйте, Роберт Маркович! Мне бы парой слов перекинуться...

Я указал на Карла, но заместитель коменданта выдал меня за дверь и негромко спросил:

— Зачем ещё?

— Да хотелось бы углы сгладить, чтоб без дисциплинарного разбирательства и товарищеского суда. Это ж моё звено...

— Дал Господь работничка! — закатил глаза Роберт Маркович. — Чего ты тут теперь сгладишь-то? — Но посылать меня куда подальше он не стал и предупредил: — У тебя пять минут!

Заместитель коменданта скрылся внутри, а пару секунд спустя в коридор выскочил весь какой-то помятый и смущённый Карл.

— Петь, мы...

— Вкратце изложи, как дело было! — перебил я его. — Времени в обреш!

Здоровяк потёр ссадину на лбу и произнёс:

— Коля с Беккой впереди шли, мы за ними. Навстречу реваншисты. Там один борзый есть, говорит: «Скоро в Домании всех республиканцев на фонарных столбах перевешают». Коля ему зарядил правой в челюсть, а тот увернулся и в ответ! Сцепились они, в общем. И ладно бы — один на один бились, так остальные монархисты хором «за царя и отечество» заорали и тоже в драку полезли. Ну и мы в стороне не остались. А там кто-то сверхспособности задействовал, но, клянусь, не мы первые начали. Мы только защищались. Да их человек десять было против нас троих!

Я выставил перед собой открытую ладонь и потребовал:

— Так, а теперь во всех подробностях.

Под конец рассказа из кабинета выглянул хмурый Роберт Маркович, и я взмолился:

— Ещё минуту, пожалуйста!

В голове вертелась какая-то смутная идея, которую никак не удавалось ухватить, это было что-то из области права, то ли связанное с моим собственным опытом, то ли с недавними лекциями. Или с тем и с другим одновременно?

От факторов, влияющих на благонадёжность, я перескочил к запрету политической агитации, затем в

голове мелькнул упомянутый Илларионом Валериановичем на одной из лекций инцидент, а после я прищёлкнул пальцами.

— Да! Есть!

«За царя и отечество! — кричали дворянчики. — За царя и отечество!»

Это девиз объединения монархистов в парламенте. Это политическая пропаганда!

— Что такое? — встрепнулся Карл.

— Показания уже давали?

— Нет, ждём куратора с военной кафедры.

— Красные повязки дружинников с собой?

— Ну да, а что?

— Вы были на дежурстве. Услышали возглас «за царя и отечество» и сделали замечание слушателям «Общества изучения сверхэнергии», поскольку это политическая агитация. Те приплели гражданскую войну в Домании, началась драка. Именно в такой последовательности, понял? Это важно.

— Но они же будут всё отрицать! И мы не были на дежурстве!

— Главное, все одно твердите, показания не меняйте. Предупреди потихоньку остальных!

Я затолкал Карла в кабинет, а сам бросился на поиски телефонного аппарата. Первым делом позвонил на военную кафедру и попросил соединить со Стройновичем.

— Касатон? Это Пётр. Перенеси в журнале дежурство моего звена на час раньше.

После долгой паузы в трубке послышалось:

— Это им не поможет, а вот сам под удар точно подставишься. Получится, что ты опоздал на дежурство, что повлекло серьёзные последствия. Это выговор.

— Плевать! Переживу. Так ты сделаешь?

Стройнович вздохнул и пообещал:

— Сделаю.

— Спасибо! — Я поспешил утопить рычажки аппарата, сунул в прорезь новую монету и полистал записную книжку, выискивая нужный номер. Нашёл, переборол неуверенность, покрутил диск и немного погодя попросил: — Господина Горского, будьте любезны. По личному вопросу.

Последнюю фразу я произнёс с явственным нажимом и это сработало, вскоре в трубке прозвучало:

— Горский у аппарата!

— Добрый день! Мы не так давно общались...

Представляться я не хотел, но и не пришлось, старческий голос, сухой и жёсткий, резко произнёс:

— Я вас узнал! Переходите к делу.

— Полагаю, вас уведомили об инциденте в институте?

— Да.

— Положение ваших подопечных хуже, чем представляется на первый взгляд. Их обвинят в политической пропаганде. Причиной драки стал лозунг «за царя и отечество», чему есть множество свидетелей. В лучшем случае их оштрафуют и отстранят от занятий в институте, в худшем этим делом заинтересуется республиканский идеологический комиссариат.

Тут я блефовал, и жуткий старик на том конце провода каким-то сверхъестественным образом уловил мою неуверенность, потребовал объяснений:

— Какое до этого дело вам? Юлия Сергеевна, если не ошибаюсь, участия в потасовке не принимала?

— Ваши подопечные подрались с дружинниками, которых поручили моим заботам. Драка случилась в наше дежурство, и я бы не хотел доводить дело до открытых разбирательств. Всем будет выгодней уладить дело миром.

— На каких условиях?

— Лозунг «за царя и отечество» выкрикнул кто-то один. Его попытались урезонить дружинники и в результате общего недопонимания случилась драка. Никакого злого умысла. Остальные отделаются штрафом. Но мне нужно имя. Одно конкретное имя.

— Перезвоните через пять минут.

Опустив трубку, я вытянул карманные часы, откинул крышку и принялся безостановочно следить за ходом минутной стрелки. Выждал оговоренное время, позвонил и услышал:

— Павел Зарайский. Его предупредят, он не станет отпираться.

Следом в трубке зазвучали короткие гудки, и я вернул её на рычажки, не столько обрадованный удачным исходом переговоров, сколько сбитый с толку прозвучавшим именем.

Павел? Какой ещё Павел?! Уверен ведь был, что пожертвуют Кешей, которым все в компании откровенно помыкали, и вот оно как! Кто бы мог подумать!

Ломать голову над этой загадкой я не стал и поспешил обратно в ректорат, а дальше особо даже утруждаться не пришлось. Пусть решительно все понимали, что история шита белыми нитками, но скандала в ректорате не хотели, его и не случилось. Правда, нервных клеток в процессе урегулирования вопроса столько сжёг, что и не сосчитать.

— Пьер, мы... — начал было Карл, когда троицу приятелей отпустили на все четыре стороны, но я даже слушать его не стал, сразу отмахнулся.

— Всё потом! Опаздываю! — И выжидающе уставился на заместителя коменданта. — Роберт Маркович?

— Считай, строгим предупреждением отделался.

— А...

— Оценку действиям студентов даст руководство военной кафедры.

— Спасибо!

Я поспешил к лестнице, сбежал на первый этаж и первым делом, хоть время уже и поджимало, заскочил в уборную. Облегчился, стал мыть руки, и тут появился юрист «Общества изучения сверхэнергии».

— Моё почтение! — улыбнулся он и протянул конверт. — Вам просили передать.

В ступор я впал лишь на несколько секунд, затем раскрыл портфель, и крючоктвор с понимающей ухмылкой кинул конверт к тетрадам. Дальше я заперся в кабинке и обнаружил, что разом стал богаче на две сотни рублей.

Не слишком много и одновременно совсем не так уж мало. И сам собой встал вопрос: а стоит ли сообщать об этих деньгах кураторам?

Пораскинул мозгами и решил: стоит.

По кривой дорожке измены легче лёгкого пойти, с такой вот мелочи всё начаться может. А это противно моим принципам, к тому же возникал риск пораскинуть мозгами уже буквально, а не фигурально. Ну его к лешему.

Глава 6/1

На танцы я отправился в новом, ни разу ещё не надёванном летнем костюме и с чистой совестью. Пиджак и брюки из светлой льняной ткани мне пошили просто замечательные, в тон им приобрёл невесомую соломенную шляпу в мелкую сеточку, и для завершения ансамбля оставалось лишь обзавестись прогулочными туфлями, что теперь тоже не представлялось такой уж большой проблемой.

Просто улучил момент и позвонил Альберту Павловичу, рассказал о предпринятых мерах по сглаживанию острых углов, и тот хоть и ругнулся нецензурно насчёт несогласованной инициативы, но, скорее, не от избытка чувств, а чисто для проформы. Велел доложить обо всём в понедельник Городцу; касательно денег никаких особых указаний не последовало вовсе. А раз так, я резонно предположил, что в их отношении сработает прежняя схема с оперативным резервом. Вот и потрачу на обувь.

Люю я забрал с йоги, ещё и дожидался, пока та приведёт себя в порядок, но заскучать не успел: Инга тоже готовилась к вечернему выходу, вот я и пил чай на пару с Вениамином Мельником. Тот не преминул выпросить подробности сегодняшнего инцидента. Даже пожал мне руку.

— Молодец! Обязательно завтра в клуб приходи, обсудим это на совете актива.

Лия в опоясанном тоненьким ремешком платьице выпорхнула из своей комнатухи первой, и я распрощался с аспирантом, а уже на улице моя спутница не удержалась от улыбки.

— Ты такой модный стал, Петя!

В её интонациях слышалась явственная грустинка, и я ощутил неловкость, но лишь на миг. Суббота, тёплый майский вечер, танцы на открытом воздухе! Тут любую меланхолию как рукой снимет.

На проходной поджидало непонятное нововведение: теперь вахтёры проверяли документы не только у желающих попасть на территорию студгородка, но и у покидающих оную. В горсад мы прикатили последними, все уже были на месте, и сложившаяся за столом диспозиция меня несколько не удивила: Софья сидела со Львом, а Милена расположилась по соседству с Мишей Поповичем, и это воспринималось всеми как должное. Мной — тоже. Удивился я разве новой спутнице Прохора — как и прежняя барышня, эта сверхспособностей оказалась лишена.

— Отличный костюм! — тут же отметил Антон. — Петя, да ты растёшь!

— Все деньги ухнул, — с улыбкой сообщил я и справился у Лии, что та будет пить, а когда девушка остановила свой выбор на сидре, запотевший кувшин которого уже стоял на столе, сходил себе за пивом.

Так дальше и пошло — неторопливо попивал отдававший приятной горчинкой хмельной напиток, танцевал с Лией, старался поддерживать непринуждённый разговор. Было жарко, пиджак повесил на спинку стула.

Ну а под конец Лия невесть с чего окончательно загрустила, и барышни сгруппировались на другом конце стола, зашушукались о чём-то своём. Лев, Антон и Прохор вышли покурить, а я воспользовался случаем и обратился за консультацией к Мише. Создавать полноценный кинетический щит мне пока что было сложновато, вот и захотелось поискать обходные пути, завязанные на использовании ясновиденья.

Увы, Нигилист меня разочаровал.

— Можешь попробовать, конечно, но ты представляешь скорость пули? Создать из сверхсилы вокруг себя полый цилиндр — не так сложно, а дальше что? Ты просто не успеешь среагировать, даже если точно будешь знать траекторию.

— Реагирую же как-то! — возразил я.

— Рефлекторно! Для техники закрытой руки это годится, для осмысленного создания кинетического импульса, противоположного по направлению импульсу пули, — нет. И сместиться тоже, скорее всего, не успеешь. Инерция! Перегрузками себя скорее угробишь!

Вот с этим было не поспорить. У меня и фокусировка до сих пор была далека от идеальной, и стандартный кинетический щит я создавать так толком и не научился, вместо импульсов вкладывал в полог не-движение — не гасил энергию пули встречным выплеском, а просто нейтрализовал её сверхсилой.

Но как раз тут было о чём подумать. Нейтрализация! Рефлекторно просчитать и создать импульс невозможно, но я прекрасно гасил кинетическую энергию предметов, которыми швырялся в меня Трофим Фёдорович, не задумываясь об этом ни на миг, на чистом инстинкте.

Так, может, сработает и с пулями?

Остаток вечера обкатывал эту мысль в промежутках между танцами, ну а потом Миша пригласил всех к нам на квартиру, но идею никто не поддержал, и он отбыл из кафе на пару с Миленой. Тогда начали расходиться и остальные.

Я проводил Лию в общежитие, приглашения зайти не удостоился, а сам навязываться не посчитал нужным. Чмокнули в щёку — уже хорошо, в прошлый раз и вовсе руку на прощание пожали.

Когда покинул территорию студгородка, мелькнула шальная мысль наведаться к Юлии Сергеевне, но выкинул её из головы, потопал на квартиру. А там

только запер за собой дверь и разулся, из своей комнаты высунул голову Миша.

— Петя, тебе телеграмму принесли, на столе лежит.

Сердце так и ёкнуло — неужто что-то дома стряслось?! — но волновался напрасно. Взял бланк телеграммы и сразу с облегчением перевёл дух.

«ПРИБЫВАЮ ЗАВТРА 9 УТРА ВАГОН 7 =ВАСИЛЬ=»

Не могу сказать, будто испытывал такую уж настоящую потребность поскорее встретиться с бывшим соседом по комнате, но никаких планов на первую половину воскресенья у меня в любом случае не было, да и не виделись с зимы, вот и отправился на вокзал с утра пораньше. Там, как и в окрестностях института, на глаза то и дело попадались люди в форме, а на площади у центрального входа с какой-то монументальной демонстративностью замер броневик. Документы предъявлять пришлось дважды: сначала бывшим коллегам по комендатуре, потом жандармам железнодорожного корпуса.

Но не пожалел, что выбрался: вокзальный буфет оказался выше всяких похвал, да и поезд прибыл без опоздания. Как оказалось, добирался Василь не на перекладных, а катил со всевозможным комфортом на пассажирском экспрессе напрямую из столицы. И катил отнюдь не в одиночестве: я понял это сразу, как только он появился из вагона с двумя неподъёмными на вид чемоданами, ещё прежде даже, чем следом на перрон шагнула Маша Медник.

Василь за последнее время заметно изменился, набрался какой-то солидности и основательности, немного похудел, и черты лица стали жёстче и резче, нос — и тот не такой уж картофелиной смотрелся. И — костюм. Костюм был определённо пошит не в самом плохом столичном ателье, на него пришлось

раскошелиться и прилично. Да и туфли новые, не армейские ботинки.

О Маше и говорить было нечего. Высокая, стройная, светловолосая, с броским классическим профилем. Ещё и одета со вкусом. Туфельки, шёлковые чулки, узкая юбка, подогнанная по фигуре блуза. На ум только и пришло, что «столичная штучка». От той эффектной, но неотёсанной и недалёкой девицы, можно сказать, ничего уже и не осталось.

Василь поставил чемоданы на перрон и завертел головой по сторонам, тогда я снял с головы шляпу и отсалютовал ею товарищу.

— Петя! — обрадовался тот. — Не узнал, богатым будешь!

— Уже! — рассмеялся я.

Мы обнялись, после я поздоровался с Машей, огляделся и спросил:

— А остальная опергруппа как же?

— Трудятся в поте лица! — объявил Василь.

— Нас на очередную подстройку к Эпицентру прислали, — пояснила Маша. — Дальше тянуть уже нельзя было.

Я забрал у Василя один из чемоданов, и тот, как и предполагал, оказался совершенно неподъёмным. Надрываться и потеть не хотелось, вот и снизил действующую на него силу тяжести до трети от нормы, благо при непосредственном контакте с предметом воздействия мог дозировать расход энергии вплоть до долей джоуля, а помехи не возникали вовсе. Никто ничего не заметил.

Мы вышли на привокзальную площадь, и там Василь загрузил чемоданы на задки извозчику, а после вдруг предложил:

— Может, ты с нами? Я бы доложил и посидели где-нибудь.

— Мы же вечером на танцы собирались! — напомнила Маша.

— А вечером на танцы! — успокоил её Василь. — Петя, ты с кем-нибудь встречаешься? — А после моего кивка он расплылся в улыбке: — Ну, вот и решено!

Ну вот что там решено, а? Но отнекиваться не стал, только рукой махнул.

По пути в комендатуру обсуждали всякую ерунду вроде погоды там и тут, ни о чём серьёзном не говорили. Василь показался слегка напрягшимся, и я отнёс это на неминуемое столкновение с Барчуком, но ошибся.

Когда слонявшийся у пропускного пункта Маленский попытался взять чемодан Маши, мой бывший сосед по комнате как-то очень уж небрежно отнёс его в сторону плечом и понёс всю поклажу сам. Медник, судя по холодно-отстранённому виду, общаться с сердечным другом тоже не собиралась, но за этой парочкой следить не стал, поскольку углядел Борю Остроуха.

Тот, против обыкновения, не пытался угодить Барчуку, а спокойно стоял в обнимку со своей пышнозадой Дашей. Его левая рука висела на перевязи, а форму железнодорожного корпуса отмечали нашивки младшего унтера.

Боря меня тоже заметил, но проигнорировал, развернулся и повёл подругу куда-то вглубь территории комендатуры. Я тоже у пропускного пункта оставаться не стал и перешёл на другую сторону улицы, спрятался там в тени дома от палящих лучей солнца, потом решил время попусту не терять и дошёл до газетной палатки на углу, купил свежий номер «Февральского марша».

Но только вернулся на прежнюю позицию и начал читать передовицу о вторжении нихонского оккупационного корпуса в Джунгарию, как появился Василь.

— Петя, ты опять похудел, что ли? — спросил он, встав напротив. — Плохо кушаешь?

— Не в коня корм, — отшутился я и потребовал: — Ну-ка, поверни голову.

Мой товарищ досадливо отмахнулся, но это не помешало соотнести красную отметину на его щеке с несколько взъерошенным видом, а поскольку обошлось без сломанного носа и выбитых зубов, вывод напрашивался сам собой.

— Варя пощёчину залепила? — предположил я.

— Ага, — подтвердил Василь, притронулся к щеке и вздохнул. — Ну и тяжёлая у неё рука!

— Ещё легко отделался.

— Да я не в претензии. Идём?

Мы дошли до пивной в соседнем квартале, куда прежде заходить ещё не доводилось, лишь понаслышке знал, что собирались там в основном сотрудники комендатуры.

— Два светлого! — бросил Василь буфетчику и выжидающе глянул на меня: — Ты не квас, надеюсь?

Я махнул рукой и направился к столу у распахнутого настежь полуподвального окна. Василь вскоре присоединился ко мне с двумя кружками пива, мы чокнулись и сделали по глотку.

— Стоило оно того? — спросил я после этого.

Василь прищурился.

— Ты о Машке или о командировке? — уточнил он, верно расценив мой вопрос.

— И о том, и о другом. Насчёт Машки, само собой, интересней, — пояснил я и со вторым своим утверждением откровенно покривил душой.

Не интересовала меня Медник ни в каком виде. Отчасти, наверное, бывшие обиды сказывались, но лишь отчасти. Не лежала у меня к ней душа. Ёлки! Да она меня, несмотря на эффектную внешность, даже не

возбуждала! Будто кукла какая или манекен на витрине магазина с дамскими нарядами.

Василь вновь приложился к кружке, помолчал, затем вздохнул.

— Машка — она такая.... Такая... Прямо ух! На неё все заглядывались, но фигу им — со мной встречаться стала. Пусть Барчук теперь локти кусает!

«Феде ещё повезло, а тебя она прожует и выплюнет», — подумалось мне, но сказал другое:

— Теперь ходи да оглядывайся!

— Из-за Барчука, что ли? — презрительно фыркнул Василь. — Пусть только сунется! — Он хлебнул пива и пожал плечами. — Да и мы тут надолго вряд ли задержимся. В столице работы непочатый край.

— Да ладно?

— Точно! Сроду бы не подумал, что туда столько операторов перебралось. Кто на госслужбе контракт отработывает, кто на вольные хлеба подался. Вот мы контингент и шерстили на предмет паршивых овец.

— Слышал, там иностранцы тоже отметились, — закинул я удочку.

— Иностранцами другая опергруппа занимается, — пояснил Василь. — Ещё сводная есть, им все громкие дела передают. Зимника туда забрали.

— А вас как же?

— Опыта мало.

Я немного поколебался и спросил:

— Так вы по какому ведомству там числитесь?

Василь поморщился.

— Слушай, Петя, нам рекомендовали на этот счёт не распространяться.

— Тоже мне, секрет Полишинеля! — фыркнул я, внимательно приглядываясь к товарищу. — Можно подумать, так много вариантов! С сыскной частью, сам же писал, не задалось сотрудничество, остаются армейцы и республиканский идеологический

комиссариат. Но военная контрразведка — это всё же немного не то. А вот комиссариат всерьёз позиции наращивать взялся, дня без громких арестов не проходит. И, если верить газетчикам, они и операторами вовсю занимаются.

Василь выставил перед собой открытые ладони.

— Сдаюсь! При комиссариате «Секцию 15-С» учредили. Это мы. «Секция пятнадцать» или просто «пятнашка». Не слышал о такой?

— «С» — это понятно, а почему пятнадцать?

— Без понятия. Традиция, наверное. В столичной полиции «Отдел 15-К» есть, но мы там ко двору не пришли. Политика!

Я допил пиво, забрал опустевшую кружку приятеля и дошёл до буфетчика, попросил повторить и сразу расплатился, а когда вернулся за стол, к расспросам приступил уже Василь.

Где я, как я, чем студенты дышат. Ну и вообще, что интересного в Новинске творится. Не сказать, будто подспудно до каких-то конкретных вещей допытывался, просто на уровне ощущений такое впечатление сложилось. Впрочем, надолго Василя не хватило, и вскоре он прямым текстом предложил: если вдруг что-то станет известно о преступных замыслах других операторов, сразу обращаться к нему. Я конечно же пообещал, и дальше общение пошло уже безо всяких подводных камней; всё больше о столичных красотах трепались.

На трёх кружках мы решили остановиться, обговорили место и время встречи и покинули питейное заведение не совсем трезвыми, но и не особо подвыпившими. Я проводил Василя до пропускного пункта, а только поспешил прочь, и сзади пронзительно свистнули.

— Петя, погодь!

Остановился, обернулся, подождал вывернувшего с территории комендатуры Матвея. Громила подошёл и протянул руку, затем мотнул головой куда-то себе за спину.

— Встречался с этим?

— Ну да, — подтвердил я.

Матвей расплылся в широченной улыбке.

— Ты б видел, какую пощёчину ему Варька влепила! Думал, голову с плеч снесёт, он аж поплыл, бедолага!

— И это она ещё остыть успела, — кивнул я.

— Чисто из принципа, ага, — согласился Матвей. — Слушай, вы же с Нигилистом квартиру снимаете. Случаем, она не свободна сегодня? А то надо с Варькой на сближение идти, а негде.

— А чего тянул? — удивился я. — Думал, вы давно уже...

— Не, — мотнул головой здоровяк. — У меня серьёзные намеренья и самоуважение имеется. Не подкатывал с этим вопросом даже. Ещё подумала бы, что всем от неё только одного и надо. Ну а сейчас с Василем вопрос закрыт, сам бог велел к делу переходить.

Миша собирался провести весь день на водохранилище в обществе Милены и нашей новой компании, поэтому я достал ключ и протянул его со словами:

— Часов до восьми квартира свободна. Уходить будете — сунь под коврик.

— Спасибо, Петя! Выручил! С меня должок!

— Да брось!

Я сообщил свой новый адрес и уже даже попрощался с Матвеем, но тут же окликнул его:

— Слушай, Матвей! А не знаешь, что там с Борей? С каких щей ему младшего унтера дали?

— С Барчуком перестал водиться, за ум взялся, вот и дали. Да с жандармами и не подуришь, оператор ты или

нет — не важно, мигом бока обломают, — усмехнулся Матвей. — Но вообще, как слышал, у толстого несколько задержаний на счету, и в серьёзном бою поучаствовал, даже пулю схлопотал. Сейчас в отпуске по ранению, дальше на курсы отправят. Так понимаю, ко двору в железнодорожном корпусе пришёлся.

— Кто бы мог подумать! — покачал я головой. — Ладно, побегу!

Я продолжил путь к ближайшей трамвайной остановке, нагнал отъезжавший от неё вагон и запрыгнул на заднюю площадку, покатыл в центр. Оттуда первым делом позвонил в общежитие, попросил дежурную по этажу пригласить к телефону Лию. К счастью, ту удалось застать в промежутке между плаванием и йогой, вот и спросил:

— Привет, Лия! Окажешь небольшую услугу?

— Конечно, Петя! А что случилось?

— Составишь компанию вечером? Просто друг из командировки вернулся, он с девушкой будет, а мне пойти не с кем. Выручишь? — Даже лёгкий шорох помех в трубке не помешал расслышать напряжённого сопения, и я поспешил добавить: — Ты не подумай, тут не о свидании речь. Мне действительно очень надо.

Сказал и засомневался, не сболтнул ли по глупости лишнего, но Лия рассмеялась.

— Конечно, Петя. Выручу. Где встретимся?

Мы обговорили детали, и я отправился в студенческий клуб, а там застал актив военной кафедры в состоянии немалой ажитации. И нет, хоть Карл, Ян и Коля и сидели в уголке тише воды ниже травы, но обсуждалось вовсе не вчерашнее происшествие, а вторжение нихонских войск в Джунгарию и перспективы выхода оккупационного корпуса к нашим собственным границам.

— Прошлым летом по зубам на востоке получили, теперь хотят трансконтинентальную магистраль

перехватить, а главное наступление на прежнем направлении повторят! — доказывал Тарас Пникота.

— Вздор! Они на Эпицентр нацелились! — возражал ему Касатон Стройнович.

Выдвигались и другие версии, сходились все в одном: война неизбежна.

— А что же туземная дивизия? — выкрикнул Николай, перехватил взгляд Вениамина Мельника и втянул голову в плечи.

Но вопрос аспирант всё же не проигнорировал и сказал:

— Информация из Джунгарии приходит противоречивая. По одним сведениям, дивизия участвует в ожесточённых боях, по другим — в полном составе перешла на сторону нихонцев. Учитывая сильные монархические настроения среди офицерского состава, лично я полагаю более реалистичным второй вариант.

Туземную дивизию сформировал в Гражданскую войну один из царских генералов, и в Джунгарии на первых порах она приняла самое деятельное участие в национально-освободительном движении, а после, закрепившись в сопредельном государстве, стала настоящей головной болью республиканского пограничного корпуса.

А теперь ещё и нихонцы пожаловали. Быть войне. Точно — быть!

Впрочем, очень скоро стало не до международных событий, разговорился с приятелями о вчерашней драке, ещё и выпить пришлось, не стал обижать отказом. А когда собрался уходить, меня отозвали в сторонку аспиранты.

— Мы тут посовещались, — торжественно объявил Вениамин Мельник, — и решили, что ты — товарищ проверенный и достойный доверия. А посему — вот!

Я с удивлением уставился на протянутую картонную карточку, принял её и едва не матернулся в голос.

Билет № 473

Республиканская социал-демократическая партия
(сверх)

Билет! Партия! Партийный билет на моё имя, ладно хоть ещё фотокарточку не клеили!

— Вы чего? — уставился я на аспирантов. — Нельзя же!

— Не свети, никто и не узнает, — благодушно усмехнулся Тарас.

— Мы агитацией не занимаемся, — добавил Касатон, — широкие массы не привлекаем. Нам проверенные кадры нужны!

— Можешь отказаться, — предупредил Вениамин. — Никакой обязаловки тут нет.

— Да вот ещё! — фыркнул я и протянул руку. — Благодарю за доверие!

С одной стороны — бравада, конечно, а с другой — приятно. Действительно приятно, без дураков. Оказаться своим среди единомышленников — большое дело.

И одновременно убранный во внутренний карман карточка жгла почище куска раскалённого металла. Я ведь не сам по себе! Я — на службе. И кто знает, как на такой вот поворот кураторы посмотрят?

Наверное, этим и объяснялась моя задумчивость на танцах. Нет, не отмалчивался и разговор поддерживал, но мысли другим заняты были. Совсем-совсем другим.

И от Лии это обстоятельство не укрылось, только отнесла она его на счёт Маши Медник, вот и спросила:

— Она так сильно тебе нравится, да?

— Кто? — не понял я. — Машка? С чего ты взяла?

— Да просто тебя таким зажатым со школы не видела. Ты в присутствии Инги вечно так себя вёл.

Я хмыкнул.

— Не зажатый я был, а задумчивый. И вовсе не из-за неё, это по работе озадачили.

— Рассказывай! — рассмеялась Лия. — Петя, я тебя как облупленного знаю!

— Брось! Вот мы сейчас с тобой наедине шли — что-то изменилось в моём поведении? Нет, не изменилось. Был задумчив. А Машку... — Я поморщился. — Машку я скорее недолюбиваю.

— И почему же? Она красивая.

— Там много все намешано, — пожал я плечами. — Больше даже не с ней, а с её прежней компанией связано. Такое гадливо-брезгливое ощущение, сложно даже сформулировать. Василь с ней ещё хлебнёт лиха.

Какое-то время мы шли по вечернему городу молча, потом Лия вдруг сказала:

— Хочу на военную кафедру перевестись.

— Да ладно? — удивился я. — Тебе это зачем? Я бы не пошёл.

— Серьёзно?

— Хватило корпуса.

Лия передёрнула плечиками.

— Надоело собственную беспомощность ощущать! По ночам в холодном поту от кошмаров просыпаться надоело. Меня ведь никто применению сверхспособностей не учил даже! Только в резонанс входить и синергии! «Будь естественна — для тебя это самое главное»! А чем я хуже других?

— Необязательно на военную кафедру переводиться. Могу с одним инструктором поговорить, подберёт оптимальные техники. Сможешь самостоятельно практиковаться.

— Поговори, — разрешила Лия, но произнесено это было таким тоном, что стало ясно: барышню мне

переубедить не удалось.

На военную кафедру, ну надо же! У меня, конечно, принципов ничуть не меньше, чем у Альберта Павловича, но в нынешних приоритетах доминировало желание просто тихо и спокойно получить высшее образование, попутно выйти на пик витка, а дальше... Кто знает, что будет дальше? Пока даже не загадывал. Слишком всё зыбко и ненадёжно.

В понедельник после занятий отправился сдаваться капитану Городцу. Того, так понял, успел предупредить Альберт Павлович, вот и пришлось дожидаться, пока куратор пообщается со студентами; меня он оставил напоследок. А узнав все подробности, не удержался от тяжёлого вздоха.

— Впредь потрудись такого рода инициативы предварительно согласовывать с кем-нибудь из нас.

— Да что тут...

— Многое тут! Ты хоть понимаешь, что драка могла не на пустом месте возникнуть? Вдруг её наши коллеги спровоцировали, дабы кого-то из монархистов прижать? Ты бы им своим вмешательством все карты спутал! — Георгий Иванович вздохнул. — Да и не только в этом дело. Ты же, надеюсь, понимаешь, что конверт с деньгами не просто так всучили?

— Понимаю, — подтвердил я, проявив запоздалую догадливость. — Уже оказанная услуга ничего не стоит.

— Более того! — наставил на меня указательный палец капитан Городец. — Ты прямо в разговоре с Леонтием о собственной заинтересованности в исходе дела объявил. С точки зрения налаживания сотрудничества всё верно сделал, но платить тут за что, если интересы совпадают?

— Сами же сказали вербоваться, — привёл я железный аргумент.

Георгий Иванович глаза закатил.

— Пётр! На контакт тебе приказали идти с Карпинским! С ним и только с ним! А теперь ты всё предельно усложнил!

— С чего это? Все монархисты одним миром мазаны!

— Дурь эту из головы выбрось! — приказал капитан. — Леонтий — человек великого князя Михаила, а семейство Карпинских входит в дальний круг бывшего императора и целиком и полностью завязано на Айлу. Есть ещё и те, кто делает ставку на великого князя Константина и Остерих. Политика — штука суровая, ошибёшься — почище жерновов перемелет. — Он вздохнул и махнул рукой. — Ладно, пиши докладную и расписку на двести рублей. Оставишь на оперативные нужды. И не сиди на деньгах, начинай тратить.

— Туфли куплю, — сказал я. — Пойдёт?

— И о красивой жизни не забывай, барышень на танцы води. Работай на образ человека, тянущегося к прекрасному.

Я кивнул, начал писать и уточнил:

— А что за усиление пропускного режима? Теперь и на выходе документы проверять стали?

— Приказ не доводили ещё? — удивился Георгий Иванович. — А! Ты же на служебных воротах дежуришь, вас это не коснулось. Решён вопрос об экстрадиции студентов из числа граждан Остериха и прочих государств, вошедших в Третий Рейх. Они по квоте Лиги Наций к нам прибыли, а после объявления независимости правовых оснований для их обучения не осталось. Вот и не выпускаем больше в город, а то разбегутся как тараканы, а нам отвечать. Семестр доучатся и в начале июня домой поедут.

Я закончил оформлять бумаги, поднялся из-за стола и вытянул из внутреннего кармана заклеенный конверт с собственными инициалами.

— Георгий Иванович, а можете в тот сейф, где моё удостоверение никогда не лежало, убрать?

Городец глянул остро, нахмурился.

— Что там?

Накатила неуверенность, и я немного даже поколебался, прежде чем ответить:

— Партийный билет РСДП на моё имя. — И сразу поправился: — Точнее — РСДП(с).

Георгий Иванович даже головой покачал.

— Ну, Пётр Сергеевич, удивил, так удивил! Ни дня не можешь прожить, чтоб в историю не влипнуть! — Он встопорщил усы и спросил: — А не хочешь докладную по всей форме написать? Кто, как, когда?

— Не хочу. Мне кажется, это будет политически незрело.

— И правильно кажется! — Капитан Городец забрал у меня конверт и пообещал: — Приберу, не беспокойся.

Не могу сказать, будто отправился на процедуры с лёгкой душой, но уже и не так чувство ответственности давило. А то буквально надвое душу эмоции рвали. Тут ведь как: и доложить надо, и людей подвести нельзя. Ситуация!

Впрочем, это всё занимало меня недолго. Проглотил очередной склизкий сгусток колонии грибов, и враз не до того стало. Все мысли о том, как бы не вырвало. Ещё и в какую-то монструозную установку лезть пришлось, а стоило только заработать генератору электромагнитных полей, буквально каждая клетка организма в резонанс с этими колебаниями вошла. Дальше я и сам в резонанс вошёл — и полетели!

Вот так май и промелькнул. Учился, работал, тренировался, развивался. Ходил с Лией на танцы и в кафе, на выставки и по театрам. Съел за это время с килограмм жидких, сушёных и вяленых грибов, засахаренных и заспиртованных ягод, чистого мёда и мёда с жареными кузнечиками, выпил сотню литров травяного настоя и привык просыпаться по утрам с

противной горечью во рту, но дело того стоило: за это время сумел нарастить продолжительность транса с сорока шести до шестидесяти одной секунды.

Вроде бы ерундовая прибавка, но нет — выход резонанса, а вместе с ним и мой внутренний потенциал увеличились более чем вдвое, до без малого девятнадцати мегаджоулей. Увы, потенциал, который я был способен удерживать постоянно, рос куда медленней, но работал и в этом направлении.

Работал, работал и работал. Устал почище раба на галерах.

Лии приходилось ничуть не легче — столько она всего на себя взвалила: йога, плавание, сават, развитие сверхспособностей, ещё и сессия началась. Когда заикнулся о ней Герасиму, тот поначалу и слушать ничего не стал, только руками всплеснул.

— Нет, так не пойдёт! Я — творческая личность! Мне нравится придумывать что-то новое! Превратить тебя в смертоносного москита — интересно, а возиться со стандартным оператором — банально и скучно. Они все одинаковые! Пусть читает учебники, там всё написано!

— Это не стандартный оператор, — заявил я в ответ, хоть и сомневался, не совершаю ли ошибку. — Это нестабильный пирокинетик с отработанной техникой синергии.

У Герасима блеснули глаза.

— Насколько нестабильный и как хорошо отработана техника?

В итоге Лию он не только посмотрел, но и стал с ней практиковаться, более того — набрал целую группу пирокинетиков, преимущественно с военной кафедры. Чем именно они занимаются, я не вникал — своих забот хватало. «Выдыхал» шаровые молнии и бил двойными разрядами, пытаюсь соединить электричество и необработанную сверхсилу. Ещё, несмотря на презрительное фырканье Герасима отработывал

продвинутую технику заземления, не подгонял даже под себя, а создавал с нуля комбинацию воздействий для лишения пуль кинетической энергии и уклонения от атак других операторов.

— Москиту не нужна защита! — объявил чокнутый теоретик, наотрез отказавшись мне в этих упражнениях помогать. — Moskit либо бьёт первым, либо погибает! Камикадзе! А у скорпиона хоть и есть хитиновый панцирь, его ничего не стоит растоптать! Толку с этой защиты — ноль без палочки!

Значением незнакомого слова я интересоваться не стал, как и настаивать на своей просьбе, всецело положился на содействие Миши Поповича. Тот прорабатывать схему взялся, разумеется, не просто так, но и обременительными условия сотрудничества не стали.

В субботу третьего июня к себе вызвал заместитель коменданта, поставил перед нелёгким выбором.

— Вот что, Линь: либо завтра приглядываешь за порядком на турнире по сверхболу, либо в понедельник заступаешь старшим у дежурных по этажам главного корпуса.

Я едва не присвистнул. Выбор — закачаешься! В первом случае придётся осаживать разгорячённых спортивных болельщиков, во втором — брать на себя ответственность за привлекаемых к поддержанию общественного порядка старшекурсников. Клизма или касторка — что предпочесть? Такое всё замечательное!

Но на самом деле никакого выбора у меня не было, и с тяжёлым вздохом я произнёс:

— На воскресенье планы, в понедельник отработаю.

Роман Маркович ободряюще улыбнулся.

— Да ты не куксись! На пятое число заседание учёного совета запланировано, занятий не будет. Поэтому и предложил.

— О! — воспрянул я духом. — Другое дело!

Главный корпус, понятное дело, совсем уж пустым всё равно не будет, но и обычного столпотворения ожидать не стоит. Риск мало-мальски серьёзных происшествий сие обстоятельство снижает кардинально. И опять же — это когда ещё будет? В понедельник! А завтра — воскресенье. На воскресенье у меня были большие планы.

С утра взяли напрокат два велосипеда и покатали с Лией за город. Не на водохранилище, куда ездили на трамвае все последние выходные, а на северо-восток. Решили выбраться на Чёрный омут, благо расстояние до него было не столь уж и велико. Километров десять в одну сторону — пешком далековато, а вот на велосипеде в самый раз. Особенно для двух операторов, которые вполне способны повлиять на силу тяжести, дабы не отбить зады при скачках на сосновых корневищах.

Но вот это нас и подвело. Не уменьшение силы тяжести, разумеется, но доступность озера для операторов. Воскресенье же!

Шум голосов и музыку мы слышали ещё из-за деревьев, выехали на берег и обнаружили, что там на расстеленных поверх травы покрывалах расположилось сразу несколько многолюдных компаний. Горели костерки, девицы с визгом сигали с плота в воду, играл граммофон, в тени деревьев стояли два легковых автомобиля.

— Ну что, — тяжело вздохнула Лия, — окунёмся и обратно?

Выехали мы спозаранку и добрались до жары, но и так упрели, а катить обратно по самому солнцепёку мне нисколько не хотелось, как не горел я желанием и толкаться локтями с другими отдыхающими. С моим везением сюда ещё и монархистов нелёгкая принесёт.

— Есть другой вариант! Поехали!

Насколько помнил, до попавшегося нам как-то во время патрулирования ручья было рукой подать, вот туда я и направился. У мостка мы слезли с велосипедов, покатали их по петлявшей вдоль берега тропке и уже минут через пять набрели на окружённую стеной высоченных сосен заводь с песчаным дном и кристальной чистоты водой — на удивление тёплой, не иначе по причине близости впадающего в ручей горячего источника. А воздух какой! Свежее не бывает, дышать бы и дышать!

— Тут не поплаваешь! — расстроено протянула Лия.

— Тебе бассейна мало? — усмехнулся я, быстренько разулся, снял рубаху-поло и прогулочные штаны, зашёл в воду. До противоположного берега — метров пять, а глубина всего лишь по пояс, но и нормально. Окунулся, отфыркался и позвал:

— Идём!

Лия через голову стянула лёгонький сарафанчик и присоединилась ко мне в купальнике, обрадованно воскликнула:

— Тёплая!

Она нырнула и доплыла под водой до противоположного берега, потом вернулась обратно, ну а я выставил на один из камней бидон с квасом, предварительно охладив его содержимое, затем развернул газетный свёрток с бутербродами. И выходить на берег нет нужды — можно прямо на песочке расположиться. Не холодно ничуть.

Мы поплавали, подкрепились и ещё немного побарахтались, а потом расположились бок о бок у самой кромки воды.

— Представляешь, Гера вчера с Федорой Васильевной повздорил! — со смехом сказала Лия. — Заявил, что стандартные схемы упорядочивания и

прорабатывания энергетических каналов мне категорически противопоказаны, а она его обругала матерно и умником пустоголовым назвала.

Я не сразу сообразил, что Гера — это Герасим, поскольку самому такое фамильярное обращение к инструктору даже в голову прийти не могло, потом уточнил:

— И чем дело кончилось?

— Да они дальше что-то долго прикидывали и спорили. Будут в программу изменения вносить.

— Вот и здорово, — улыбнулся я, а потом зацепил пальцем лямку купальника и потянул ту с девичьего плеча, обнажая грудь.

Увы, стоило лишь показаться краешку розового ореола соска, как Лия опомнилась и вернула бретельку обратно.

— Петя, ну ты что? — с укором произнесла барышня. — Какая муха тебя укусила? Мы ведь даже не встречаемся!

— Разве нет?

— Нет! — отрезала Лия. — И вообще — тот Петя, которого я знала, себе такого никогда бы не позволил!

— Так тот Петя сроду никуда тебя пригласить бы не решился.

— Тот Петя не решился бы пригласить Ингу, а обо мне и не подумал даже! — парировала барышня. — Ну что ты смотришь? Скажи ещё — неправда? Вы все только на неё и смотрели, а меня не замечали!

— Так и ты Аркашей грезил, — напомнил я.

Лия не обиделась моему замечанию, легко отмахнулась.

— Это всё из-за Инги! Хотелось хоть в чём-то ей нос утереть. — Барышня неожиданно тяжело вздохнула. — Наверное, я и ухаживания Вити так легко приняла из-за этого. Подкупило, что в кои-то веки кто-то заинтересовался не ею, а мной. А сама себя настоящей

самозванкой всё это время ощущала, когда разлад начался, ничуть не удивилась.

«Поэтому и до постели у вас дело не дошло», — подумалось мне, а вслух сказал:

— Всё, что ни делается, всё к лучшему. Мы вот с тобой вполне можем начать встречаться. Давай я тебя завтра официально на свидание приглашу?

Лия поглядела в ответ с нескрываемым сомнением.

— Петя, ты с кузиной Софьи встречаешься, не забыл?

— Да не встречаюсь я с ней!

— А она об этом знает? Сначала определись с этим, а пока друзьями останемся.

Я приподнялся на одном локте.

— Другьям ведь не запрещено целоваться?

Лия улыбнулась, и на её щеках залегли миленькие ямочки.

— Не запрещено!

И я поцеловал девушку, ещё и рукам кое-какие вольности позволил, но всё прошло очень благопристойно, не сказать — целомудренно. Немудрено, что в город я вернулся на взводе и решил не откладывать разговор с Юлией Сергеевной в долгий ящик. Мы изрядно припозднились, и уже стемнело, у меня были все шансы застать госпожу Карпинскую дома, и — свезло. Только кинул камушек в приоткрытое окно, и вот уже выглядывает.

Если Юлю моё появление и удивило, она этого никак не выказала и указала пальцем в сторону чёрного хода. Я кивнул, прошёл через арку во двор и поднялся по лестнице. Дверь тут же приоткрылась, я проскользнул на кухню и прошептал:

— А соседка?

— Будет поздно, — ответила Юля, посильнее запахнув короткий халатик. — Идём!

Мы прошли в её комнату, и я обратил внимание на раскрытый чемодан и раскиданные тут и там вещи.

— Переезжаешь?

— У нас летние сборы начинаются, на июнь-июль поближе к Эпицентру перебираемся, — пояснила Юлия Сергеевна и сверкнула васильковыми глазами. — А я уж думала, не появишься больше. Дядюшка неделю как в столицу отбыл, а от тебя ни слуху ни духу!

Вот тут я невесть с чего ощутил неловкость. Прежде никогда в обществе дворяночки смущения не испытывал, а сейчас чуть ли не через силу из себя выдавил:

— Попрощаться зашёл. У меня серьёзные отношения начинаются...

— О! — удивилась Юля. — Так ты курносую милашку на другую променял? И на кого, если не секрет?

— Ни на кого я её не променял! Мы с ней не встречались, а просто дружили. — Я вздохнул и добавил: — Как оказалось. Завтра всё с чистого листа начнём.

Юлия Сергеевна понимающе кивнула.

— И ты пришёл заблаговременно меня предупредить? Как мило! — Она вдруг распахнула халатик и спросила: — И что, даже не поматросишь напоследок?

Тут же смутилась и принялась накручивать на палец цепочку с кулоном в виде золотой рыбки, но могла бы в моей реакции на это предложение не сомневаться. Нижнего белья на барышне не оказалось, а я был заведён до самого что ни на есть предела, да к тому же пока что мы с Лией просто дружили, вот и поматросил Юленьку, чуть кровать не развалилась.

После лежали и переводили дух. Юлия Сергеевна, по своему обыкновению, подпёрла подбородок руками и не сводила с меня васильковых глаз, потом сказала:

— Знаешь, а ты прав! Затея с революционным матросом истощала себя, а для нормальных отношений мы слишком разные. И даже не нравимся друг другу. Так?

— Так, — подтвердил я и любопытствовал: — Уже нашла кого-то?

— Может быть, — ушла от прямого ответа Юлия, но сразу покачала головой. — На самом деле — не сказала бы. Просто не вижу причин для спешки, для начала надо с техникой снижения эмпатической чувствительности окончательно разобраться. Но целоваться — уже целовалась.

Я перевалился набок и спросил:

— Надеюсь, не с Кешей?

Юля ответила пристальным взглядом.

— А почему ты интересуешься?

— Ответь! — потребовал я, уловив в голосе барышни некоторую неуверенность.

Та нахмурилась и очень тихо и спокойно произнесла:

— Надеюсь, ты меня не ревнуешь?

Не могу сказать, будто в мягких тягучих интонациях проскользнула угроза, но что-то такое уловил, по спине побежали мурашки.

— Нет, и не собираюсь, — сбавил я нажим.

— Не с Кешей, — сообщила Юлия Сергеевна, не спуская с меня напряжённого взгляда.

— Хорошо.

Барышня с облегчением перевела дух и даже рассмеялась.

— Напугал, дурак! Уж думала, сейчас, как тот мавр, душить начнёшь в припадке ревности!

— Не дождёшься!

— А почему, собственно? — спросила вдруг Юля и быстро уточнила вопрос: — Чем тебе не угодил Кеша?

Я немного помедлил, собираясь с мыслями, затем сказал:

— Ничего наверняка не знаю и подробностей не будет, но думаю, он работает на старика Леонтия.

Юлия Сергеевна нахмурилась и засыпала меня вопросами:

— Уверен? А с чего ты это взял? Он за тобой следил?

— Просто догадка, — заявил я, не став вдаваться в детали, и уселся на кровати.

Барышня мигом позабыла о расспросах и поинтересовалась:

— Неужели не будешь скучать по моей идеальной попе?

Для наглядности она, приподняв, оттопырила означенную часть тела и оглянулась на меня с лукавой улыбкой. Я шлёпнул её ладонью по голому задку и усмехнулся:

— Не у тебя одной идеальная попа, знаешь ли.

Юля уселась рядом и толчком в грудь опрокинула меня обратно на кровать.

— А вот по этому ты точно будешь скучать! — объявила она, взялась за дело, и очень скоро пришлось честно признать самому себе: да, буду.

Ну да у нас с Лией всё ещё впереди...

Глава 6/2

В понедельник вышел заместителем дежурного по главному корпусу. В моём ведении находилось левое крыло, точнее — старшекурсники, приглядывавшие за порядком на этажах; вахтёры на проходной мне не подчинялись.

И слава Богу! И студенты-то поглядывали свысока, ещё не хватало работу взрослых мужиков контролировать!

Впрочем, настроение было самое что ни на есть приподнятое. Заседание учёного совета проходило во дворце культуры, поэтому аудитории главного корпуса пустовали: сегодня не проводились ни семинаров, ни консультаций перед грядущими зачётами и экзаменами. Ну а читальный зал — не моя зона ответственности, у меня — тишина.

Я даже нашёл время позвонить Лии и пригласил её на наше первое официальное свидание. Та выслушала меня и ответила согласием. Жизнь с чистого листа начиналась просто замечательно.

Станный кисловатый запах я уловил на пятом этаже. Принюхался и спросил долговязого паренька с красной повязкой на руке:

— Ничего не чувствуешь?

Тот чихнул, потёр нос и сказал:

— Странно. Обычно у химиков всякой дрянью воняет. Тут-то откуда?

И действительно странно: химические лаборатории располагались в отдельном корпусе, даже если там с вентиляцией проблема приключилась, до нас бы не дотянуло.

— Иди проверь! — указал я в один конец коридора, а сам двинулся в противоположном направлении.

Дежурный по этажу потопал выполнять распоряжение, но сразу закашлялся, да у меня и самого в носу свербело всё сильнее, начало даже пощипывать глаза. И ещё появился странный привкус во рту — поначалу принял его за горечь желчи, но почти сразу прорезалась смутно знакомая кислинка. Тут старшекурсник вновь согнулся в приступе кашля, и события понеслись вскачь. Из вентиляционных отверстий под потолком повалили клубы жёлтого дыма, тот оказался тяжелее воздуха и принялся растекаться по полу, так что я медлить не стал, создал экран давления, стремясь отгородиться от непонятных испарений.

Точнее — не создал, а создать попытался.

Я не чувствовал сверхсилы. Больше — нет. И тогда лихорадочной вспышкой в голове промелькнуло узнавание странного привкуса. Не просто кислинка, но явственный намёк на лимон! Препарат для подавления сверхспособностей!

По затянутому дымом коридору разнёсся трезвон пожарной тревоги, и я кинулся было к выходу на лестницу, но сразу обернулся и рванул вслед за растворившимся в желтоватом мареве дежурным по этажу. Тот скорчился на полу и отчаянно кашлял, да у меня и самого лёгкие и глотка уже горели огнём, а из глаз беспрерывно текли слёзы.

И — ни одного окна поблизости, одни только запертые двери аудиторий!

Я рывком за ворот поднял парня, закинул его руку себе на шею и повёл к лестнице. Но — медленно, слишком медленно. Это нас и спасло.

Я попросту не был уверен, что сумею спуститься на первый этаж, и толкнулся в уборную, а там распахнул сначала одну раму, затем вторую.

— Дыши! — рявкнул я, взгромоздив студента на подоконник, следом высунулся на улицу и сам.

Странный дым не спешил вытекать наружу, его словно что-то удерживало внутри. Точнее — кто-то. Был уверен в этом на все сто и потому особо даже не удивился, когда через трезвон пожарной сигнализации донеслись частые выстрелы. Сначала начали палить из пистолетов и винтовок в здании, затем перестрелка разгорелась и на территории студгородка. Там в одиночные хлопки стали вклиниваться короткие пулемётные очереди, а ещё пространство так и пронзали отголоски сверхэнергетических помех.

Дело плохо!

Я обратился к своему ущербному ясновиденью, попытался через него дотянуться до способностей, но — впустую. Сумел лишь обуздать сверхчувства, вновь начал улавливать близость других операторов. И если присутствие одних ощущалось гладкой речной галькой, то другие, как и прежде, обдирали восприятие шершавыми боками булыжников.

Дежурный по этажу — гладкий. Где-то внизу — шершавые.

Это те, кто ещё не утратил сверхспособности? Но как?!

Впрочем, уже не важно. Главное, что стрельба в здании не только не смолкала, но и приближалась. Стало ясно, что на лестницу выходить нельзя, но и в туалете у распахнутого окна тоже не отсидеться: очень уж перемещения тех — других напоминали зачистку здания. А у меня из оружия — складной нож! Несерьёзно!

Я парой хлёстких пощёчин привёл в чувство старшекурсника, убедился, что тот не сползёт с подоконника на пол, и выудил у него из кармана носовой платок, смочил его и собственный под краном.

— Прикрой лицо! — А когда парень последовал моему примеру, потянул его от окна. — Идём!

Дышалось через влажную ткань несравненно легче, но и так, пока пробирались до входа в служебный коридор, лёгкие беспрестанно рвал резкий кашель. К счастью, за отпертой выданным на время дежурства мастер-ключом дверью дыма стало меньше, и дурнота понемногу начала отступать. Увы, ненадолго. Только начали спускаться по служебной лестнице, и неприятный запах вновь усилился, желтоватая пелена быстро поднялась до пояса, а на втором этаже в неё и вовсе пришлось окунуться с головой.

Я ещё ничего, а студент обмяк. Ну и как тут обстановку контролировать, когда эдакую тяжесть на собственном горбу тянешь? Дерьмо!

Как бы то ни было, до служебного входа я добрался. Ясновиденье не уловило никаких исходящих оттуда помех, никого там и не оказалось. Никого — из живых.

Мои давнишние напарники Николай и Валентин оказались застрелены, незнакомый парнишка в городской форме корпуса — точно кто-то из нового пополнения учебного взвода комендатуры — валялся на полу с прожжённой дырой в груди. Не иначе, поймал плазменный луч.

Я не стал останавливаться; чавкая подошвами по залитому кровью полу, подобрался ко входной двери и обомлел: её ручки стянули цепью с навесным замком. А ручки — в запястье толщиной, да и стальные звенья — в палец, тут без инструментов ловить нечего!

Навалилась паника, но опомнился, поволок студента обратно. Рядом с телом бойца остановился проверить кобуру — та оказалась пуста, тогда забрал у Николая ключи от караулки и стал пробираться через жёлтую муть к служебному коридору.

Быстрее! Быстрее! Быстрее! Из последних сил!

Кто-то приближался, кто-то из неутративших сверхспособности, а как далеко они — не разобрать. И двое — их двое!

Дверь караулки оказалась не заперта, я свалил потерявшего сознание студента на диванчик, а сам добрёл в дыму до оружейного шкафа и принялся дрожащими руками вставлять ключ в замочную скважину. Быстрее! Быстрее! Операторы совсем рядом!

Распахнул дверцу, вытянул из креплений укороченную трёхлинейку, откинул и потянул на себя рукоять затвора и начал шарить внутри в поисках снаряжённых обойм. Глаза опухли и слезились, сквозь желтоватую пелену ничего уже почти не видел, под руку попала бумажная пачка, выпала, распахнулась, со звоном раскатились по полу патроны. Ухватил один, вогнал в патронник и понял: время!

Рукоять от себя и вбок, шаг к двери, выстрел в упор!

Грохнуло в небольшой комнатухе так, что по ушам словно ладонями хлопнули, изо всех звуков остался один только звон, а возникший на пороге оператор в противогазе получил пулю в голову и завалился навзничь прямо на руки следовавшему за ним товарищу. Ошеломлённый гибелью напарника, тот впал в ступор, а когда миг спустя всё же позволил покойнику упасть на пол, то не обратился к сверхсиле, а вместо этого попытался протереть забрызганные кровью окуляры, но лишь извозил стекла алыми разводами.

Я воспользовался моментом, скакнул вперёд и врезал чуть ниже резиновой маски и сбоку от ребристого шланга, метя прикладом по шее. Удар оказался точен, и противник зажал гортань, а после тычка в солнечное сплетение и вовсе повалился на пол. Увы, при этом он мёртвой хваткой вцепился в винтовку и потянул оружие на себя, не позволяя сделать очередной замах.

По коже прокатился колющий ворох энергетических помех, вот и пришлось выпустить оружие и перевести схватку в партер. Попутно я рывком сдёргнул с оператора противогаз, и белокрысый парень хватанул

разинутым ртом дыма и мигом закашлялся, судорожно дёрнулся и вывернулся из моего захвата, но я навалился на него со спины и прижал к полу. Дальше действовал ровно как учили на тренировках с авиадесантниками: обхватил руками голову и резко повернул; только тут — по-настоящему, тут — на смерть!

Хрена! Мою жертву отличало спортивное телосложение, свернуть жилистую шею набок не вышло, хруста позвонков не прозвучало. Парень стал отбрыкиваться и даже поднялся на четвереньки, едва не скинув меня с себя. Я зажал его шею в сгибе левой руки, а правой вытянул из кармана выкидной нож, утопил кнопку и тут же засадил остриё под рёбра — раз! другой! третий! И напоследок, уже оттянув назад голову, лезвием — по горлу! Сбоку — где сонная артерия!

Судорога, всхлип, плеск крови. Мне — не до того. Я спешно натянул на голову резиновую маску с окулярами и уходящим в подсумок гофрированным шлангом и какое-то время просто прижимал бившееся в агонии тело к полу, попутно слясь отдышаться и прийти в себя.

После набрал валявшиеся тут и там патроны, один за другим втолкнул их в неотъёмный магазин винтовки, задвинул затвор. Затем я перевесил подсумок с фильтрующей коробкой на себя и вернулся к сейфу. В глазах прояснилось, сразу углядел ремень с парой кожаных подсумков, в тех — снаряжённые обоймы.

Застегнув пряжку, я дополнительно рассовал пару пачек с патронами по боковым карманам пиджака, вернулся к зарезанному парню, у него забрал заткнутый за пояс ТТ. Ещё отыскал запасной магазин к пистолету, а на застреленного оператора только глянул и посетовал на собственную тупость: противогаз испортил, балда!

Валявшийся на диванчике студент ещё хрипел, я взвалил его на себя и поволок по служебному коридору к воротам. Стрельба и не думала затихать, в дело вступили пулемёты, то и дело доносились глухие отголоски далёких взрывов, но рвались не гранаты — всякий раз следом долетали энергетические помехи. Это резвились операторы.

В дежурке при КПП царил разгром, валялись обугленные трупы, дымилась мебель. Караул оказался перебит, но досталось и нападавшим. Я подтащил студента к приоткрытой двери и выглянул в отстойник. Там — никого, только замерло на ступенях безжизненное тело в обгорелом рабочем комбинезоне.

Жёлтый дым оставался заперт в помещении незримой преградой, лишь понизу просачивались наружу жиденькие струйки отравы, и я спешно выволок на улицу и устроил у стенки старшекурсника, а сам рывком сдёрнул с головы противогаз, хватанул ртом свежего воздуха, принялся откашливаться, отплёвываться и отсмаркиваться. В голове немного прояснилось, тогда подбежал к открывавшему ворота пульту и перекинул рубильник, но без толку — электроприводы створок оказались обесточены. Снял трубку телефона, в той — тишина.

Вдалеке что-то тяжело грохнуло, миг спустя под ногами дрогнула земля, после долетел колющий ворох энергетических возмущений. Миг я колебался, затем перебрался к внутреннему шлагбауму и осторожно оглядел территорию студгородка. Клубы дыма всюду валили из вентиляционных колодцев и растекались над землёй жёлтым маревом, но не столь густым, чтобы не заметить лежавшие тут и там тела. От снайперов рваная пелена укрыть не могла, а постреливали с верхних этажей главного корпуса уже просто беспрестанно. Под огнём был и студгородок, и прилегающие к институту улицы. Со стороны дворца

культуры доносилась заполошенная стрельба; куда расчётливей и реже били пулемёты где-то совсем неподалёку, как бы ещё не у военной кафедры.

Тут-то и навалилась неуверенность. Что делать? Что мне делать?!

Остаться здесь и вроде как контролировать стратегическую позицию? Потом, когда всё закончится, никто и слова дурного не скажет, ведь позиция-то и в самом деле стратегическая! Но в этом и проблема: если пожалуют террористы, одному точно не отбиться. Глупо будет сгинуть вот так... забившись в угол.

Сбежать, точнее даже — отступить за подкреплением? А как? Через забор не перемахнуть, окна караулок и служебных помещений забраны решётками, придётся выбираться на улицу через второй этаж. Не такая уж там и великая высота, чтобы, спрыгнув, ноги поломать, только вот засевшие в главном корпусе террористы помимо территории студгородка обстреливали ещё и окрестные улицы, легче лёгкого будет пулю схлопотать.

И опять же — бегство есть бегство, как его ты ни назови. Другие не осудят, но сам я буду знать, что трусил. И кто знает, что сейчас в кампусе творится? А ведь там Лия, там все мои друзья!

А ещё — приоритеты. Струшу и признаю, что они не стоят и выеденного яйца. И я сам без сверхспособностей яйца выеденного не стою. Дерьмо, а не человек. Или плевать? Или главное — собственную шкуру спасти?

К стыду своему, так с решением и не определился. Просто решил действовать по обстоятельствам, а там как карта ляжет. Вернулся к только-только начавшему приходить в себя дежурному по этажу и снял с него красную нарукавную повязку, затянул её на собственном плече. Затем вернул на голову резиновую маску противогаза, поправил подсумок с фильтром и

нырнул в затянутую желтоватой дымкой дежурку, но на сей раз проскакивать её не стал, огляделся. Из руки дежурного по КПП вынул разряженный пистолет, воткнул в его рукоять запасной магазин и сунул в левый карман. Прихватил ещё одну трёхлинейку, потом снял с одного из нападавших противогаз.

Увы, второму террористу пуля угодила промеж глаз, защитная маска оказалась забрызгана изнутри кровью и невесть чем ещё. Глянул на это и даже не затошнило. Будто все эмоции заморозило!

Я вынес на крыльцо винтовку с парой обойм и противогаз, кинул бестолково мотавшему башкой старшекурснику и вновь пересёк задымлённое помещение, выглянул во внутренний коридор, не став опрометчиво полагаться на одно только ясновиденье. Там — никого.

Судя по смутно улавливаемой энергетической аномалии, вестибюль служебного входа вновь занял кто-то из террористов; они не могли не наткнуться на тела подельников и точно были настороже. Попытаться застать их врасплох было бы в высшей степени наивно, и я свернул в боковой переход, а там ещё немного поплутал в поисках лестницы и — нашёл.

Пока был придан в усиление вахтёрам, совершал обходы служебных помещений неоднократно, вот и сейчас решил двигаться исключительно по ним, поскольку на нижних этажах заметно прибавилось источников сверхэнергетических помех и в местах общего пользования риск наткнуться на террористов теперь превышал все разумные пределы.

Когда поднялся на второй этаж, жёлтая пелена нисколько не поредела, ничего не получалось разглядеть уже на расстоянии в два десятка метров, только поэтому и рискнул выбраться в общий коридор. Ориентировался по большей части на сверхчувства, и несколько раз уклонялся от встреч с террористами,

успевая вернуться к служебным переходам или юркнуть в ближайшую незапертую дверь, лишь благодаря проблескам ясновиденья. Ладно хоть молодчики в противогазах уже не выискивали уцелевших студентов и преподавателей, а бежали куда-то по своим делам. Мог бы даже подстрелить одного или двух, да побоялся оказаться втянутым в перестрелку. Тогда точно хана.

Нигде надолго не задерживался, замешкался лишь раз — у поворота к аудиториям, чьи окна выходили на улицу. В той стороне ощущались явственные энергетические возмущения, но всё же оставались шансы проскользнуть мимо террористов и выпрыгнуть наружу. Я вполне мог поступиться принципами и попытаться спастись, так бы, наверное, и поступил, но перестрелка на улице и не думала затихать. А окажусь на открытом пространстве под перекрёстным огнём, и шансов уцелеть не останется вовсе.

Умней показалось не суетиться и для начала оценить ситуацию. Возможно, получится пробиться к своим. А нет — отсижусь в затянутых дымом коридорах. Есть противогаз и оружие, патронов в достатке, мастер-ключ на руках — что ещё надо? Тут не найдут, если только специально облаву не устроят. Тут до прихода подкрепления точно продержусь.

Первым делом я решил разведать обстановку и двинулся по служебным переходам, ориентируясь на отголоски близких пулемётных очередей. Немного поплутал в дыму, затем наткнулся на схему экстренной эвакуации и определился со своим местонахождением, тогда-то и сообразил, что пальба доносится со стороны военной кафедры.

Там — наши! Мне — туда!

От главного корпуса к зданию военной кафедры протянулась крытая галерея, пока пробирался к ней по запутанным переходам — взмок. Впереди кто-то работал с немалыми объёмами сверхсилы и работал,

надо сказать, крайне неряшливо, очень скоро сильнейшие помехи почти полностью забили моё ущербное восприятие. Нагонят — и не почувствую, пока шаровая молния в спину не прилетит!

Шёл, то и дело оглядываясь, потом рискнул и метнулся по коридору к повороту на галерею, а там замер, прижался спиной к стене. Жёлтая пелена больше не пребывала в неподвижности, дым тёк, словно сильнейший сквозняк утягивал его в проход. Но не сквозняк, вовсе нет.

Глянул за угол и обнаружил, что в дальнем конце галереи у вынесенных дверей военной кафедры разместились группа операторов в противогазах. Три террориста удерживали кинетические щиты, ещё один гнал в соседнее здание едкую дымку, одновременно нагревая этот воздушный поток.

Проклятье! Да он же выкуривает защитников!

Внутри время от времени порывивал пулемёт, от дверного проёма во все стороны разлетались обломки кирпича, пули били в пол и рикошетили в операторов, но все до одной моментально теряли скорость, попадая в кинетические экраны. Помимо этого активная перестрелка шла на улице у основного входа в корпус, только вот не приходилось сомневаться, что сопротивление долго не продлится. В таком дыму без противогазов не продержаться.

Я медленно поднял винтовку, вдавил приклад в плечо и прицелился в корпус оператора, работавшего с воздушным потоком. Выстрел раскатисто разнёсся по галерее, но террористов глушил грохот пулемётных очередей, они даже не поняли, откуда прилетела пуля, поразившая их стоявшего поодаль товарища. Тот уже рухнул на пол, когда остальные подались назад и только-только начали оглядываться.

Ручку затвора вверх и на себя! Цанг! Стреляная гильза со звоном угодила в стену, упала и покатилась

по полу. Рукоять затвора от себя и набок!

Со вторым выстрелом я поторопился, но с такого расстояния не промахнулся бы и ребёнок — попал, просто метил в грудь, а угодил в живот. И снова рывки затвора!

Эх, мне бы сейчас пистолет-пулемёт!

Едва успел. Один из уцелевших операторов развернул кинетический экран, прикрыл им себя и подельника, второй вскинул руку. Вот в него-то я и пальнул! Щит оказался не способен полностью погасить энергию тяжёлой винтовочной пули, та пробила его и угодила в террориста, заставила его отшатнуться. Слишком рано сорвавшаяся с руки молния угодила в потолок, а сам оператор пошатнулся и в попытке устоять на ногах сделал пару неуверенных шагов назад. Хлестнула пулемётная очередь, полетели брызги крови, на пол рухнуло чуть ли не разорванное надвое тело.

Последний из выживших запаниковал и бросился на меня. Я спокойно дослал новый патрон, и в тот же миг ощутил приближение сверхэнергетической аномалии. И не спереди, а сбоку! Ясновиденье заставило шагнуть на галерею под прикрытие стены, а миг спустя по коридорчику, где только что стоял, пронёсся кинетический импульс такой силы, что аж штукатурку со стен посрывало!

Меня тоже зацепило и кинуло в сторону прямо в момент выстрела, пуля разминулась с головой оператора, и тот спешно шибанул электрическим разрядом.

«Хана пиджаку...» — тоскливо промелькнула совершенно идиотская мысль, а в следующий миг ослепительный росчерк молнии угодил в ствол винтовки, оружие выбило из рук, чуть указательный палец из сустава предохранительной скобой не вывернуло.

Террорист вновь растопырил пальцы, но дистанция между нами оказалась слишком мала, и я не дал повторить атаку, бросился навстречу и с разбегу пнул в живот. Попутно вцепился в шланг и рывком сдёрнул противогаз, не задержался и не замешкался, помчался дальше, напрямик к спасительной двери.

Увы, насчёт спасительной — это я погорячился. Ошибку осознал, когда из жёлтого марева вынырнул колёсный станок крупнокалиберного пулемёта. Ноги враз стали ватными, да оно и к лучшему — быстрее на пол упал. Зажал уши ладонями, только какой там! По голове словно молотком колотить принялись:

Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

За спиной ухнуло, в галерее разом вынесло остатки стёкол, а сверхэнергетические помехи шибанули раскалённой дробью, едва сознание не потерял. И снова: тук-тук-тук!

Проблеск здравого смысла подсказал стянуть с головы противогаз, пополз дальше, хватая разинутым ртом едкий дым, давясь и корчась от кашля. Перебрался через кровавую лужу, натёкшую из застреленного в спину оператора, к следующему — получившему пулю в живот, а он ещё не окочурился и вцепился в меня, не позволяя отползти.

Если подранок что-то и кричал в своём противогазе — я этого не слышал даже в паузы между грохотом коротких пулемётных очередей. Опять же — плевать! Вытянул из кармана пистолет, большим пальцем оттянул спигу курка, приставил дуло к запотевшему изнутри окуляру и утопил спусковой крючок.

Хлоп! — и свободен!

Но ненадолго: только дополз до выбитых дверей, и меня ухватили, дёрнули по усыпанному раскалёнными гильзами и залитому кровью полу так, что суставы хрустнули.

Зараза!

— Петя?! Цел?!

Я оттолкнул Касатона и прижал к лицу маску противогаза, задышал часто и глубоко, пытаюсь перебороть дурноту. В вестибюле военной кафедры стояла одуряющая жара, а лёгкие горели огнём из-за плававших в воздухе клубов дыма.

Крупнокалиберный пулемёт умолк, кто-то выскочил на галерею, чтобы почти сразу вернуться и кинуть Стройновичу противогаз.

— Держи!

Этим кем-то оказался Вениамин Мельник — узнал его, прежде чем аспирант закрыл лицо резиновой маской. Третий противогаз достался распластавшемуся за пулемётным станком Тарасу, а с последним — щерившимся простреленным окуляром и забрызганным изнутри кровью — Вениамин убежал, враз растворившись в жёлтой дымке.

Я немного отдышался и натянул маску, закрепил её на голове, после пошарил и отыскал выроненный пистолет. Расслабляться не стоило: с того конца галереи доносились явственные энергетические помехи. Едва не прикончившие меня операторы определённо не собирались отступить и готовились к продолжению штурма.

Впрочем, расслабиться и не позволили.

— Ты ведь пулемётчик? — проорал отнявший на миг от лица маску Касатон.

Я кивнул.

— Держи вход!

Он вручил мне РПД и ранец с запасными дисками, а сам на пару с Тарасом покатил станковый пулемёт куда-то к главному входу вслед за убежавшим туда Мельником. И даже не оглянулся удостовериться, что я его понял, будто так и надо.

Впрочем, а чего тут не понять? Либо мы их, либо они нас.

Других вариантов нет.

И я не стал мешкать, выбрался из-под прикрытия стены в проход, схоронился за убитым оператором, распластавшись в луже его крови, установил пулемёт на сошки, вжал в плечо приклад.

Только суньтесь, суки!

И — сунулись. Кого другого могли бы застать врасплох, особенно при столь дерьмовой видимости из-за жёлтого марева и запотевших окуляров противогаза, но только не меня. Пусть и потерял контроль над сверхспособностями, помехи ощущал предельно чётко, поэтому утопил спусковой крючок за миг до того, как в проход шагнул накачанный под завязку сверхсилой оператор. Просто уловил смещение энергетической аномалии, вот и саданул очередью! Сработал на опережение и — попал!

Едва различимую в дыму фигуру сбило с ног, и сразу — грохнуло! Вырвавшаяся из-под контроля энергетическая конструкция сдетонировала, и подельников террориста отшвырнуло от входа в галерею, а дальше надо мной упругой волной прокатился отголосок взрыва, и — тишина.

Точнее — затишье; о тишине не могло быть и речи. У главного входа к ручному пулемёту присоединился крупнокалиберный, его короткие очереди отдавались через пол вполне ощутимыми вибрациями.

Повторить атаку осадившие военную кафедру операторы не решились, вслепую зашвырнули из-за угла несколько шаровых молний, только именно что — вслепую, ни одним из взрывов меня не зацепило. Я немного отполз и замер в ожидании воздействия на гравитацию или давление, но террористы даже запалить тут всё к чертям собачьим не попытались, отошли. По крайней мере, хотелось верить, что они именно отошли, а не задействовали какую-нибудь

продвинутую технику заземления, полностью скрыв от ясновиденья свои потенциалы.

Дальше смолкла пальба и у главного входа, тогда прибежал неопознанный мною тип в противогазе с заклеенным левым окуляром, распластался рядом, похлопал по плечу и махнул рукой куда-то себе за спину: мол, иди!

Я отполз под прикрытие стены, потом только поднялся и поспешил к лестнице. Под той лежали оттащенные с прохода тела — четыре или пять; сколько точно — не разобрал. Просто не стал приглядываться и уж тем более проверять, нет ли среди них знакомых. Поспешил дальше.

За счёт перепада высот галерея из основного корпуса вела непосредственно в вестибюль военной кафедры, а ждали меня на третьем этаже. Чем выше поднимался, тем прохладней становился воздух и тем меньше в нём оставалось жёлтой дымки, но снимать противогаз, пусть в том и было нестерпимо жарко, а стёкла окуляров запотели изнутри, мне нисколько не хотелось.

Прошёлся по коридору, заглядывая в распахнутые двери, отыскал кабинет, где на придвинутом к окну столе — широком и массивном, громоздился крупнокалиберный пулемёт. В углу бубнил в рацию старшекурсник с мокрым платком, сдвинутым с лица на шею, а стоило только кинуть взгляд на улицу, и Вениамин Мельник сделал предостерегающий жест рукой.

— Не подходи! Снайперы! — Толком его слова не расслышал, скорее уж просто угадал.

На улице по земле растекалось жёлтое марево, пятиэтажный корпус, где располагались технические службы, пылал, а откуда-то с противоположной стороны студгородка доносились отзвуки яростной перестрелки. Ещё вразнобой хлопали винтовочные выстрелы со

стороны главного здания. Угодившая в раму пуля с визгом отлетела в дальний угол, шибанула о стену и упала на пол.

Тут меня поманил к себе Касатон Стройнович, и я глазам своим не поверил, углядев у него в руках шприц и стеклянный пузырёк со знакомой оранжевой полоской на этикетке.

Антидот! «УА-32»!

Без лишних понуканий я расстегнул ремень с подсумками и снял изгвазданный пиджак, потом закатал рукав сорочки и позволил воткнуть в вену иглу.

Вот это дело! Теперь бы только продержаться, пока способности вернутся. Дальше будет проще. Дальше мало никому не покажется!

Вопреки душевному подъёму у меня как-то разом кончились силы, уселся в дальний от окна угол. Подумал, не стоит ли спуститься и подстраховать державшего галерею пулемётчика, даже привстал, но тут студент оторвался от радиостанции и начал излагать сводку последних новостей:

— Дирижабль на подлёте, и уже подняты в воздух самолёты. По земле подкрепление прибудет в течение десяти минут. Это комендатура, основные силы корпуса только выдвигаются в город. — Старшекурсник то и дело откашливался и делал долгие паузы, но всякий раз перебарывал себя и продолжал вещать: — Лабораторный корпус держится, их плотно обложили, перейти в контратаку не могут. Из больницы идёт эвакуация персонала и пациентов. В кампусе без изменений, столкновения затихли.

«С кем столкновения?» — хотелось спросить мне, но и не подумал снять противогаз.

Вениамин Мельник пощёлкал пальцами, привлекая к себе внимание, и указал на дверь, но, прежде чем я успел подняться и отправиться на первый этаж, здание ощутимо дрогнуло, а следом докатился грохот далёкого

взрыва, задрезбужали каким-то чудом уцелевшие стёкла. Над крышами корпусов поднялось облако пыли и дыма, кто-то сказал:

— Это у дворца культуры!

И тут же радист встрепенулся:

— Дирижабль над территорией!

Я не удержался и вновь выглянул в окно. На улице задул резкий ветер, жёлтую дымку начало рвать и сносить с открытых мест, а ещё откуда-то сбоку выплыл дирижабль. И сразу долетели стрёкот крупнокалиберных пулемётов и рык авиационных пушек; огонь вёлся по земле.

— Дворец культуры штурмуют сразу с нескольких направлений, основная атака идёт со стороны пятого корпуса, — зачастил вновь нацепивший на голову наушники радист. — Фасад частично обрушился, внутрь...

Хлопка я не услышал, уловил лишь резкий всплеск энергетических помех, оболочку дирижабля разметало резким перепадом давления, и он миг ещё повисел в воздухе, а потом рухнул на землю, упал где-то за корпусами.

Вот дерьмо! Ну как же так?!

Ветер окреп, поднялся сквозняк, желтоватую дымку начало выдувать из комнаты, и радист с блаженным видом привалился спиной к стене, а вот заскочившего в комнату Тараса всего так и трясло.

— Мы должны что-то сделать! — заорал он, стянув противогаз. — Подкрепление успеет только к шапочному разбору! А там — весь преподавательский состав! Вся профессура!

Касатон последовал примеру товарища и резонно заметил:

— Студгородок полностью простреливается из главного корпуса, мы не дойдём!

— Дойдём, если под землёй! — отрезал Вениамин Мельник. — Но без противогазов там делать нечего, выдвинемся вчетвером. Как раз и антидот подействует. Петя, ты с нами или остаёшься?

Что подтолкнуло вызваться добровольцем? Да кто его знает? Приоритеты, наверное. Очень уж серьёзный сдвиг в них сегодня произошёл. Можно даже сказать — кардинальный.

— Иду! — отозвался я. — Вы оружиеку вскрыли? Там что-то есть ещё? Мне бы РПД!

— Вскрыли, да. Оружия больше, чем людей.

Аспиранты втроём стянули неподъёмный станковый пулемёт со стола, и Мельник начал инструктаж:

— Займём позицию в четвёртом корпусе. Нам с Касатоном понадобится время на подготовку. Тарас, вы с Петей нас прикроете. Всё, выдвигаемся!

Я промокнул носовым платком вспотевшее лицо и протёр изнутри окуляры, прежде чем нехотя вернуть на голову противогаз. Оружейная комната располагалась в подвале, там позаимствовал РПД, а ранцем с тремя снаряжёнными дисками меня снабдили аспиранты. Оба трофейных пистолета рассовал по карманам пиджака взамен ненужных больше коробок с винтовочными патронами. Жаль, гранат нет. Действительно — жаль.

Аспиранты кое-как спустили по узенькой лестнице станковый пулемёт, и я двинулся вслед за ними, погрузился с головой в жёлтую хмарь. Аварийное освещение в подземном коридоре не работало, ситуацию спас прихваченный Мельником электрический фонарик. Иначе бы непременно заблудились, поскольку в кромешном мраке ничего не стоило пропустить нужный поворот. И без того поплутать пришлось, но — дошли.

Поднявшись к двери подвала четвёртого корпуса — надеюсь, именно четвёртого! — я на миг замер на месте и сосредоточился на ясновиденье, но близких

энергетических аномалий не уловил и дал отмашку: заходим!

Мой мастер-ключ к этому замку не подошёл, пришлось вламываться. Справились быстро, правда, и нашумели изрядно. У меня аж сердце в лихорадочном стуке зашлось. Но — ничего. Никто не всполошился. Да тут никого и не было. И да — вышли туда, куда нужно, хоть с этим повезло.

Стрелковые позиции мы решили обустроить на цокольном этаже, дабы не надрываться попусту, затаскивая неподъёмный станковый пулемёт вверх по лестничным пролётам. И без того за время блужданий под землёй взмокли.

Окна слесарной мастерской располагались на уровне земли, я без труда разместил ручной пулемёт на широком подоконнике, а вот аспирантам пришлось повозиться, дабы взгромоздить своё крупнокалиберное чудище на передвинутый в нужное место верстак.

По прямой между корпусами было от силы метров пятьдесят, и сплошь — лужайки, дорожки, фонари и лавочки. Кусты и деревья уже дальше, обзор нам они не перекрывали, укрывавшийся от обстрела со стороны дворца культуры противник был как на ладони.

Очевидно, большая часть террористов расположилась непосредственно в пятом корпусе, но и в поле зрения оказалось никак не меньше двух десятков операторов. Они не сидели сложа руки, суетились и что-то согласовывали. Готовились.

Я отчётливо ощущал, как с улицы всё сильнее и явственней расходятся энергетические помехи. Очередной штурм дворца культуры мог начаться буквально в любую минуту, и Тарас нервничал и дёргался, требовательно оглядывался, но Вениамин всякий раз показывал ему кулак.

Сейчас нам ничего не оставалось, кроме как дожидаться возвращения сверхспособностей. Если и

придётся вмешаться раньше, то лишь в самом-самом крайнем случае. Я надеялся, что до этого всё же не дойдёт. Очень уж не хотелось умирать.

Всё на свете проклял, что в эту авантюру ввязался, нервная дрожь так и била. Но страха — нет, страха не было. Он в такую лютую ненависть к этим вырождакам переплавился, что едва зубами не скрежетал.

Я ведь намеревался просто учиться! Просто учиться, а не головой рисковать!

Тем временем стрельба понемногу усилилась и доносилась уже со всех концов студгородка, в неё всё чаще вплетались короткие очереди крупнокалиберных пулемётов и разрывы снарядов, возникла даже надежда, что нам и делать-то ничего не придётся. Именно тогда я и ощутил знакомый холодок.

Ну всё, началось!

Следом проняло и аспирантов, тогда Вениамин с Касатоном оставаться в мастерской не стали, побежали на третий этаж. От нас требовалось дать им время на подготовку энергетической конструкции, просто выгадать несколько минут, и не более того. Вот только ничего простого тут не было.

Понятия не имею, какого рода воздействие намеревались осуществить аспиранты, только их приготовления незамеченными не остались. Оно и немудрено: очень уж ощутимо начала концентрироваться сверхсила всего в полусотне метров от противника. Суммарный выход резонанса пары операторов на пике шестого витка превышал три миллиарда сверхджоулей, и у меня, несмотря на восстановленное и предельно усиленное заземление, возникло ощущение, будто на крышу поместили чушку раскалённого докрасна металла весом в сотню тысяч тонн, а перекрытия уже потрескивают, вот-вот и грянет...

Но не грянуло: террористы разобрались в ситуации и начали действовать, прежде чем Вениамин и Касатон успели довести свою энергетическую конструкцию до ума. Укрывавшиеся от обстрела со стороны дворца культуры на задворках пятого корпуса операторы рванули к нашему зданию все разом, и Тарас не стал мешкать, врезал по ним длинной очередью.

Крупнокалиберные пули принялись рвать тела людей на куски, раскидывать их сломанными куклами, вышибать целые фонтаны крови. У меня — никакой жалости, одна только злая радость.

Получайте, твари!

Я и сам саданул по приснувшим в разные стороны операторам, отсёк их от спасительного дверного приёма, начал выцеливать залёгших в кустах, и тогда Тарас перенёс огонь на окна: во все стороны полетели обломки красного кирпича.

В ответ не прозвучало ни одного выстрела, не прилетело ни одной шаровой молнии, и, сдёрнув опустевший диск, о смене позиции я задумался исключительно в силу привычки. Задумавшись — замешкался, а замешкавшись — уловил волной накатывающее искажение пространства.

— Уходим! — рявкнул я, срываясь с места, но Тарас меня не слышал.

А услышал бы — среагировать уже не успел: основной удар пришёлся именно по его позиции. Стена рядом с пулемётчиком взорвалась крошевом перемолотого кирпича, следом разлетелась на куски кладка соседнего простенка, после — ещё одного! Область воздействия стремительно смещалась в мою сторону и нагнала уже у лестницы: подтолкнула в спину волной сгустившегося воздуха, бросила на ступени и так приложила о краешек одной из них лбом, что аж искры из глаз посыпались.

В следующий миг со страшным грохотом обрушился фасад здания, в воздух взметнулись клубы пыли. Точно задохнулся бы, да спас противогаз. И лестничные пролёты не обвалились, а то...

При одной только мысли о возможных последствиях затошнило, а, быть может, так сказался удар лбом, и я сдёрнул противогаз, скорчился в приступе рвоты. Потом ошалело потряс головой и ухватился за перила, выпрямился и тут же опустился обратно, заполз чуть выше, там и плюхнулся на ступеньку, лишённый всяких сил.

Пыль быстро оседала, да и химического привкуса в воздухе больше не ощущалось, поэтому я избавился от подсумка с помятой фильтрующей коробкой, но подниматься со ступеней не стал, попытался для начала собраться с мыслями.

Что-то было не так, что-то было неправильно.

Попробовал сообразить — что именно, и будто наитие проявилось: как-то разом осознал, что к давящему присутствию чудовищного напряжения энергетической аномалии над головой прибавились искажения, куда более близкие, но на её фоне почти незаметные.

Пожаловали операторы!

Мотнув головой, я резким усилием воли вогнал себя в резонанс, и тут же мотнуло меня самого — только потянуло, и сразу будто шестерня соскользнула, вышибло из транса в один миг. Ещё и перед глазами помутилось, чуть вниз по ступенькам не скатился.

Дело в очередном сотрясении мозга или просто антидот в полной мере подействовать не успел? Вот дерьмо!

Я ухватился за перила и рывком заставил себя подняться на ноги.

Плевать! Шестьсот килоджоулей в противофазе — это совсем немало!

Я — москит! Мне хватит!

И я рванул вверх по лестнице, спеша перехватить террористов, на свою голову — перехватил. Вывалился в вестибюль, а там — пятёрка операторов. Молодые парни рысцой неслись через холл, выскочил прямо на них, а у самого в глазах двоится — ну как тут сверхэнергией управлять?!

Но я попытался. Задействовал технику выдоха и разом выплеснул весь потенциал, а вот толком скрутить воздействие не сумел, и шаровая молния с лёгким хлопком разлетелась ворохом искр. А дальше — сверкнуло!

Операторы были накачаны сверхсилой под завязку, излившийся из меня в пространство сгусток энергии в противофазе не рассеялся впустую, а сверкнул разрядами коротких замыканий! Первых двух террористов раскидало по сторонам, остальные устояли на ногах, но им тоже крепенько досталось, на пару секунд они оказались дезориентированы, и это дало мне драгоценную фору. Потянув в себя сверхсилу, я рванул из боковых карманов пистолеты и открыл стрельбу сразу с двух рук, не целясь. В этом попросту не было нужды: и без того знал, кто где, попал бы даже с закрытыми глазами.

Первая пуля угодила в разинутый в крике рот долговязого молодчика и прошла навылет, выбив мозги. Следом рявкнул ТТ в левой руке, и белобрысый крепыш крутанулся на месте с простреленным плечом.

В сторону! Я качнулся, уходя от безыскусного кинетического импульса, в развороте пальнул в спину пытавшегося подняться с пола щуплого коротышки, и тут же выстрелил в студента, отброшенного хлопком сверхэнергии к конторке вахтёра. Попал в колено, и то подломилось — увы, не добить!

Только останавлиюсь, тут мне и конец! Бежать!

Окутавшись ионным облаком, я направленным импульсом добавил себе ускорения, и сорвавшийся с руки последнего из этой пятёрки искровой разряд прогудел за спиной, мигнул вспышкой в соседнем помещении. Щуплый тип вскинул руку в нелепой попытке защититься от выстрела в лицо, пуля пробила и ладонь, и лоб, а дальше пришлось резко менять направление движения в попытке увернуться от рассеянного теплового излучения.

Почти сумел. Основной выплеск, оставив обугленный след на половицах, прошёл стороной, меня зацепило лишь самым краем, и активное заземление разом обнулило набранный к этому моменту потенциал, зато отделался опалёнными волосами да прожжённой полкой пиджака. Вновь прорезалось ясновиденье, и я сиганул на стену, сделал по ней два быстрых шажка и едва успел соскочить, прежде чем кирпичная кладка взорвалась под напором выброса сверхсилы, разминувшегося со мной лишь на волосок.

В прыжке я крутанул винт и не докрутил, рухнул на спину, перехваченный скачком силы тяжести. Падение отозвалось в спине острой болью, даже позвоночник хрустнул, и посыпались из глаз искры, а следом меня окутало искрами заземление. Молния снесла защиту, но вреда причинить не сумела, и пистолетов я не выронил. Раскинул руки в разные стороны, поймал на прицел пытавшегося заползти за конторку подранка с перебитой ногой и живчика, едва не поджарившего меня искровым разрядом.

Выстрел! Выстрел!

Один уткнулся лицом в пол, другой схватился за простреленный живот, а я уловил всплеск энергетических помех за спиной, крутанулся на месте и с обеих рук расстрелял светловолосого крепыша с обвисшей будто плеть левой рукой. Потратил на него четыре патрона, зато не позволил взорвать перепадом

давления себе лёгкие. И даже так в груди будто шутиха рванула, секунд десять пытался сделать вдох, пока нормально не задышал. Хорошо хоть уже лежал, не пришлось падать.

За это время согнувшийся в три погибели студент с дырой в животе почти доковылял до выхода, и я пальнул ему в затылок. После уселся на полу и, памятуя о наставлениях инструктора по стрелковой подготовке, добил тех, кто нуждался в контроле. Мне тут неожиданности не нужны.

Оба пистолета встали на затворные задержки, и миг я непонимающе глядел на них, затем усилием воли заставил себя разжать пальцы левой руки. ТТ с лязгом упал на пол, рядом клацнул пустой магазин, выскользнувший из рукояти правого.

Я втолкнул на его место запасной, снял пистолет с затворной задержки и поднялся на ноги, но голова сразу пошла кругом, едва устоял.

Плевать! Я — москит! Я — жив, а они — нет!

Неожиданно пропало давящее ощущение неправильности над головой, я кинул быстрый взгляд в окно, и в этот самый миг пятый корпус перестал существовать. В его окнах полыхнуло белым, и не раз, а словно цепная реакция по этажам от оператора к оператору пробежалась, а дальше — рвануло!

Прежде чем докатилась ударная волна, ещё успел заметить, как разлетаются стены и подпрыгивает кровля, а потом мощнейший толчок в грудь отшвырнул к стене, и я сполз по ней на пол. Вставать не стал, завалился в уголок подальше от тел расстрелянных студентов, да так и замер там с пистолетом в руке.

Всё, перегорел. Дальше без меня, дальше сами.

Но нет, конечно же. Это было бы слишком просто.

Эпилог

Чрезвычайное положение в Новинске отменили на третий день, тогда же начался вывод строевых частей корпуса, комендантский час стал действовать лишь в тёмное время суток, было восстановлено железнодорожное и авиационное сообщение. Вот именно последнее обстоятельство и привело меня на заднее откидное сиденье неброской синей малолитражки.

Тогда, три дня назад, к нам в четвёртый корпус так никто и не сунулся, а Вениамин и Касатон, как люди здравомыслящие и бывалые, сами на неприятности нарываться не пожелали. Впрочем, в этом уже не было никакой нужды, да и выглядели они краше в гроб кладут. Уж не знаю, что за воздействие им удалось осуществить, но то буквально выпило из аспирантов все жизненные силы. Я на их фоне выглядел просто живчиком.

После прибытия подкрепления бой не продлился и получаса, но окончательно территорию студгородка зачистили только к вечеру. Количество жертв среди студентов и преподавателей перевалило за сотню, а число госпитализированных я не знал даже приблизительно.

Из моих знакомых, помимо Тараса и нескольких парней с военной кафедры, погибли только Николай и Ребекка. Сунулись с трофейной винтовкой на крышу общежития, там их и накрыл гравитационным воздействием какой-то не в меру умелый оператор.

Надеюсь, сдох в муках, сволочь, если нет — это будет воистину вселенская несправедливость.

Немного утешало лишь то обстоятельство, что Лия с Ингой, несмотря на активное участие в студенческом

отряде самообороны, не заработали ни царапины, а Карл с Яном отделались лёгкой контузией. Вроде бы этим всё и ограничилось, но наверняка сказать ничего не мог, поскольку все эти дни общался исключительно со своими бывшими коллегами, а они не были склонны делиться информацией и лишь спрашивали, спрашивали и спрашивали...

Только вчера под вечер в покое оставили, но там пришёл черёд моих коллег нынешних. Вот и сейчас за рулём автомобиля расположился Альберт Павлович, а на пассажирском сиденье шелестел страницами иностранных газет ещё один консультант кафедры кадровых ресурсов — Иван Богомол.

— Что пишут? — поинтересовался мой куратор, будто это сейчас имело хоть какое-то значение. Впрочем, вполне возможно, что имело. Для него.

— У нас или у них? — уточнил помощник.

— У них.

Ну да — с беснованием отечественной прессы всё было ясно с самого начала: одни издания требовали отставки наблюдательного совета особой научной территории и расформирования ОНКОР, другие метили в коалиционное правительство, третьи призывали запретить и предать анафеме всё и сразу, ну а бульварные газетёнки просто смаковали подробности случившегося. Хватало и тех, кто расценил инцидент провокацией и выступал за прекращение всякого сотрудничества с Третьим Рейхом — экономического и политического. Грызня на политическом олимпе шла страшнейшая, и было решительно непонятно, чем закончится дело.

— Латонская пресса единодушно вещает о восстании доведённых до отчаянья студентов из Оксона и Остериха, — просветил нас Иван. — О нечеловеческих условиях содержания, зверствах восточных варваров и темнице народов пишут не только в странах,

подконтрольных Третьему Рейху, и фашистской Танилии, но и в Айле, Средине, Окресте и Суомландии. Разве что в Лютиерии, насколько могу понять, главенствует заокеанская позиция о необходимости полного запрета использования сверхэнергии.

Восстание студентов! Я едва удержался от плевка, до того перекорёжило всего от бешенства.

Пригрели на груди ядовитых гадин! Взялись оперированию сверхсилой обучать!

— Так называемый фюрер, — продолжил вещать Иван, — заявил о недопустимости контроля Эпицентра неполноценной расой, великий князь Константин призвал к освободительному походу и реставрации монархии, а вообще все ждут скорой расправы над выжившими оксонцами и призывают к полной экономической блокаде.

— Не будет ни суда, ни расправы, — уверенно произнёс Альберт Павлович. — На родину депортируют.

— Чего?! — Меня аж подкинуло от возмущения, чуть головой крышу не помял. — Как депортируют?!

— Поездом, — спокойно ответил куратор. — А что с ними ещё делать? Расстрелять и дать этим кликушам в руки очередной козырь? Или содержать за республиканский счёт?

— Но...

— Петя, им всем мозги наизнанку ментальным воздействием вывернули, — пояснил Иван. — Они — овощи. Личностей больше нет...

По спине от этих слов побежал холодок, но я не удержался и дал выход раздражению:

— Как?! Как можно было проворонить подготовку такой акции?! На пару сотен человек не нашлось ни одного осведомителя?!

Альберт Павлович остался невозмутим.

— Случайных людей среди оксонских студентов не было вовсе: все до единого идейные сторонники

национал-социалистов, у всех на родине остались семьи. Держались обособленно, контролировались присланными инструкторами. В таких условиях агентурную работу вести не так-то и просто. И ты ведь не думаешь, будто против нас играют простофили? Кто-то из осведомителей оказался двойным агентом, кого-то придушили в ночь перед акцией. Мы располагали информацией о планах активистов сковать себя цепями ради поднятия шумихи в прессе непосредственно перед высылкой на родину, но, увы, нам скормили дезинформацию.

— А оружие? А противогазы? Как это всё попало на территорию студгородка? И откуда взялся этот клятый газ?!

— Вот сейчас и узнаем, — улыбнулся Альберт Павлович и взглянул на часы. — Время! — объявил он.

Иван без промедления отложил газеты и первым выбрался из автомобиля в глухой переулочек, там надел шофёрскую фуражку с лакированным козырьком и эмблемой Лиги Наций, оправил форменную тужурку, натянул перчатки.

Мы с Альбертом Павловичем тоже в салоне оставаться не стали. Дошли до перекрёстка, и куратор перебежал на другую сторону пустынного проезда, а я встал рядом с вооружившимся револьвером Иваном. Револьвер был самым обычным семизарядным «Вороном» со смещающимся вперёд непосредственно в момент выстрела барабаном, моё внимание привлёк трубчатый удлинитель ствола. Прежде об устройствах бесшумной стрельбы только слышал.

— Готов? — уточнил Иван.

— Всегда, — ответил я девизом скаутов, и тут послышался шум приближающегося автомобиля.

Чёрный четырехдверный «Адмирал» с хромированной решёткой радиатора, объёмными крыльями, белыми ободьями шин и флажком с

пятиконечной звездой Лиги Наций шёл на хорошей скорости, но это проблемой не стало. На нейтрализацию его кинетической энергии я потратил лишь четверть своего потенциала, да ещё какие-то крохи ушли на подъём задней оси.

Враз потерявший скорость автомобиль замер на перекрёстке, ведущие колёса впустую завертелись в нескольких сантиметрах над землёй. Иван шагнул вперёд и выстрелил через боковое окно с опущенным стеклом в голову шофёра. Альберт Павлович тоже не сплеховал, метнул в сидевшего рядом пассажира призрачный сгусток энергетической конструкции, которую сам некогда окрестил мыслеформой, и его жертва неподвижно замерла на сиденье.

Движок заглох, и я перестал удерживать заднюю часть автомобиля приподнятой, принял вытащенного из-за руля шофёра, отволокл его к подворотне. Иван забрался в салон и сначала немного сдал назад, потом загнал автомобиль в переулок и подбежал ко мне, начал шарить по карманам покойника. Господин представительной наружности на пассажирском сиденье даже не пошевелился, продолжил сидеть и слепо глядеть прямо перед собой.

— Нашёл путевой лист и пропуск? — спросил подоспевший миг спустя Альберт Павлович.

— Да!

— Тогда мы дальше сами!

Иван рванул обратно к автомобилю, и очень скоро шикарный «Адмирал» укатил прочь, а мы с куратором ухватили мертвеца за руки и за ноги и унесли во двор мастерской, бросили его там за какой-то кучей хлама. Альберт Павлович остался избавить труп от бумажника и часов, ну а я вернулся в переулок, вроде как на шухере стоял.

Ещё подумал, что самая короткая дорога далеко не всегда оказывается самой быстрой. По поводу же

соучастия в похищении и убийстве не испытывал ни малейших угрызений совести. Вознамерившийся в срочном порядке вернуться на родину функционер Лиги Наций обладал дипломатическим иммунитетом, и не было решительно никакой возможности официально задержать его, несмотря даже на информацию о причастности к оксонской разведке и участию в планировании и непосредственной подготовке нападения на институт. Именно поэтому он совершенно официально покинет Новинск через контрольно-пропускной пункт и отметится у охраны аэродрома. Кто именно сыграет его роль во время полёта, мне знать не полагалось, а в обязанности Ивана входило получение всех должных отметок на путевом листе, который впоследствии будет обнаружен на теле подвергшегося разбойному нападению шофёра.

— Едем! — распорядился Альберт Павлович, и я переложил кипу иностранных газет с пассажирского сиденья назад, сам уселся рядом с куратором. И — поехали.

На контрольно-пропускном пункте не возникло никаких вопросов: согласно бумагам мы ехали встречать какого-то не слишком значимого чиновника из министерства образования, а что выдвинулись сильно раньше прибытия рейса, так ничего такого тут нет, по нынешним временам вполне разумная предосторожность.

До аэродрома автомобиль не доехал, свернул в лесок примерно на середине пути. Далеко в чащобу по просеке Альберт Павлович углубляться не стал, просто загнал машину за деревья, чтобы не заметил случайный патруль. После стали ждать.

— А он не очнётся раньше времени? — спросил я куратора, невозмутимо мурлыкавшего себе под нос какой-то незамысловатый мотивчик.

— Нет, — коротко ответил тот, выложил из саквояжа на заднее сиденье коробку из нержавеющей стали, раскрыл её и, насадив на шприц иглу, выставил рядом три пузырька с прозрачным содержимым.

Мне стало не по себе.

— Мы что же — прямо здесь допрос проведём?

— Ну не везти же его обратно в город, — фыркнул Альберт Павлович. — Петя, не в моих принципах осложнять себе и другим жизнь совершенно излишними телодвижениями!

— А у него точно нет ментального блока? — забеспокоился я.

— Почему нет? Есть, и не один.

— Но как же тогда?

Альберт Павлович только презрительно фыркнул, вытащил из багажника и поставил рядом с одной из сосен треногу, на которую водрузил электрический фонарь с широченным зеркальным рефлектором.

— Любую защиту можно обойти, было бы желание, доступ к кое-каким специфичным препаратам и необходимые навыки, — заявил он после этого. — Ломать волю и заставлять человека раскрыть свои тайны, равно как и пытаться вытянуть воспоминания из памяти посредством гипноза, — удел дилетантов. Настоящий профессионал действует тоньше. Запрет на разглашение секретной информации никогда не носит безусловный характер, поэтому человек просто должен поверить, будто находится в тех обстоятельствах и общается с теми людьми, в которых и которым может поведать интересующие нас сведения. Это непросто, но и не так сложно, как представляется на первый взгляд.

Впрочем, несмотря на уверенный тон, мой старший товарищ совсем уж невозмутимым вовсе не выглядел. Сначала он ослабил узел галстука, потом избавился от этой буржуазной удавки, снял пиджак и убрал его на заднее сиденье, закатал рукава сорочки.

Ну а мне в рубахе-поло, прогулочных штанах и кедах — нормально.

Летний костюм...

Я передёрнул плечами. Надо изживать из себя эту мещанскую привязанность к вещам! Костюм, конечно, жалко до слёз, но не устраивать же из этого трагедию!

Сам жив и здоров, Лия не пострадала — что ещё нужно?

А деньги заработаю. Уже заработал, можно сказать. Согласуют представление на солдатский крест или нет — ещё непонятно, а вот денежное поощрение от института выплатят с гарантией. Тогда и пошью новый костюм. Наверное.

Несколько раз по дороге проезжали легковые машины, грузовики и телеги, пропылил туда-обратно патрульный вездеход, прошла под прикрытием броневика автоколонна. Потом появился знакомый «Адмирал». Съезжать с дороги Иван не стал, а только мы с Альбертом Павловичем вытащили с заднего сиденья и в четыре руки поволокли к лесу пленника, он тронулся с места, умчался в направлении города.

— Ну-с, приступим! — с едва сдерживаемым возбуждением произнёс мой институтский куратор, избавил приваленного к сосне господина от пиджака, жилетки, галстука и сорочки, следом сделал один за другим сразу три укола. Затем притянул пленника к стволу двумя ремнями: первым обхватил его на уровне груди, вторым зафиксировал голову.

Хрустнув сцепленными пальцами, Альберт Павлович включил установленный на треноге фонарь и немного его поправил, после нацепил себе на голову налобное зеркало и вынул из саквояжа ещё одну коробку из нержавеющей стали, показавшуюся невесте с чего знакомой. Понял, что не ошибся, когда углядел внутри

набор длинных игл для акупунктуры, — ровно такой же, какой был у Лизаветы Наумовны.

Мой куратор взял одну, примерился и воткнул её в шею пленника. Вот тогда-то и зародилось подозрение, что памятное заявление Городца о стряхивании Лизаветой Наумовной пыли с монографии о неотантрических практиках было лишь шуткой, а выпотрошить меня подлец-Друза просил именно с помощью иглотерапии.

Тут Альберт Павлович обернулся и коротко бросил:

— Контролируй обстановку!

— Контролирую, — заявил я в ответ, но нашла коса на камень, и пришлось оставить консультанта наедине с задержанным.

Я перебрался в кусты у обочины, встал так, чтобы одновременно просматривались и дорога, и уходившая вглубь леса просека. Ну в самом деле: а ну как не оператор, а самый обычный человек пожалует? Не избавляться же потом от случайного свидетеля?

Впрочем, это всё были отговорки. Просто меня отодвинули в сторонку, ибо каждому полагается знать лишь то, что ему полагается знать, и не больше.

Умом это прекрасно понимаю, а вот принять не могу. Интересно же!

Впрочем, когда примерно через час Альберт Павлович закончил допрос, держать меня в абсолютном неведении он не стал.

— Пришлось напрячься, но расколол в итоге, — сказал он, вытирая дрожащие пальцы носовым платком. — Наш клиент.

Мысль о том, что могли похитить совершенно постороннего человека, отозвалась тошнотой, да и вид ещё недавно такого лощёного и важного чиновника заставил неуютно поёжиться. Он так и сидел, откинувшись спиной на сосновый ствол, голова склонилась набок, из уголка рта текла тоненькая

струйка слюны, в глазах — пустота. Кожа пестрела многочисленными кровоподтёками, но иглы Альберт Павлович уже убрал.

— Операцию разработал небезызвестный нам Гросс, — сообщил он, складывая треногу. — Увы, личность этого агента идентифицировать не удалось, нет даже словесного описания внешности, только позывной. Оружие и противогазы завезли под видом оборудования через подставного поставщика.

Я нахмурился.

— Все грузы проверяются. Без пособника в службе охраны не обошлось!

Альберт Павлович покачал головой.

— Помнишь странное покушение на Палинского? Это был лишь отвлекающий манёвр, броневиком просто пожертвовали.

Я понимающе присвистнул. Грузовики! Машину профессора расстреляли именно в тот момент, когда в отстойник загнали сразу четыре грузовика! В последовавшей за обстрелом неразберихе их спешно загнали на территорию и сдали с рук на руки заказчикам, но вот о полноценной проверке речи уже не шло. Если только частично проверили, да и то едва ли. Просто не до того было.

— Но те, кто принимал оборудование...

— Разберёмся, — пообещал Альберт Павлович и его мягкое округлое лицо на миг перекосила злая ухмылка. — Ещё есть некий Сомнус. Прошлогодняя акция на лодочной станции была его инициативой, он же принимал непосредственное участие в провокации с нападением на ваш патруль и убийством адъютанта обер-полицмейстера. А вот в броневике его не было совершенно точно, он выходил на связь уже после того инцидента. И вновь никаких намёков на личность.

— Жаль, — скривился я.

— Кроме того, именно Сомнус раздобыл образцы препарата, подавляющего сверхспособности, что позволило отработать технологию перевода активного вещества в газообразную форму.

— Тот Жорж... Вы же не думаете, что это и был Сомнус? И потом — ему продали не больше полусотни пилюль, ведь так?

— Георгий Стрелец — лишь пешка, которой пожертвовали в нужный момент. Я даже не уверен, что подпаивал и насиловал студенток именно он. Что касается сырья для изготовления газа, то непосредственно в ночь перед акцией был разграблен больничный склад. С доступом в химические лаборатории у оксонцев тоже не возникло никаких проблем, остальное ты знаешь. Поначалу пустили чистый газ, бесцветный и почти лишённый вкуса и запаха, затем начали гнать какой-то отравляющий реагент. Хорошо хоть не сумели сотворить что-то действительно убойное, в этом случае жертв было бы несравненно больше.

Я передёрнул плечами.

— И ради чего это всё?

Альберт Павлович раскатал рукава сорочки и поджал губы.

— Возможно, хотели с помощью столь серьёзного инцидента перевести Эпицентр под международный контроль, но, скорее всего, собирались обескровить институт, уничтожив разом весь костяк преподавательского состава. Если бы не усиление режима, им бы это наверняка удалось, а так исполнители подкачали. — Куратор строго глянул на меня. — Учти, Петя: ты схлестнулся с недоучками первого-второго года обучения, других среди иностранных студентов попросту не было. Не в моих принципах умалять чужие достоинства, но пятёрка середнячков-старшекурсников не оставила бы от тебя и

мокрого места. Заруби себе это на носу и не вздумай почивать на лаврах!

Я выставил перед собой раскрытые ладони.

— Альберт Павлович, да я...

Куратор отмахнулся и поднял воротник, начал возиться с галстуком, после надел пиджак.

— Что ещё тебе нужно знать? Пожалуй, это всё. Разве что самоубийцами эти ребята всё же не были, даже несмотря на серьёзную психологическую накачку. Им поставили задачу взять в заложники профессиру и руководство института. Когда досрочное возвращение домой грозит потерей сверхспособностей и отправкой в лагерь для неблагонадёжных, ухватишься и за такой шанс. Ты бы ухватился?

Отвечать на риторический вопрос я не стал, и Альберт Павлович натянул перчатки, после выудил из пиджака нашего пленника пухлый бумажник, достал из него толстенную пачку банкнот. Небрежным движением куратор выкинул часть купюр, и по земле рассыпались фунты, франки и рейхсмарки. От рублей он избавляться не стал, на глазок отсчитал примерно треть и протянул мне.

Я никак не выказал удивления и сунул деньги в карман, а вот когда Альберт Павлович подал мне рукоятку вперёд револьвер, невозмутимость сохранить уже не удалось.

— Зачем это?

Куратор кивнул в сторону задержанного.

— А что с этим выродком делать прикажешь? Так бросить?

Я сглотнул.

— Но нельзя же просто его застрелить!

— Почему нет? — спросил Альберт Павлович, продолжая протягивать оружие. — Это враг, врага надо убивать. На нём точно крови больше, чем на тех пацанах.

— Одно дело — в бою...

— Не имеет значения! Это лишь вопрос целесообразности. Пора взрослеть, Петя. Пора взрослеть.

— Я не могу!

— Вздор! Конечно же можешь! Просто в силу юношеского максимализма считаешь роль палача ниже своего достоинства! Так возьми на себя ответственность, вынеси приговор и приведи его в исполнение! Давай!

Я судорожно сглотнул и замотал головой.

— Пф! — фыркнул куратор, но настаивать на своём не стал, буркнул: — Ну да не в моих принципах ломать людей через колено...

Альберт Павлович развернулся и переложил револьвер в правую руку. Негромко хлопнул выстрел, мотнулась простреленная голова, плеснуло из раны кровью, а затем покойник завалился на бок.

— Целесообразность и не более того, — повторил мой куратор, тщательно протирая оружие носовым платком. — И вот ещё что, Петя: про кадровый голод ты слышан и сам, у нас всё просто: кто не стреляет, тот закапывает. Лопата в багажнике. У тебя час, чтобы тут прибраться. Валюту и документы — сожги. Отсюда ни ногой, заберу на обратном пути.

«Можно подумать, иначе сам бы яму рыть взялся», — мысленно поморщился я, выбрал подходящее место в низинке и принялся штыковой лопатой с коротким и потому не слишком-то удобным черенком подрубать дёрн.

О чём думал, пока возился с неглубокой могилкой?

О приоритетах, разумеется. О своих приоритетах.

Теперь или мы, или нас. Теперь не отсидеться в стороне. Придут и убьют, а кого не убьют — сгноят на каторгах и в лагерях. Пасовать нельзя, надо бить в ответ. Тогда — кровью умоются.

Вот мой приоритет. Вот причина рвать жилы, проламываясь через заложенный инициацией потолок способностей. И я — проломлюсь. А если кто-то вознамерится мне в этом устремлении помешать, приму к руководству наставление Альберта Павловича о целесообразности.

Ям хватит на всех.

Точка!

Послесловие

Эту книгу вы прочли бесплатно благодаря Телеграм каналу [*Red Polar Fox*](#).

Если вам понравилось произведение, вы можете поддержать автора подпиской, наградой или лайком.

Страница книги: [*Негатив \(том II\)*](#)